

1249. д. 24

О

ЗАКОНАХЪ.

ПЛАТОНОВЫ РАЗГОВОРЫ

О

ЗАКОНАХЪ.

Въ 3-хъ томахъ.
К

ПЕРЕВОДЪ В. ОБОЛЕНСКАГО.

сб Греческаго.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1827.

Печаташь позволяешя съ шѣмъ, чтобы по напеча-
таніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены
были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ
сей книги для Цензурнаго Комитета, три для
Департамента Министерства Народнаго Просвѣще-
нія, два экземпляра для Императорской Публичной
Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи
Наукъ. Москва, 1826 года Марша 11 дня. Сію ру-
копись разсматривалъ Ординарный Профессоръ,
Надворный Совѣтникъ *Михаилъ Павловъ*.

ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ВАРВАРЪ ИВАНОВНЪ

ЛАНСКОЙ.

*Еслибъ я зналъ матерей, болѣе и
лучше Васъ занимающихся воспита-
ніемъ дѣтей своихъ, составляющихъ,
по смыслу Платоновыхъ законовъ,
основу Государственнаго благоденст-
вія; — не Вамъ посвятилъ бы я пере-
водъ мой.*

Переводчикъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

РАЗГОВОРЪ ПЕРВЫЙ. 1

Начало законовъ отъ Бога.—Цѣль законовъ миръ.—
Планъ всего законодательства. — Основаніе его
добродѣтель и виды ея: мудрость, справедли-
вость, кропотливость и мужество. — Мужество со-
стоитъ въ сопротивленіи страху а болѣе удо-
вольствіямъ. — Пиршества. — Воспитаніе. —
Способъ узнавать и исправлять характеры въ
пиршествахъ и въ шутиахъ.

РАЗГОВОРЪ ВТОРЫЙ. 48

Продолженіе объ общемъ воспитаніи.— Вліяніе свя-
щенныхъ празднествъ и Музъ на воспитаніе.—
Хороводы.— Изящество формъ и предмета.—
Вредное вліяніе поетовъ, ошдѣляющихъ изящный
образъ отъ изящества предмета. — Кто лучшій
судья изящества? — Три хора Музъ, дѣвской,
юношеской и мужесшвенной. — Одно удоволь-
ствіе не есть признакъ изящества. — Благо-
устроенныя пиршества суть школа умбренности.
— Когда вино полезно и когда запрещается.

РАЗГОВОРЪ ТРЕТИЙ. 88

О началѣ общества и государствъ.— Начало зако-
нодательства.— Союзъ трехъ царствъ Аргосскаго,
Мессинскаго и Лакедемонскаго. — Причины
упадка ихъ. — Монархія Персовъ. — Аѳинская
республика.

РАЗГОВОРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. 135

Сматисшическое обозрѣніе предполагаемаго поселенія. — Опасность ошъ излишняго богатштва. — Худое подражаніе врагамъ въ шомъ, что ошвлекаешъ ошъ добродѣтели. — Свойштва поселенцовъ. — Какой образъ правленія лучше? — Злашмой въкъ Сашурна. — Какое поведеніе пріятно Богу? — Убѣжденіе, важнѣйшая часшь закона. — Двойкой образъ законовъ.

РАЗГОВОРЪ ПЯТЫЙ. 169

Попеченіе о душѣ. — Обязанности къ ближнему и къ самимъ себѣ. — Быгоды благороднѣйшаго образа жизни. — Государшвенное ушройшшо. — Раздѣленіе земли и жилищъ. — Храмы, священныя обряды. — Примѣры Государшвеннаго ушройштва. — Законы прошивъ корышшолобія. — Законы прошивъ бѣдношши и богатштва. — Законы о мѣрахъ и о наукѣ количештва.

РАЗГОВОРЪ ШЕСТЫЙ. 205

О выборѣ власшей. — О выборѣ Архоншовъ. — О выборѣ Военоначалъниковъ. — О выборѣ Таксарховъ рядоначалъниковъ. — О выборѣ Началъниковъ конницы. — О выборѣ Сенаша. — О выборѣ Жрецовъ. — О выборѣ исполковашелей свяшшынн. — О выборѣ хранителелъ священной казны. — О выборѣ Агрономовъ и Филарховъ. — О важности пракшического познанія своей сшраны. — О выборѣ шорговыхъ прішавовъ и сшроителелъ. — О выборѣ началъниковъ музыки и Гимнашники. — О выборѣ началъниковъ хороводовъ. — О выборѣ Попечителелъ воспитанія. — О выборѣ судей. — О выборѣ невѣштъ и жениховъ. — Обя-

занности женських. — О рабахъ. — О устроении обществяныхъ зданій. — О недосмашкахъ въ воспитаніи женскаго пола. — О правильномъ на- правленіи шрехъ главнѣйшихъ побужденій. — О брачныхъ надзирашельницахъ.

РАЗГОВОРЪ СЕДЬМЫЙ. 261

О первомъ пишаніи дѣшей и ученіи. — Объ образѣ жизни дѣшей ошъ шрехъ до шести лѣшъ. — Предразсудокъ будшо правая и лѣвая рука не одного свойства. — Упражненія юношей. — Вліяніе игръ на прочность законовъ. — Творенія поешовъ не должны распросшраняшья въ народѣ безъ одобренія правительсшва. — Превосходсшво Музы сшрогой предъ сладосшрасшвою. — Различіе мужесшвенной и женсшвенной музыки. — Какой образъ жизни лучше для жевцинь. — Расположеніе времени и предметовъ для учащихся. — О комедіи. — О шрагедіи. — О матемашическихъ наукахъ. — О познаніи причинъ и дѣйсшвій, и обращеніи свѣшлѣ. — О ловаѣ (охосѣ).

РАЗГОВОРЪ ОСЬМЫЙ 323

О числѣ празднесшвъ. — Кшо долженъ сочиняшъ похвальныя пѣсни. — Предварительныя упражненія для войны. — Чѣмъ подавляешя любовь къ изящному? — Гимнастическія упражненія. — О сшрогой нравсшвенности юношей и дѣвъ. — Средства продовольсшвія на ошпр. Кришѣ. — О ремесленникахъ. — О вывозѣ и привозѣ шоваровъ.

РАЗГОВОРЪ ДЕВЯТЫЙ 363

О свяшшашсшвъ. — О нарушишеляхъ общесшвеннаго порядка. — О ворахъ. — О пресшупленіяхъ произвольныхъ и непроизвольныхъ. — Объ убивсшвахъ.

РАЗГОВОРЪ ДЕСЯТЫЙ. 415

Доказательство бышя Божя. — Богъ печешся о дѣлахъ человѣческихъ. — Онъ прошивъ правосудя ничѣмъ неумолимъ. — Законы прошивъ нечесшя.

РАЗГОВОРЪ ОДИНАДЦАТЫЙ. 464

Взаимныя отношеня гражданъ. — Какъ поступашь съ найденнымъ сокровищемъ. — О вольноошущенныхъ. — О продажѣ и продающихъ. — Обманъ и лукавство въ шорговлѣ не позволишельны. — Гражданинъ не долженъ занимашься низнимъ промысломъ. — О неусшойкѣ въ приняшой на себя работѣ. — Объ опека и расположеніи умирающихъ къ завѣщаніямъ. — Объ ошлученіи ошъ наслѣдства. — О разводѣ. — О неповиновеніи родителемъ. — Объ ошравѣ и порчѣ. — О храненія сумасшедшихъ. — Всякое злословіе, какъ сумасшесшя, изгоняешся изъ общесшва. — Чему подвергаешся ругашельная комедія сашира и всякая злая насмѣшка? — О нищихъ. — О свидѣшельствѣ. — О ябдишесшвѣ.

РАЗГОВОРЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ. 508

Общесшвенныя обязанности. — О военномъ порядкѣ. — Смощрѣніе за самими начальниками. — Цензоры. — Ошличныя почесши имъ при жизни и по смерши. — О кляшвахъ и присягѣ. — Пушешесшвія. — Поручишельства. — Подаши. — Жершвоприношеня и похороны. — Заключение.

О ЗАКОНАХЪ.

РАЗГОВОРЪ ПЕРВЫЙ

О
ЗАКОНАХЪ.

(Разговаривающія лица: Афинянинъ, *Клиій*
Кришанинъ, *Месилъ* Лакедемонянинъ).

Ае. Законодательство кому приписывается у васъ, Богу, или кому изъ смертныхъ?

Кл. Справедливѣе приписать его Богу: ибо у насъ законодательствъ былъ Зевесъ, у Лакедемонянъ, какъ говорятъ они, Аполлонъ, не правдаль?

Мес. Правда.

Ае. Не по Гомерову ли сказанію говоришь ты, будто Миносъ въ девятый годъ всегда бесѣдовалъ съ ошцомъ своимъ Зевесомъ, и по внушенію его далъ вашему государству законы?

Кл. У насъ такъ говорятъ. Сказываютъ припомъ, что братъ его Радамантъ (вамъ знакомо епо имя) былъ человекъ справедливѣйшій. Мы Крипяне ему приписываемъ сію славу, поелику онъ учредилъ наспоюще правосудіе.

Ае. Знаменишая слава и сыну Зевесову приличная! Поелику вы оба, пы Клиній и пы Мегилъ, воспишаны въ споль просвѣщенныхъ, благоуспроенныхъ государспвахъ, шо я желаю побесѣдовать съ вами о правленіи и законахъ; такимъ образомъ занявъ свое вниманіе, съ удовольспвіемъ совершимъ пущь свой. Дорога же опъ Кносса въ пещеру и ко храму Юпиперову, какъ слышно, весьма пріятна. Въ наспоюще знойные дни пущешеспвенникъ найдеть опдохновеніе подъ тѣнію высокыхъ деревъ; въ наши лѣша полезно иногда успокоиться и сладкою бесѣдою облегчить свое пущешеспвіе.

Кл. Испши, любезный иноземецъ, мы будемъ проходить чрезъ кипарисныя роци; шамъ есть прекрасныя, высокія, удивительныя дерева; есть прелесшныя долины; шамъ въ пріятномъ досугѣ мы будемъ бесѣдовать.

Ае. Дѣло говоришь.

Кл. Конечно дѣло. Еще болѣе скажемъ, когда сами увидимъ. Но въ доброй часъ, пойдемъ.

Ае. Быть шамъ. Теперь скажи мнѣ, для чего у насъ закономъ учреждены общіе сполы, гимнаспика и вооруженіе?

Кл. Почтенный иноземецъ, всякому легко
 поняшь усройство нашего государства. Вы
 знаете положеніе земли Кришской; знаете,
 что она совсѣмъ не походитъ на долины Тес-
 салійскія. Опъ того шамъ ѣздящъ на коняхъ,
 мы ходимъ пѣшіе. Наша спрана неровна и
 болѣе удобна для шрудолубія пѣшихъ. Здѣсь
 необходимосшь шребуешъ упошребляшъ ору-
 жія легкія, копорья бы не обременяли бѣгу-
 щаго. Для сего полезна легкосшь лука и
 спрѣль. У насъ все принаровлено къ войнѣ.
 Законодатель, какъ мнѣ кажешся, во всѣхъ
 своихъ учрежденіяхъ имѣлъ шолько сію цѣль.
 Для сего учредилъ онъ общіе сполы, видя
 имено, что во время войны и походовъ къ
 соблюденію карауловъ всѣ должны ѣспѣ вмѣ-
 спѣ. Кажешся онъ зналъ невѣжесшво пѣхъ,
 кои не примѣчаютъ, что всякое государсшво
 ведешъ вѣчную, непримиримую войну про-
 тивъ прочихъ государсшвъ. Если во время
 войны, для соблюденія спражи, необходимы
 общіе сполы; если шогда начальники и воины
 должны бышъ вооружены для общей безопа-
 носши: шо и въ мирное время пѣже мѣры
 должны бышъ соблюдаемы. То, что большая
 часшь называетъ миромъ, ешь шолько одно
 названіе; въ самомъ же дѣлѣ всякое госуда-
 рсшво, безъ явнаго объявленія войны, по свойсш-
 ву своего усройенія, противъ всѣхъ окружаю-
 щихъ его всегда находшся въ непріязненномъ
 положеніи. Разсмашривая съ сей шочки, шы

найдешь, что законодатель Крипа установил все законы, как общие так и частные, только относительно к войнам. Повелевая соблюдать эти законы, он хотел нам показать, что все богатства, все художественные произведения и прочие блага принадлежат только победителю на войнах, и все блага победжденных переходят в руки победжающих.

Ае. Ты, кажешься, хорошо упражнялся в познании законов Крипа: скажи мне яснее: определяя благоустроенное государство, ты говоришь, что оно состоит в том, чтобы иметь преимущество на войнах над всеми прочими государствами. Не так ли?

Кл. Точно так. Думаю, что и сей Лакедемонянин согласен со мною.

Мег. Лакедемонянин может ли говорить иначе?

Ае. Отношение к себе принадлежит ли только городу против других городов, а для селений есть другое?

Кл. Другого нет отношения.

Ае. Но одно и то же?

Кл. Да.

Ае. Как же? И дом к дому в одном селении, и один человек к другому имеют то же отношение?

Кл. То же.

Аѳ. А прошивъ себя самого надлежитъ ли послушать какъ прошивъ врага своего, или какъ иначе?

Кл. Любезный Аѳинянинъ, я бы обидѣлъ тебя, назвавъ Апшическимъ; ты по моему мнѣнію болѣе достоинъ называешься именемъ своего Бога-Аѳины; ты довелъ наше слово до самого начала его и сдѣлалъ его яснѣе. Теперь совершенно оказалась справедливостъ словъ моихъ, что всякой естъ врагъ всѣмъ, и какъ вообще, такъ и въ частности всякой естъ врагъ самъ себѣ.

Аѳ. Что сказалъ ты, мужъ почтенный?

Кл. И по тому то, иноземецъ, побѣдишь самого себя естъ первая и знаменишѣйшая побѣда, и напрошивъ всего хуже и послѣднѣе бышь побѣжденнымъ отъ самого себя, а сіе предполагаетъ, что всякой изъ насъ ведетъ войну прошивъ самого себя.

Аѳ. Возмемъ слово сіе обратно: такъ какъ всякой изъ насъ или побѣждаетъ самого себя, или побѣждается самимъ собою; то можно сказать, что и домъ, и селеніе, и городъ испытываютъ на себѣ тоже, или нѣтъ?

Кл. Что одинъ побѣждаетъ самого себя, а другой побѣждается?

Аѳ. Да.

Кл. И сей вопросъ твой хорошъ. Безъ сомнѣнія и государство испытываетъ тоже и еще болѣе. О тѣхъ государсвахъ, гдѣ опличивѣйшіе побѣждаютъ чернь и слѣдова-

шельно людей худшихъ, справедливо можно сказать, что онѣ побѣждаютъ самихъ себя; и такая побѣда справедливо должна прославлять ихъ; и напрошивъ гдѣ производилъ прошивное сему. . . .

Аѳ. Не спанемъ изслѣдовавъ, худшее порожествуетъ ли когда надъ лучшимъ. Сіе завело бы насъ слишкомъ далеко. Но ты сказалъ также, что иногда граждане—сыны одного опечесства—состоявъ болѣе изъ людей беззаконныхъ, кои поработаютъ подъ насильство свое справедливыхъ, но малочисленныхъ; и ежели они владычествуютъ, то справедливо можно сказать, что государство побѣждается само собою и дѣлается худымъ; а гдѣ злые поработены, тамъ государство порожествуетъ и дѣлается хорошимъ.

Кл. Сначала спранны слова сія. Но должно съ ними согласиться.

Аѳ. Разберемъ сіе подробнѣе. Возьмемъ многихъ братьевъ—сыновъ одного отца и одной матери. Не удивительно, что большая часть изъ нихъ несправедливы, и самая малая справедливыхъ.

Кл. Очень удивительно.

Аѳ. Для меня и для васъ излишнее дѣло доказывать, что весь домъ и все родство несчастны, если преодолеваютъ злые; и счастливы, если сія преодолеваются. Мы разсмащиваемъ сіе слово не по красотѣ и

приличію выражений, но по почтоспи или неправильноспи опносипельно къ смыслу законовъ, вникая въ самую ихъ сущносшь.

Кл. Весьма справедливо говоришь шы, иноземецѣ.

Мег. И мнѣ кажешся шакже.

Аѳ. Разсмошримъ дѣлѣ. Пущь будешъ у сихъ брашьевъ кшо нибудь судьюю.

Кл. Положимъ шакъ.

Аѳ. Тотъ ли судья лучше, кошорый испребилъ бы злыхъ и приказалъ бы добрымъ управляшь самимъ собою? Или шотъ, кошорый, поручая правленіе добрымъ, оспавилъ бы жишь и худыхъ, принудивъ ихъ добровольно покорилъся власпи первыхъ? Трешьяго судью назовемъ по добротѣ его, кошорый зная, чшо ссорящіеся сущь кровные братья, никого не спалъ бы умерщвляшь, но прекратилъ бы на будущее время ихъ ссору, давъ имъ законы, и сдѣлалъ бы ихъ друзьями между собою.

Кл. Несравненно лучше послѣдній судья-законодашель.

Аѳ. Но сей законодашель основалъ бы законы свои не на войнѣ, но напрошивъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Успрояющій государство сѣ чѣмъ болѣе соображешся, сѣ войною ли, кошорую предусмашриваешъ извнѣ, или сѣ шюю, кошорая какъ возмущеніе возникаешъ внушри самага государствва, опъ кошорой всякой

желаешъ и молишъ избавленія своему опечесъву, и не чаешъ конца ея, какъ скоро она возникаетъ?

Кл. Безъ сомнѣнїя онъ болѣе обращаетъ свое вниманіе на войну послѣднюю.

Аѳ. Чего скорѣе можно желашъ, шого ли, чшобъ возмущеніе замолкло съ погибелью однихъ, и чшобъ другіе воспоржешествовали, или чшобъ дружество и щипина воспановились всеобщимъ примиреніемъ, дабы послѣ шого обратишъ прощивъ внѣшняго врага соединенныя силы?

Кл. Скорѣе пожелаешъ всякой опечесъву своему послѣдняго, нежели перваго.

Аѳ. Слѣдовашельно и законодашель равнымъ образомъ.

Кл. Не иначе.

Аѳ. А лучший конецъ ешъ не война, и не возмущеніе: дай Богъ никогда въ нихъ не нуждашъся; но миръ и всеобщее согласіе. Побѣда одной часши государсшва надъ другою не показывашъ его благососшояніе, но его нужду. Чшо, еслибъ кшо болѣзненное шѣло, пользуемое пособїями врачешсшва, почишалъ самымъ здоровымъ, и не обращалъ бы вниманїя на шо сосшояніе его, въ коемъ оно не имѣетъ нужды въ сихъ пособїяхъ? Равнымъ образомъ и шшбъ никогда не будешъ мудрымъ градоправителемъ, кшо, ушпрояя благососшояніе государсшва или часшнаго человекъ, все ошносишъ шолько къ

войнѣ; не будемъ мудрымъ законодапелемъ и пошѣ, ишо предписываешѣ не войну для мира, но миръ для войны.

Кл. Не могу не ошдашѣ справедливоспи словамъ швоимъ; но удивляюсь, почему сіе не было главною цѣлю въ законахъ Лакедемона и нашихъ?

Ас. Ты слишкоомъ поспѣшенъ; не горячась мы должны продолжашѣ свою бесѣду; будемъ вопрошашѣ спокойно другъ друга, какъ бы спремься въ шой же цѣли, какую имѣли первые законодапели; слушайше меня со вниманіемъ. Приведемъ здѣсь поеша Тиршей, родомъ Аѣинянина, но получившаго въ Лакедемонѣ право граждансшва. Онъ болѣе всѣхъ имѣя въ виду цѣль сію, шакъ говоритъ: Я избъ памяши ишпреблю, и словомъ не почшу мужа на войнѣ малодушнаго, сколько бы онъ ни былъ богашъ, каковы бы ни были прочія его досшoinsшва, въ изчисленіи кошорыхъ Поѣшъ почши перяешся. Вѣрно шы, Клиній, слышалъ пѣсни его, вѣрно сей Мегиллъ пресыщенъ ими?

Мег. Точно шакъ.

Кл. И до насъ онъ дошли избъ Лакедемона.

Ас. Теперь всѣ вмѣстѣ воспросимъ шакъ сего Поѣша: Тиршей, божешвенный Поѣшъ, коего шаланшы и высокія чувшвованія шакъ ясно обнаруживающся въ похвалахъ швоихъ опшачившимся на войнѣ: мы во всемъ согласны съ шобою, какъ я, шакъ и сей Клиній

Кносскій, но'желаемъ знатьъ почто, однихъ ли мужей разумѣемъ съ побою? Скажи намъ, два ли рода войны ты принимаешь, какъ мы, или нѣтъ? Тытъ не нужно имѣть ума Тиршеева, дабы сказаць испину, что два рода войны: одна, копорую мы назвали возмущеніемъ; война самая ужасная; другая пропивъ враговъ виѣшнихъ иноплеменныхъ, копорая не имѣетъ жестокостей первой.

Кл. Положимъ такъ.

Аѳ. И такъ какую войну, и какихъ мужей ты разумѣешь, когда однихъ сполько перевозносишь, а другихъ такъ порицаешь? Какъ кажешся, ты разумѣешь здѣсь войну пропивъ враговъ виѣшнихъ. Въ пѣсняхъ своихъ ты говоришь, что никакъ не можешь пернѣть шѣхъ, кои не смѣютъ сморѣть на кровопролитную сѣчу и препещутъ отъ близости враговъ; шеперь мы смѣло можемъ сказаць, что ты, Тирпей, хвалишь героевъ опличающихся на войнѣ пропивъ виѣшнихъ враговъ. Долженъ ли онъ на сіе согласишься?

Кл. Почему нѣтъ?

Аѳ. Если сіи герои опличаются доблестію; то можемъ сказаць: чѣмъ важнѣе и ужаснѣе сраженіе, шѣмъ превосходнѣе опличившіеся на немъ. Мы имѣемъ себѣ свидѣтеля въ Ѳеогнисѣ, гражданинѣ Сицилійскаго города Мегарѣ. Онъ говоришь, что въ жесточайшемъ междоусобіи мужъ вѣрный достоинъ бытъ искупленъ серебромъ и золопомъ. И такъ

я утверждаю, что герой оплотившійся въ сей опаснѣйшей войнѣ шѣмъ превосходнѣе перваго, чѣмъ превосходнѣе въ семъ случаѣ правосудіе, умѣренность, благоразуміе соединенныя съ мужествомъ. Безъ совершенной добродѣтели нельзя быть твердымъ, непоколебимымъ во время возмущенія. Изъ наемниковъ также премногіе, говоритъ Тиршей, отважно идущъ впередъ, сражаются, ищущъ въ бою смерти; они же по большой части, исключая весьма не многихъ, бываютъ дерзки, несправедливы, беззаконны и люди самые безумные. Но къ чему клонится слово сіе? Что хочешь объяснить вамъ посредствомъ его вамъ собесѣдникъ? Очень ясно, что всякой законодатель, и Богомъ посланный, какъ въ семъ городѣ, и хотя нѣсколько опытный въ государственномъ устройствѣ, издавая законы, болѣе всего имѣетъ въ виду высшую добродѣтель, которую Феогнисъ называетъ вѣрностію непоколебимою въ величайшихъ опасностяхъ, и которая можетъ назваться высочайшею справедливостію. Та же, которую хвалитъ Тиршей, хотя прекрасна и достойно прославляется Поэтомъ, но по сущности своей справедливо полагается послѣднею изъ четырехъ важнѣйшихъ добродѣтелей.

Кл. И такъ, иноземецъ, мы должны поспавить своего Миноса въ послѣднемъ разрядѣ законодателей?

А. Совсѣмъ нѣшъ, ¹ почтенный мужъ; не его, но сами себя мы унижаемъ, если думаемъ, что Ливурѣ въ Ланедемонѣ и онъ въ Кноссѣ учредили свои законы только опно-сительно къ войнѣ.

Кл. Что жъ сказать о Миносѣ ?

А. Такъ, какъ испина и справедливость пребуешъ говоришь о божественномъ законодатель: что онъ далъ законы не въ опно-шеніи только къ нѣкошорой части добродѣ-тели, и части самой маловажной, но въ опно-шеніи къ цѣлой добродѣтели, раздѣливъ ее по роду и по видамъ; не шакъ какъ дѣлаюшъ нынѣшніе законодатели, кои занимающа только шѣмъ, чего пребуешъ насшоящая нужда; одинъ изъ нихъ пишешъ о наслѣд-ствѣ, о переходѣ имѣнія, другой о дѣлахъ уголовныхъ; иные принимающа за иныя безчисленныя дѣла. Но я называю правиль-нымъ изслѣдованіемъ шакое, какое мы те-перь себѣ предположили. Я хвалю швой спо-собъ изложенія законовъ швоего опечешва: именно должно начашъ съ добродѣтели и сказать, что Миносѣ имѣлъ ее цѣлю въ своихъ законахъ; одного только не одобряю, что шы ограничилъ ихъ одною частію добродѣтелей, и частію маловажной. Вопъ что вовлекло меня въ сей споръ съ тобою. Угод-но ли послушашъ, какаго обьясненія я же-лаалъ бы опъ себя ?

Кл. Съ удовольствіемъ.

Аб. Надлежало бы сказашь, иноземецѣ, что законы Кришннѣ ненапрасно сполько прославляюся. Они доспигаюшѣ своей цѣли, дѣлаюшѣ щаспливыми всѣхѣ живущихѣ подѣ ихѣ зашпшою, и доспавляюшѣ имѣ всѣ блага— блага двойшвенныя: однѣ божескія, другія чловѣческія. Божескія сущѣ основаніе всѣмѣ прочимѣ; государспво обладающее ими безѣ сомнѣннѣ владѣешѣ и меньшими, и безѣ нихѣ не можешѣ имѣшѣ ничего добраго. Меньшія блага сущѣ здоровье, красота, сила, быспроша вѣ бѣганнѣ и во всѣхѣ прочихѣ шѣлесныхѣ движеннѣхѣ, и богашспво не слѣпое, но оспрымѣ зрѣннѣмѣ одаренное и благоразумнѣмѣ сопровождаемое. Мудроспѣ еспѣ первое благо божеспвенное, вшорое послѣ ея еспѣ чнспное расположеннѣ души — умѣренностпѣ; изѣ соединеннѣ снхѣ благѣ сѣ мужеспвомѣ рождаешѣ правосуднѣе и чешвершое благо — мужеспво. Снѣ блага сама природа опшпчаешѣ онѣ первымѣ; законодашѣль должнѣ спавншѣ ихѣ вѣ шакомѣ же порядкѣ, и пошомѣ давашѣ законы, кошорые бы могли доспавншѣ гражданамѣ обладаннѣ шѣми и другнми благами, но шакѣ, чтошѣ чловѣческія были подчннены божеспвеннымѣ, а божеспвенныя всеобщему разуму.

Вѣ шакомѣ же порядкѣ онѣ должнѣ говорншѣ о брачныхѣ союзехѣ, о рожденнѣе и воспитаннѣе дѣшпей, какѣ мужескаго шакѣ и женскаго пола; должнѣ показашѣ и юношамѣ и

преклоннымъ къ спаросши, все что достойно похвалы или порицанія; слѣдишь и проника-пельнымъ окомъ назираешь ихъ горести, удо-вольствія и неумѣренныя желанія, предусма-приваешь, упреждаешь всѣ порывы склонно-стей, и самымъ закономъ хорошее одобряешь и худое порицаешь; въ гнѣвѣ, въ страхѣ, во всѣхъ возмущеніяхъ души или ошъ нещастія про-изходящихъ, или щастіемъ возбуждаемыхъ, во всѣхъ обшояшельствахъ, коими сопро-вождающся для людей болѣзнь, война, бѣд-ность и прошивное симъ, во всѣхъ душевныхъ расположеніяхъ, законодапель долженъ на-учаешь, показаешь, опредѣлишь, что хорошо, что худо; далѣе бдительной взоръ его дол-женъ бышь обращенъ на спяжанія и издержки гражданъ и опредѣлишь щочную мѣру по-му и другому, на взаимныя ихъ опношенія между собою, на связи и разрывы доброволь-но и прошивъ воли дѣлаемые, и вникнушь, избыщочествуетъ ли въ нихъ или оскудѣ-ваетъ справедливосшь, или несправедливосшь; повинующимся закону онъ долженъ возда-вать щесшь, а неповинующимся наказаніе, и въ довершеніе всѣхъ частей законодатель-ства, долженъ опредѣлишь, какимъ образомъ совершаешь погребеніе каждому изъ умер-шихъ, и какія воздавать почесши. Издавъ законы, онъ долженъ дашь имъ вѣрныхъ блю-щипшелей, однихъ, избирая по ихъ мудрости, другихъ по испытанной любви къ истинѣ,

пакъ чшобъ все государспвенное устроисво ограждалось и сохранялось не богатспвомъ и честполюбиѣмъ, но непорочностію и правосудіѣмъ. Почщенные иноземцы, я желалъ и шеперь желаю вамъ, чшобъ вы разсуждали о законахъ Миноса и Ликурга, приписываемыхъ Зевесу и Аполлону, пакъ, чшо въ нихъ все сіе находишся, все расположено порядкомъ и опкрыто шолько шѣмъ, кои учениѣмъ или упражненіѣмъ искусились въ законахъ, а для насъ прочихъ сокрыто.

Кл. Какимъ же образомъ, иноземецъ, надлежишъ говоришъ далѣ сего?

Аѳ. Мнѣ кажешся, опяшъ должно разсмотрѣшъ всѣ виды мужеспва; опшолъ перейдемъ къ другому, шрешьему роду добродѣтели, если угодно. Сказавши о первой, по шому же примѣру будемъ говоришъ и о прочихъ, и шакимъ образомъ непримѣшно сократимъ пущъ свой. Наконецъ будемъ разсуждашъ о цѣлой добродѣтели и обьясимъ, если Богъ поможешъ, чшо въ ней должно сосредошочишся все, чшо мы сказали.

Кл. Хорошо. Но напередъ постарайся дашъ свой судъ о нашемъ законодашелѣ, копорый говорилъ во славу Зевеса.

Аѳ. Постараюсь; между шѣмъ мы и сами другъ друга посудимъ: ибо разговоръ общій. Ошвѣчайте: вы сказали, чшо вашъ законодашель учредилъ общіе сполы и гимнаспку для войны.

Кл. Точно такъ.

Ав. А что прешье и чешвершое? Ибо говоря о добродѣтели, можешъ быть надобно изчислять всѣ часпи ея; дайше имъ названіе, какое хопите, полько бы выражало оно то, что я подв онымъ разумью.

Мег. Въ прешьихъ, охопно скажу, и всякой Лакедемонянинъ скажешъ поже: онъ успановилъ охощу.

Ав. Поспараемъ, если можно, назвашъ чешвершый и пяшый видъ.

Мег. Я берусь назвашъ чешвершый: ешо ешь шерпѣніе въ болѣзняхъ, свойспвенное болѣе намъ Лакедемонянамъ. Мы оказываемъ его въ кулачномъ бою и въ нѣкошорыхъ хищеніяхъ, въ кошорыхъ часшо доспаешся шерпѣшь жестокіе побои; у насъ ешь *скрытность*, кошорая чрезвычайно причаешъ душу къ шерпѣнію; ешь обычай, зимою ходишь безъ обуви, спашъ безъ одра, исправляшь собспвенныя свои дѣла безъ прислуги, день и ночь проводишь въ спранспвованіяхъ. Въ самыхъ поржешспвенныхъ играхъ должно борощься съ удушительнымъ зноемъ: но упражненія шерпѣнія такъ многочисленны, что и пересказашь не можно.

Ав. Хорошо ты говоришь, Лакедемонянинъ. Ишакъ мы назовемъ мужеспво проспо сопротивленіемъ спрашу и огорченіямъ. Или оно также должно преодѣвашъ спраспи, удовольствія и опасную лешъ, кошорая из-

нѣживаешь сердца людей опличныхъ и дѣлаешь ихъ, подобно восковымъ, ко всему прелонными.

Мее. Оно должно прошивоспомяшь всему ешому, какъ я думаю.

Ае. Припомнимъ здѣсь прежнія слова: Клиний сказалъ, что Государство, равно какъ частный человекъ, иногда побѣждающся отъ самихъ себя; не такъ ли жила Кносскій?

Кл. Точно такъ.

Ае. Ного же мы назовемъ худшимъ, горестию ли побѣждаемого или удовольствіями?

Кл. По моему мнѣнію пошъ хуже, кшо побѣждается удовольствіями. И всѣ вообще говоряшъ, что побѣждаемый удовольствіями поспыдише унижается, нежели пошъ, кшо уступаетъ горести.

Ае. Но развѣ ваши законодапели, Зевесовъ и Пиеійскій въ законахъ своихъ успановили хромое мужество, кошорое твердо держишся шолько съ лѣвой спороны, а съ правой прямо падаешь къ обману и обольщенію? Или непоколебимое ни съ шой, ни съ другой спороны?

Кл. Я думаю онъ предписалъ мужество ни съ кошорой спороны непоколебимое.

Ае. Вы говорили о успановленіяхъ, кошоры вамъ не шолько не позволяютъ убѣгать горестей, но заспавляютъ бороться съ ними, въ надеждѣ на почести и подѣ страхомъ наказанія; посмошримъ шеперь,

есть ли въ вашихъ Государствахъ поспановленія, копорья научали бы побждашь удовольствіе, не бѣгая его, но въ самомъ наслажденіи. Скажите, какіе законы засшавляюшь у васъ бышь мужеспвенными прошивъ необузданныхъ спрасшей и прошивъ огорченій, побждашь по, что должно бышь побждаемо, не уступаая врагамъ близкимъ и самымъ опаснымъ.

Мег. Иноземець, я могу привеспи многія успановленія прошивъ гореспей; но прошивъ удовольствій я не могу предсшавишь никанихъ законовъ, разумѣшя важныхъ; можетъ бышь есть нѣкопорые, но самыя маловажныя.

Кл. Признаюсь, едва ли могу найпи что либо подобное и въ законахъ Криша.

Аѳ. Добрѣйшіе изъ иноземцевъ! ешо совсѣмъ не удивляешъ меня; будемъ всегда шакъ проспосердечны, и не спанемъ сердишся другъ на друга, если кто изъ насъ, желая отккрышь истину и пользу, найдешъ въ опечеспвенныхъ законахъ что либо досшойное порицанія.

Кл. Сіе пребование справедливо, Аѳинянинъ; мы согласны.

Аѳ. Тѣмъ болѣе, Клиній, что въ наши лѣша неприлично сердишся.

Кл. Да, неприлично.

Аѳ. Здѣсь не мѣшо говоришь, справедливо или несправедливо порицается правле-

ніе Лакедемона и Крипа. Миѣ легче сказати, нежели вамъ, что говорятъ о семъ другіе народы. Въ самомъ дѣлѣ, сколь не мудры прочіе ваши законы, но одинъ изъ нихъ превосходитъ всѣхъ, который не позволяеть никому изъ молодыхъ людей изслѣдовать, какой законъ хорошъ или худъ, и заставляеть единодушно и едиными устами всѣхъ согласиться, что всѣ законы, какъ установленные самими Богами, справедливы, и не слушать никого, кто спалъ бы говорить иначе. Только мужи, мудростию и лѣтами отличные, имѣють право предсавить Архонту свои замѣчанія, если откроютъ въ законахъ какіе либо недоспажки, но предсавишь безъ молодыхъ свидѣтелей.

Кл. Ты справедливо говоришь, какъ оркулъ, знающій все, что дѣлается вдали отъ него, — ты совершенно угадалъ намѣреніе законодателя въ разсужденіи сего закона; слова твои совершенно истинны.

Ал. И такъ мы не сдѣлаемъ пресупленія, если вдали отъ юности и сами по старости своей пользуясь позволеніемъ самаго законодателя, наединѣ между собою будемъ разсуждать о законахъ.

Кл. Точно такъ. Но не будь слишкомъ снисходителенъ къ нашимъ законамъ. Кто спанеть обижаться настоящимъ мнѣніемъ о недоспажкахъ какой либо вещи? Напрощивъ таковой судъ ведетъ къ исправленію

того, хто безв ненависпи, св добрымв рас-
положеніемв его принимаешв.

Аѳ. Хорошо. Впрочемв я не могу пори-
цашь законовв , не вникнувв напередв вв
силу ихв , и об робостію кв сему при-
сшупаю. Между всѣми Еллинами и варва-
рами, полько у васв, какв извѣспно, законо-
дашель предписавв воздерживашься опв
чрезмѣрныхв удовольствій. По его же мнѣ-
нію, какв мы прежде замѣспили, человекв,
опв самага дѣшспва совершенно незнако-
мой ни св какими прудами , опасносшями и
огорченіями , при первой необходимости
долженв усшупишь мужу искусившемуся, и
поработишься ему; шакимв же образомв над-
лежало бы ему разсшудашь и обв удоволь-
ствіяхв, чшо граждане, не познавши ихв во
всю жизнь, не будущв знашь необходимо-
спи воздержанія и презрѣнія кв дѣламв по-
спыднымв; они испшпающв одну учашь св
шѣми, коихв преодолѣваешв несчасшіе и
спрахв, и можешв бышь поработвспвующв
людямв порочнымв, но знающимв умѣрен-
носшь, и вв наслажденіяш собою владѣю-
щимв; но поработвспвующв посшпиднѣй-
шимв образомв. Душа ихв св одной споро-
ны свободная, здѣсь будешв спрадашь подв
игомв жестюнаго рабспва; они не досшой-
ны будущв называшься истинно мужесп-
венными и свободными. Разсшоприше, осно-
вашельно ли сіе мною сказано?

Кл. Кажешся основательно въ по время, какъ шебя олушаешъ. Но дѣшямъ, или безумнымъ прилично легко вѣришь въ споль важномъ дѣлѣ.

Ае. Продолжая начашое разсужденіе если мы перейдемъ опъ мужества къ воздержанію, по найдемъ въ вашихъ благоустроенныхъ Государствахъ въ семъ опношеніи лучшія поспановленія, нежели какія бывающъ въ шѣхъ, кои управляющъ на удачу. Будемъ слѣдовать при семъ шому же раздѣленію, какъ раздѣляли мы войну.

Мег. Сіе не легко одѣлашь.

Кл. Общіе сполы и гимнастика, кажешся, весьма способны къ шому, чтообъ внушащъ вмѣстѣ и мужество и умѣренность.

Ае. Безъ сомнѣнія, иноземцы, шрудно говоришь о законахъ, и согласовашь ихъ съ самымъ опышомъ. И здѣсь, вакъ въ шѣлѣ челоувѣческомъ не возможно найти шакаго врачевства, которое бы по обстоятельствамъ не могло бышь и вреднымъ и полезнымъ. Сіи же общіе сполы и гимнастика шеперь сполько полезные, иногда бывающъ средствомъ къ возмущенію. Милешяне, Віопійцы и Турійцы служащъ сему примѣромъ. Сіе древнее поспановленіе извращаетъ законы, кои разумъ и сама природа ушановила въ удовольствіяхъ любви не сполько для людей, но и для скоповъ. Особенно досшойны обвиненія въ семъ опноше-

дѣи ваши города и другіе слишкомъ привязанные къ гимнастическимъ играмъ; и шутилъ и снрого разсуждая, должно помнитъ, что природа назначила сіе удовольствіе, общее двумъ поламъ, для произведенія себѣ подобныхъ; иначе оно противно природѣ, и происходитъ отъ необузданности спрасшей. Всѣ приписываютъ Крипянамъ нелѣпый вымыслъ о Ганимедѣ. Почитая Юпипера творцомъ своихъ законовъ, они изобрели сію басню и приписали ее Богу, чтобы по примѣру его наслаждались пресупнымъ удовольствиемемъ. Но оставимъ басни. Разсуждающему о законахъ главнѣйшіе предметы суть удовольствіе и огорченіе какъ въ общей, такъ и въ частной жизни. Сіи два источника намъ показаны самою природою. Благоденствуетъ всякое Государство, всякой человекъ и всякое животное, если черпаетъ отсюда, когда и сколько должно; и шотъ нещасливъ, кто безумно ищотаетъ сіи источники.

Мег. Хорошо сказано; противъ сего нѣтъ никакого возраженія. Мыѣ кажется, что законодатель Лакедемонскій справедливо предписалъ убѣгать удовольствій. Законы Кносса пусть защищаетъ самъ Клиній, если хочетъ; но въ Спаршѣ сдѣлано самое лучшее, поспановленіе объ удовольствіяхъ. Законъ нашъ изгналъ изъ всего Государства все, что особенно влечетъ людей къ чрезмѣр-

нымъ наслажденіямъ, къ несправедливости и ко всякому безумію. У Спаршанцевъ не увидишь пиршествъ. Ни въ деревняхъ, ни въ городахъ, нигдѣ, куда пошлое власъ ихъ просшираешся, гибильныя приманки не возбуждаютъ сильныхъ спраспей. У насъ всякой вспрѣшившись съ пьянымъ, на шомъ же мѣстѣ подвергаетъ его жестокому наказанію; оргіи не оправдаютъ его шакъ, какъ у васъ, гдѣ сіе празднество совершается на колесницахъ. Въ Тареншѣ у нашихъ поселенцовъ я видѣлъ цѣлой городъ пьяныхъ. У насъ ничего подобнаго не увидишь.

Ае. Сіа забавы не имѣютъ ничего предосудительнаго, если сопровождаются умѣренностію. Впрочемъ Аѳиняне съ своей стороны могутъ указать вамъ на своевольство вашихъ женщинъ. Наконецъ въ Тареншѣ, у васъ или у насъ, одно только можетъ оправдать подобные обычаи, если они правильно успроены. И еслибъ какой иноземецъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на сіи спранности, то всякой сказалъ бы ему: не удивляйся иноземецъ; у васъ обычай, а у насъ другой. Но шеперь мы говоримъ, любезные друзья, не о народныхъ предразсудкахъ; рѣчь идешь о мудрости и несовершенствахъ самыхъ законодательей. Скажемъ проспраннѣе о употребленіи вина: — дѣло не моловажное и нехудаго законодателя дощойное. Я не говорю о шомъ, должно ли

упошребляють вино или нѣшѣ, но о шомѣ; предавашь ли пьяншву, какѣ предающься Ссиѣы, Персы, Карагеняне, Цельшы, Умбры и воиншвенные Ѡракійцы, и шакѣ, какѣ мы сами пьемѣ. Вы, какѣ говорише, совершенно воздерживаетесь ошѣ вина. Ссиѣы и Ѡракійцы знаменишымѣ дѣломѣ почишаютѣ пишь неумѣренно. Они шогда щасшлывы, если и жены ихѣ упоенныя, виномѣ обливаютѣ свои одежды. Персы предающься другому роду роскоши, кошорый вамѣ неизвѣшвенѣ. И вѣ ешомѣ случаѣ вы благоразумнѣе ихѣ.

Мег. Зато они бѣгутѣ ошѣ насѣ, какѣ скоро мы обращаемѣ прошиивѣ нихѣ оружіе.

Ае. Не говори сего, почшennyй иноземецѣ. Случались и будущѣ случашься многія побѣды и бѣгштва, не доказывающія швоего мѣвнїя; побѣду или потерю на войнѣ нельзя принятѣ яснымѣ и несомнѣннымѣ признакомѣ дѣла праваго или не праваго, хорошаго или худаго. Сильныя Государштва всегда одерживаютѣ верхѣ и владычешвуютѣ надѣ слабыми. Сирикузяне побѣждаютѣ Локрійцевѣ, народѣ вѣ шой спранѣ самый благошупроенный и справедливыми законами ошличающійся. Аѣиняне побѣдили жишелей Кїа. Можно найши шысячи подбныхѣ примѣровѣ. Но лучше ошазавѣ побѣды и пораженїя; пошпараемся согласишься вѣ самомѣ пошпановленїи и ошажемѣ, чшо одинѣ обы-

чай хорошъ, другой худъ. Прежде послушайше меня, какъ должно разсмапривашь и различашь полезное отъ вреднаго.

Мег. Какъ же ты скажешь?

Ае. Тотъ по моему мнѣнію несправедливо поступаетъ, кшо принимаясь за какой-либо предметъ, напередъ предполагаетъ или хвалишь, или порицашь его. Все равно если одинъ похвалишь пшеницу, какъ хорошую пшцу, а другой услышавъ одно имя сіе, пошчасъ началъ бы оуждашь ее, не узнавъ ни пользы, ни вреда ея, не зная, какимъ образомъ пригошвенная и въ какомъ состояніи она можешъ приносить пользу. Кажешся и мы поже дѣлаемъ въ своемъ разговорѣ. Услышавъ только имя вина, пошчасъ одинъ хвалишь его, другой оуждаешъ — и очень неосновашельно. Впрочемъ съ одной и съ другой спороны мы представляемъ доказашельства и послѣдовашелей. Мы на своей споронѣ имѣемъ большинштво, и поштому, кажешся, говоримъ основашельно; другіе доказывающъ шѣмъ, чшо презвые, не упошребляющіе вина, на войнѣ побѣждающъ; доказашельство весьма сомнишельное, какъ мы видѣли. Худо поидешъ разговоръ нашъ, если мы будемъ разуждашь такимъ образомъ и о прочихъ законахъ. Я желалъ бы говорить иначе о свойствахъ упошребленія вина, и предшавишь насшоящій способъ для всѣхъ подобныхъ разсужденій; иначе безчшленные

народы всегда будут не согласны со мнѣніемъ вашихъ двухъ городовъ.

Мег. Ежели ешь для сего прямой способъ, по для чего медлишь? Послушаемъ.

Ав. Разсмотримъ шакъ: еслибъ кто спалъ хвалишь козеводство, и пользу отъ сихъ живопныхъ; а другой кто видѣвъ козъ, пасущихся безъ пасыря по нивамъ и воздѣланнымъ полямъ, напрошивъ порицалъ бы и проклиналъ все сіе безначальное спудо, или съ худыми его начальниками. Такую брань его должно ли почестъ основательною?

Мег. Какъ можно!

Ав. На корабль шотъ ли хорошій начальникъ, кто имѣетъ всѣ знанія, относящіяся до мореплаванія, но у кого на морѣ голова кружиться, или шотъ, съ кѣмъ сего никогда не бываешь?

Мег. Кто подверженъ сей болѣзни, шотъ при всѣхъ знаніяхъ никогда не будетъ хорошимъ начальникомъ корабля.

Ав. Хорошій ли военачальникъ шотъ, кто владѣетъ всѣми познаніями военного искусства, но малодушенъ въ опасности, и отъ излишняго страха чувствуетъ круженія головы?

Мег. Чшо по за военачальникъ!

Ав. Но если онъ и познаній не имѣетъ и шрусилъ.

Мег. Ты говоришь о негодномъ вождѣ не воиновъ, но малодушныхъ женъ.

Аѳ. Но еслибъ ишо спалъ хвалишь или порицаешь какое обществѣ, которое не можешь обойтись безъ начальника, и можешь быть полезно только при хорошемъ правленіи; между тѣмъ самъ никогда не видалъ его въ хорошемъ устройствѣ; но видѣлъ или предоставленное самому себѣ, или подъ худымъ управленіемъ: повѣримъ ли мы, что онъ справедливо хвалишь или порицаешь?

Мес. Какъ можно, если онъ никогда не видалъ ниодного, настоящимъ образомъ устроеннаго, подобнаго общества и не бывалъ въ немъ?

Аѳ. Положимъ, что собесѣдники пиршества также соспавляющъ нѣкоторое общество.

Мес. Пусть будетъ такъ.

Аѳ. Бывали ль когда нибудь подобныя общества благоустроенными? Вамъ легко опровергать, что ихъ никогда не бывало; ихъ нѣтъ у васъ въ обыкновеніи, и законъ запрещаетъ. Но я находился на многихъ пиршествахъ, о всѣхъ осведомлялся, и могу васъ увѣрить, что ни объ одномъ не слышалъ, и не видалъ, гдѣ бы все было въ порядкѣ. Иногда очень рѣдко встрѣчаешь что нибудь хорошее, но вообще вездѣ неуспрошено.

Кл. Что говоришь ты, почтенный иноземецъ. Мы совсѣмъ ничего не знаемъ о сихъ собраніяхъ, какъ тебѣ извѣстно; ибо никогда въ

нихъ не бывали, и непонимаемъ, что можетъ происходить шамъ настоящимъ или ненастоящимъ образомъ.

А. Справедливое замѣчаніе. Слушай. Ты знаешь, что во всякомъ обществѣ, во всякомъ собраніи, каковъ ниесъ предметъ его, необходима глава.

Кл. Безъ сомнѣнія.

А. Мы сказали, что войско должно имѣть начальника мужеспвеннаго.

Кл. Не иначе.

А. Ибо мужеспвенный не смущается, какъ робкой, при видѣ опасности.

Кл. Ешо такъ.

А. Еслибъ возможно было дать войску шакого полководца, кошорой совершенно ничего не боится, ничѣмъ не смущается: по сколь великое имѣди бы въ немъ приобръшеніе?

Кл. Конечно.

А. Но мы говоримъ не о начальникѣ воинсшва во время войны враговъ со врагами, но о начальникѣ на веселыхъ пиршесшвахъ друзей съ друзьями.

Кл. Очень хорошо.

А. Но бесѣда, соединенная объ пьянсшвомъ, не бываетъ безъ шума. Не такъ ли?

Кл. Возможно ли ешо? Я думаю, что здѣсь по и царсшвуешъ все шумное.

А. И такъ для пиршенсшвующихъ особенно нуженъ блюспишель порядка.

Кл. И болѣ имѣ, нежели другому какому либо обществу.

Ав. Самъ онѣ, разумѣется, долженъ бытъ совершенно знакомъ съ законами сего общества; ибо онѣ долженъ не только водворять въ немѣ согласіе и дружество, но и пѣснѣе утвердить дружественныя узы.

Кл. Весьма справедливо.

Ав. Слѣдовательно надѣе пиршенствующими долженъ начальствовать мужъ мудрый и презвый; неопытный юноша, участвникъ неумѣренности, долженъ бытъ весьма щасливъ, если сдѣлавшись главою пиршества, не причинитъ гибельныхъ послѣдствій.

Кл. Да, очень щасливъ.

Ав. Предположивъ, что сіи бесѣды могутъ бытъ и дѣйствительно усстроены наилучшимъ образомъ, еслибъ кто и тогда, въ самой сущности ихъ, нашелъ причину порицанія ихъ, то порицаніе его могло бѣ бытъ основательно. Но оуждашь пиршества за разные безпорядки, значить показываешь только свое собственное невѣжество въ томъ, что настоящимъ образомъ усстроенныя бесѣды намъ всеѣ не знакомы, и во вѣпорыхъ въ томъ, что всякое общество безъ презваго начальника и распорядителя должно представиться въ худомъ видѣ. Ты знаешь, что пьяный кормчій, или какой бы ни былъ начальникъ подвер-

гаешъ гибели все и корабли, и колесницы, и войско, и чѣмъ только управляешъ.

Кл. Ты совершенно справедливо сказалъ сіе, иноземецѣ. Но скажи, какую пользу могли принести намъ пиршества, предположивъ даже въ нихъ надлежащіе законы и устройство? На примѣрѣ: если войско имѣешъ хорошаго предводителя, то подв начальствомъ его приобретаетъ вѣрную побѣду; слѣдовательно здѣсь немалая польза. Тоже бываетъ и въ другихъ случаяхъ; но какія важныя послѣдствія для Государства или для частнаго человѣка отъ надлежащаго учрежденія пиршествъ?

Ав. Какія важныя послѣдствія для государства можетъ имѣть доброе воспитаніе одного юноши, или устройство одного хора? На вопросъ сей можно отвѣчать, что отъ одного человѣка въ семъ случаѣ для цѣлаго Государства польза малозначуща. Но если ты спросишь вообще о воспитаніи юношества, какую пользу доставляетъ оно Государству? то не трудно отвѣчать, что благовоспитанные юноши будутъ добрыми гражданами, способными ко всѣмъ отличнѣйшимъ подвигамъ, и особенно — побѣждать враговъ. Ибо воспитаніе всегда ведетъ къ побѣдамъ, а побѣда часто сопровождается невѣжествомъ. Побѣды содѣлывали весьма многихъ несправедливыми и надмѣнными, а сія надмѣнность повергала ихъ въ вели-

чайшія бѣдспвія. Просвѣщеніе никогда никому не было гибельно; но ошѣ успѣховѣ на войнѣ погибли многіе народы.

Кл. По швоему мнѣнію, любезный, бесѣда за чашею вина, если она успроена надлежащимъ образомъ, соспавляетъ великую часть просвѣщенія.

Ае. Да.

Кл. И послѣ сего ты еще можешь утверждать истину сказаннаго?

Ае. Если всѣ сомнѣваются въ словахъ моихъ, по развѣ одинъ Богъ можетъ доказать ихъ истину. Но если вы желаете знать о семъ мое мнѣніе, по я охотно скажу вамъ его щеперь, говоря о законахъ и правленіи.

Кл. Очень ради узнашь швой образъ мыслей о предметѣ споль сомнительномъ.

Ае. Согласенъ на ваше желаніе; о еслибъ я могъ развить со всею ясностію мое мнѣніе, не упомяя вашего вниманія. Напередъ припомните, что всѣ Еллины почишаютъ насъ Аѣинянъ словоохотными, Лакедемонянъ молчаливыми, а Кришянъ болѣе глубокомысленными, нежели говорящими. Боюсь, чтобы вы не почли мяня пущымъ говорунѣмъ, услышавъ преспранное слово о ничтожномъ предметѣ,—о винопишіи. Мнѣ не возможно объяснить правильное и сѣ природою сообразное успройшво пиршесшвѣ, не сказавъ ничего о музыкѣ; говоря о музыкѣ,

опяшь не могу не коснушья всѣхъ частей хорошаго воспишанія, а сіе заведешъ насъ въ долгое разсужденіе; и такъ разсмоприше, не лучше ли намъ оставишь сей предметъ и перейши къ другому слову о законахъ.

Мее. Ты знаешь, что Лары моего семейства соединены правомъ госпепріимства съ вашими Ларами; и самые дѣши, слыша, что они имѣюшь ближайшую связь съ какимъ нибудь другимъ Государствомъ, ошъ нѣжной юности пишаюшь къ нему великую привязанность, какъ бы ко вшорому опечесшву. Я шеперь похожъ на сихъ дещей; часшо и прежде, когда Лакедемоняне порицали или хвалили за что либо Аѣинянъ, когда еще въ дѣшсшвѣ мнѣ говорили, швое опечесство причинило нашему обиду, или оказало услугу, я всегда принималъ спорону швоихъ соопшчичей; шакое расположение къ вамъ и шеперь во мнѣ сохраняется. Меня плѣняетъ ваше нарѣчіе, и несомнѣнною испиною кажешся то, что вообще говоряшъ объ Аѣинянахъ: что добрый Аѣинянинъ бываетъ оплично добръ: ибо доброта его не производишь ошъ принужденнаго воспишанія, но, такъ сказашь, съ нимъ родишся, она ешь въ немъ даръ божесшвенный, одна искренность-безъ пришворсшва. И такъ съ моей спороны говори смѣло, что шолько вздумаешъ.

Кл. Сперва выслушай мое слово и одобри, а попомъ говори, что хочешь. Ты вѣрно слышалъ о божественномъ мужѣ Епименидѣ. Онъ изъ Кносса, изъ нашего рода. За десять лѣтъ до войны Персидской, по Божественному внушенію пришелъ онъ къ вамъ принесть жершву, оракуломъ назначенную. Аэиняне тогда опасались Персидскаго вооруженія; но онъ предсказалъ имъ, что враги не придуть прежде десяти лѣтъ; а придши, будутъ прогнаны, — не успѣютъ въ своихъ замыслахъ, и сами пренесутъ болѣе зла и бѣдспвій, нежели сколько причиняютъ другимъ. Наши предки тогда сдружились, и съ того времени я пишу къ вамъ поже доброжелательство, какое внушили мнѣ мои родители.

Аэ. Вы, кажешся, уже гошovy слушаешь, и я гошovy говоришь; боюсь только, чтобы не измѣнили мнѣ силы мои. Но постараюсь. Во первыхъ мимоходомъ опредѣлимъ, что есть воспишаніе, и сколь оно важно. Сіе будетъ введеніемъ къ нашему разсужденію, доколь дойдемъ до самаго Бога пиршештвъ.

Кл. Начнемъ съ сего, если шакъ нужно.

Аэ. Между шѣмъ, вы судите сами, справедливо ли будетъ мое разсужденіе о воспишаніи.

Кл. Говори.

Аэ. Я говорю и утверждаю, что желающій быть въ чемъ либо совершеннымъ, долженъ пещись о семъ онѣ самой юности своей,

какъ въ забавахъ, такъ и въ важныхъ упражненіяхъ, и прилагаешь возможное стараніе ко всему, что относится къ его искусству. Такъ, на примѣръ, кто хочетъ быть хорошимъ земледѣломъ или зодчимъ, тотъ уже въ самыхъ дѣтскихъ игрушкахъ долженъ заниматься зодчествомъ или земледѣліемъ. Воспитатель каждому изъ нихъ долженъ доставлять малыя орудія, въ подражаніе настоящимъ, и учить ихъ предварительнымъ познаніямъ: плотника размѣру и правильности, воина верховой ѣздѣ и другимъ подобнымъ упражненіямъ. Должно стараться въ дѣтяхъ уже направлять склонности и удовольствія къ тому, въ чемъ они со временемъ должны быть совершенными. И такъ воспитаніе есть образъ жизни усвоенный такъ, чтобы посредствомъ самыхъ забавъ вселялась въ сердца дѣтей любовь къ тому, что сдѣлаетъ ихъ способными къ исполненію своихъ обязанностей въ лѣтахъ зрѣлаго мужества. Теперь скажете, нравился ли вамъ сіе начало?

Кл. Очень нравился.

Ае. Но то, что мы называемъ воспитаніемъ, должно быть опредѣлено. Часто желая опорочить или похвалить кого либо, мы говоримъ: онъ воспитанъ, онъ не воспитанъ. Одинъ воспитанъ для торговли, другой для мореплаванія, и другихъ безчисленныхъ родовъ упражненій. Говоря та-

кимъ образомъ, мы не разумѣмъ того воспитанія, посредствомъ котораго приобрѣтаешь желаніе и стремленіе быть совершеннымъ гражданиномъ, умѣшь въ правдѣ управлять и повиноваться. Настоящая рѣчь моя имѣетъ предметомъ сей послѣдній образъ воспитанія, и по очевиднымъ причинамъ его только преимущественно должно называть воспитаніемъ; ибо то, которое стремишься къ спяжаніямъ, къ умноженію силы или къ приобрѣтенію особеннаго какаго искусства, безъ просвѣщенія разума, безъ справедливости, есть воспитаніе низкое, рабское, и сего имени не достойное. Не будемъ спорить о названіи; вы уже согласились со мною, что одни благовоспитанные добродѣтельны; и воспитанія нельзя не почесть лучшимъ благомъ для людей благороднѣйшихъ. Если оно иногда бываетъ неудачно, то можешь быть исправлено, и всякой по возможности во всю жизнь свою долженъ стараться о семъ исправленіи.

Кл. Справедливо, мы согласны съ тобою.

Аѳ. Но мы уже прежде согласились, что добрые люди суть тѣ, кои могутъ управлять собою, а худые тѣ, кои не могутъ.

Кл. Правда.

Аѳ. Повторимъ еще яснѣе то, что мы сказали. Позвольте мнѣ употребить сравненіе: оно можешь быть послужитъ къ объясненію нашего предмета.

Кл. Говори.

Ае. Положимъ, что человекъ одинокъ.

Кл. Хорошо.

Ае. Что онъ имѣетъ въ себѣ двухъ со-
вѣтниковъ противоположныхъ и безум-
ныхъ, кои называются удовольствіемъ и
печалію.

Кл. Такъ.

Ае. Сверхъ того онъ имѣетъ ожиданіе бу-
дущаго удовольствія или печали — надежду.
Надъ ними владычествуетъ разумъ, ко-
порый судитъ, что въ нихъ хорошо, что
худо. Онъ сдѣлавшись общимъ правиломъ
для цѣлаго государства, называется зако-
номъ.

Кл. Я едва успѣваю слѣдовать за тобою;
но продолжай, какъ бы я не опшшаю отъ
тебя.

Мег. Со мною происходитъ тоже.

Ае. Разсмотримъ сіе такъ: предскажемъ,
что человекъ есть подобіе божественныхъ
существъ, или служащее игрушкою Богамъ,
или сотворенное съ важною цѣлію. Сіе намъ
не извѣстно. Знаемъ только, что нами
обладаютъ двѣ силы; противныя между
собою, онѣ съ разныхъ сторонъ влекутъ насъ
къ противорѣчивымъ дѣствіямъ: что со-
составляетъ различіе между добродѣтелію и
порокомъ. Разсудокъ говоритъ, что всегда
должно слѣдовать одному влеченію и нико-

гда не уклоняясь отъ него, пропившисьъ всѣмъ прочимъ силамъ. Сіе руководство разсудка есть злапая, священная цѣпь, называемая общимъ закономъ государства, — цѣпь гибкая, драгоценная, между шѣмъ какъ прочія суть грубыя, тяжелыя, желѣзныя. Всѣ побужденія, въ какихъ бы видахъ онѣ ни являлись, должны быть подчинены благошворному руководству закона. Поелику разсудокъ шихъ и далекъ отъ всякаго насильства, то онъ имѣетъ нужду въ пособіи спраспей, чшобы злапая цѣпь преобладала надъ прочими. Такимъ образомъ ученіе о добродѣтели не будетъ казаться спраниосію; такимъ образомъ размышляющему обьясняется, что значить побѣждаетъ самого себя и быть побѣждаемымъ. Видѣвши различное влеченіе цѣпей, и частный человекъ послѣдуешь влеченію разсудка, и государство, заимствовало ли оно сей разсудокъ отъ Бога, или отъ людей высокою мудростію одаренныхъ, постановитъ его закономъ какъ для внутренняго, такъ и для внѣшняго управленія. Такимъ образомъ почти будутъ раздѣлены добродѣтель и пороки; а при сей точности яснѣе раскроются свойства воспитанія и другихъ установленийъ человеческихъ, наприкладъ, бесѣды сопровождаемой дарами Вакха, которая уже не покажется предметомъ худымъ и неспокойчимъ того, чшобы много говорить о немъ.

Кл. Пусть она оправдаетъ слова сіи; пусть будетъ достойна того, чѣмъ говоришь о ней.

Аѳ. Хорошо, сдѣлаемъ что нибудь достойное нынѣшней бесѣды.

Кл. Но продолжай.

Аѳ. Отъ употребленія вина что дѣлаешь съ симъ чуднымъ твореніемъ?

Кл. Съ какою цѣлю ты предлагаешь вопросъ сей?

Аѳ. У меня нѣтъ никакой особенной; спрашиваю, къ какомъ положеніи является человѣкъ, вкусивши вина? И еще яснѣе предложу вопросъ сей, не правда ли, что питье вина усиливаетъ всѣ страсти: и удовольствіе и печаль, и любовь и гнѣвъ?

Кл. И очень усиливаетъ.

Аѳ. Не усиливаетъ ли оно также чувствъ, памяти, мыслей и ума? Или всѣ сіи способности ослабляютъ упоеннаго слишкомъ?

Кл. Все совершенно ослабляетъ его.

Аѳ. И какъ въ семъ состояніи человѣкъ дѣлается опять младенцемъ.

Кл. Да.

Аѳ. И совершенно не владѣетъ собою.

Кл. Не владѣетъ.

Аѳ. Мы уже сказали, что такой человѣкъ есть худой.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Слѣдовательно не одинъ старикъ бываетъ дважды младенцемъ, но и упившійся!

Кл. Нельзя сказать ничего справедливого, иноземецъ.

Ае. После сего что можете убедить насъ ввергаться въ такое состояніе души? Что заставитъ насъ не избѣгать онаго всѣми силами?

Кл. Можете быть и есть такое убѣжденіе; вы обѣщали доказать сіе.

Ае. Правда, я обѣщала, и готовъ сдерживать свое слово, уважая ваше вниманіе.

Кл. Самая спранный и нелѣпый мнѣніе, будто человекъ добровольно долженъ ввергаться во всякую слабость возбуждаетъ любопытство.

Ае. Въ слабость душевную, говоришь ты? Такъ ли?

Кл. Да.

Ае. Спранны ли для васъ, если кто добровольно подвергается тѣло свое разслабленію, болѣзни, безобразію и безсилію?

Кл. Разумѣется, спранны.

Ае. Какъ! тѣ, кои подвергаютъ себя врачеванію, пьютъ сокъ лѣкарственный, развѣ не знаютъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней тѣло ихъ будетъ въ такомъ состояніи, которое привело бы ихъ къ смерти, если бы продолжалось долго? занимающіеся гимнастическими и другими прудами развѣ не чувствуютъ въ членахъ своихъ разслабленія въ теченіи нѣсколькихъ дней?

Кл. Это мы знаемъ.

Аѳ. Знаете ли также и то, что они добровольно предпринимаютъ се для пользы опшолѣ происпекающей ?

Кл. Очень хорошо знаемъ.

Аѳ. Слѣдовательно такимъ же образомъ должно разсмапривать и прочіе случаи въ жизни ?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. И на бесѣду пиршесствующихъ должно смоспрѣшь такимъ же образомъ, если полько она имѣетъ свои выгоды ?

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Особливо когда найдемъ, что вино имѣетъ такую же пользу для души, какую гимнастика для тѣла и въ началѣ своемъ превосходитъ тѣлесныя упражненія, кои сначала всегда бывають шрудны, а пишь—шрудъ нешяжелый.

Кл. Ты справедливо говоришь; но сомнѣваюсь, что въ винѣ могло быть что либо подобное.

Аѳ. Испышаемъ, если можно, обьяснишь се: скажи, не примѣчаешь ли ты въ себѣ двухъ родовъ боязни, совершенно прошивныхъ между собою ?

Кл. Какихъ же ?

Аѳ. Вошь какихъ: Иногда мы боимся, что бы не случилось съ нами какого нибудь нещасія.

Кл. Такъ.

А. Еще болѣе мы боимся худой молвы, копорая можешъ распроспранишъ на счешъ нашъ, если мы сдѣлаемъ или снажемъ чшо либо нелѣпое. Сію боязнь мы назовемъ спыдомъ, и кажеца вездѣ она называешся шакъ.

Кл. Такъ.

А. Вошъ два рода боязни, изъ копорыхъ послѣдняя прошившя впечатлѣнію печали и предметовъ ужасныхъ, а еще болѣе влеченію величайшихъ удовольствій.

Кл. Весьма справедливо.

А. Не правда ли, чшо всякой законодапель, всякой добродѣтельный гражданинъ послѣднюю боязнь почишаешъ священной, именуя ее спыдомъ; прошивную же ей опважнось называешъ безспыдшвомъ, копорое почишаешъ величайшимъ зломъ, какъ въ часпности для каждаго, шакъ и вообще для всѣхъ.

Кл. Такъ.

А. Сей спрахъ доспавляешъ намъ безопаснось въ безчисленныхъ случаяхъ; особливо на войнѣ ему мы обязаны и спасеніемъ и побѣдою. Въ самомъ дѣлѣ двѣ причины доспавляютъ побѣду: опважнось прошивъ враговъ и спрахъ посшдыдшъ предъ друзьями.

Кл. Испинно.

Аѳ. По симъ причинамъ каждой изъ насъ долженъ бытъ и безспрашнымъ и боязливымъ.

Кл. Безспорно.

Аѳ. Желая сдѣлать кого либо безспрашнымъ сообразно съ законамъ, мы спавимъ его среди всѣхъ ужасовъ.

Кл. Кажется такъ.

Аѳ. А что мы сдѣлаемъ, чтобы внушить кому либо страхъ къ тѣмъ предметамъ, которыхъ онъ долженъ бояться? не должны ли мы ввести его въ борьбу съ безспыдствомъ, и приучать къ побѣдамъ надъ удовольствіями? не въ войнѣ ли прошивъ обычныхъ склонностей и въ побѣдахъ надъ ними онъ долженъ доходить до совершеннаго мужества? неопытный въ сѣхъ сраженіяхъ и въ половину не можетъ бытъ мужественнымъ. Можетъ ли пошъ назваться совершенно умѣреннымъ, кто никогда не прошивился удовольствіямъ, желаніямъ увлекающимъ къ безспыдству и несправедливости? кто не побѣждалъ ихъ помощію разсудка, дѣятельности и искусства какъ въ забавахъ, такъ и въ важныхъ занятіяхъ; кто всегда былъ чуждъ сѣхъ упражненій?

Кл. Невѣроятнo.

Аѳ. Но далъ ли Богъ людямъ какое нибудь врачевство наводящее страхъ, котораго чѣмъ больше кто пьетъ, тѣмъ несчастнѣе себя чувствуетъ, съ каждою

каплею болѣе и болѣе спрашиваешься всего настоящаго и будущаго; самый мужеспвенный наконецъ приходитъ въчрезмѣрную робость; но проспавшись и освободившись отъ дѣйствія пипья, опять возвращаешь себѣ прежнее расположеніе души?

Кл. Но есть ли гдѣ на землѣ подобное пипье?

Лс. Нѣтъ; но еслибъ оно было, що какую пользу принесло бы законодателью для внушенія мужества? тогда мы могли бы сказать ему: почтенный законодатель, ты даешь законы Крипянамъ, или другому какому народу; не первой ли долгъ твой — напередъ вѣрнымъ образомъ испытать мужество и робость гражданъ твоихъ?

Кл. Всякой сказалъ бы сіе.

Лс. Но не лучше ли испытать безъ опасности, нежели съ опасностію?

Кл. Всякой законодатель лучше захочетъ испытать безъ опасности.

Лс. Захочешь ли ты посредствомъ сего пипья спавить ихъ среди всѣхъ ужасовъ, узнавать ихъ малодушіе, и посредствомъ увѣщаній, совѣщовъ и опличій заставляешь ихъ быть беспрашными, подвергая безчестію тѣхъ, кои не шаковы, какими бышь ты имъ повелѣваешь; одобряя мужеспвенное и успѣшное упражненіе, за неуспѣшность возлагаешь наказаніе? или не захочешь,

хотя бы въ пищѣ не было никакой другой опасности?

Кл. Почему же не воспользоваться ему симъ средствомъ?

Аѳ. Такое упражненіе, имѣло бы удивительную легкость въ сравненіи съ нынѣшними опытами, какъ для одного человека, такъ и для многихъ вмѣстѣ въ большемъ или маломъ числѣ. И еслибы кто изъ уваженія къ другимъ, боясь показаться предъ свѣтомъ, прежде нежели укрѣпится пропивъ всѣхъ спраховъ, захопѣлъ бы въ уединеніи приобрести сію швердосшь; тошъ съ однимъ симъ пищемъ болѣе бы успѣлъ, нежели со всѣми другими пособіями; послѣ того полагаясь на природу свою и на стараніе, совершенно пригопвленнѣй, въ кругу многихъ собесѣдниковъ не убоишся показати швердосшь свою при необходимомъ дѣйствіи пищья; уже онъ не уступаетъ ему, но всегда имъ владѣетъ; онъ не сдѣлаетъ погрѣшности ошъ забвенія, и не измѣнитъ добродѣтели. Опасаясь силы пищья, которая преодолеваетъ способности человека, онъ не позволилъ себѣ испить всей чаши до дна.

Кл. То есть будетъ умѣренъ.

Аѳ. Опять скажемъ такъ своему законодателью: правда, Богъ не далъ людямъ сего злѣя спрахъ наводящаго, и мы еще не обрѣли его. Очарованія сюда не входятъ:

но иѣтъ ли пишья для безспрашя , для чрезмѣрной неблаговременной смѣлоспи? что вы скажете?

Кл. Еспь. Ешо пишье еспь вино.

Аѳ. Не правда ли , что оно имѣетъ дѣйствіе совершенно прошивное шому , о копомъ мы говорили? оно дѣлаетъ пьющаго веселѣе , нежели какъ онъ былъ прежде ; пошомъ чѣмъ болѣе онъ пьетъ , тѣмъ болѣе исполняетъ пріятнѣйшихъ надеждъ и стремленія къ славѣ ; словомъ , какъ мудрецъ , онъ дышетъ свободою , опважноспію и неуспрашимоспію — говоритъ и дѣлаетъ все , что вздумаетъ.

Кл. Въ ешомъ всякой согласенъ съ шобою.

Мег. Везъ сомнѣнія.

Аѳ. Припомнимъ , что мы прежде сказали : что съ двухъ споронъ особенно должно образовашъ свою душу : ничего не бояшъся въ нѣкоторыхъ случаяхъ , и всего бояшъся въ другихъ.

Кл. Кажешся , шы говоритъ о спыдѣ.

Аѳ. Да , о немъ. И шакъ какъ мужесшву и неуспрашимоспи должно учипшя среди ужасовъ : шо можно заключипш , что прошивному должно учипшя въ прошивныхъ обстоятельсшвахъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Въ какомъ положеніи мы дѣлаемъ опважными , самонадѣятельными , въ шомъ же самомъ , кажешся , должны учипшя не бышъ

безстыдными и дерзкими, привыкашь къ страху—говоришь, дѣлаешь или шерпишь что либо постыдное.

Кл. Кажешся шакъ.

Ав. Причины, которыя дѣлають насъ ошважными и самонадѣятельными, суть гнѣвъ, любовь, надменность, невѣжество, корыстолюбіе и малодушіе. Къ сему принадлежишь богашство, красота, сила, и все, что упоеная удовольствіемъ, повергаетъ насъ въ безуміе. Чтобъ открышь сіи спраспи и побѣдись ихъ, можемъ ли мы избрать какое другое удовольствіе споль невинное, и при всей возможной оспорожності споль сильное, какъ шулка и ошкровенность въ винѣ? размошримъ сіе ближе: чтобъ испыташь сердце грубое, жестокое, ошъ котораго произходяшь безчисленныя несправедливости, надобно ли иснашь особенныхъ случаевъ и самихъ себя бесполезно подвергать опасности? или безопаснѣ усмошрѣшь сіе въ пьяномъ? чтобъ узнать человека преданнаго любосспрашю, надобно ли для сего подвергать опасности тѣхъ, кои намъ всего дороже, — женамъ, дщерамъ и сынамъ узнавать расположеніе души гнусной? Можно бы предспавишь дшысячи доказапельствѣ тому, сколь важно разспаптивать свойства людей въ шулкахъ, мимоходомъ, безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Ни Кришяне, ни другіе народы не

станушѣ пропивоубчишь пому, что сей способъ — познавать другъ друга есть самый лучший; что легкостію своею, безопасностію и скоростію онѣ превосходишь всѣ прочіе.

Кл. Справдливо.

Аѳ. Полезнѣе же всего здѣсь то, что мы открываемъ свойства и разположенія людей шѣмъ же способомъ, копорой можеть врачевать ихъ и сдѣлать лучшими. Кажешся таковъ предметъ полипики, или Государственной науки. Не такъ ли?

Кл. Безъ сомнѣнія.

РАЗГОВОРЪ ВТОРОЙ
О
ЗАКОНАХЪ.

А. Теперь надлежитъ разсмотрѣшь, одну ли сію пользу имѣютъ благоустроенныя пиршества, что съ помощію ихъ мы узнаемъ свои характеры? или она соединяется и съ другою великою пользою, которая пребудетъ всего вниманія отъ законодателя? Что вы скажете? Пользу ихъ, кажешся, доказываешь самый разсудокъ. Но почему и какимъ образомъ приносятъ онѣ пользу? вникнемъ въ сіе со вниманіемъ, чшобы не впасть въ заблужденіе.

Кл. Говори.

А. Я опять хочу припомнить, въ чемъ состоить прямое воспитаніе. Ибо по моему мнѣнію доброта и совершенство его зависить отъ хорошаго устройсва пиршества.

Кл. Ты приписываешь имъ много.

А. Первые чувствованія дѣшей суть удовольствіе и горестъ. Онѣ прежде всего сообщаютъ душѣ добродѣтель и пороки. Утвердись же въ мудрости и въ основательномъ познаніи истины кшо успѣешь при старости, тогда очень щасливъ; и человекъ совершенъ, если владѣешь сими благами и отъ нихъ зависящими. Воспитаніемъ

я называю добрые навыки дѣшей. Удовольствіе и любовь, печаль и ненависть правильнымъ образомъ поселяются въ юныхъ сердцахъ прежде, нежели начнешь дѣйствовать на нихъ собственнымъ разсудкомъ. Сіи расположенія души при добромъ направленіи будутъ согласны съ разсудкомъ, какъ ожоро онъ созрѣешь; а сіе согласіе есть добродѣтель. Прямое направленіе удовольствія и горести, заставляющее постоянно, отъ начала до конца ненавидѣть то, что доспойно ненависти, и любить то, что должно любить, однимъ словомъ назови воспитаніемъ, и ты совершенно произнесешь мою мысль.

Кл. Мы находимъ справедливымъ какъ то, что прежде сего ты сказалъ, такъ и то, что теперь говоришь о воспитаніи.

Лѳ. Сіи чувствованія удовольствія и горести, коихъ правильное направленіе есть цѣль воспитанія, въ продолженіи жизни легко получаютъ отъ людей послабленіе и во многомъ портятся. Но Боги, болѣзную о злощасномъ родѣ человеческомъ, послали ему успокоеніе отъ трудовъ, установили священныя празднества, дали ему въ собѣдники Музъ, начальника ихъ Аполлона и Вакха, дабы божественными пиршествами исправлять недоспашки воспитанія. Теперь разсмотримъ, истинно и сообразно ли съ природою, воспѣваемое намъ слово; или

нѣшь? Говорятъ, что юность вообще ни въ голосѣ ни въ шлѣ не можешь соблюдать спокойствія, но всегда любишь движеніе и крикъ. Юноша отъ удовольствія, или прыгаетъ, пляшетъ, или произноситъ разные звуки. Прочія живошныя лишены способности понимать правильность и неправильность въ движеніи, и по, что называется мѣрою и гармоніею; намъ же боги, посланные раздѣлять съ нами свои празднества, даровали сіе чувство къ мѣрѣ и гармоніи,—чувство сопровождаемое удовольствіемъ. Симвъ чувствомъ они возбуждаютъ насъ, движущъ, соединяютъ въ пѣсняхъ и хороводахъ; самое слово хороводъ происходитъ отъ слова радость. Допустивши сіе, мы должны согласиться, что первое воспѣваніе происходитъ чрезъ Музъ и Аполлона. Не такъ ли?

Кл. Такъ.

Аѳ. Слѣдовательно по нашему мнѣнію не получишь никакого воспѣванія значить бытъ чуждымъ хороводовъ; а благовоспѣваннымъ бытъ значить обращаться въ хороводахъ.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Хороводъ же вообще состоитъ изъ спройной пляски и пѣнія.

Кл. Необходимо.

Аѳ. И такъ благовоспѣванный долженъ умѣть хорошо пѣть и плясать.

Кл. Кажется такъ.

Ао. Разберемъ, что значашь сїя слова, нами сказанныя?

Кл. Какія?

Ао. Мы сказали, что онъ хорошо поешь и хорошо пляшешь. Должно ли прибавишь, что онъ хорошее хорошо поешь и пляшешь, или нѣшъ?

Кл. Прибавимъ.

Ао. Почипающій хорошее хорошимъ и дурное дурнымъ; и послушающій по сему убѣжденію, лучше ли наславленъ въ пляскѣ и музыкѣ, нежели шопъ, кпо шѣлдвиженіемъ и голосомъ умѣешь совершенно выражашь все прекрасное, что только вздумашь, но прельщаешся и наслаждаешся нѣшмъ, что честно, и ненавидишъ не по, что бесчестно? или лучше шопъ, кпо хощя не совершенно поспигаешь прекрасное, не можешь выразишь его въ движеніяхъ шѣла или голоса, но здраво судишъ объ немъ по нѣкошорому чувствію удовольствія и горести, доброе любишъ и худаго опвращаешся?

Кл. Ты говоришь о различныхъ родахъ воспишанія, между коими нѣшъ и сравненія.

Ао. И шакъ, если мы шрое знаемъ, въ чемъ состояшъ красота шѣнія и пляски, намъ легко сказашь, кпо истинно. достоинъ назвашься воспишаннымъ или невоспишаннымъ. Не зная же сего, мы не можемъ сказашь, на чемъ основано и какъ сохраняешся воспишаніе. Не шакъ ли?

Кл. Подлинно такъ.

Аѳ. И попому мы должны изслѣдовать, какъ слѣдывъ добычу, шо чшо въ пляскѣ и пѣннн называется красошою образа и прѣкрасною мелодіею. Если сіе ускользнетъ отъ нашего понятія, шо напрасно будемъ шерять слова о прямомъ воспнщаніи у Еллиновъ или у варваровъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Чшо жъ мы называемъ прекраснымъ образомъ или прекрасною мелодіею? Если мужеспвенный и робкій человекъ подвергается равнымъ шрудамъ и опасностямъ, шо въ сіе время одинъ ли образъ, одинъ ли голосъ сохраняющъ они?

Кл. Тогда на нихъ и цвѣшъ бываешъ совершенно различный.

Аѳ. Хорошо, любезный Клиній. Но въ музыкѣ ешь шолько образъ и мелодія; мѣра и гармонія соспавляющъ сущность ея: отъ шого всякую пѣснь, всякой образъ можно назывъ благомѣрнымъ, спройнымъ, но не благоцвѣпнымъ, какъ называющъ ихъ начальники хоровъ. Робной и мужеспвенный имѣющъ также свой образъ, свой шонъ; можно сказаъ: образъ мужеспства доблеспенъ, образъ робости постыденъ. Не шерясь во многорѣчнн, скажемъ кратко: прекрасны всѣ образы и шоны добродѣтели, душевной и шѣлесной, испннной и подражательной, и гнусны всѣ образы порока.

Кл. Справедливо. Мы оба согласны съ обою.

Ае. Еще вопросъ : всѣ ли мы прельщаемся пѣснями же пѣснями и плясками, или нѣтъ?

Кл. Совсѣмъ нѣтъ.

Ае. Что же вводишь насъ въ заблужденіе? развѣ не для всѣхъ одна изящность? Развѣ самое добро иногда не кажется добромъ? Или предметы кажутся иначе, нежели каковы они въ дѣйствительности? Ибо никто не скажетъ, что образъ порока иногда бываетъ лучше образа добродѣтели; никто не скажетъ, что онъ привязанъ къ видимости разврата, пошому что всякой пѣнится своею музою. Многие говорятъ, что сущность и совершенство музыки состоитъ въ ея приятномъ дѣйствіи на душу, въ удовольствіи, которое она доставляетъ. Но такъ, говоришь не позволено и не просительно: ибо сіе вовлекаетъ насъ въ заблужденіе.

Кл. Какое?

Ае. Пѣсни и пляски суть подражаніе нравамъ, изображеніе нашихъ дѣйствій, характеровъ и различныхъ расположений духа, въ коихъ человекъ находится; пошому, для кого хоробы говорятъ, поютъ, движущаясь сообразно или съ природою или съ обычаями, или равно съ пѣснями и другимъ; пошомъ восхищается ими, хвалитъ ихъ и называетъ

вашѣ совершенствомъ изящества; но въ шомъ, кшо находить ихъ прошивными или природѣ, или обыкновенію, или благоприличію, онѣ не произведутъ никакого восхищенія и не приобрѣшутъ отъ него ни похвалы, ни имени прекраснаго. Гдѣ естественной вкусъ не согласенъ съ обыкновеніями; но при здоровомъ вкусѣ господствуютъ худыя обычаи, или съ прекрасными обычаями не соединяется здоровый вкусъ: шамъ однимъ и шѣмъ же удовольствіямъ даютъ различныя названія; одно и шо же называютъ и пріятнымъ и порочнымъ; предъ людьми посторонними, боясь оскорбить ихъ нѣжный вкусъ, шамъ спыдяясь подобныхъ шѣлодвиженей и пѣсней; но только въ своемъ кругѣ забавляются ими по своему.

Кл. Ты справедливо говоришь.

Аѳ. Прельщаешься же образомъ или голосомъ порока, приносишь ли какой вредъ? и получаешь ли какую пользу шѣ, кои употребляютъ самыя удовольствія къ шому, чшобъ посредствомъ ихъ содѣлашь добродѣпель любезною?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Не шо же ли и здѣсь должно случиться, чшо случается съ шѣми, кои находясь въ сообществѣ съ порочными, не только не питаютъ къ нимъ ненависти, но даже радуются ихъ дружеству, и только въ шушку порицаютъ свою испорченность? Рано или

ноздно по необходимости мы уподобляемся иѣмъ, съ которыми обращаемся, копя и спыдимся хвалишь ихъ лвно. Какое зло или добро можеть бышь выше сего, которое необходимо произшеаетъ изъ сего источника?

Кл. Я не нахожу никакого добра, ни зла выше сего.

Лс. Въ государствѣ, которое управляетъ ся хорошими законами, воспитаніе юношества, игры его, должны ли зависѣть отъ прихоти поетовъ? Могутъ ли они пою же мѣрою и пѣсню, пѣми же мыслями, которыми сами пѣвняюща, равно пѣвнятъ юныхъ сыновъ опечесства, и склоняють ихъ, какъ случится, и въ добродѣтели и въ пороку?

Кл. Возможно ли? Ещо не сообразно съ разсудкомъ!

Лс. Не смотря на шо, такъ дѣлается во всѣхъ Государствахъ, кромѣ Египта.

Кл. А у Египтянъ, скажи, какое есть для сего пошановленіе?

Лс. Спранно и слышашъ. Еще въ глубокой древности, кажешся, они усмотрѣли шо же самое, о чемъ мы шеперь говоримъ; именно, что прекрасные образы, прекрасныя пѣсни должны воспитывашъ юношество въ самыхъ раннихъ навыкахъ его. Избравъ и опредѣливъ сіи образы они пошановляли ихъ въ храмахъ священными законами.

У нихъ ни живописцамъ , ни другимъ художникамъ не позволено производить ничего новаго , и вводить что либо , кромѣ опечесшвеннаго; и досѣдъ еще сіе не позволяется ни въ живописи , ни въ музыкѣ во всей ея обширности. Разсмапривая шамъ произведенія , сдѣланныя за пысячи лѣтъ , разсмапривая дѣйспвишельно пысячилѣтнія , пы найдешь , что всѣ онѣ ни лучше , ни хуже произведеній новѣйшихъ; во всѣхъ шже искусство.

Кл. Очень спранно.

Ае. И ешо есть опличное дѣло ихъ законодательства и полишики. Прочіе законы ихъ худы , недоспапочны; но о музыкѣ поспаповленіе ихъ испинно доспойно уваженія , именно по , что закономъ можно опредѣлить пѣсни поспоянныя , сохраняющія еспешвенную правильность. Правда , сіе принадлежишь шолько Богу и божеспвенному человѣку; шакъ и въ Египтѣ , сохранившіяся чрезъ шоль долгое время пѣсни , сушь швореніе Изиды; но и нынѣ , кшо можешъ посшигашъ совершенное въ семъ родѣ , шотѣ смѣло долженъ излагашъ его и вводить въ упошребленіе. Спременіе къ удовольствію и горесши , по спременіе , съ коимъ мы всегда желаемъ наслаждашь новою музыкою , не можешъ вредить пѣнію древшію освященному ; по крайней мѣрѣ сего не было въ Египтѣ.

Кл. По словамъ своимъ пакъ и должно бышь.

Ао. Замѣшимъ смѣло, что музыка, игры и пляски имѣютъ одно неопбемлемое свойство: мы радуемся, когда почищаемъ себя счастливыми, и счастливы, когда радуемся. Не пакъ ли?

Кл. Такъ.

Ао. И въ сей радости мы не можемъ соблюдатьъ спокойствія.

Кл. Справедливо.

Ао. Но развѣ только юные наши дѣти будутъ плясать? а мы старые мужи, взирая на нихъ, по приличію предоспавимъ себѣ одно удовольствіе радоваться ихъ играмъ и ликованію. Юная веселость уже оспавила насъ; жалѣя о ней и любя ее, мы предлагаемъ соспязанія шѣмъ, кои особенно могутъ пробудить въ насъ воспоминаніи прошекшіе дни молодости.

Кл. Весьма справедливо.

Ао. Теперь не основательно ли говорятъ о лицахъ дѣйствующихъ на празднествахъ, именно, что шотъ достоинъ назваться мудрѣйшимъ, и побѣдителей, кто болѣе увеселяетъ и забавляетъ зрители. Поелику сіи празднества посвящены веселію, то справедливо должно отдаватьъ преимуществво и награду шому, кто доспавляетъ намъ болѣе радостей. Одобрите ли вы сіи слова и приведеніе ихъ въ самое дѣло?

Кл. Безъ сомнѣнiя.

Аѳ. Но, почтенный мужъ, не будемъ поспѣшны въ своихъ заключенiяхъ; разберемъ предметъ по частямъ, такимъ образомъ: что, еслибъ кто предложилъ состязанiе просто, не означивъ, гимнастическое ли оно должно быть, мусийское ли, или конное; но собравъ всѣхъ гражданъ, предложилъ бы награду съ такимъ объявленiемъ: желающiй да явится состязаться шолько въ доставленiи удовольствiя; кто лучше забавитъ зрительей, все равно, какимъ бы по образъ ни было, шотъ побѣдитъ; и чѣмъ лучше достигнетъ своей цѣли, тѣмъ болѣе будетъ опличенъ предъ своими сподвижниками? Что, думаете вы, произвело бы подобное объявленiе?

Кл. Что вы хотите сказать?

Аѳ. Очень еспешвенно, что одинъ, подобно Гомеру, предложилъ бы рапсодiю; другой спалъ бы играть на лирѣ; иной представилъ бы трагедiю, шотъ комедiю. Не удивительно, что иной спалъ бы искашь побѣды представленiемъ чародѣйствъ. Еслибъ спекались сіи сподвижники и шьма другихъ, шо можно ли сказать, кто изъ нихъ испинной побѣдитель?

Кл. Нелѣпой вопросъ; какой разумный человекъ будетъ опвѣчать шобѣ, самъ напередъ не услышавъ каждаго изъ сподвижниковъ?

Аѳ. Но не хотите ли, чтобы я за васъ сказалъ сей нелѣпой отвѣтъ?

Кл. Почему нѣтъ?

Аѳ. Если маленькіе дѣти будутъ судьями, то они предпочтутъ всѣмъ показываема диковинокѣ. Не такъ ли?

Кл. Не иначе.

Аѳ. Суды взрослыхъ юношей предпочтутъ комедію. Просвѣщенный прекрасный полъ, умные юноши и почти весь народъ одобрятъ трагедію.

Кл. Можете быть.

Аѳ. А мы спарики съ большимъ удовольствіемъ спали бы вниманіе рапсодиспу, который прекрасно выражаетъ Илиаду, Одиссею, или что нибудь изъ Гезіода. Послѣ сего должно рѣшить, кому принадлежишь побѣда? Не такъ ли?

Кл. Истинно.

Аѳ. Для меня и для васъ должно быть совершенно ясно, что, одобренные нашими сверстниками, имѣютъ преимущество. Наши нравы во всѣхъ Государствахъ признаны лучшими и основательнѣйшими, нежели нравы юныхъ людей.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Я согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, что о музыкѣ должно судить по удовольствію, но не по удовольствію каждаго, чтобы то ни было. Та муза превосходнѣе всѣхъ про-

чихъ , копорою усаждающа люди оплич-
нѣйшіе , украшенны доспапочнымъ про-
свѣщеніемъ; особенно, копорою усаждаешя
мужъ, добродѣтелию и воспіпаніемъ всѣхъ
превосходящій. Добродѣтель необходима для
сихъ судей; они должны бышь одарены
не только благоразуміемъ, но и мужеспвомъ.
Не прилично судьи, приступая къ рѣшенію,
учипсья опъ самага шеапра; его успра-
шишь шумъ народа и собспвенное невѣже-
спво. Неопышный, по малодушію и слабо-
спи, изб сихъ усщъ, коими онъ призывалъ
Бога, вступая въ сіе званіе, изб сихъ усщъ,
къ спыду своему, онъ произнесешъ неспра-
ведливый приговоръ. Справедливоспъ пре-
буешъ, чшобъ онъ возсѣдалъ не ученикомъ,
но учипелемъ народа , и прошивился бы
шѣмъ, кои, опспуная опъ всякаго приличія и
правильноспи, доспавляющъ зришелямъ удо-
вольспвія. Древнимъ Еллинскимъ закономъ
позволялось шолѣ зришелей, какъ нынѣ дѣ-
лаешя въ Сициліи и въ Ипаліи , оп-
личашъ рукоплесканіемъ побѣдишеля. Сіе
вовлекло въ гибель самихъ поешовъ, кои
спали соображашься съ худымъ вкусомъ
народа, сдѣлавшагося собспвеннымъ своимъ
учипелемъ; сіе погубило павже удовольсп-
віе самага шеапра. Вмѣсно шого, чшобъ
видѣшь нравы и характеры благороднѣй-
шіе, выше обыкновенныхъ, и получашь чи-
спѣйшее наслажденіе, нынѣ поступающъ со-

всѣмъ запрошивъ. Разсмотримъ, что значить все сказанное?

Кл. Что именно?

Лв. Кажется, уже въ претпий или четвертый разъ слово наше возвращается къ первому предмету, что воспитаніе руководствуешь и влечешь юношество къ прямому смыслу закона, коего изыщество и сущность долговременнымъ опытомъ постигли только мужи старые. Чтобы удержашь юныя сердца отъ удовольствій и огорчений противныхъ закону и правиламъ добродѣтели; чтобы заславить ихъ направлять всѣ свои радости и горести къ той же цѣли, которую имѣюшь въ виду мужи старые; для сего изобрѣнены пѣсни, или лучше скажешь, божественныя очарованія. Онѣ производяшь въ душѣ сіе устройство и согласіе, коего юноши не могутъ достигнуть единственнымъ напряженіемъ силъ своихъ. Какъ больнымъ и шломымъ ослабленнымъ, пекущимся о здоровьи ихъ врачи, въ пріятныхъ сѣдяхъ и пищяхъ, подаютъ полезное лѣкарство, вредныя же вещества покрываютъ отвращительною наружностью и такъ приучаютъ одно любить, другаго отвращаться: равнымъ образомъ законодатель убѣдитъ поэта, и если нужно принудитъ его выражать въ словахъ высокихъ, изящныхъ, въ правильной мѣрѣ, въ прелестныхъ образахъ и гармоніи характеры мужей

мудрыхъ, мужественныхъ и совершенно добрыхъ.

Кл. Скажи ради Бога, почтенный иностранецъ, неужели ты думаешь, что въ другихъ Государствахъ сіе исполняется? Какъ я знаю и увѣренъ, только у насъ и Лакедемонянъ такъ поступающъ, какъ ты говоришь. Всѣ новизны, вводимыя въ пляскъ и музыкъ, производящъ не отъ законовъ, но отъ беспорядочнаго и спранныаго вкуса, копорой не только не привязанъ постоянно къ однимъ предметамъ, какъ у Египтянъ, но всегда измѣняется.

Аѳ. Прекрасно, Клиній; если ты думаешь, что я говорю о нынѣшнемъ состояніи, то развѣ попому, что я не ясно выражаю мысли свои. Я хотѣлъ сказать, чего должно претовашъ отъ музыки вообще, но, можешъ бышь, сказалъ больше. Порицашь дѣла неисправимыя и злоупотребленія вкоренившіяся, иногда необходимо, но припомъ всегда очень непріятно. Ты со мною согласенъ, и говоришь, что правила музыки у насъ и у нѣкошорыхъ другихъ соблюдающъ лучше, нежели у прочихъ Еллиновъ.

Кл. Такъ.

Аѳ. Но еслибъ всѣ соображались съ вами, то можно ли ручашся, что музыка пойдешъ лучше, нежели шеперь?

Кл. Какое сравненіе, еслибъ слѣдовали всѣ нашему примѣру!

Ае. Разсмотримъ, согласны ли мы въ своихъ мысляхъ. У васъ, во всякомъ воспианіи, во всякой музыкѣ одно ли пвердять? Заспавляете ли вы своихъ поетовъ говоришь, что добродѣтельный, умѣренный и справедливый мужъ щасливъ, блаженъ, не смотря на шо, великъ ли онъ и силенъ, малъ ли, и слабъ, богатъ или бѣденъ, и что несправедливый ведетъ жизнь бѣдную, плачевную, хошябъ онъ богатствами превзошелъ самаго Цинара и Мида? Прибавимъ къ сему, какъ долженъ говорилъ Спаршанскій Поетъ, еслибъ онъ хошябъ говоришь справедливо: я не почтѣ ни словомъ, ни памяшью шого, кто владѣетъ всѣми благами, но не имѣетъ справедливости. Справедливый не успрашился при видѣ враговъ; несправедливый лучше бы не дерзалъ смотрѣшь на кровопролитную сѣчу; лучше бы не упреждалъ въ бѣгствѣ Борея, и не владѣлъ бы всѣми, шакъ называемыми сокровищами; ибо блага, чернію уважаемыя, не заслуживающъ сего названія. Превосходнѣйшимъ благомъ у нихъ почиается здоровье, красота, сила, богатство; за шѣмъ именующя тысячи другихъ благъ, каковы сущь: оспроша зрѣнія, слуха, здоровое соспоаніе всѣхъ чувствъ; благо—бышь Царемъ, дѣлашь все по желанію, и къ довершенію всего, при шакихъ обладаніяхъ содѣлашься безсмертнымъ. Вы, и я съ вами, шакъ скажемъ, что все сіе для добрыхъ и благочестивыхъ со-

спавляеѣбъ хорошее спяжаніе, но для несправедливыхъ самое худое. Для порочнаго, начиная оѣбъ здоровья, видѣѣбъ, слышаѣбъ, чувсѣбъвовашъ и вообще жиѣбъ есѣбъ величайшее зло; шакой челоѣбъѣбъ пусѣбъ будѣбъ безсмертенѣбъ въ обладаніи всѣбъѣбъ шакихъ называемыхъ благѣбъ; и самая вѣбъчностъ его менѣбъ значиѣбъ, нежели самое краѣбъшее время справедливой и добродѣбъшельной жизни. Убѣбъждаете и заспаѣбъваете ли вы своихъ поешовѣбъ, сими испинами обличенными въ прекрасную мѣбъру и гармонию, просвѣбъщаѣбъ ваше юношесѣбъство? — испинами, чѣбъто шаѣбъ называемое зло, есѣбъ благо для несправедливыхъ и зло для справедливыхъ; чѣбъто блага добрыхъ сущѣбъ дѣбъйсѣбъствительныя блага, но не для злыхъ. Согласны ли мы въ шомѣбъ, о чѣбъмъ я воспросилъ васѣбъ, или нѣбъшѣбъ?

Кл. Въ иноѣбъ согласны, въ другомѣбъ нѣбъшѣбъ.

Лѣ. Но пусѣбъ кто вѣбъчно владѣбъетъ здоровьемѣбъ, богашѣбъствомѣбъ и властію, къ сему прибавимѣбъ опличную силу и мужесѣбъство; пусѣбъкай не коснешѣбъся его никакое зло; при всеѣбъмъ шомѣбъ, если онѣбъ пишаеѣбъ въ себѣ несправедливостъ и насильсѣбъство: не ужели я не увѣбърю васѣбъ, чѣбъто шакой челоѣбъѣбъ не блаженѣбъ, но совершенно неѣбъщасливѣбъ?

Кл. Нѣбъшѣбъ, мы вѣбъримъ сей испинѣбъ.

Лѣ. Чѣбъто же мы скажемѣбъ послѣбъ сего? Если кто мужесѣбъственѣбъ, силенѣбъ, прекрасенѣбъ, богашѣбъ и во всю жизнь свою успѣбъваетъ во

всѣхъ своихъ желанійхъ, но несправедливъ и приписишель челоѳческѣва: шо не ужели вы не почишаете жизни его гнусною, или согласишесь со мною и въ шомъ, что она совершенно такава?

Кл. Соглашаемся.

Аѳ. Равно и въ шомъ, что она худа?

Кл. Нѣтъ, въ ешомъ не равно.

Аѳ. По крайней мѣрѣ въ шомъ, что она непришна и ему самому неполезна.

Кл. Какъ можно согласишесь въ ешомъ!

Аѳ. Какъ друзья! еслибъ Богъ послалъ намъ согласіе! такъ мы пропшворѣчимъ другъ другу. Для меня, любезный Клиній, сіе кажется такъ необходимо, такъ ясно, какъ ясно шо, что Кришъ есть оспровъ. Еслибъ я былъ законодательмъ, шо заставилъ бы всѣхъ поешовъ и всѣхъ пражданъ воспѣвать справедливосшь, и опредѣлилъ бы самое жестокое наказаніе шому, что бы шалъ разглашашь въ сей справѣ, что есть нѣкоторые люди нечесливые, но пришно живущіе; что польза, корысшь и справедливосшь суть предметы совершенно различные. Я внушилъ бы своимъ согражданамъ солсѣивъ другое мнѣніе о сихъ предметахъ, нежели какъ думаютъ обь нихъ Кришяне, Лакедемонцы и другіе народы. Но, почтеннѣйшіе иноземцы, я свидѣшельствуюсь Зевесомъ и Аполлономъ; спросимъ у сихъ самыхъ Боговъ, вашихъ законодательей: жизнь справедливая есть ли

пріятнѣйшая? Или надлежитъ различать два образа жизни, одинъ пріятный; другой справедливый? Если они сѣжуютъ, что ешо два образа жизни: шо мы опяшь спросимъ, — вопросъ основательный — кого должно почищать щасливѣйшимъ, шого ли, ишо ведеть жизнь пріятнѣйшую, или справедливѣйшаго? Если они назовутъ щасливѣйшимъ ведущаго жизнь пріятную, то опвѣтитъ ихъ былъ бы нелѣпый. Но я не хочу окорблять Боговъ такимъ опвѣтомъ; пусть лучше опвѣтствуютъ родители и законодатели; предположимъ, что вопросъ нашъ опносится шолько къ законодателю или опцу, и онъ назвалъ бы щасливѣйшимъ шого, ишо ведеть пріятную жизнь. На сіе я шакъ возражалъ бы ему: опецъ мой, шы не желалъ мнѣ сей блаженнѣйшей жизни, но всегда приказывалъ жить справедливѣ. Принимающій сіе основаніе законодатель или опецъ можетъ ли опвѣчать далѣ, не впадая въ прошиворѣчіе съ самимъ собою? Съ другой стороны, если онъ признаеть щасливѣйшею жизнь справедливую, шо всякой, слушая его, сдѣлаеть шакое возраженіе: Какое благо въ справедливой жизни можетъ найти законъ выше удовольствія? Безъ удовольствія что опшается для справедливаго? Но слава, похвала опъ людей и Боговъ, сіи блага изящныя, развѣ не соединены съ удовольствіемъ? Безславіе пошудно, и ешь ли

въ немъ какое удовольствіе? Сіе невозможно, божественный законодатель, скажемъ мы. Не обижашь никого, и ни отъ кого не перѣшь обидъ, развѣ можно почешь дѣломъ добрымъ, изящнымъ, но вмѣшшь непріятнымъ? И запрошивъ какая пріятность въ дѣлѣ порочномъ и посшдномъ?

Кл. Никакой.

Лв. И шакъ слово, не раздѣляющее пріятнаго съ справедливымъ, добраго съ прекраснымъ, весьма правдоподобно если не для другихъ, шо по крайней мѣрѣ для шого, ишо хочешъ жить чешно и справедливо. Для законодателя всего посшдыѣе утверждаешь прошивное сему. Ибо нишо добровольно не согласишя дѣлашь шо, отъ чего онъ долженъ ожидашь не сколько радости, сколько огорченія. Но смотря долго на ошдаленные предметы, мы, почти какъ дѣши, наконецъ чувствуемъ помраченіе въ глазахъ. Законодатель иначе занимаешь наше вниманіе и разсудокъ; разсѣвая мракъ заблужденія, посредствомъ похвалъ, обычаевъ и разсужденіемъ онъ убѣждаешь насъ, что справедливость и несправедливость ошпѣнены какъ бы на иѣкоторой каршинѣ. Несправедливость прошивоположна справедливости, и если смотришь на нее несправедливый и порочный, шо она кажешся ему пріятною, а справедливость непріятною. Справедливый же видитъ шо и другое совсѣмъ иначе.

Кл. Вѣрояшно.

Аѳ. Но чей судъ основательнѣе, благороднѣйшей души или худшей?

Кл. Необходимо благороднѣйшей.

Аѳ. Слѣдовательно и несправедливая жизнь не только постыдна, и низка, но испинно неприятнѣе жизни справедливой и благочестной.

Кл. По етому слову пакъ должно быть.

Аѳ. Но еслибъ даже сіе было иначе, нежели какъ мы говоримъ, и благомыслящій законодатель для пользы юношества позволилъ бы себѣ ложь: то что можешъ быть невиннѣе и полезнѣе сей лжи, которая можешъ заставить насъ добровольно исполнять справедливоспъ?

Кл. Истина прекрасная, неизмѣняемая; но не легко убѣдиль въ ней.

Аѳ. Положимъ пакъ. Но не шрудно было убѣдиль въ баснословномъ сказаніи о Сидонскомъ Кадмѣ и во многихъ другихъ невѣрояшностяхъ.

Кл. Въ какомъ сказаніи?

Аѳ. Будто изъ побѣянныхъ зубовъ нѣкогда произрасли войны. Вопъ сильное доказательство для всякаго законодателя, что онъ можешъ убѣдиль юные умы во всемъ, въ чемъ только пожелаетъ. Ему оспаешся только обдумать, какое убѣжденіе можешъ принести отечеспѣу болѣе пользы, и попомъ употребиль все стараніе къ тому,

какимъ образомъ заставишь всѣхъ жищелей одного Государства говорить одно и поже во всю свою жизнь, и въ пѣсняхъ, и въ вымыслахъ и въ разговорахъ. Если вы со мною не согласны, то можете представить свои возраженія.

Кл. Никшо изъ насъ не будемъ спорить о семъ.

Лв. И пакъ мнѣ оспается продолжати свою рѣчь. Я говорю, что при хора Музъ своими пѣснями должны руководствовати людей, начиная отъ перваго возраста, когда сердца ихъ бывають юны и нѣжны, и прославлять шѣ блага, о коихъ мы говорили и будемъ говорить. Но главнымъ предметомъ сихъ пѣсней да будемъ то, что жизнь пріятнѣйшая и лучшая по суду Боговъ есть одна и паже. Говоря пакъ, мы скажемъ истину, и въ сей истинѣ легче убѣдишь симъ, нежели другимъ какимъ либо образомъ.

Кл. Должно согласишься съ побою.

Лв. И пакъ дѣтской хоръ музъ первый долженъ выступить на средину, и со всѣмъ спараніемъ возглашати сіи пѣсни въ присутствіи всѣхъ гражданъ. Вшорой хоръ, состоящій изъ юношей до прищати лѣтъ, будетъ призывать Аполлона во свидѣтельство истины, и просить, чтобъ онъ былъ къ нимъ милосивъ и напѣчаталъ бы на сердцахъ ихъ божественныя правила. Совершенные мужи отъ прищати до пншиде-

сяпи лѣтъ составляющъ прешій хоръ. Тѣмъ, кои по глубокой старости уже не могутъ пѣть, оспается бытъ повѣспива-телями прорицаній оракула о сихъ исти-нахъ.

Кл. Ты говоришь о какихъ по шрехъ хо-рахъ; мы недовольно ясно понимаемъ, что они значашъ.

Лс. Но объ нихъ мы уже говорили въ предъ-идущемъ нашемъ словѣ.

Кл. Мы не поняли; постарайся сказать сіе яснѣе.

Лс. Если помнишь, мы сказали въ началѣ сего разговора, что пылая юность не можетъ хранить спокойствія ни въ шѣлѣ, ни въ голосѣ, но всегда бы она кричала и прыгала безъ всякаго порядка; что чувство порядка и спройности въ шомъ и другомъ случаѣ не принадлежишъ ни одному живому, но есть собшвенность человѣческой природы; что спройность въ движеніи называется мѣрностью (риѣмось), спройность въ звукахъ легкихъ и тяжелыхъ—гармонією; что хороводъ состоишъ изъ мѣры и гармоніи. Мы сказали, что Боги милосердшвуя о насъ, дали намъ наставниками и собесѣдниками Аполлона, Музъ и прешьяго, если помнише, Вакха.

Кл. Какъ не помнишь!

Ае. О хорѣ Музѣ и Аполлона мы уже говорили; оспашся сказать о шрешьемъ хорѣ Вакха.

Кл. Чшо такое? скажи. Очень любопытно в другѣ слышашь о Вакховомъ хорѣ спарцевѣ; любопытно знашь, какъ поюшъ и пляшущъ мужи за тридцашъ лѣшъ, за пятьдесять и до шесшидесяти.

Ае. Ты справедливо замѣчаешь сіе; но должно извяснишь, какимъ образомъ можешъ войши сіе въ обыкновеніе.

Кл. Извясни.

Ае. Въ первомъ вы уже согласились сомною.

Кл. Въ чемъ?

Ае. Въ шомъ, чшо совершенный мужъ, и юноша, свободный и рабъ, шощъ и другой полъ и весь городъ, шоржешшвенно, не умолая, должны воспѣвашъ шо, о чемъ мы говорили, и воспѣвашъ съ возможнымъ измѣненіемъ и разнообразіемъ, дабы пѣсни соспавляли ненасышимую спрашь и удовольствіе поющихъ.

Кл. Нельзя не согласиться, чшо ешо шакъ бышь должно.

Ае. Но сію услугу могутъ оказывашъ не лучшіе ли въ Государствѣ люди, уважаемые по возрасту и мудрости, и въ пѣсняхъ искусные? Или мы безразсудно опшвергнемъ шѣхъ, кои владѣющъ божешшвеннымъ даромъ пѣнопѣній пріятныхъ и полезныхъ?

Кл. Не должно опшвергать ихъ, какъ доказывающъ швомъ слова.

Аѳ. Но какимъ образомъ прилично употребимъ сихъ пѣвцовъ? Развѣ не шакъ ли?

Кл. Какъ?

Аѳ. Всякой спарикъ дѣлается слишкомъ дѣтскими къ пѣнію; пѣсни болѣе не услаждаютъ его; чѣмъ онъ шарѣе и разумнѣе, тѣмъ болѣе спыдился пѣшь, еслибъ сего пошребовала необходимость. Не шакъ ли?

Кл. Справедливо.

Аѳ. А еще болѣе онъ успыдился пѣшь въ шеапрѣ, примногочисленномъ собраніи народа. Пѣніе спарцевъ было бы непріятно, малодушно и слабо, еслибъ, для гибкости и швердоспи голоса, ихъ подвергли тѣмъ же правиламъ и воздержанію, съ какими пригоповляются хороводы, соспязующіеся о побѣдѣ.

Кл. Необходимо.

Аѳ. Какимъ же образомъ поощримъ ихъ къ пѣснямъ? Не должно ли опредѣлишь закономъ во первыхъ, чшобъ дѣши до осьмнадцати лѣтъ совсѣмъ не вкушали вина? Увѣримъ ихъ, что въ юныхъ тѣлахъ и душахъ не должно прибавлять огня къ огню, и предохранимъ ихъ отъ безумной пылкости, доколѣ они не познакомятъся съ шрудами. Съ сего времени позволешся умѣренное употребленіе вина до шридцати лѣтъ; но пьянства и упоенія молодой человекъ долженъ быть совершенно чуждъ. Доспигшій сорока лѣтъ можетъ предаваться веселію пиршествъ и призывать Вакха съ прочими бо-

жестивами къ увеселенію и подкрѣпленію спароспи. Вахъ посылаешъ намъ въ винѣ врачевство прошивъ всѣхъ огорченій не разлучныхъ съ нашими лѣшами: мы юнѣемъ съ нимъ и забываемъ всѣ печали; имъ смягчающся суровые нравы, подобно желѣзу въ огнѣ раскаленному; съ нимъ мы оживаемъ. Въ семъ расположеніи духа каждый если недерзоспно, по крайней мѣрѣ съ меньшею заспѣнчивостію, не среди многочисленнаго собранія, но въ небольшомъ кругѣ слушапелей, не при людяхъ чуждыхъ, но среди семейства своего, пѣснію будешъ доспавляшь удовольствіе.

Кл. Легко можешъ бышь.

Аѳ. И шакъ небезчестенъ сей способъ заспавляшь спариковъ принимаешь участіе въ нашихъ пѣсняхъ.

Кл. Совсѣмъ не безчестенъ.

Аѳ. Но что воспуюшь сіи спарцы и какиѣмъ голосомъ? Муза ихъ должна бышь прилична ихъ лѣшамъ.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Какаѣ же Муза достойна мужей божеспвенныхъ? Но Муза ли хороводовъ?

Кл. Мы не знаемъ другихъ пѣсней, кромѣ пѣхъ, коимъ научились въ хоровахъ; мы поемъ по привычкѣ.

Аѳ. Не трудно понять сіе. Вы не способны къ лучшимъ пѣснямъ. Ваше Государство походитъ на военный спанъ; ваши юноши не воспитывающся жишь въ пріятномъ обще-

спивъ городовъ, но, подобно скопамъ, знаютъ только свое спадо и паспбище. У васъ никшо не смбелъ опдблпшь своего грубаго и своеправнаго сына опъ общей массы, научпшь его, по собспвенному произволу, конскому рыспанію, смягчпшь и образовашь его сердце, и доспавпшь ему всб выгоды хорошаго воспитанія шамъ, чшобы онъ былъ не только храбрымъ вономъ, но и добрымъ гражданиномъ, способнымъ къ исправленію общеспвенныхъ обязанноспей. Такой юноша, какъ мы прежде сказали, былъ бы воинспвеннбе Тиршеевыхъ воиновъ; мужеспво для него не было бы первбйшею добродбшелою, но всегда и вездб, какъ въ часпности, шамъ и въ опношеніи къ цблому Государспву, только чеспвершою частію ея.

Кл. Не понимаю шебя, иносспранецб; пы опяшь охуждаешъ нашихъ законодащелей.

Аб. Я дблаю сіе безъ всякаго намбренія. Но если угодно, послбдуемъ хладнокровно за самымъ словомъ, куда оно приведетъ насъ. Если еспъ другая Муза лучше шой, кошорая начальспвуешъ въ хороводахъ и общеспвенныхъ зрблпщахъ, шо усшупимъ ее шбмъ, кои спыдятся сей послбдней и желаюпъ благороднбйшей.

Кл. Согласны.

Аб. Во всемъ, чшо сопровождается нбкшорымъ пріяшспвомъ, во всехъ дблахъ изящеспва главною цблію необходимо должно

быть или одно удовольствіе, или нѣкошорая правильность, или наконецъ польза. Такъ, на примѣръ, пища и питье и все снѣдомое сопровождаются удовольствіемъ; но въ нихъ есть также своя правильность и польза; по, что пособствуетъ нашему здоровью, мы называемъ также правильнымъ.

Кл. Согласны.

Аѳ. Ученіе также сопровождается удовольствіемъ. Но истина производитъ правильность и пользу, доброшу и красоту.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Чтожъ изъ сего? Образовательныя искусства, занимающіяся подражаніемъ, не имѣютъ ли цѣлю удовольствіе, и если онѣ достигаютъ сей цѣли, то не справедливо ли мы называемъ ихъ изящными?

Кл. Очень справедливо.

Аѳ. Но правильность соспощъ въ соощвенности частшей, и вообще, можно сказать, въ соразмѣрности количества и качества, а не въ удовольствіи.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Слѣдовательно по удовольствію можно правильно судить только о томъ, что не производитъ ни пользы, ни истины, ни сходства, ни вреда; но что производится для одного только удовольствія, и другаго имени не имѣетъ, если не соединяется съ другими качествами.

Кл. Ипакъ ты называешь удовольствіе только безвреднымъ.

Ае. Да. Такимъ удовольствіемъ я называю игру, если она не приноситъ ни вреда, ни важной какой либо пользы.

Кл. Весьма справедливо.

Ае. Основываясь на предыдущемъ, не должно ли согласишься, что никакое подражаніе, никакое сходство и соразмѣрность не могутъ быть разсмаприваемы и судимы по удовольствію, и по мнѣнію неиспинному? Ибо предметы бывають равными и соразмѣрными не потому, что одному нравятся, а другому не нравятся; но по самой истинѣ.

Кл. Совершенно такъ.

Ае. Но музыку вообще не называемъ ли мы образовательною и подражательною?

Кл. Такъ.

Ае. Почему не должно вѣришь словамъ ихъ, кои говорятъ, что музыку должно разсмапривать и цѣнить по удовольствію; и еслибъ даже была такая музыка, то не ее должно почитать превосходнѣйшею, но ту, въ которой сохранена вся правильность подражанія изящному.

Кл. Справедливо.

Ае. Кто любитъ изящнѣйшія гѣсни, тошъ долженъ привязываться не къ пріятному, но къ правильному. Правильность подражанія, говорили мы, требуетъ, чтобъ подражае-

мый предметъ былъ выраженъ со всѣмъ совершенствомъ.

Кл. Не иначе.

Ае. Всѣ согласны въ томъ, что произведенія музыки суть подражаніе и оппечатонокъ. Не соглашающся ли въ этомъ равно и поепы, и слушашели, и актеры?

Кл. Да.

Ае. И шавъ, чшобъ избѣжашъ погрѣшности въ разборѣ пишическихъ произведеній, должно знашъ сущность ихъ. Судья, незнающій ни свойствъ, ни цѣли ихъ, незнающій, чему онѣ подражающъ, никогда не оппкроешъ ни правильности, ни ошибки въ наобреніи художника.

Кл. Да, едвали онъ что оппкроешъ.

Ае. Не имѣя познаній о художествѣ можно ли различить, что въ немъ хорошо, и что худо? но я говорю не довольно ясно. Скажемъ яснѣе.

Кл. Скажи.

Ае. Есть и для зрѣнія безчисленные подражанія.

Кл. Конечно.

Ае. Не зная совершенно тѣлв, коимъ подражающъ художникъ, можно ли точно понимать и цѣнить произведение, шо есть соблюдены ли въ немъ всѣ оппношенія? на своемъ ли мѣстѣ каждая часть? въ какомъ порядкѣ всѣ части слѣдующъ одна за другою? натуральны ли цѣлшы и положенія?

или нѣтъ ни въ чемъ ни души ни порядка? Можно ли дашь приговоръ свой о художествѣ, не имѣя никакой идеи о живописномъ, пошорому подражалъ художникъ?

Кл. Не можно.

Аѳ. Но зная, что написанное или слѣпленное естъ образъ челоуѣка; зная, что искусство дало ему всѣ часпи, съ приличнымъ цвѣшомъ и въ ешешественномъ положеніи, сверхъ того, не должно ли знаніе, изящно ли произведеніе или чего недостаесть къ красотѣ его? Намъ извѣсны совершенства каждаго живошнаго.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Чшобъ бышь разумнымъ судьею всякаго произведенія живописи или музыки или въ другомъ какомъ либо родѣ, не должноли напередъ имѣшь поняшіе о сихъ прехъ предметахъ: во первыхъ, что изображено; во вторыхъ, вѣрно ли подражаніе; и наконецъ, изящно ли оно выражено словами, мелодіею и мѣрою?

Кл. Кажешся шавъ.

Аѳ. Разсмотримъ безприсраспно, сколь шрудное дѣло судишь о музыкѣ. Ибо сколько она прославляешя предъ прочими художествами, сполько пребуесть ошорожности и вниманія. Злоупопребленіе ея влечетъ самыя гибельныя слѣдствія, поршитъ нравы. Весьма шрудно замѣшишь его, когда сами художники шавъ легко уклоняющся отъ Граціи. Гра-

ціи никогда не позволявш слова Героевъ соединяшъ съ наружностію и пономъ слабой жены; или голосъ и видъ людей свободныхъ соединяшъ съ мѣрою рабовъ и низкой черни; или благородную мѣру сопровождашъ голосомъ и словами совершенно прошивными. Онѣ не спанушъ вмѣстѣ соединяшъ звуки живописныхъ, людей и орудій и выдавашъ ихъ за единое цѣлое. Но наши человекѣи—художники все смѣшивающъ и бессмысленнымъ смѣшеніемъ производяшъ полько смѣхъ въ шѣхъ людяхъ, коимъ досталась въ удѣлъ Грація насмѣшки, какъ говоришъ Орфей. Не довольствуясь симъ безпорядочнымъ смѣшеніемъ они перзающъ музыку на часпи. Они вводяшъ мѣру и образъ безъ мелодіи, предлагая мѣрные спрочки пусныхъ словъ; мелодію и мѣру лишающъ словъ, упопреляя проскую лиру и свирѣль. Весьма прудно узнашъ, что значашъ безъ рѣчи мѣра и гармонія, и какому важному предмету подражаешъ. Можно почиашъ необходимымъ признакомъ грубости ешу сильную охошу къ быспрошѣ, къ смѣшенію звуковъ и къ безобразному, диному грому, равно какъ упопреленіе лиры и свирѣли безъ пляски и пѣнія. Игры сіи, не соединенныя вмѣстѣ, показывающъ одно невѣжесшво и пусное пщеславіе. Впрочемъ цѣль наша не та, чтобъ воспрешшъ музыку мужамъ придцашилѣшнимъ и спарикамъ за пятьдесяшъ лѣшъ, но

только опредѣлишь, какая для нихъ причина. Слово сіе, кажется, ведетъ къ тому, что они особенно должны быть искусны въ хороводахъ; ибо ихъ долгъ — различать и со всею тонкостью чувствовать всѣ виды мѣры и гармоніи. Иначе могли бы они знать правильность мелодіи, и судить, соотвѣтствуетъ ли предмету напѣвъ Дорическій или иѣшъ? Настоящій ли размѣръ избираешь себѣ поетъ или иѣшъ?

Кл. Ясно, что безъ ученія судить о музыкѣ не можно.

Ав. Смѣшно слышать отъ многочленной толпы невѣждъ, будто они уже понимаютъ, что спройно, благомѣрно или неблагомѣрно, если ихъ однажды заставляли мѣрно пѣть или плясать; а не разсудятъ, что дѣлаютъ сіе безъ всякаго понятія. Всякая пѣснь хороша, если въ ней соблюденъ приличный характеръ; иначе она неправильна.

Кл. Необходимо такъ должно быть.

Ав. Не имѣя понятія о самой вещи, можно ли судить о правильности ея?

Кл. Какимъ образомъ?

Ав. Теперь мы открыли, что пѣ, коихъ мы просимъ и заставляемъ пѣть, но заставляемъ, такъ сказать, по доброй ихъ волѣ, необходимо должны быть образованы по крайней мѣрѣ сполько, чтобы слѣдовать за удареніями размѣра и за различными тонами мелодіи. Поспигая согласіе звуковъ и мѣру,

они могутъ различать, что прилично бытьъ мужамъ престарѣлымъ и важнымъ. Воспѣвая, и сами будучъ наслаждаешься невиннымъ удовольствіемъ, и юношамъ будучъ служишь руководителями къ доброй нравственности. Столько образованные, съ просвѣщеннымъ умомъ необходимо должны бытьъ выше мнѣній, чернію управляющихъ и выше самихъ поетовъ. Поету нѣтъ нужды знать, изященъ ли предметъ самаго подражанія, или худъ; онъ печется только о гармоніи и мѣрѣ; но старѣйшіе должны имѣть равное познаніе во всѣхъ прехъ частяхъ, и умѣть избиратьъ изящное или близкое къ изящному; иначе юноши никогда не услышатъ гимновъ воспламеняющихъ къ добродѣтели. — Цѣлю сего слова съ самаго начала было то, чтобъ защитить хороводъ Вакха; и что возможно, все сказано. Еще однажды повѣримъ, исполнено ли обѣщанное. Всякое собраніе въ продолженіи пиршества дѣлается шумѣе. Еще сначала мы видѣли сіи обыкновенныя слѣдствія.

Кл. Да.

Лв. Въ сіи минуты всякой бываетъ живѣе, приходитъ въ восторгъ, исполняется опьяненности и невниманія къ ближнему своему; всякой думаетъ, что онъ способенъ управлять собою и другими.

Кл. Не иначе.

Аѳ. Мы сказали, что въ сіе время сердца пирующихъ воспаляются и дѣлаются мягкими подобно раскаленному желѣзу; тогда они, какъ во второй юности, легко повинуются чловѣку сильному, копорой умѣешь владѣть ими и образовашь ихъ. Сей образовашель — художникъ есть не иной кто, какъ мудрый законодапель, коего пиршешвенные законы такъ сильны, что чловѣка самонадѣшельнаго, дерзкаго, беспыднаго, неумѣющаго сохранять порядка и сноровки ни въ молчаніи, ни въ словѣ, ни въ пипіи, ни въ пѣніи, такаго чловѣка заспавляютъ дѣлашь совсѣмъ прошивное, и безчеспной самонадѣшельности его прошивопоспавляютъ спрахъ, копорый мы назвали спрахомъ Божимъ, спыдомъ, робостію, совѣспностію.

Кл. Такъ.

Аѳ. Блоспипелями же и сподвижниками сихъ законовъ должны бышь люди не буйные, и вождями непрезвымъ могутъ служить только презвые. Безъ сихъ вождей обращашь въ пиршешвахъ опаснѣе, нежели сражашься прошивъ враговъ не подъ предводительствомъ беспспрашныхъ. Неповинующаго своимъ вождямъ, начальникамъ Ванховыхъ бесѣдъ, ппидесятилѣшніе спарѣйшины должны подвергать жесточайшему наказанію, нежели воина, спспупающаго прошивъ повелѣнія своего полководца.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Еслибъ такимъ образомъ учреждались игры и пиршества; еслибъ собесѣдники соображались съ сими законами и съ волею презвыхъ: тогдабы сколь великую пользу они могли получитьъ для себя? Въмѣсто того, чшобъ выходилъ изъ пиршества врагами, какъ теперь, они разспавались бы лучшими друзьями.

Кл. Справедливо, еслибъ пиршества были шаковы, какъ ты говоришь.

Аѳ. Ишакъ не будемъ порицать напрасно дары Вакха, какъ вредные и недостойныя бытъ въ челоѳическомъ обществѣ. Можно бы предспавилъ многія важныя выгоды, онѣ нихъ производящія; но я не смѣю говорить о величайшемъ благѣ, которое людямъ даруетъ сей богъ; шакъ худо и превратно понимающъ его.

Кл. Какое же ешо благо?

Аѳ. Идетъ преданіе, будто сей богъ мачихою своею Юноною былъ лишень ума. Въ опмщеніе за сію обиду онъ изобрѣлъ Вакхическія игры и шумныя пляски, и для сего даровалъ людямъ вино. Но я предспавляю говорить сіе о богахъ дерзновеннѣйшимъ: Знаю только, что ни одинъ челоѳкъ не раядается съ полнымъ разумомъ, какой онъ долженъ имѣть въ зрѣломъ возрастѣ; въ семъ промежуткѣ, еще не имѣя всей мудрости, ему свойственной, онъ находилъ въ сосполній изясшупленія; произносилъ безпорядчныя крики;

при малѣйшемъ воспоргѣ прыгаетъ. Припомнимъ, что сіе, какъ сказали мы, было началомъ музыки и гимнастики;

Кл. Помню, что мы о семъ говорили.

Аѳ. Что опсѣлѣ люди получили понятіе о мѣрѣ и гармоніи, понятіе, которымъ они обязаны Аполлону, Музамъ и Вакху.

Кл. Такъ.

Аѳ. По словамъ другихъ, вино послано въ наказаніе—подвергать людей сумашествію. А мы напрошивъ говоримъ, что въ немъ послано средство, душѣ къ приобрѣтенію сиромности и стыда, шѣлѣ къ сохраненію здоровья и крѣпости.

Кл. Прекрасное сокращеніе всего, что прежде сказано.

Аѳ. Мы объяснили одну часть хоровода; объяснимъ ли и другую половину его, или оставимъ?

Кл. Какая еше другая половина? Какъ ты раздѣляешь его?

Аѳ. Мы говорили вообще о хороводѣ, какъ о цѣломъ воспитаніи. Одна часть его состоитъ въ мѣрѣ и гармоніи, относительно къ голосу.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Другая, которой предметъ есть шѣлѣдвиженіе, имѣетъ одно общее съ голосомъ — мѣру, и собственное свое—образъ, такъ какъ мелодія есть собственность голоса.

Кл. Точно такъ.

Аэ. Не знаю, по какой причинѣ названа музыкаю ша часъ, которая, посредствомъ гармоническихъ звуковъ дѣйствуетъ на душу и внушаетъ ей любовь къ добродѣтели.

Кл. Она хорошо названа.

Аэ. Дѣйствія же и движенія шѣла, кои мы назвали пляскою, если имѣютъ цѣлю доблестъ шѣлесную, мы называемъ гимнастикою.

Кл. Справедливо.

Аэ. И такъ мы довольно сказали о сей части хоровада, которая называется музыкаю. Должно ли говорить о другой половинѣ, или нѣтъ? Что вы лучше избираете?

Кл. Почтенный Аѣинянинъ, съ Кристьянами и Ланедемонцами ты говорилъ о музыкѣ, и не хочешь говорить о гимнастикѣ? Какого отвѣта на сей вопросъ ты ждешь отъ насъ?

Аэ. Дѣлая сей вопросъ, ты уже отвѣчаешь. Вижу въ немъ не только вашъ отвѣтъ, но и желаніе — слышать о гимнастикѣ.

Кл. Ты совершенно понялъ наше желаніе; исполни же его.

Аэ. Должно исполнишь; не трудно говорить о предметахъ, вамъ обоимъ извѣстныхъ; въ семъ искусствѣ вы имѣете болѣе опытности, нежели въ первомъ.

Кл. Правда.

Ае. Источникъ и происхождение сего искусства есть общее всѣмъ живописнымъ расположеніе къ прыганію. Но природа человѣческая, какъ мы сказали, имѣетъ чувство къ мѣрѣ; сіе чувство съ одной стороны дало существованіе пляскамъ, съ другой произвело или пробудило пѣніе; отъ сего союза произошелъ хороводъ.

Кл. Справедливо.

Ае. Объ одномъ предметѣ мы уже сказали; въ послѣдствіи постараемся сказать и о другомъ.

Кл. Очень хорошо.

Ае. Но прежде, нежели приступимъ къ нему, если угодно, положимъ послѣднее правило касательно пиршествъ.

Кл. Какое правило?

Ае. Если въ Государствѣ пиршествва, какъ важнѣйшій предметъ, употребляются сообразно съ законами и служатъ училищемъ умеренности, равно какъ и прочія удовольствія позволяются только для того, чтобы учиться побѣждать ихъ; то всѣ имѣющіе право пользоваться ими. Но гдѣ почишающіе ихъ какъ забаву, позволенную каждому, во всякое время, какъ, и съ кѣмъ кто хочетъ веселился; гдѣ мѣшающіе пьянство съ важными дѣлами; тамъ я не даю своего голоса, и говорю, что такое Государство или частной человѣкъ съ такимъ образомъ мыслей должны быть чужды даровъ Вакха.

Напрошивъ въ семъ случаѣ я предпочитаю
 обычаемъ Кришанъ и Лакедемонцевъ за-
 конъ Кареагенскій; паковъ сей законъ: въ
 военномъ спанѣ никто не долженъ вкушать
 вина; но во все продолженіе походовъ до-
 вольствоваться одною водою. Внутри Го-
 сударства не должны предаваться пьян-
 ству ни рабы, ни рабыни; также прави-
 пели, кормчіе, судьи во все продолженіе
 службы или должности своей должны
 быть совершенно чужды всякаго пьянст-
 ва. То же наблюдать долженъ человекъ,
 вступающій въ какое либо совѣщаніе. Только
 по слабости плѣла или по болѣзни позво-
 ляется употреблять вино во время дневное.
 Ночью оно не позволено женѣ и мужу,
 какъ вредное для будущихъ дѣтей ихъ.
 Можно привести безчисленные случаи, въ
 которыхъ и разумъ и законы запрещаютъ
 употребленіе вина. По сей причинѣ и воздѣ-
 лываніе винограда не должно быть слиш-
 комъ значительно; при раздѣленіи земли
 для воздѣлыванія пшпщельныхъ растѣній,
 онъ долженъ занимать самое умѣренное и
 малозначущее мѣсто. Вотъ послѣднее пра-
 вило, которымъ я хотѣлъ кончить наше
 разсужденіе о семъ предметѣ.

Кл. Прекрасное правило, мы принимаемъ
 его.

РАЗГОВОРЪ ТРЕТІЙ

о

ЗАКОНАХЪ.

Аѳ. Уже довольно сказано о предыдущемъ. Теперь что мы скажемъ о началѣ Гражданскаго устройсва? Не лучше ли разсмаширивашь его съ сей почки зрѣнія, какъ удобнѣйшей?

Кл. Съ какой?

Аѳ. Съ кошорой должно разсмаширивашь возвышеніе Государствъ въ добродѣтели и уклоненіе ихъ къ пороку?

Кл. Какая же еша почка?

Аѳ. Я думаю, что должно разсмаширивашь съ самыхъ опдаленныхъ, неизвѣстныхъ временъ и съ пѣхъ собыцій, кои могли тогда случиться.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Ты можешь представишь себѣ, сколько времени прошло съ пѣхъ поръ, какъ существовашь Государства, и какъ люди начали бышь управляемы?

Кл. Ешо невозможно.

Аѳ. Слѣдовательно времена сіи перяюся въ глубокой, непроницаемой древности?

Кл. Должно бышь шакъ.

Аѳ. Въ продолженіи сего времени какое безчисленное множество городовъ возникало? въ шакомъ же опношеніи какое множество ихъ погибло? сколько разъ перемѣнялся об-

разв правленія? Одни дѣлались изв малыхъ великими, другіе изв великихъ малыми; памв нравы усовершеншвовались, здѣсь они поршились.

Кл. Необходимо.

Ае. Разсмотримв причину сего измѣненія, если можно; можешв бышь сіе приведетв насв кв первому произхожденію и упадку Государствв.

Кл. Хорошо; пы постарайся изложитв намв о семв свое мнѣніе, а мы св охотою послушаемв шебя.

Ае. Признаете ли вы какую либо истину вв древнихъ преданіяхъ?

Кл. Вв какихъ преданіяхъ?

Ае. Чшо происходили великія испребленія вв чловѣческомв родѣ отв попоа, отв болѣзней и многихъ другихъ случаевв, послѣ которыхъ оставалось весьма малое число жившелей?

Кл. Ештому всякой вѣритв.

Ае. Изв многихъ испребленій предшавимв себѣ одно, произшедшее отв попоа.

Кл. Чшо можемв мы вообразитв себѣ о семв испребленіи?

Ае. Чшо наіе нибудь горные паслухи спаслись отв общей гибели, и на вершинахъ горв сохранили нѣсколько искрв чловѣческаго рода.

Кл. Ввроятно.

Аѳ. Сіи люди, не знакомые съ прочими искусствами, вѣроятно не знали также ухищренной корыстлюбія и честлюбія, и шѣхъ средствъ, коими спараюшся вредить другъ другу народы просвѣщенные.

Кл. Должно такъ предполагашь,

Аѳ. Предположимъ также, что города, лежащіе на равнинахъ и при морѣ, въ то время испреблены до основанія.

Кл. Положимъ такъ.

Аѳ. Слѣдовательно испребились и всѣ орудія, и совершенно исчезли всѣ открытія въ полезныхъ искусствахъ, въ Государственномъ управленіи, и во всякой другой мудрости.

Кл. Еслибъ все сѣ самаго начала оспава-лось въ такомъ положеніи, какъ мы теперь видимъ, то могли ли бытъ новыя какія либо открытія? Многія тысячы лѣтъ прошли, кои оспаюшся для насъ воемъ неизвѣстными. Тысяча или двѣ тысячы лѣтъ прошекли съ шѣхъ паръ, какъ нѣкоторые открытія сдѣлалъ Дедалъ, другія Орфей, иныя Паламидъ; какъ Марсіи и Олимпъ изобрѣли музыку, Амфіонъ лиру; и какъ произошли многія другія искусства, кои появились на свѣтъ, такъ ска-зашь, вчера или недавно.

Аѳ. Но ты забылъ любимаго своего мужа, копорый дѣйствительно только вчера жилъ.

Кл. Ты говоришь объ Епимидѣ.

Аѳ. О немъ. Изобрѣшательный умъ его спавишъ его выше всѣхъ, о коихъ ны упомянулъ. Чшо Гезіодъ давно предсказалъ словомъ, шо Епименидъ совершилъ самимъ дѣломъ, какъ вы говорише.

Кл. Да, мы пакъ говоримъ.

Аѳ. Таково было соспоянiе человѣческихъ дѣлъ послѣ всеобщаго испребленiя. Повсюду глазамъ предспавлялась одна ужасная, необозримая пущыня; обширныя спраны оспались безъ жишелей; всѣ живощныя погнбли; оспалось малое племя шельцовъ и козъ, кои достспавляли паспырямъ скудное пропншаніе.

Кл. Неиначе.

Аѳ. А послѣ Государствъ, послѣ Гражданскаго успройшсва, избъ законодашельсва, о коемъ шеперь у насъ идешь рѣчь, оспалась ли и самая памяшь?

Кл. Нѣшъ, не оспалась.

Аѳ. Изъ шакого соспоянiя возникло все, чшо мы шеперь видимъ, и города и правленіе, ишкусшва и законы; шакое начало получила и наша чрезмѣрная ишпорченность и наша великая добродѣшель.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Можно ли думашь, почшennyй, чшо жившіе погда люди, незнакомые ни съ выгодами городской жизни, ни съ порогами ея, были далеки въ добродѣтели или въ ишпорченности?

Кл. Справедливое замѣчаніе; мы понимаемъ, что ты хочешь сказать.

Ас. Только въ продолженіи времени, и съ умноженіемъ людей, дѣла человѣческія пришли въ сіе положеніе, въ которомъ онѣ нынѣ находящяся.

Кл. Весьма справедливо.

Ас. И не скоро, какъ должно предполагать, но мало по малу и съ великою медленностію.

Кл. Предположеніе основательное.

Ас. Ибо долго еще оставался во всѣхъ недавній страхъ—переселяться съ высотъ на равнины.

Кл. Не иначе.

Ас. По малолюдству пѣхъ временъ, хотя всѣ съ радостію желали бы видѣть другъ друга: но оспались ли какія средства путешествовать на сушѣ или по морю? возможно ли было имѣть какое либо сообщеніе, тогда какъ желѣзо, мѣдь и прочіе металлы исчезли подѣ водою, и совершенно потерялось искусство обрабатывать ихъ; когда самая рубка деревъ сдѣлалась затруднительною? Ибо, если и сохранилось на горахъ какое нибудь орудіе, то отъ употребленія оно должно испортилось; а другихъ не могло быть, доколѣ не возстановилось между людьми обработываніе металловъ.

Кл. Сіе не могло быть иначе.

Аѳ. А чрезъ сколько поколѣній, думаете вы, могли дойти до сего?

Кл. Надобно думать, послѣ безчисленныхъ поколѣній.

Аѳ. Такимъ образомъ въ то же время исчезли и прочія искусства, производимыя помощію желѣза, мѣди и прочихъ металловъ; но исчезли на должайшее время.

Кл. Иначе.

Аѳ. Въспомните себѣ тогда не было ни возмущеній, ни войны.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Малолюдство внушало взаимную дружбу другу любовь и расположеніе. Тогда не надобно было оспаривать другъ у друга пищу; тогда, разумѣется не въ самомъ началѣ, не было недосыпка въ пищательныхъ средствахъ, но все было привольно; не нуждались ни въ молокѣ, ни въ мясахъ; ловлею доставляли себѣ не худую и не скудную пищу, имѣли изобиліе въ одеждѣ и въ покрывахъ, въ жилищахъ и орудіяхъ, на огнѣ и безъ огня употребляемыхъ. Искусство лѣпленія и плетенія не требуетъ пособія желѣза; и сіи искусства въ то время даровалъ Богъ людямъ, дабы и въ самомъ недосыпкѣ родъ человѣчскій находилъ въ нихъ подпору и средства къ продолженію и распространенію бытія своего. Отъ того въ тѣ времена люди были не слишкомъ бѣдны, и бѣдность не поселяла между ними раздоровъ. Съ другой стороны безъ вла-

ша и сребра не было между ими богатыхъ; а гдѣ нѣтъ ни богатства, ни бѣдности, тамъ по необходимости процвѣтають добрые, справедливые нравы; тамъ нѣтъ насилия, и притѣсненій, нѣтъ зависти и ревности. Живя въ природной простотѣ, они были добры; въ простосердечіи вѣрили добру, которому ихъ учили, и злу, отъ котораго отвращали, и легко убѣждались. Никто не умѣлъ, что нынѣ почищается мудростию, подозрѣвать въ семъ ученіи обманъ. Почитая истиною все, что имъ говорили о Богахъ и людяхъ, съ нею сообразовали жизнь свою. Все доказываетъ, что они были таковы, какими мы ихъ теперь описали.

Кл. И мнѣ такъ кажется.

Ае. И такъ мы можемъ сказать, что поколѣнія, жившія симъ образомъ, во многихъ искусствахъ промышленности уступали жившимъ до попопа и нынѣ живущимъ; особенно не имѣли понятія о войнѣ ни на сушѣ, ни на морѣ; не знали ни пляжебъ, ни споровъ гражданскихъ, коихъ единственная цѣль есть ша, чтобъ на словахъ и на дѣлѣ нанести другимъ возможную обиду и несправедливостъ: за то они были простосердечнѣе, мужественнѣе, умѣреннѣе и вообще справедливѣе. Мы уже видѣли сему причину.

Кл. Справедливо говоришь ты.

Ае. Всѣ сіи, равно какъ и другія подробности, кои можно бы здѣсь привести, мы ска-

зали для того, дабы понять, какую нужду тогда имѣли въ законахъ, и кто былъ тогда законодатель.

Кл. И ешо сказано у мѣста.

Аѳ. Но вѣроятно, что въ сіе время законодатели были не нужны, и что законы произошли не тогда, какъ не было даже письменъ; какъ жили сообразно съ обычаями опцовъ и съ правилами изустно передаваемыми.

Кл. Вѣроятно.

Аѳ. Таковъ же былъ у нихъ и образъ правленія.

Кл. Какой?

Аѳ. Кажется, онъ состоялъ въ наследственной власти, которая и нынѣ существуетъ во многихъ мѣстахъ у Еллиновъ, и у Варваровъ. Такое правленіе было въ странѣ Циклоповъ, какъ Гомеръ говоритъ: У нихъ нѣтъ ни общественныхъ совѣщаній, ни законовъ; они живутъ на вершинахъ высокихъ горъ; въ пространныхъ пещерахъ; каждый управляетъ дѣлами своими и супругою, и другъ о другѣ не пекутся.

Кл. Кажется Гомеръ у васъ есть Поетъ удивительный; намъ случилось слышать и другія прелестныя мѣста изъ него, впрочемъ не многія; мы Крипяне не слишкомъ любимъ произведенія Музы чужеземной.

Мег. Мы любимъ его и почитаемъ выше всѣхъ поетовъ, хотя онъ по большей части описываетъ жизнь не Лакедемонскую но Ю-

ническую. Мѣсто приведенное побою, совершенно подтверждаетъ слова швои; здѣсь Поетъ въ баснословной повѣсти описываетъ грубые нравы первыхъ временъ.

Аэ. Онъ точно согласенъ со мною. Возмемъ его во свидѣтельство, что сначала существовалъ такой образъ правленія.

Кл. Очень хорошо.

Аэ. Не такой ли образъ правленія произошелъ послѣ того бѣдственнаго истребленія, когда оспальные люди разсѣялись поодиночкѣ, и по сѣмействамъ, управлялись старшинствомъ, пошому что власть переходила отъ отца и отъ матери; когда, слѣдуя сему порядку, подобно пшеницамъ, составляющимъ одно стадо, жили подъ отцовскою властію, подъ симъ справедливейшимъ образомъ правленія?

Кл. Такъ.

Аэ. Пошомъ, сдѣлавшись многочисленнѣе, они сходяшся и составляютъ города; обращаютъ стараніе къ земледѣлію, сначала воздѣлаваютъ нивы по скашамъ горъ; пошомъ строятъ нѣкошорыя укрѣпленія и стѣны, какъ для приспанища, такъ и для безопасности отъ дикихъ звѣрей, и воздвигаютъ себѣ такъ сказать общую огромную обитель.

Кл. Сіе необходимо должно произойти.

Аэ. Не необходимо ли такъ же должно произойти?

Кл. Чшо?

Аѳ. Чшо при возрастаніи сихъ поселеній изъ соединенія меньшихъ семействъ, каждое меньшее обществѣ вспукаетъ въ общій составъ подѣ начальствомъ старшаго въ своемъ поколѣніи; чшо, жившіе дошолѣ опдѣльно опѣ другихъ, по собственнымъ обычаямъ, заимствовавшіе опѣ родителей и воспитателей о богахъ и о самихъ себѣ свой особенный образъ мыслей, опѣ мирныхъ кропкой, опѣ мужесственныхъ мужесственный, всѣ дѣши, внуки и правнуки приходящъ въ общую обширную обитель съ черпами и характерами опцовъ своихъ и прадѣдовъ, и съ своими законами?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. И чшо необходимо каждый изъ нихъ лучше хочетъ жиць по своимъ законамъ, нежели по чужимъ?

Кл. Да.

Аѳ. Теперь, если я не обманываюсь, мы непримѣнно дошли до начала законодательства.

Кл. И мнѣ такъ кажется.

Аѳ. Дѣйствительно теперѣ новое общество сошедшихся разноплеменцовъ необходимо избираетъ изъ среды своей мужей опытныхъ во всѣхъ правахъ, которые бы вождамъ, Царямъ и начальникамъ народа лучше другихъ извѣдали, чшо всѣмъ вообще и каждому нравится, предославляя все сіе ихъ выбору; однимъ словомъ, избираетъ зако-

нодапелей. Попомб, вмѣсто родоначални-ковб, выбравб прависпелей, вводяшб или Аристокрапію или Монархію и живущб при новомб образѣ правленія.

Кл. Епѣ совершенно сходно сб еспеш-веннымб порядкомб вещей.

Аѳ. Назовемб прешій образб правленія, вб кошоромб сливаюшся всѣ виды и свой-сшва Государсшвб и народовб.

Кл. Какѣй же епѣ образб?

Аѳ. Кошорый и у Гомера послб впорато названб прешымб: Дарданб — говоришб онб, — посспроилб Дарданію, ибо погда священный Иліонб, сей градб словолубивыхб людей, еще не былб воздвигнушб на ровнинб, но жили на вершинахб Иды, водами обилую-щей. Сію повѣсш, равно какб и о Циклопахб, Поешб сказалб по какому-шо божешсшвенно-му внушенію, сообразно сб природою вещей. Вдохновенный родб поешовб, воспламеняясь священнымб жаромб Грацій и Музб, прорѣ-каешб многія испинныя собышія.

Кл. Какб справедливо!

Аѳ. Вникнемб глубже вб смыслб сего ска-занія, намб вспрѣшившагося. Можешб быль чрезб него опикроешся намб шо, чего мы ищемб; угоднѣ ?

Кл. Очень.

Аѳ. Мы говоримб, что Иліонб сб высѣшб переселился на обширную прекрасную доли-ну, на холмб не очень возвышенный, орошае-

мый многими рѣками, съ вершины Иды текущими.

Кл. Такъ говорятъ.

Ае. Не должно ли предположить, что сіе случилось уже чрезъ многіе вѣки послѣ пошопы?

Кл. Вѣроятно чрезъ многіе.

Ае. Епо бѣдствіе, кажется, у нихъ открылось глубокимъ забвеніемъ. Иначе какъ они рѣшились основать свой городъ подъ испоконъ многихъ рѣкъ, текущихъ съ горы и ввѣрять себя мѣстамъ низменнымъ?

Кл. Очень ясно, что долгое время ошдѣляло ихъ опъ шой всеобщей гибели.

Ае. Думаю, что съ умноженіемъ людей въ то время возникли и другіе многіе города.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Ае. Изъ числа сихъ городовъ были и тѣ, кои вели войну противъ Иліона — уже морскимъ путемъ. Ибо всѣ уже начали безстрашно обращаться съ моремъ.

Кл. Кажется такъ.

Ае. Послѣ десятилѣтней осады Ахеяне разрушили Трою.

Кл. Какъ извѣстно.

Ае. Въ продолженіи сей десятилѣтней осады, дома осаждающихъ были постигнуты разными несчастіями опъ возмущенія юныхъ домохозяевъ, кои не съ радостію и не съ должною справедливостію вступали воиновъ, возвращающихся въ свои города,

подъ свой кровъ; ошоблѣ произошли ужасныя кровопролитія и побѣги. Изгнанные возвратились во вшорой разѣ, перемѣнивъ свое имя. Они вмѣсто Ахейнѣ назвались Дорійцами, можетъ быть ошѣ шого, что бѣгущихъ собралъ Дорій. Здѣсь начинается ваша Исторія, Лакедемонцы, длиннымъ рядомъ сихъ произшествій.

Мег. Точно такъ.

Аѳ. Съ чего мы начали разсужденіе свое о законахъ, прежде нежели случайно разговоръ нашъ обрапился къ музыкѣ и пьянству, къ шому же опять мы возвращаемся, какъ будто нѣкой Богъ руководшвуешъ насъ. Предметъ, такъ сказать, самъ собою даешъ намъ въ руки. Теперь рѣчь идетъ о населеніи Лакедемона, кошорый, равно какъ и Кришъ, можно сказать, устроились подъ одинаними законами. Какое же проспранство мы дали своему разсужденію? Говоря о населеніяхъ и обѣ образѣ правленія, мы видѣли первое общество людей, вшорое и-преще, кои въ неизчислимомъ продолженіи времени развивались одно изъ другаго. Теперь намъ предшавляешся шаккой городъ, или лучше сказать шаккой народъ, кошорой и прежде имѣлъ свои переселенія, и нынѣ имѣетъ. Здѣсь можно видѣть, что хорошо и что худо въ каждомъ государшвенномъ устроеніи; какіе законы служили ко спасенію однихъ; ошѣ чего погибаютъ другіе; и какія

перемѣны въ оныхъ могутъ доставить государству благоденствіе? Вошъ новый предметъ для разсужденія, если не наскучила вамъ прежняя наша бесѣда.

Мег. Еслибъ какой Богъ поручился намъ, что при семъ новомъ обзорѣни мы услышимъ что нибудь не хуже и не менѣе важное, какъ и прежде; тогда я готовъ во всякой дальній путь; самый нынѣшній день кажется короче, и какими-то чарами изъ лѣшняго сдѣлался зимнимъ.

Аѳ. Ипакъ вамъ угодно продолжать нашу бесѣду?

Мег. Очень угодно.

Аѳ. Перенесемся мыслями въ тѣ времена, когда Лакедемонъ, Аргосъ, Мессина и смежныя съ ними страны повиновались вашимъ предкамъ. Тогда, какъ говоритъ преданіе, захотѣли они раздѣлить силы свои на три части, и составили особыя при государствахъ: Аргосское, Мессинское и Лакедемонское.

Мег. Истинно.

Аѳ. Царемъ Аргосскаго царства сдѣлался Теменъ, Мессинскаго Кресфонъ, Лакедемонскаго Прокъ и Еврисеенъ.

Кл. Такъ.

Аѳ. Но гибнетъ государство, или падаетъ могущество отъ постороннихъ ли причинъ, или отъ самаго себя? еще прежде разсуждая о семъ предметѣ, мы под-

пвердили епу испину; опкажемся ли опб
нея шеперь?

Мег. Какъ можно?

Аѳ. Но мы еще болѣе подпвердимъ ее. Самыя собышя , кажешся , ведушъ насъ къ нашему умозаклученю. Мы основываемся не на догадкахъ, но на испинномъ произшви. Вошъ оно: Три царшва дали одно другому взаимную кляпву управляшъ и управляшся по общимъ законамъ, ими приняшымъ; Цари кялись не увеличивашъ своей власпи въ будущее время, съ размноженемъ народонаселеня; подданные, если Цари пребудушъ вѣрными кляшвѣ своей , кялись не уничшожашъ прешола и не подспрекашъ другихъ къ ниспроверженю его ; первые кялись помогашъ и Царямъ и народамъ несправедливо угнешаемымъ; народы кялись народамъ и царямъ споборашъ прошивъ пришѣснителей. Не такъ ли?

Мег. Такъ.

Аѳ. Сей союзъ, Царями ли заклученный, или другимъ къмъ либо начершанный, былъ для сихъ прехъ государствъ испочникомъ величайшей пользы,какой шолько можешъ желашъ себѣ всякое полишическое усшройшво.

Мег. Какой пользы?

Аѳ. Той, чшобъ два государствва всегда были зашщипниками и мспителами правъ, еслибъ прешь вздумало нарушашъ ихъ.

Мег. Ешъ извѣшно.

Ав. Между тѣмъ опѣ законодапелей всегда перебуоупѣ шакихъ законовъ, кои бы охотно были приняпы и цѣлымъ народомъ, и многлюднѣйшею чѣспію его; равно какъ перебуоупѣ опѣ учипеля гимнаспики, и опѣ врача, чшобѣ они легкими и пріятными способами исправляли и врачевали, ввѣрлемы имѣ пѣла.

Кл. Справедливо.

Ав. Не должно ли почипашѣ щаспїемъ, если кшо посредспвомъ легкой боли можешѣ сдѣлашѣ насѣ крѣпкими и здоровыми?

Мег. Безспорно.

Ав. И шогда было еще одно весьма важное пособие къ удобнѣйшему учрежденію законовъ.

Мег. Какое пособие?

Ав. Вводя равенспво вѣ имѣніяхъ, законодатели здѣсь не встрѣчали жеспочайшаго ропота, кошорому подвергались прочіе, когда для благососпоянія цѣлаго государспва хотѣли сдѣлашѣ перемѣны вѣ раздѣлѣ земли и уничтожипѣ долги; ибо видѣли, чшо безѣ сего не можешѣ бышѣ никакого равенспва. Желаніе сдѣлашѣ сіи перемѣны, всякой упреждаешѣ совѣшомъ, не прогашѣ шого, чшо должно бышѣ не поколебимымъ; всякой возспаешѣ прошивѣ вводящаго уравненіе земли и уничтоженіе долговъ. Кого не могушѣ оспановипѣ шакія препяспспвія? Но Дорійцамъ удалось спокройно и безѣ ненави-

спи раздѣлишь земли; а долговъ великихъ и застарѣлыхъ у нихъ не было.

Мег. Справедливо.

Аѳ. Опъ чего же ихъ поселеніе и законодательство были споль неуспѣшны?

Мег. Чшо говоришь ты и въ чемъ хочешь порицать ихъ?

Аѳ. Въ томъ, чшо изъ прехъ государствъ два скоро утрапили и правленіе и законы, и ошталось полько одно ваше опечесство.

Мег. Не легко опвѣчать на вопросъ швой.

Аѳ. Мы должны опкрыть причину сего въ самихъ законахъ ихъ; шакое изслѣдованіе намъ спаринамъ весьма прилично, и много удовольствій доставишь нашему путешеству.

Мег. Сдѣлаемъ шакъ, какъ ты говоришь.

Аѳ. Пришомъ можемъ ли мы найти предметъ лучшей для своей бесѣды, какъ сіи законы, кои содѣйствовали гражданскому успроисву сихъ прехъ государствъ, благоуспроениѣйшихъ и лучшихъ, какія полько можно видѣть въ Исторіи?

Мег. Едвали.

Аѳ. Кажется, Дорійцы были увѣрены, чшо сѣ шакую силою они могли защищать не полько Пелопонесъ, но и всю Грецію, еслибъ кто изъ варваровъ дернулъ напасть на нихъ. Такъ нѣкогда народы обитавшіе вокругъ Иліона, полагаясь на силы Ассирійской Монархіи во время Нина, дерзкими своими

поспущками привлекли войну къ спбнамъ Трои. Тогда сія Монархія еще сохраняла прежній видъ своего величія; и какъ мы нынѣ боимся великаго Царя: такъ жишели пѣхъ временъ боялись сущесшвовавшаго шогда союза, и великимъ спыдомъ служило ему взяшіе во вшорой разъ Трои, кошпорая соспавляла часпъ Ассирійскаго Государспва. Чрезъ раздѣленіе военныхъ силъ на при часпи подѣ управленіемъ брашьева, дѣшей Иракловыхъ, Дорійцы оградились прошивъ всѣхъ опасносшей, и успроились лучше, нежели какъ было до похода подѣ Трою. Во первыхъ они увѣрены были, что въ Ираклидахъ имѣють лучшихъ вождей, нежели въ Пелопидахъ. Припомъ почипали свои военныя силы превосходнѣе пѣхъ, кои ходили прошивъ Трои: ибо они побѣдили, Ахейцы же были побѣждены Дорійцами. Не шакимъ ли образомъ, и не съ сею ли цѣлію произошло ихъ государспвенное успроисшво?

Мег. Безъ сомнѣнія

А. По всей вѣрояшности они почипали сіе успроисшво швердымъ и вѣковѣчнымъ: ибо раздѣляли между собою всѣ великія шруды и опасносши, управлялись царями опѣ одного поколѣнія, — брашьями, и пользовались одними оракулами, какъ прочими, шакъ и Делфійскимъ.

Мег. Заключение весьма основательное.

Аѳ. Но всѣ сіи великія ожиданія шагъ скоро исчезли! теперъ оспаешся одна малая часць — ваше опечешво; и ша до сихъ поръ еще не прекращала войны прошивъ прочихъ двухъ часпей. Но еслибъ царшвоваѡ между ими первый духъ согласія: шо они вѣчно оспались бы непобѣдимыми.

Мег. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Какимъ же образомъ все сіе рушилось? Не стоишь ли вниманія, разсмотрѣшь, какой необыкновенный случай подорвалъ такое успройшво?

Мег. Конечно. Опустивъ безъ вниманія шакіе случаи, напрасно будемъ учитьса познанію законовъ и правленія; напрасно спашемъ углубляясь въ причины благоденшвія государшва и упадка ихъ.

Аѳ. Но думая, что нѣкоторыя предпріятія основашельно обдуманы; и въ рукахъ способныхъ исполнителей произвелибъ чрезвычайныя дѣйствія, не впадемъ ли мы въ погрѣшность весьма обыкновенную — судишь, не зная вещи съ надлежащей спороны ея, — погрѣшность, въ кошую впадающъ всѣ, подобно намъ разсуждающіе?

Мег. Что говоришь, шы? къ чему клонишься рѣчь шоя?

Аѳ. Почтенный иноземецъ, я смѣюсь самъ надъ собою. Разсмапривая сіе войско, о копоромъ теперъ говоримъ, я почишалъ сла-

вою и щаспіемъ для всѣхъ Еллиновъ, еслибъ кто умѣлъ надлежащимъ образомъ пользоваться такими средствами.

Мег. Но развѣ несправедливо и не основательно все, что ты сказалъ о семъ предметѣ? Развѣ мы безъ причины хвалили себя?

Аѳ. Незнаю. Впрочемъ воображаю, что, увидѣвши что нибудь великое, сильное, могущественное, легко подумаешь, сколь щасливъ сей обладатель и какъ много онъ можетъ сдѣлать, умѣя пользоваться своими средствами!

Мег. И это справедливо, если я не ошибаюсь.

Аѳ. Но разсмотримъ, съ какой стороны можешь быть основательно такая похвала: вопервыхъ, ограничиваясь своимъ предметомъ, разсмотримъ, какимъ образомъ можно сказать, что Дорійцы имѣли въ всемъ желаемый успѣхъ, еслибъ умѣли пользоваться своимъ войскомъ? Безъ сомнѣнія, давши ему постоянное усройство и держа его всегда въ одномъ положеніи, такъ чтобъ, сохраняя свою независимость, оно могло покорять власни своей всякаго прошивника, и чтобъ, какъ они, такъ и попомки ихъ предписывали законы прочимъ Еллинамъ и варварамъ? Не это ли есть основаніе похвалы?

Мег. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Равнымъ образомъ, еслибѣ кто спалъ хвалишь великія богашства, почести, знапность породы: пошѣ конечно дѣлалъ бы сіе пошому, что съ помощію ихъ можно приобрѣсть бѣльшія и важнѣйшія предметы своего желанія.

Мег. Я думаю такъ.

Аѳ. И такъ всѣ люди имѣють одно желаніе, показанное въ семъ словѣ.

Мег. Какое ?

Аѳ. Чтобѣ всѣ случаи или по крайней мѣрѣ чловѣческіе происходили по ихъ желанію.

Мег. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Такъ какъ мы всѣ желаемъ сего, и большіе и малые, юные и старые: шо сіе желаніе естъ всегдашній предметъ нашей молитвы.

Мег. Не иначе.

Аѳ. И друзьямъ своимъ мы просимъ отъ Бога, чего они сами себѣ желаютъ.

Мег. Не инаго.

Аѳ. Сынъ не любезенъ ли своему отцу ?

Мег. Конечно.

Аѳ. Но юноша часто желяетъ того, чего отецъ спрашишь, и молишь Боговъ, чтобѣ они не дѣлали по желанію безразсуднаго.

Мег. Ты говоришь о желаніяхъ безсмысленной юности.

Аѳ. Также если преспарблый или слишкомъ юный отецъ, не имѣя понятія о доблести и справедливости, находясь въ томъ

расположеніи, въ какомъ былъ Тезейъ кѣ нещасному Ипполипу, приносишь Богамъ пѣже молишвы: по можно ли думаешь, что сынъ съ моливвою опца соединитъ и собственную свою?

Мег. Понимаю, что ты хочешь сказать. Надобно желать и домогаться не того, чтобы все покорно было нашему желанію, но болѣе, чтобы желанія покорялись разуму. Слѣдовательно мудрость есть единственное благо, котораго должны искать и просить какъ государство, такъ и частной человекъ.

Ан. Да; и я уже сказалъ, что мужъ государственный и законодатель въ учрежденіи законовъ долженъ имѣть цѣль сію. Припомню и то, что сначала мы говорили: вы утверждали, что хорошій законодатель долженъ основать свои законы на войнѣ; по моему же мнѣнію такіе законы предполагаютъ только одну добродѣтель, оставляя при прочіи. Надлежало бы обратитъ вниманіе на всѣ чепыре, и особенно на первую, какъ основаніе всѣхъ прочихъ, то есть на мудрость, умъ, мнѣніе, и съ ними сообразныя побужденія. Еще наше сужденіе возвращается къ тому же предмету. И теперь я скажу по же, что и прежде; въ вашей волѣ, принявъ ешо за шутку или за испину. Гибельна, говорю, молишва невладѣющему разумомъ; щасливѣе онъ, если случается противное желаніямъ

его; съ моей спороны я швердо въ ешомъ увѣренъ. Надѣюсь, что вы слѣдуете за нипью нашего слова, кошорое мы недавно предложили, что причиною гибели Царей и воебще порчи умовъ бываетъ не робость, не то, если вожди и воины не опышны въ дѣлахъ военныхъ; но все гибнешъ отъ другихъ вкрадывающихся золъ и особенно отъ невѣжества въ дѣлахъ человѣческихъ. Такъ бывало прежде, такъ нынѣ, такъ будешъ и въ послѣдующія времена. Я поспараюсь предспавишь вамъ сіе въ слѣдующемъ словѣ, и по возможности обьяснишь какъ друзьямъ.

Кл. Трудно похвалишь тебя, иноземець, словами; за то мы лучшую похвалу тебѣ докажемъ на самомъ дѣлѣ; мы съ жадностію будемъ слушать слова швои. Здѣсь очевидно будешъ, искренна ли наша похвала или нѣшъ.

Ае. Ешо лучше всего, Клиній; сдѣлаемъ такъ, какъ ты говоришь.

Кл. Сдѣлаемъ, если Богъ поможетъ; полько говори.

Ае. Продолжая нипь нашего разсужденія, скажемъ, что глубокое невѣжество было причиною падшаго шогда могущества; и нынѣ оно оказываешъ шѣже дѣйствія. И пошому первый долгъ законодашеля, сколько можно болѣ внушать любовь къ мудрости и разгоняшь мракъ заблужденія.

Кл. Сіе очень ясно.

Аѳ. Но какое невѣжество можно почищать опаснѣйшимъ? смогрише, будемъ ли мы согласны въ своихъ мнѣніяхъ; я почищаю опаснѣйшимъ. . . .

Кл. Какое?

Аѳ. Если нѣтъ любви къ тому, что мы почищаемъ добрымъ и прекраснымъ, но господствуемъ къ нимъ ненависть; если любимъ и богошворимъ то, что сами признаемъ порочнымъ и несправедливымъ. Сіе прошиворѣчіе гореспи и удовольствія съ истиною я называю глубочайшимъ невѣжествомъ — глубочайшимъ пошому, что сіи спраспи соспавляюшъ чернь, слѣдовательно большую часть души. Гореспи и удовольствія для души поже, что многолюдная чернь въ государствѣ. Всегдашнее прошиворѣчіе познанию, мнѣніямъ, разсудку, симъ властямъ назначеннымъ чловѣку самою природою, прошиворѣчіе душѣ, чѣмъ назвашь иначе, какъ невѣжествомъ, и въ государствѣ, когда народъ не повинуется правителямъ и законамъ, и въ частномъ чловѣкѣ, если прекрасныя мысли въ душѣ не имѣюшъ никакой силы; если всѣ поступки имъ прошиворѣчашъ? Сіе невѣжество я почищаю опаснѣйшимъ какъ вообще для всѣхъ, такъ и въ частности для каждаго. Что значить въ сравненіи съ нимъ невѣжество въ какомъ либо художествѣ? Ясно ли для васъ, друзья мои, что что я говорю?

Кл. Очень ясно; мы соглашаемся съ побою.

Ае. Должно поспановишь швердымъ правиломъ: не поручашь никакой власти шѣмъ гражданамъ, кои не научились сему согласію поступковъ съ истинною; и почишашь ихъ невѣждами, хопя бы они имѣли самый оспрый умъ, и упражнялись во всѣхъ сокровенныхъ шонкоствѣхъ его; скорѣе предпочешь имъ людей безъ сихъ блиспапельныхъ качествъ, хопябъ они, по пословицѣ, не умѣли ни чишашь ни плавашь; и шакимъ поручашь всякую влашь, навъ мудрѣйшимъ. Друзья, безъ сего согласія нѣшъ ни малѣйшаго благоразумія; но лучшее и величайшее согласіе справедливо можешъ назвашься мудросію. Безъ мудроси человекъ ешь рушишель домашняго щаспія; опечесшво не можешъ ожидашь опъ него никакой помощи; скорѣе оно должно спрашиться его невѣжесшва. Сіе правило должно ошашься непоколебимымъ.

Кл. Пущь оно шакимъ ошанешься.

Ае. Въ Государствѣ необходимо одни должны управляшь, другіе повиновашься.

Кл. Безъ сомѣнія.

Ае. Но сколь многоразличны и важны права сіи въ великихъ Государствахъ и малыхъ, и въ частныхъ семействахъ? Первое право не ешь ли опца и машери? не вездъ ли равно уважаешь влашь родителей надъ своими дѣтьми?

Кл. Безспорно.

Ае. Вшорая власць благородныхъ надъ просполюдинами, и прешья спаршихъ надъ младшими.

Кл. Справедливо.

Ае. Чешвертая власць господъ надъ рабами.

Кл. Такъ.

Ае. Въ пятыхъ лучше должны управлять, а худше повинувашься.

Кл. Еша власць самая необходимая.

Ае. И весьма обыкновенная у большой части живошныхъ, и какъ сказалъ Тебанскій Пиндаръ, съ природою самая сообразная. Но важнѣйшее право ешь шестое, копорое повелѣваешъ неопытному повинувашься, а опытному и умному управлять и начальствовать. Премудрый Пиндаръ, сѣя власць чуждая насильства и дѣйствующая на волю единою силою закона, кажешся, ешь самая сообразная съ природою.

Кл. Весьма справедливо.

Ае. Еще назовемъ одну власць, основанную на щасіи и Божіемъ предопредѣленіи. Справедливосць пребуешъ, чшобы начальствовалъ шотъ, кому выпадетъ жребій, а неполучившій жребія пребывалъ бы въ повиновеніи.

Кл. Не лъзя справедливѣе.

Ае. Ипакъ видишь ли, законодапель, шушя, можно сказать кому либо изъ пѣхъ,

кои легко берущся за дѣло законодашельства, видишь ли, сколь различны степени начальствъ, и какъ они по естеству своему противоположны. Мы открыли нѣкошорымъ образомъ причину возмущеній, кошорую пы долженъ опшврашпшь. Во первыхъ разсмопшимъ вмѣстѣ, какимъ образомъ, какими ошибками Цари Аргоса и Мессины погубили и себя самихъ, и силы Еллиновъ, по тогдашнему времени великія. Не забыли ль они мудраго правила Гезіода, чшо половина часшо бываетъ болѣе цѣлаго. Если безопаснѣе взяшь половину, нежели цѣлое, шо и ограниченное больше неограниченнаго.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Можно ли сказашь, чшо сему злу чаще подвержены Цари, и на нихъ оно чаще оказываешъ свои гибельныя слѣдствія, нежели на подданныхъ?

Кл. Очень ясно, чшо ешо естъ болѣзнь Царей, кошорые не знаютъ границъ своей гордости и роскоши.

Аѳ. Не ясно ли, чшо сіи Цари первые спремилсь къ нарушенію союза, спараясь распространить власшь свою за предѣлы законовъ? чшо они не согласовались между собою въ шомъ, чшо сами ушвердили договорами и кляшвою. Сіе прошиворѣчіе въ поспупкахъ, казавшееся глубокою мудросшію, а въ самомъ дѣлѣ глубочайшее невѣжешво,

вовлекло ихъ въ заблужденіе и въ гибельныя крайности.

Кл. Очень ясно.

Аѳ. Но какъ могъ законодатель опшра-
пипшь сіе зло? Теперь безъ сомнѣнія немного
пошребно ума, чшобѣ познашь и обшяснишь
причины сего зла. Тотѣ былъ бы искусиѣ
дасѣ, кшо въ шѣ времена могъ бы предви-
дѣшь гибельныя слѣдствія его.

Мег. Чшо же надлежало дѣлать?

Аѳ. Обративъ взоръ на шо, чшо произо-
шло у васѣ, Мегилъ, не шрудно сказашъ,
чшо и въ шѣ времена надлежало дѣлать.

Мег. Говори яснѣе.

Аѳ. Ешо будешъ очень ясно.

Мег. Какимъ образомъ?

Аѳ. Если мы чему нибудь малому не по со-
размѣрности дадимъ великую силу, малому
кораблю большіе парусы, шѣлу чрезмѣрную
пищу и слабымъ душамъ великую власшь; шо
корабль погибнешъ, излишесшво пици про-
изведешъ болѣзни, излишняя власшь поро-
дитъ несправедливосшь. Чшожь изъ шого
заключаемъ? шо, чшо смершный опѣ приро-
ды слабъ, и не можешъ удержашъ величай-
шей власши, если въ юности своей удаляешъ
опѣ всякаго совѣша; опаснѣйшая болѣзнь
безумія заражаетъ сердце его; онѣ дѣлаетъ
ненавистнымъ для ближайшихъ друзей сво-
ихъ, быспро спремилъ къ своей гибели и

перяешъ свое могущество. Дѣло великихъ законодательей предвидѣшь и опвращаешь сіе зло мудрою ограниченностію. Теперь, кажешся, весьма легко угадаешь погодашнее печеніе дѣлъ, и вошь, что можно сказаешь о немъ.

Мег. Чшо?

Аѳ. Кажешся Богъ какой нибудь печешся о васъ. Предвѣдая будущее, онъ далъ вамъ двойное поколѣніе Царей, и шѣмъ ограничилъ силу ихъ; припомъ у васъ и человѣческое благоразуміе, управляемое Божественною силою, видя бури, возмущающія правительство, соединило съ могуществомъ Царей испытанную мудрость двадцати восьми спарцевъ и дала имъ ровно-сильной голосъ въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ государства. Третій спаситель вашъ опломомъ прошивъ самовольства и необузданности поспановилъ власъ Ефоровъ, избираемыхъ по жребію. Такимъ образомъ правленіе ваше, сославненное изъ необходимыхъ членовъ, получило свою ограниченность, сохраняешся само собою и ешь источникъ общей безопасности Еллиновъ; между шѣмъ какъ законы Темена, Кресфонша и другихъ законодательей шого времени не могли даже обезпечить чашпи Арисподема. Худые законодатели! иначе они никогда бы не положились на одну кляшву пылкой юности, что она не превращивъ своей власпи въ неограниченное самовласпіе. Теперь

Богъ и опытъ показали намъ, чего не доставало пому правленію, и начемъ основываеся и шеперь прочносшь сущесшвованія государшвеннаго. Не великой мудросши дѣло знашь сіе, имѣя предѣ глазами прежніе примѣры. Но еслибъ въ шѣ времена какой либо Геній могъ предвидѣшь сіи послѣдствія, ограничипшь верховную власшь и шри государшва слишь въ единое; шотъ совершилъ бы прекраснѣйшія намѣренія и надежды. Тогда ни Персы, ни кто другой не дерзнули бѣ презирашь насъ, какъ людей слабыхъ и не подумали бы о нападеніи на Елладу.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Худо опразили ихъ Еллины; худо, говорю, не пошому, что не одержали надѣ непріятелемъ многихъ знаменишыхъ побѣдъ на сушѣ и на морѣ; но что избъ шрехъ государшвѣ шолько одно сражалось за свободу Еллады. Два прочія находились въ шакон испорченности, что Мессина жесткою войною прошивъ Лакедемона воспрепятшвовала ему вшупитьсь въ общее дѣло. Аргосъ, первенствовавшая шогда держава, опказался сражашься съ варварами, когда просили помощи его. Войдя въ подробности сей войны, можно предшпавишь многія дѣла унизишельныя для Еллады; и опшюдь не лзя сказашь, что она дѣйсшвовала шогда какъ должно; напрошивъ еслибъ Аѳиняне и Лакедемонцы не прошиво-

стали съ равною швердосшію угрожающему рабству, шо уже давно смѣшались бы всѣ Еллинскія племена между собою и съ варварами, какъ живущіе шеперь подъ владычествомъ Персидскимъ, коихъ едва можно узнать между иноплеменными. Сіи упреки мы можемъ сдѣлать древнимъ и новѣйшимъ законодащелямъ; впрочемъ я опирываю сіи недоспащки шолько съ шѣмъ, чшобъ показать средства къ поправленію ихъ. Мы уже прежде сказали, чшо не должно учреждать власши неограниченной и нераздѣльной; ибо первая и сущешвенная пошребность для каждаго Государства—быть свободнымъ, мудрымъ, спройнымъ и единымъ во всѣхъ своихъ частяхъ; къ сему должны отношиться всѣ законы. Но да не покажется спраннымъ, чшо мы предположивъ чшо нибудь, всегда назначаемъ сіе цѣлю законодащелю. Разсмопримъ, одну ли цѣль имѣли мы, когда совѣшовали ему обращать свое вниманіе шо на умѣренность, шо на мудрость, шо на согласіе? Тогда и другія подобныя выраженія не приведуть насъ въ замѣшательство.

Кл. Такъ и спанемъ разбирашь слова швои; разсмопримъ, почему, какъ сказалъ ты, законодащель долженъ обращать вниманіе на согласіе, мудрость и свободу.

Аѳ. Слушай. Есть два главныхъ образа правленія, Монархія и Демокрашя, опъ ко-

порухъ , справедливо можно сказати, про-
изходящъ всѣ прочіе. Первая имѣвшъ свое
цвѣтущее состояніе у Персовъ, вшорая у
насъ: другія, какъ я сказалъ, суть только
измѣненія сихъ первыхъ. Только въ соедине-
ніи шого и другаго могутъ проявляться дру-
жество, свобода и мудрость. По сему шо я
сказалъ, что Государство безъ сихъ прехъ
пособій не можешъ имѣть хорошаго управ-
ленія.

Кл. Кажешся не можешъ.

Лѳ. Персы и Аѳиняне пошерали сіе равно-
вѣсіе, одни, слишкомъ распроспранивши пра-
ва Монархіи, другіе, проспирая слишкомъ
далеко любовь къ свободѣ. Сіе равновѣсіе бо-
лѣе сохраняется въ вашихъ государстввахъ,
въ Крипскомъ и Лакедемонскомъ. У насъ и
у Персовъ прежде оно сохранялось. Хопише
ли знашь причину сей перемѣны?

Кл. Хорошо, если оно ведешъ насъ къ на-
шему предположенію.

Лѳ. Послушаемъ. Сначала Персы при
Кирѣ умѣряли рабство и свободу; ошъ шого
и сами сдѣлались свободными, и попомъ по-
корили подѣ власшь свою многихъ народовъ.
Полководцы давали побѣжденнымъ свободу и
равныя права; за шо воины усердно служи-
ли имъ и сѣ охошою подвергались всѣмъ
опасностямъ. Царь ихъ не пишалъ никакой
зависши, давалъ всѣмъ свободу говоритъ, и
хвалилъ мудрые совѣты; попому мужи ра-

зумные и опытные охотно сообщали свои свидѣнія. По причинѣ сей свободы, согласія и мудрости они были споль щасливы во всѣхъ предпріятіяхъ.

Кл. Слова твои, кажешся, согласны съ самими событіями.

Аѳ. Опѣ чего же сія Монархія при Камбизѣ почти совсѣмъ упала, а при Даріѣ опять возспала? Хошишели слышашъ о семъ мои мысли и догадку?

Кл. Чрезъ сіе конечно яснѣе раскроется намъ предметъ нашъ.

Аѳ. Скажу мою догадку о Кирѣ: онъ былъ хорошій полководецъ, усердный сынъ опечесства, впрочемъ совсѣмъ не имѣлъ испиннаго воспитанія и не обращалъ вниманія на дѣла семейственныя.

Кл. Какъ можно сказашъ сіе?

Аѳ. Онъ возросъ и соспарѣлся въ непрерывныхъ войнахъ, и женщинамъ поручилъ воспитаніе дѣтей своихъ. Онъ воспитывали ихъ какъ людей блаженнѣйшихъ опѣ самого дѣтства, какъ рожденныхъ подѣ щасливымъ созвѣздіемъ и ни въ чемъ неимѣющихъ нужды. Дабы не нарушишь ихъ щассія, не позволяли ни въ чемъ имъ прошиворѣчипъ, но заспавляли хвалишь всѣ дѣла и слова ихъ.

Кл. Волѣ прекрасное воспитаніе!

Аѳ. Воспитаніе шакое, какое можешь дашь шеремъ Царскихъ женъ, недавно ознакомившихся съ богашствомъ и пышностію, въ

опшущспвїм мужей, обращающихся въ опасностяхъ непрерывной войны.

Кл. Извѣстно, каково оно должно бышь.

Аѳ. Ощецъ ихъ прїобрѣлъ имъ безчисленныя спада скоша и множесство невольниковъ, но не зналъ, чшо наслѣдники сихъ богашспвѣ воспишывающся не по образу опщовъ своихъ—народа пасшущескаго, обипашелей спраны суровой; и вмѣсто шого, чшобы содѣлать ихъ сильными пасшпырями, звѣрловами, прїучишь къ жизни бодрспвенной и пригошвишь къ военнымъ походамъ, онъ ввѣрилъ женщинамъ и евнухамъ, по обычаямъ Мидійскимъ, воспишывашъ ихъ въ нѣгѣ и роскоши. Возросши во всякомъ своевольспвѣ, они сдѣлались пѣмъ, чего ожидашь опъ нихъ надлежало. Принявъ власшь по смерши Кира, они предавались необузданнымъ удовольспвіямъ, и недовольспвуясь равнымъ удѣломъ, наконецъ одинъ убивашъ другаго. Послѣ сего и самъ Камбизъ въ безумїи опъ пьянспва и въ грубомъ невѣжеспвѣ былъ лишень прешола, посредспвомъ евнуха, Мидянами, которые начали презирашь его неисповспво.

Кл. Такъ говорящъ; нажешся шакъ и случилось.

Аѳ. Дарїй и семь его намѣспниковъ ошпшь перевели верховную власшь къ Персамъ.

Кл. Такъ.

Аѳ. Разсмошримъ дальнѣйшія послѣдспвія по приняшому началу. Дарїй былъ не Цар-

скою сыну, и возросъ не въ измѣненномъ образѣ жизни. Возшедъ на престолъ, онъ раздѣлилъ власць свою на семь частей, и шеперь еще оспающся нѣкошорые слѣды сего раздѣленія. Онъ успановилъ законы, съ кошорыми сообразовался въ своемъ правленіи и ввелъ нѣкошорый образъ общаго равенства; уравнялъ подаши, шакъ какъ завѣщаль самъ Киръ, успановилъ общее согласіе и шорговлю, и щедростию привлекъ къ себѣ сердца народа. Онъ шого и войско, ему преданное, приобрѣло ему шолько же шранъ, сколько оспавилъ ихъ послѣ себя Киръ. Даріевъ наслѣдникъ Ксеркса опяшь воспишанъ въ Царской пышности и нѣгѣ. Дарій! можно сказаць ему, шы не воспользовался нещаснымъ приѣбромъ Кира и воспишалъ Ксеркса шакимъ же образомъ, какъ Киръ Камбиза; какъ пишомецъ шѣхъ же правилъ, онъ испышалъ одну учась съ Камбизомъ. Съ шого времени въ Персіи не было испинно великаго Царя, развѣ шолько по имени, и виною сему, говорю, не ешь случай; но порочная жизнь, кошорую ведушь по большой части дѣши богатыхъ людей и Государей. Подобное воспитаніе не даешъ шремленія къ доблестямъ ни юношѣ, ни мужу, ни шпаріку. На сіе шо, законодашель, и мы шеперь должны успремить все свое вниманіе. Должно опдашь справедливосць вашему правленію, Лакедемонцы: у васъ нѣшъ другихъ различій въ

въ почестяхъ и въ образѣ жизни между бѣд-
нымъ и богатымъ, между Царемъ и часп-
нымъ человекомъ, кромѣ шѣхъ, кои съ сама-
го начала успановлены Богомъ и мудрыми
законодателями. Въ самомъ дѣлѣ въ Госу-
дарствѣ не должно бытъ опличнаго почте-
нiя къ богатымъ, къ быспрошѣ ногъ, къ
красотѣ или крѣпости шѣла, если они не
управляюцца какою нибудь добродѣтелию ни
въ самой добродѣтели, если она не соеди-
нена съ умѣренностiю.

Кл. Чшо ты говоришь иноземецъ?

Ае. Мужество не естъ ли часпъ добро-
дѣтели?

Кл. Справедливо.

Ае. И шакъ ссылаюсь на собшвенной
швой судъ. Пожелаешь ли ты бытъ сосѣ-
домъ человека храбрѣйшаго, но нескром-
наго, необузданнаго?

Кл. Благодарю.

Ае. Или художника, опличнаго въ искусство
въ своемъ, но несправедливаго?

Кл. Никакъ.

Ае. Но справедливостъ нераздѣльна съ
умѣренностiю.

Кл. Безъ сомнѣнiя.

Ае. И мудрецъ шакъ, какъ мы его опре-
дѣлили, — у кошораго удовольствiя и ошвра-
щенiя согласны съ здравымъ смысломъ и
ему подчинены, можетъ ли бытъ безъ умѣ-
ренности?

Кл. Не можешъ.

Аѳ. Скромнось безъ всякой другой добродѣтели, одна въ душѣ пипаемая, достпойна ли уваженія, или нѣшь?

Кл. Не могу ничего сказашъ.

Аѳ. Но пы опвѣчалъ дѣльно; сказавши на вопросъ мой, да или нѣшь, пы сказалъ бы худо.

Кл. И пакъ я хорошо сдѣлалъ.

Аѳ. Положимъ пакъ. Сія прибавочная добродѣтель сама по себѣ не заслуживаетъ вниманія; лучше всего не говоришь о ней ни да, ни нѣшь.

Кл. Такъ пы говоришь о умѣренности.

Аѳ. Да; качества, соединенныя съ сею прибавочною добродѣтелю, имѣющъ первѣйшее мѣсто въ нашемъ уваженіи, если доспавляющъ величайшую пользу; во впорыхъ уважающъ шѣ, кои производящъ меньшую пользу; пакъ чшо уваженіе къ нимъ всегда соопвѣшпвуешъ степени пользы ихъ.

Кл. И справедливо.

Аѳ. Назначишь сіи степени не еспъ ли долгъ законодашеля?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Хопише ли предоспавишь ему подробнѣйшее раздѣленіе сего рода; а сами мы, удовлешворяя своему желанію познать законы, вообще раздѣлимъ предметы своего уваженія на три рода, особенно возьмемъ важнѣйшіе, особенно средніе и послѣдніе.

Кл. Очень хорошо.

Аѳ. И такъ мы говоримъ, что государствово, имѣющее цѣлю безопасность и счастье, природѣ челоука совмѣстное, необходимо должно въ правдѣ раздѣлять почести и безчестія. Почтеннѣйшія и преимущественнѣйшія блага безспорно суть блага душевныя, скромностию украшенныя; вторыя блага суть доблести шѣлесныя, чрептія суть имѣніе и богатство. Законодатель или государство поспутили бѣ несправедливо, если бѣ дали первое мѣсто богатству или знапности, или приняли бы послѣднее вмѣсто перваго. Согласишесь ли вы въ ешомъ, или нѣтъ?

Кл. Соглашаемся.

Аѳ. Особенно взоръ на управление Персидской Монархіи засшавилъ меня сказать слова сіи. Мы видѣли, что Персія упадаетъ; причиною сему полагаемъ то, что шамъ слишкомъ сѣснили свободу народа, слишкомъ усилили деспотизмъ и чрезъ то уничтожили въ государствѣ согласіе, распоргли узы, связующія цѣлое. Сѣ уничтоженіемъ сего, правительство начало пещись не о подданныхъ, не о пользѣ народа, но единственно о своей власпи; и гдѣ видитъ малѣйшую для себя выгоду, шамъ огнемъ и мечемъ испребляетъ цѣлые города и союзныя провинціи, какъ возмущительныя; за враждебную и безчеловѣчную ненависть ему плашатъ не-

нависпїю. Если необходимость прѣбуешъ ополчишь сей народъ на брань за самихъ себя; шо онъ не показываешъ ни малѣйшей охоты мужественно подвергаться опасностямъ и проливашь кровь свою. Среди нещепныхъ полчищъ нѣшъ ни одного храброго воина. Правительство: какъ бы обдѣлявшее въ людяхъ, должно нанимашъ войско, и у наемныхъ, чужеземныхъ искашь спасенїя. Во всѣхъ поступкахъ Перса оказываешся его глубочайшее невѣжество; все прекрасное, высокое, отличное онъ спавишь ничтожнымъ предъ серебромъ и златомъ.

Мег. Совершенная истина!

Ае. Мы довольно уже показали, что государство Персидское разстроилось отъ чрезмѣрнаго рабства и деспотизма.

Мег. Очень довольно.

Ае. Теперь говоря объ образѣ правленїя Аппики, мы выводимъ заключенїе, что свобода неограниченная не столько выгодна, какъ ограниченная какою либо властїю, какова сохраняется у насъ. Въ шо время, какъ сдѣлано отъ Персовъ нападенїе на Елладу и почти на всю Европу, въ Афинахъ сохранялся древнїй образъ правленїя, и до스포инства давались смотря по чешыремъ массамъ, на копорыя раздѣлялся весь народъ. Тогда господствовалъ у насъ нѣкопорый спыдъ, копорый заспавлялъ покоряться законамъ. Необычайныя вооруженїя вра-

говѣ на сушѣ и на морѣ еще болѣе усилили наше повиновеніе правишелямъ и законамъ. Опѣ шого царшвовало между нами удивительное согласіе. Почши за десяшь лѣтѣ до морскаго сраженія при Саламинѣ, Дарисъ пришелъ въ Грецію съ безчисленными полчищами; Дарій послалъ его прошивъ Аѣинянъ и Ерепрійцевъ, привеспи ихъ плѣбными, грозивъ ему смершю, если не успѣешъ въ семъ предпріяшнн. Дарисъ въ корошкое время завоевалъ Ерепрію, и въ нашъ городъ послалъ предшечю спрашную молву, что изъ Ерепрійцевъ не спасся ни одинъ человекъ, что воины его, схвапнвшисъ рука съ рукою, прошли чрезъ всю Ерепрію. Молва сія, испинная или нѣшъ, приводила въ ужасъ всѣхъ Еллиновъ, равно и Аѣинянъ. Тщешю они опшправляли всюду пословъ; никшо не хотѣлъ помочь имъ, кромѣ Лакедемонянъ. И сіи въ шо время вели войну прошивъ Мессины, или, вѣрно не знаю, можешъ бышь по другой причинѣ пришли уже на другой день послѣ бншвы Марашонской. Послѣ шого Царь дѣлалъ новыя великія пригошвленія и изрѣкалъ спрашныя угрозы Аѣинянамъ. Въ продолженіи времени мы узнали, что Дарій умеръ, и юный могущеспивенный сынъ его принялъ правленіе и вмѣстѣ съ правленіемъ грозныя намѣренія своего опца. Аѣиняне знали, что на нихъ устремлялись сіи пригошвленія за поражение при Марапонѣ. Услышавъ, что Пер-

сы раскапывають гору Аѳонъ, наводятъ мосты на Елмеспонъ, собирають множество кораблей, они не чаяли себѣ спасенія ни на сушѣ, ни на морѣ; не ожидали ни опшколь помощи, помня, что и прежде при нашествіи непріятеля на Ерепрію никто не помогъ имъ; никто не опважился бытъ ихъ союзникомъ. И теперь ожиданію ихъ по же предшавлялось на сушѣ; и на морѣ, при нападеніи тысячи кораблей, они также не видѣли спасенія. Одну надежду усмапривали, надежду слабую, бѣдную: изъ примѣра первой бишвы видѣли, что опчаяніе доспавляеть сражающимся побѣду. Сею надеждою поддерживаемые, они искали защиты въ себѣ самихъ и въ благоспи боговъ. Сей страхъ произвелъ между ими взаимное расположение и согласіе, страхъ, кошорой и прежде они имѣли къ законамъ, кошорой мы прежде разумѣли подъ именемъ спыда, и кошорому люди должны покоряшься, чтообъ бытъ добрыми. Рабъ сего господина свободенъ и чуждъ всякой другой боязни. Безъ него Еллины не спали бѣ такъ храбро сражашься и защищашь храмы, гробы, опечесство и все сердцу близкое и милое, какъ они сдѣлали въ по время, но разсѣявшись, искали бѣ спасенія въ бѣгствѣ.

Мег. Иноземецъ, ты сказалъ справедливо и прилично себѣ, и швоему опечесству.

Аѳ. Съ шобою, Мегилъ, такъ и должно

говоришь о происшествіяхъ того времени; ибо ты по родственнымъ связямъ раздѣляешь славу нашихъ предковъ. Разсмотришь съ Клинемъ, опносишься ли къ законодательству то, что я сказалъ. Я говорю совсѣмъ не для празднословія, но желаю доказатьъ предвидущее. Судите сами. Поелику одно несчастіе постигло насъ, и Персовъ: ихъ пошому, что подвергли народъ жесточайшему рабству; насъ пошому, что возбуждаемъ чернь къ необузданной свободѣ: то я не безъ намѣренія сказалъ то, что вы слышали, но чтобы лучше приготовить васъ къ послѣдующему.

Мег. Ты хорошо говоришь; постарайся еще яснѣе изложить намъ мысль свою.

Аѳ. Въ древнемъ нашемъ правленіи народъ никогда не былъ господиномъ, но инокшорымъ образомъ всегда покорялся власши законовъ.

Мег. Какихъ же законовъ?

Аѳ. Законовъ опносительно къ музыкѣ шѣхъ временъ. Но разсмотримъ съ самага начала излишнее послабленіе свободной жизни. Сначала музыка раздѣлялась на извѣстные виды и образы. Содержаніемъ пѣсней служили молишвы къ Богамъ, опъ чего получили свое названіе гимны; былъ другой родъ пѣсни противоположной первому — родъ плачевный; были пеаны, диеирамвы, воспѣвающіе рожденіе Вакха; каждой

родъ составлялъ особенный законъ, извѣстный подъ именемъ музыкальнаго въ опличіе отъ прочихъ законовъ. По сему раздѣленію музыки никому не позволялось дѣлать произвольныхъ измѣненій одного вида въ другой. Понимаешь назначеніе каждаго рода, разумно разбираешь его и опспускающаго отъ правилъ исправляешь, тогда не значило свиспашъ. Тогда не слышно было сего нескладнаго крика черни, ни сихъ громкихъ рукоплесканій, показывающихъ одобреніе, кои нынѣ раздаются въ театрѣ. Попечители воспитанія приказывали внимать или въ молчаніи ждательнаго конца. Дѣлалъ, спусникамъ ихъ и многолюдной полкъ розга блюстительница порядка служила увѣщаніемъ. При шакомъ успройствѣ народъ привыкалъ бытъ подъ властію и не дерзалъ подавать своего суда въ мяшежномъ шумѣ. Въ продолженіи времени сами поешы подали поводъ къ немзыкальному злоупотребленію поезіи. Рожденные съ шворческимъ геніемъ, они не постигають правильности и назначенія ея; слишкомъ предаются упоенію, и чрезмѣрными удовольствіями разнѣживають чувства, мѣшають слезныя пѣсни съ гимнами, пеаны съ диэирамвами; на циркѣ подражають звукамъ флейшы; всѣ роды спараются соединить въ одномъ, и въ ослѣпленіи своемъ думаютъ, что музыка не имѣетъ никакой общвенной правильности, но доспоинсп-

во ея совершенно измѣряется удовольствіемъ слушателя, все равно добраго или худаго. Сочиняя такимъ образомъ свои произведенія, съ такою крипикою, они сообщаютъ черни испорченной вкусъ къ музыкѣ и даютъ ей дерзость щипать себя судьями изящныхъ произведеній. Отъ сего пещеры изъ безмолвныхъ содѣлались шумными, какъ будто всѣ понимаютъ, что у Музъ прекрасно, что не прекрасно, и въ семъ городѣ вмѣсто Аристократіи произошла злая Театрократія. Не столь бы опасно было, еслибъ въ музыкѣ была демократія, но изъ мужей свободныхъ; нѣтъ; теперь изъ музыки родилась самонадѣятельность вседневная и незаконное своеволие; по сему пушю спремится свобода. Всѣ спали мудрецами, всѣ содѣлались беспрашными; отъ сего беспрашія родилось беспыдство: ибо дерзость презираетъ мнѣніе людей лучшихъ есть злѣйшее беспыдство и ужаснѣйшій примѣръ злоупотребленной свободы.

Мег. Испинно.

Аѳ. За сею свободою непосредственно слѣдуетъ неповиновеніе правилу. Опшолъ раждается другая дерзость, опшказываясь отъ повиновенія опцу, мащери, спаршимъ и не принимая ихъ насавленій, попомъ презираетъ самые законы, и въ довершеніе всего играетъ кляшвою, вѣрносію и свяшынею Боговъ по свойству древнихъ Ти-

шановъ; шущь опяшь вазвращаешся прежній нещасный вѣкъ со всѣми его нескончаемыми бѣдшвіями. Но къ чему сіе сказано? Слово, какъ коня, иногда надобно удерживашь. Иначе, не имѣя въ устахъ удила, оно увлечешь насъ силою своею, и тогда по пословицѣ и на осла не усидишь. Почему спросимъ иногда сами у себя, къ чему ешо сказано?

Мег. Справедливо.

Аѳ. Сіе сказано къ шому —

Мег. Къ чему?

Аѳ. Чшо законодашель долженъ имѣть шри предмета: во первыхъ сдѣлашь госу- дарство свободнымъ, во вторыхъ распро- странить въ немъ любовь къ опечешву и просвѣпшишь умы. Не шакъ ли?

Мег. Справедливо.

Аѳ. Въ семъ опношеніи мы разсмапри- вали одно правленіе чистое деспотическое, другое чистое свободное; кошорое изъ нихъ лучше? и видѣли, чшо въ шомъ и другомъ царствуетъ благоденшвіе, если одно огра- ничиваетъ власшь свою, другое—свободу; но если рабство одного и вольность другаго дѣлаюшся чрезмѣрными, то оба гибнуць.

Мег. Весьма справедливо шы говоришь.

Аѳ. Для сего я разсмапривалъ поселеніе Дорійскаго воинства, народныхъ поселенія Дардана и другіе приморскіе города, и восхо- дилъ до самаго малаго числа людей, остав- шихся послѣ пошопы. Къ сему опносишся

шо, што я сказаў о музыкѣ, о винѣ и другихъ предметахъ; все сіе сказано, штобъ видѣць, какой образъ правленія есть лучший для государства и какому образу жизни надежнѣе можеть слѣдовать частный человекъ. Теперь можете ли вы доказать, Мегилъ и Клиній, што сія бесѣда была для насъ не совсѣмъ бесполезна?

Кл. Я имѣю одно доказательство сему, почтенный иноземецъ, и почиаю за щастіе, што нашъ разговоръ обратился къ сему предмету; я могу имъ воспользоваться, и очень радъ, што повстрѣчался съ шобою и Мегилломъ. Не скрою отъ васъ своего положенія, и принимаю за щастливое предзнаменованіе, што могу сообщить вамъ о немъ. Большая часть Криша думаетъ основать колонію и поручила Кносійцамъ исполненіе сего плана; Кносійцы обратили свой взоръ на меня и на девять другихъ мужей и возложили на насъ избрать изъ законовъ нашего опечесства и чужеспранныхъ шакіе, кои заслуживаютъ наше одобреніе, не смотря на шо, што они чужеземные шолько были бы лучше нашихъ. Очень радъ и благодаренъ вамъ; помогите мнѣ сдѣлать сей выборъ; поспроимъ въ разговорѣ городъ, какъ бы онъ долженъ былъ получить отъ насъ первое свое основаніе; между шѣмъ сдѣлаемъ новыя открытія въ изслѣдованіи своего

предмета , и ешо начерпаніе послужитъ мнѣ при основаніи новаго города.

Ае. Хорошая вѣсть , Клиній ; не знаю , прошивно ли сіе Мегиллу ? съ моей спороны пы найдешь во мнѣ усердѣйшаго соудрудиика .

Мег. И я съ моей спороны гошовъ содѣйствовашъ .

Кл. Прекрасно ; и такъ построимъ городъ на словѣ .

РАЗГОВОРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

о

ЗАКОНАХЪ.

Ае. Скажише, какую идею сославимъ себѣ о будущемъ нашемъ поселеніи? не вопрошаю о названіи его шеперь, или какъ оно назовешся въ будущее время; первое основаніе его, мѣсто, названіе рѣки или Боговъ-покровишелей шраны легко могутъ дать имя возникающему городу. Я желаю знашь, приморской ли онъ, или отъ моря удаленной?

Кл. Городъ, о кошоромъ мы говоримъ, отшпоитъ отъ моря почти на восемьдесятъ шпадій.

Ае. Имѣетъ ли онъ въ близости присшани, или вовсѣ не присшупенъ?

Кл. Вблизи его ешь удобнѣйшія присшани.

Ае. Вотъ какое мѣсто! а каковы окрешносши? во всемъ плодородны, или имѣютъ въ чемъ либо недосшашковъ?

Кл. Почши ни въ чемъ не имѣютъ недосшашка.

Ае. Ешь ли въ близости другіе города, или нѣтъ?

Кл. Нѣтъ. По сему-шо онъ и населешся. Еще въ давнія времена произошло переселеніе изъ сей шраны, и досѣлѣ она осшавалась пустынею.

Аѳ. Каково положеніе сей спраны вразсужденіи полей, горб и лѣсовб?

Кл. Она имѣетб во всемб одинакое свойство св прочими спранами Криша.

Аѳ. Ишакб почва земли болѣ шероховата, нежели ровна?

Кл. Точно шакб.

Аѳ. Слѣдовашельно способна кб развишію добродѣтели. Еслибв сей новый городб былб приморской, св удобными приспанями, но св безплодными окреспносцями и подверженный многимб нуждамб; по развѣ сильной какой Геній, или божеспвенный законодашель моглибв предохранить его ошв вліянія многихб худыхб иноземныхб обычаевб. Но восемьдесятб спадій могушв успокоить наши сомнѣнія; и ешо разспояніе еще слишкомб мало, если приспани шакб удобны, какб ты говоришь. Впрочемб должно радовашься и ешому. Прилежащее море ежедневно можетб доставлять много пріяшностей, и при всемб томб естб соленый и горькій сосѣдб. Въ слѣдб за торговлею и богашспвомб оно вводитб роскошь, возраждаетб въ душб склонность кб непоспоянспву и вѣроломспву, содѣлываетб городб невѣрнымб сначала самому себѣ, попомб равно и прочимб людемб. Нашб городб безопасенб и св сей споронны, пошому чшо изобилуетб собспвенными произведеніями; имѣя шероховатую почву, оцб не можетб имѣть вб нихб излише-

схва. Иначе, чрезъ великой вывозъ своихъ произведеній въ чужія страны, онъ наполнился бы серебромъ и золомомъ. Ни одно изъ всѣхъ золъ, можно сказать, если мы спрого взвѣсимъ всѣ одно противъ другаго, столько не препяшпвуеиъ развишю нравовъ благородныхъ и справедливыхъ, какъ излишнее богатство; о чемъ мы говорили и въ прежнемъ словѣ.

Кл. Помнимъ и соглашаемся, что пы какъ тогда, такъ и теперь говорилъ справедливо.

Ае. Обильна ли страна швоя корабельнымъ лѣсомъ?

Кл. Тамъ нѣтъ ни огромныхъ елей, ни липвенницы. Кипарисовъ мало; рѣдко встрѣчающся сосны и пополи, употребляемые для внутреннихъ частей корабля.

Ае. Тѣмъ лучше. Сей недостатокъ весьма выгоденъ для страны швоей.

Кл. Почему же?

Ае. Хорошо для всякаго города, если онъ не легко можешъ подражать врагамъ своимъ въ помъ, что худо.

Кл. Но какую связь имѣютъ слова сіи съ предвѣдущими?

Ае. Припомни, любезный, что прежде сказано о Крипскихъ законахъ, что они усщремлены къ единой цѣли. Цѣль сія, какъ вы сказали, есть война. Я хвалилъ сіи законы, какъ основанные на добродѣтели, и пори-

цалъ въ нихъ то, что они обвемлютъ не цѣ-
 лую добродѣтель, но только одну часть ея.
 Въ настоящемъ нашемъ словѣ вы предостере-
 регите меня, если я положу какой законъ,
 основанный не на цѣлой добродѣтели, но
 односпоронній. По моему мнѣнію только
 пошъ законъ справедливъ, кошорой, подобно
 мѣшному спрѣлку, усшремляешъ всю свою
 силу къ тому, съ чѣмъ нераздѣльно какое ни-
 будь истинное, постоянное благо; а все про-
 чее, какъ по богащсво и всякія выгоды
 оставляешъ, какъ прошивные цѣли своей. Ху-
 дымъ подражаніемъ врагамъ называю то, если
 кто живешъ у моря и подверженъ нападені-
 ямъ непріятели, такъ на примѣръ,—но я го-
 ворю не въ укоризну вамъ,—нѣкогда Миносъ,
 владѣя великими силами на морѣ, возложилъ
 на жителей Ашшики пятосшную, посшядную
 дань. Они же не имѣли ни военныхъ кораб-
 лей, какъ шеперь, ни спраны, обилующей лѣ-
 сомъ, для сооруженія флота, и не скоро
 сдѣлались мореплавателями по подражанію
 врагамъ своимъ; не скоро могли прошиво-
 сшояшъ нападеніямъ ихъ. Но лучше было имъ
 шерьшъ не семь мальчиковъ, а въ нѣсколько
 разъ больше, нежели вмѣсто швердыхъ вой-
 новъ сдѣлашъся мореплавателями, пріобык-
 нушъ съ посшшностію садшшся на кораб-
 ли, ошсшупашъ и не щшшашъ спшшдомъ, если
 при нападеніи непріятели они уже не дерза-
 юшъ прошивосшояшъ ему и мужесшвенно

вспрѣчь смершь. Уже спали они находить различныя оправданія, бросають оружіе и обращаются въ бѣгство—какъ шеперь говорится,—непоспѣдное. Такія рѣчи, весьма обыкновенныя у моряковъ, не только не заслуживаютъ одобренія, но напрошивъ доспойны всякой укоризны; ибо граждане, особливо отличнѣйшій классъ ихъ, не должны подражать худымъ примѣрамъ. Можно видѣть изъ Гомера, сколь пагубно такое подражаніе. Одиссей укоряетъ самаго Агамемнона, что онъ при сильномъ нападеніи Троянцевъ на Ахеянъ приказалъ спустить корабли на море. Во гнѣвъ своемъ Одиссей говоритъ: Между шѣмъ, какъ происходишь война и кровопролитная сѣча, ты велишь спустить на море гребные корабли, чтобы шѣмъ угодишь Троянцамъ, кои сего только желаютъ, а насъ повергнушь въ жестокою гибель. Ахеяне не будутъ упорствовать въ войнѣ, когда спускаются корабли, но въ бѣгствѣ спашутъ искашь спасенія. Ты увидишь, какъ гибельно швое повелѣніе. Слѣдовательно и Гомеръ зналъ, сколь опасны корабли на морѣ въ виду сражающихся; такимъ образомъ легко могутъ приобыкнуть обращаться въ бѣгство мужественные отъ слабыхъ, и львы отъ еленей. Пришомъ въ государствахъ, обязанныхъ морской силѣ своимъ могуществомъ, почести раздаются не по отличію въ дѣлахъ военныхъ. Кормчими, началь-

никами гребцовъ и гребцами могутъ быть люди всякіе и не очень славные; самое благоприличіе не позволяеть почпиться инаго изъ нихъ шоржеспвенною славою; а безъ сего можетъ ли быть надлежащее успройство въ государствѣ?

Кл. Не возможно. Но мы, Кришяне, думаемъ, что морское сраженіе Еллиновъ при Саламинѣ прошивъ Варваровъ спасло Грецію.

Ав. И многіе изъ Еллиновъ и варваровъ пакъ думаютъ. Но я и Мегилъ, мы полагаемъ сею причиною сраженія при Маратонѣ и Плаши; первое было началомъ спасенія Грековъ, а второе довершило его. Сіи двѣ побѣды содѣлали Еллиновъ доблеспнѣйшими. О морскихъ же сраженіяхъ, о Саламинскомъ, и при Аршемизіи, можно сказать, что онѣ, содѣйствуя ко спасенію Еллиновъ, не сдѣлали ихъ лучшими. Разсмапривая превосходство государспвеннаго успройства со спороны выгодъ мѣспоположенія и свойства законовъ, мы почиаемъ опличнѣйшимъ цаспиемъ для чловѣка не одно простое продолженіе бытія, что онъ существовалъ какъ нибудь, но что онъ во всю жизнь свою былъ добродѣтельнымъ. Но, кажешся, о семъ уже прежде мы сказали свое мнѣніе.

Кл. Да.

Аѳ. Не будемъ перяшь сего изъ вида, если хопимъ слѣдовашь по одному пупю, безъ сомнѣнія лучшему для поселенія города и для законодашельства.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Теперь скажи мнѣ, кпо будетъ населяшь вашъ городъ? изъ всего ли Криша всякой желающій, если народонаселеніе въ вашихъ городахъ столь велико, чпо земля не достаточна для продовольствія его? Конечно вы не безъ разбора принимаете всѣхъ Еллиновъ; хопя у васъ живутъ многіе урожденцы Аргоса, Егины и другихъ странъ Еллинскихъ. Скажи, опколъ вы призовете народъ свой?

Кл. Кажешся изъ всего Криша. Изъ прочихъ же Еллиновъ съ особеннымъ предпочтеніемъ будутъ принимаемы здѣсь Пелопнесцы; ны справедливо сказалъ, чпо у насъ ешь пакже урожденцы Аргоса; особенно мы уважаемъ переселенцовъ изъ Пелопнескаго города Горшины.

Аѳ. Слѣдовашельно поселеніе городовъ можешъ бышь надежно шолько шогда, если производишь по подобію роящихся пчелъ. Одинъ родъ переселяется опъ своего семейства, опъ друзей своихъ, побуждаемый или шѣсношою мѣсна, или другими обстоятельствами. Иногда возмущенія заспавляютъ одну часть гражданъ искашь себѣ другаго мѣсна; иногда переселялось и цѣлое государ-

спво , одолѣваемое превосходными силами враговъ. Опъ шого иногда очень легко, иногда очень шрудно поселишь городъ и снабдишь его законами: въ народѣ, имѣющемъ одинъ языкъ, одно имя, одинаковое богослуженіе и шому подобное, существуетъ какашпо взаимная любовь, и онъ съ шрудомъ привыкаетъ къ другимъ законамъ, къ другому образу правленія. Иногда онъ возмущается по испорченности законовъ , но по привычкѣ всегда приверженъ къ старымъ обычаямъ, опъ коихъ и прежде погибъ; шогда онъ шягоспенъ для начальника поселенія и не покоренъ гласу его. Спекишіеся изъ разныхъ споронъ различные люди болѣ первыхъ способны приняшь новые законы; но очень шрудно и много времени пошребно къ шому, чшобъ они слились въ одну душу и стремились бы къ единой цѣли, подобно конямъ впряженнымъ въ одну колесницу. Однимъ словомъ, законодательство и утверждение государствъ пребуетъ величайшихъ талантовъ и безпримѣрной добродѣтели.

Кл. Справедливо, но скажи яснѣе, къ чему клоняпся слова сіи?

Лѳ. Почтенный, похваляя и разсмашивая законодательей, легко можно сказать чшо нибудь для нихъ худое. Впрочемъ не велика важность, еслибы мы сказали въ примѣръ чшо либо подобное. О чемъ безпокоишься? шановы почши всѣ для человѣческія.

Кл. О чемъ ты говоришь?

Аѳ. Я хотѣлъ сказать, что ни одинъ человекъ, никогда, ничего не узаконяетъ; но случаи и разные несчастія суть источники всѣхъ законовъ: или жестокая война, или гибельное вліяніе недосыпка влечетъ государства къ упадку и измѣняетъ законы; иногда болѣзни, голодъ и ненасытныя години заставляють вводить новизны. Взирая на сіе всякой легко согласишься со мною, что смертный ничего не успановляетъ; но всѣ дѣла человѣческія суть игра случая. Тоже самое, кажешся, весьма основательно можно сказать о мореплаваніи, о управленіи корабля, о врачевствѣ и военачальствѣ. Но припомъ въ тѣхъ же обстоятельствахъ хороши и другія слова.

Кл. Какія?

Аѳ. Что Богъ, щастіе въ рукѣ Божіей и чреда управляють судьбою человѣчества. За ними уже надлежитъ дать мѣсто искусству; ибо великую услугу доставляетъ знаніе кормчаго во время бури. Не такъ ли?

Кл. Такъ.

Аѳ. Слѣдовательно поже бываетъ и въ другихъ случаяхъ; и въ законодательствѣ, должно согласишься, если самыя обстоятельства благопріятствуютъ населеной странѣ, то къ довершенію благодѣянія ея нуженъ законодатель, швердый въ цшинѣ.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Человѣку, имѣющему свѣденіе въ какомъ либо изъ пѣхъ предметовъ, о которыхъ мы говорили, чего другого оспается желаніе, какъ щаспливаго спеченія обспоятельствъ, чшобъ шруды его не оспались пщепными?

Кл. Справедливо.

Аѳ. Еслибъ мы спросили и у другихъ, въ чемъ соспояшъ ихъ желанія? Безъ сомнѣнія они сказали бы поже. Нешакъ ли?

Кл. Такъ.

Аѳ. И законодатель сказалъ бы поже.

Кл. Думаю.

Аѳ. Скажи намъ, законодатель,—вопросимъ мы его,—въ какомъ соспояніи городъ мы должны поручить шебъ, чшобъ шы могъ довершишь щаспіе его? чшо бы онъ сказалъ на сіе? или мы за него скажемъ опвѣшъ его?

Кл. Хорошо.

Аѳ. Онъ сказалъ бы такъ: дайше мнѣ городъ, управляемый однимъ Государемъ, но Государемъ юнымъ, одареннымъ хорошими способностями ума, образованнымъ, мужеспвеннымъ, съ возвышенными чувспивованіями. Мы уже прежде сказали, чѣмъ должны сопроваждашья всѣ часпи добродѣтели; поже должно украшашъ душу сего Государя; иначе самыя добрыя качесшва его будущъ бесполезны.

Кл. Мегиллъ, сія сопупница добродѣтелей, мнѣ кажешя, еспь умбренность. Нешакъ ли?

Ае. Она самая; но еспешивенная, не при-
нужденная, не ша, кошоруд нѣкошорые учи-
тели мудросши называюшѣ благоразуміемѣ,
спараясь доказаць, что бышь мудрымѣ и
умбраннымѣ ешь одно и шже: но вѣ про-
спомѣ смысѣ, кошорая уже обнаруживаеш-
ся вѣ нѣкошорыхѣ дѣшяхѣ и живопныхѣ;
какѣ врожденная, укрощаешѣ ихѣ пылкость,
увлекающую другихѣ кѣ необузданнымѣ
наслажденіямѣ; однимѣ словомѣ сія умбрен-
ность, кошорая, какѣ мы сказали, безѣ
другихѣ оплчныхѣ качествѣ ничего не
значитѣ. Помните ли вы?

Кл. Очень помнитѣ.

Ае. Если Государь соединяешѣ сіе качествѣ
во вмѣстѣ сѣ прочими добродѣтелями, шо
Государство получишь быспрое, прекрасное
успройство и сдѣлаешѣ щасливымѣ. Нѣшѣ
и бышь не можешѣ другаго лучшаго и надеж-
нѣйшаго способа кѣ ушверженію его.

Кл. Возможно ли; чѣмѣ пы можешѣ убѣ-
дишь насѣ вѣ испинѣ сихѣ словѣ?

Ае. Очень легко поняшь, что сіе шакѣ
бываешѣ вѣ самой природѣ вещей.

Кл. Что пы говоришь, будшо для сего ну-
женѣ шолько Государь юный, одаренный хо-
рошими способностями ума, образованный,
мужешвенный, сѣ возвышенными чувствво-
ваніями?

Ае. Прибавь, если онѣ будешѣ шолько
щасливѣ, что найдешѣ себѣ мудраго зако-

нодашеля, которой содѣйствовалъ бы ему въ единой цѣли. Посылая сіе, Богъ дѣлаешь почти все, если хочешь благословишь первымъ щаслиемъ какое либо Государство; второе мѣсто послѣ ешаго занимаешь по Государство, въ которомъ два чинашеля; прешье—то, въ которомъ управляющъ многие. Впрочемъ шѣмъ ненадежнѣе правленіе, чѣмъ больше чинашелей, и чѣмъ ихъ меньше, шѣмъ лучше.

Кл. По ешому, кажешся, ты думаешь, что неограниченное правленіе ешь лучшее при мудромъ законодашелѣ и крошкѣмъ Государствѣ; что шакое Государство весьма легко содѣлать щасливымъ? Впорымъ ты полагаешь правленіе не многихъ, и прешьимъ, народное?

Аѣ. Никакъ. Легче всего успроишь правленіе вопервыхъ неограниченное, попомъ Монархическое, и прешье Димократическое. Но чешвертое Аристократическое очень шрудно можешь быть преобразовано: въ немъ всегда имѣющъ перевѣсъ многочисленныя вельможи. Преобразование можешь произойши шолько тогда, если ешь истинный законодашель и въ Государствѣ имѣетъ онъ равную силу съ могущешвенишѣшими лицами. Гдѣ сіи лица немногочисленны, но сильны, какъ въ неограниченномъ правленіи, шамъ удобнѣе и легче дѣлать перемѣны.

Кл. Какимъ же образомъ? непонимаемъ.

Аѳ. Но вамъ сіе сказано не однажды, а, кажется, уже нѣсколько разъ. Можешъ быть вы еще не видали города, управляемаго неограниченною власшюю.

Кл. Я и не любопытенъ до сего зрѣлища.

Аѳ. Однакожь ты увидѣлъ бы шамъ испину словъ моихъ.

Кл. Какую испину?

Аѳ. Чшо неограниченному Государю попребно, немного шруда и времени чшобы по желанію своему перемѣнишь нравы Государства. Надобно шолько самому ишши впереди всѣхъ шуда, къ чему хочешъ обратишь другихъ; хочешъ ли онъ возбудишь гражданъ къ добродѣтели или въ прошивную спорону; самъ первый долженъ показашъ примѣръ своими дѣлами, однихъ хвалишь и опличашъ, другихъ подвергашъ спыду, и непокорныхъ при каждомъ поступкѣ безчешишь.

Кл. Надобно думашъ, чшо прочіе граждане скоро послѣдуютъ своему Государю, соединяющему съ шакою силою шоликую убѣдительность.

Аѳ. Никшо не увѣришь насъ, друзья, чшобы примѣръ и вліяніе управляющихъ не были самыя дѣйшвительныя способы къ преобразованію законовъ, и шеперь и въ будущее время. Мы не почтемъ сего не шолько невозможнымъ, но даже и шруднымъ дѣломъ, хошя Ишорія рѣдко предшавляетъ подобныя собышя въ продолженіи многихъ лѣтъ. Но сіи

событія всегда будуть испочинками безчисленныхъ благъ для Государства, въ которомъ онѣ произойдутъ.

Кл. Какихъ же благъ?

Ав. Еслибъ божественная любовь къ умѣренности и правосудію горѣла въ сердцахъ Царей, единовластно управляющихъ, или другихъ правителей, избираемыхъ по богатству или рожденію; еслибъ кто теперь владѣлъ даромъ Неспора, кою силой краснорѣчія превосходилъ всѣхъ, и еще болѣе знаменитъ былъ своею умѣренностію; — но сіе было во времена Трои, задолго прежде насъ; еслибъ онъ теперь возсталъ, или другой мужъ ему подобный, или кто нибудь изъ насъ былъ бы шаковъ: по щасливъ онъ, и щасливы слушающіе слова изъ успъ мудраго. То же можно сказать о всякомъ другомъ могуществѣ: гдѣ соединяется въ высочайшей власти мудрость съ умѣренностію: тамъ правленіе и законы достигаютъ величайшаго совершенства, и другимъ образомъ сіе никогда бытъ не можетъ. До времени сіе сказано темно, въ видѣ оракульскаго изрѣченія, доколь мы докажемъ со всею достоверностію, что съ одной стороны трудно успроить городъ, а съ другой по нашему предположенію епо есть самое легкое и скорое дѣло.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Сообразуясь съ потребностями перво-го города, постараемся начертать ему законы съ оспорожностію спариковъ, кои дающъ уроки своимъ дѣшамъ.

Кл. Будемъ продолжатъ, не оспонавливаясь.

Аѳ. Призовемъ Бога на успроеніе новаго града. Онъ услышитъ насъ, и внявъ мо-лищѣ нашей, милосердо сойдетъ къ намъ содѣйствовашъ общему благу и учрежденію законовъ.

Кл. О еслибъ Онъ сошелъ!

Аѳ. Но какое правленіе мы дадимъ нашему государству?

Кл. Скажи, ясибе, что вы намѣренъ ска-зашъ. Безъ сомнѣнія вы хочешь знать, успановитъ ли правленіе народное, или вельможное, или царшвенное; но мы увѣре-ны, не деспотическое, неограниченное.

Аѳ. Но кто изъ васъ первой хочешъ ска-зашъ мнѣ, какое правленіе находишся въ опечествѣ его?

Мег. Какъ спаршему, не мнѣ ли принад-лежитъ право говорить прежде?

Аѳ. Все равно.

Мег. Разсуждая о правленіи въ Лакедемо-нѣ, я не могу сказашъ рѣшишельно, какъ на-звашъ его. Кажется оно походитъ на не-ограниченное. Власъ Ефоровъ у насъ уди-вишельно велика; иногда я вижу здѣсь прав-леніе совершенно народное. Крайнее невѣ-

жество было бы, утверждая, что оно не Аристократическое; есть у нас и Царская власть; власть самая древняя, нами и всеми народами такъ называемая. На сей нечаянный вопросъ я не могу сказать определенно, какое у насъ правленіе.

Кл. Я съ побою, Мегилль, нахожусь въ одинакомъ замѣшательствѣ. Вникая въ правленіе Кносса, я не могу дать ему собственнаго названія.

Лѳ. Епо отъ того, что ваши опечесва сущъ дѣйствительныя правленія; а тѣ, кои мы теперь по одинакѣ называли, не сущъ государственныя правленія, но просые города, въ которыхъ одна часть повелѣваетъ, другая работъствуетъ; всякой изъ нихъ называется именемъ своего правителя. И если необходимо имѣть городу такое названіе, то лучше заимствовать его отъ истиннаго Бога, управляющаго существами разумными.

Кл. Кто же сей Богъ?

Лѳ. Чтобъ объяснить сей вопросъ, надобно прибѣгнуть къ баснословію; возможно ли сіе сдѣлать?

Кл. Очень можно.

Лѳ. За долго прежде основанія всѣхъ Государствъ, о которыхъ мы говорили, самое первое и самое щастливое было въ златыя времена Сашурна. Нынѣшнія самыя совершен-

ныя царствованія сушь пошьо слабое подобіе онаго.

Мег. Очень любопышно слышать сіе.

Ае. Я думалъ шакъ; и для ешаго сдѣлалъ сіе опшшупленіе въ нашемъ разговорѣ.

Мег. Очень хорошо шы сдѣлалъ; желательо, чшобѣ шы рассказалъ всю баснь по порядку, если можно.

Ае. Сдѣлаю по вашимъ словамъ. Идемъ преданіе о щасливой жизни злашаго вѣка, когда всѣ блага сами собою въ изобиліи предспавлялись людямъ. Причина же сего щассія, какъ говорящъ, была сія: Сашурнѣ зналъ, что никакая природа человѣческая, владѣя неограниченною власшію, не можешъ прошивишься сильнымъ порывамъ своевольства и несправедливости. Къ опклоненію сего онѣ поставилъ Царями и начальниками государствъ не людей, но существа благороднѣйшія, божешвенныя. Такъ нынѣ и мы дѣлаемъ со спадами и со всѣми домашними живошными. Мы не поставляемъ воловъ начальниками надъ волами, ни козлищъ надъ козлищами, но сами управляемъ ими какъ родъ опличнѣйшій. Равнымъ образомъ по милости человѣколюбиваго Бога щогда царшвовали на землѣ Генія — существа благороднѣйшія. Сіи существа, богашья способами попеченія о себѣ и о другихъ, ушановляли вездѣ миръ, добрую совѣсь, свободу и неизсякаемое правосудіе, и ушверждали въ

людяхъ безмятежіе и благоденствіе. Но сей вѣкъ миновался. Онъ представляешъ намъ истину, что, гдѣ царствуютъ не Боги, но смертные, тамъ человекъ никогда не успокоится онъ золъ и бѣдливъ. По крайней мѣрѣ, сколько возможно, онъ долженъ приближаться къ первоначальной жизни Сапура : повинувшись безсмертной часпи существа своего, уступашъ душѣ своей власъ надъ собою, надъ домами и градами, и признавашъ закономъ только внушенія божественнаго разума. Но гдѣ или одинъ человекъ, или дворянство, или народъ съ душою жадною къ удовольствіямъ, и справами волнуемою, безпрестанно спремисся къ новымъ наслажденіямъ; не зная ни въ чемъ воздержанія, спрадаешъ болѣзнію ненасытности, и попирая всѣ права человечества, управляешъ городомъ или частнымъ человекомъ: тамъ, повсюду, нѣтъ уже средства къ спасенію. Надлежитъ вамъ, Клиній, вникнувъ въ слово сіе, или согласишься съ нимъ, или нѣтъ.

Кл. Необходимо должно согласишься.

Ае. Нѣкоторые утверждаютъ, какъ ты знаешь, что законы имѣютъ нѣже виды и раздѣленія, какъ и правительства. Мы уже видѣли, какъ раздѣляются послѣднія, и впадаемъ въ недоумѣніе, съ какой почки должно смотрѣть на справедливость и несправедливость. Говорятъ, что законы не

должны основываться ни на цѣлой добродѣтели, ни на войнѣ; они должны клониться къ пользѣ сущесвующаго образа правленія, ко всегдашнему ушверженію власни его, и естественная мѣра справедливости есть сія...

Кл. Какая?

Ае. Польза сильнѣйшаго.

Кл. Скажи яснѣе.

Ае. Законы въ государствѣ, какъ говорятъ, даются спорною преобладающею; не правда ли?

Кл. Истинно.

Ае. Но можно ли полагать, что народъ, или другая какая либо спорона, имѣя въ рукахъ своихъ перевѣсъ, согласится ушвердить законы не на собственннй своей пользѣ?

Кл. Какъ можно.

Ае. Слѣдовательно, ипо пресупитѣ сіи законы; пого по условенному правосудію законоположникъ накажетъ какъ возмушителя.

Кл. Кажется шакъ.

Ае. Таково есть, и всегда будетъ, говорятъ они, сущесво справедливости.

Кл. Какъ показывается сіе слово.

Ае. Сіе опредѣленіе справедливости есть пресупленіе противъ челоѣчесва.

Кл. Какое пресупленіе?

Ае. Мы уже видѣли, ипо надѣ къмѣ долженъ владычесствовать; видѣли, что родители должны управлять дѣшми, старшіе младшими, благородные безродными; мы ви-

дѣла и другія многія власши, однѣ другимъ прошиворѣчущія; видѣли между ними и власшь сильного, и согласились со мнѣніемъ Пиндара, кошорый называетъ ближайшею къ природѣ власшь сильнѣйшаго.

Кл. Такъ; ешо уже сказано.

Ае. Разсмотримъ же, кому поручить свой городъ. Ибо не разъ, но пысячекратно случалось въ другихъ городахъ.

Кл. Чшо случилось?

Ае. Гдѣ начальство дѣлается предметомъ спора; шамъ преодолевающая спорона всегда присвоиваетъ себѣ всѣ государственныя дѣла, и побѣжденнымъ, ни самимъ, ни дѣшамъ ихъ не оставяетъ ни даже шѣни какой либо власши; шамъ вѣчно пишутъ однѣ къ другому взаимную боязнь, чшобы кто либо, получивъ въ руки свои власшь, не опшшилъ за причиненныя ему прежде обиды. Такія правленія не суть правленія, и шѣ законы суть не истинныя законы, кои успановлены не для всего государства вообще. Правленія, успановленныя для немногихъ, суть неиное чшо, какъ скопища злоумышленниковъ; справедливосшь у нихъ есть только пустое названіе. Сіе мы говоримъ для шого, чшобъ въ новомъ государствѣ швоемъ не раздавать исключительно власпей ни богатымъ, ни шѣмъ, кои ничего не имѣютъ, кромѣ силы, знапности и породы. Но кто бо лѣ всѣхъ повинуется законамъ, и въ епомъ

побѣждаетъ прочихъ гражданъ; сему какъ первому должно поручить важнѣйшую должность, которую прежде исполняли сами боги; впрочемъ по немъ впрочемъ власшь и такъ далѣе по порядку. Я не безъ причины называю правителей служителями закона, но полагая въ сѣмъ и спасеніе и гибель государства: гибель тамъ, гдѣ есть правитель, но безсиліе законъ; спасеніе и всѣ блага, какія только боги дадутъ людямъ, тамъ, гдѣ законъ есть господинъ надъ правителями, и правители суть рабы его.

Кл. Справедливо. Ты по лѣтамъ своимъ слишкомъ проницательно видишь.

Аѳ. Правда; юный человекъ видя сѣи предметы всегда слабѣе, нежели какъ ему можно. Здѣсь спарецъ проницательнѣе молодого.

Кл. Испинно, очень испинно.

А. Чпожь далѣе? Вошъ уже поселенцы заняли свои мѣста; они предъ нами; къ нимъ надлежитъ обратишь рѣчь свою.

Кл. Положимъ такъ.

Аѳ. И такъ скажемъ имъ: граждане, Богъ, какъ говоритъ древнее преданіе, содержащій въ себѣ начало, средину и конецъ всѣхъ вещей, шествуетъ прямо и проникаетъ вселенную; ему всегда сопутствуетъ правосудіе, испинетъ за нарушеніе Божественнаго закона. Предназначенный къ блаженству, покоряется божественному суду и смиренно

идеѣ по стопамъ его. Но безумецъ, ослѣпленный гордостію, богашствомъ, почестіями или красою пѣла, пожираемый вѣспѣ и пламенемъ юности и силою честолюбія, ошмешаетъ всякую власъ и руководишеля, и почиая себя рожденнымъ повелѣвашь, ошмешся безъ Бога, безъ добродѣтели. Ошавленный самому себѣ, онъ приобщается къ другимъ подобнымъ своимъ, рыщѣ и разноситъ всюду возмущеніе. Уже онъ дѣлается идоломъ черни; но скоро получаете достойное наказаніе сей рушишель своего семейшвеннаго и общешвеннаго щасія. При шакомъ расположеніи дѣлавъ чловѣческихъ, что долженъ дѣлашь и размышляшь мудрый?

Кл. Очень ясно, что всякой разумный долженъ обращать всѣ свои мысли и желанія къ Богу.

Ае. Но какое поведеніе любезно Богу и сообразно съ природою Его? Я знаю только одно, основанное на древнемъ изрѣченіи: любезно подобное подобному и пришомъ умѣренное умѣренному; предметы чрезмѣрные не бывають близки ни между собою, ни съ предметами умѣренными. Но Богъ есть мѣра всѣхъ вещей и мѣра совершенѣйшая, нежели кто либо изъ смершныхъ, какъ говорятъ. И шакъ, чтошбъ сдѣлашься любезнымъ Богу, надобно по возможности уподобляшься ему. На семъ основаніи чело-

вѣкъ умѣренный въ своихъ желаніяхъ, есть другъ Божій, какъ подобный Ему, а неумѣренный не только не подобенъ, но прошивенъ Ему, какъ несправедливый. Сіе правило ведетъ насъ къ другому важнѣйшему и болѣе всѣхъ истинному, именно: если добродѣтельный жершвуешъ Богамъ, и бесѣдуешъ съ ними носредствомъ молишвы, приношеній и всякимъ благоговѣйнымъ служеніемъ: по сіе болѣе всего и надежнѣе ведетъ его къ блаженной жизни и служишъ ему великимъ украшеніемъ. Но съ порочнымъ бываетъ прошивное; онъ не чиситъ душею; числомъ живешъ только въ добродѣтельномъ; онъ оскверненнаго не принимаетъ даровъ ни доброй человѣкъ, ни Богъ. И пакъ къ чему служишъ нечесливому всѣмъ старанія его преклоняшъ Боговъ? они внимаютъ только молишвѣ душъ добродѣтельныхъ. Вотъ цѣль, къ которой мы должны спремиться. Но какими спрѣлами, если позволено пакъ сказать, можно попадаться въ цѣль сію, и какой путь прямѣе ведетъ къ ней? Во первыхъ послѣ поклоненія, должнаго Богамъ Олимпійскомъ покровителямъ города, должно совершать и другія жершвоприношенія: лѣвья спороны вшороспеленныхъ жершвъ въ чешномъ числѣ приносятъ подземнымъ Богамъ; за шѣмъ въ благоговѣннѣи жершвовашъ духамъ и героямъ, и почиташъ жершвенники домашнихъ пенашовъ. Любишь и уважашъ своихъ родителей, воз-

давати имъ должное, есць первая и священ-
 нѣйшая наша обязанность. Мы не имѣемъ
 ничего, чѣмъ не принадлежало роднымъ и
 воспитавшимъ насъ; имъ мы должны жертво-
 вать, чѣмъ только можемъ, имъ иеми и
 всѣми благами душевными и пѣлесными;
 должны платити имъ дань за пѣ попеченія и
 болѣзни, кои они перенесли для насъ въ
 первыя лѣта жизни нашей; должны пецись
 о дряхлой старости ихъ; во всю жизнь
 свою они должны слышатъ отъ насъ поль-
 ко одѣ благословенія: ибо слова недѣныя,
 легкомысленныя навлекающъ намъ жесточай-
 шее наказаніе; Немезида, въспница пра-
 восудія, спрога блюдещъ за нами. Успунимъ
 гѣву родитѣлей; извинимъ ихъ, если они
 изливають его на насъ словами и дѣлами;
 не забудемъ, что ошецъ имѣетъ право гѣ-
 ваться на виновнаго сына. По смерти ихъ
 лучшее погребеніе имъ есць самое скром-
 ное, въ копоромъ нѣтъ пышности чрез-
 вычайной, и копорое не уклоняется отъ
 обычая предковъ. Ихъ нѣтъ; но мы еже-
 годно будемъ почитатъ память ихъ и усоп-
 шимъ приноситъ малѣйшую часпъ отъ сво-
 ихъ спяжаній, щаспемъ посылаемъ ихъ. Ис-
 полняя сіе и съ сими правилами сообразуя
 жизнь свою, мы приобрѣтемъ милость у
 Боговъ и у выснихъ сущесвъ и доброю на-
 деждою усладимъ больную часпъ жизни сво-
 ей. Чтѣ касаетъ до дѣней, родспвенни-

ковъ, друзей и согражданъ, до госпеприми-
схва и до всѣхъ обязанности общезинія,
кои соспавляюшъ усладу жизни сей, бу-
демъ вопрошашъ закономъ: законъ, иногда дѣй-
ствующій убѣжденіемъ, иногда вооружаю-
щійся на неповорныхъ силою и наказаніемъ,
одинъ законъ при помощи Божіей можетъ
содѣлать государство сильнымъ и цѣлш-
щимъ.

Есть еще другіе предметы, о которыхъ
законодатель долженъ говорить, если имѣ-
етъ одну цѣль со мною; но поелому невоз-
можно предспавить ихъ въ обыкновенной
формѣ закона; по должно начертать общій
планъ для нихъ и собравши всѣ подѣ одну
почку, попомъ изложитъ ихъ шѣмъ, для ко-
ихъ издаются сіи законы. И хотя весьма
шрудно найти сію почку и заключить всѣ
предметы въ одной формулѣ, однакожъ мы
поспараемся шайши для себя енто основаніе.

Кл. Какое же ?

Аѳ. Желалъ бы я, чшобъ всѣ по собствен-
ному убѣженію спремелись въ добродѣ-
тели; вѣрояшно, чшо законодатель будешъ
имѣть сію цѣлю во всемъ законодательствѣ
въ своемъ.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Сказанное доселѣ, кажешся, ведешъ въ
шому, чшобы зашпавить внимашъ совѣшамъ
не съ холодною душою, но съ добрымъ рас-
положеніемъ. Мы очень много успѣемъ, если

хотя нѣсколько пріобрѣшемъ и усилимъ вниманіе и благосклонность слушающей. Не многіе, очень не многіе спремются къ быспрому и прочному усовершенствованію самихъ себя. Гезіодъ, коего многіе почишаютъ мудрецомъ, говоритъ, что путь къ пороку ровенъ, не сопряженъ ни съ какими трудностями и очень кратокъ; но съ добродѣтелию безсмертные соединили трудъ; путь къ ней продолжителенъ, гористъ и сначала шероватъ; но чѣмъ выше восходишь, тѣмъ болѣе смягчаются трудности.

Кл. Кажется, онъ хорошо сказалъ

Аѳ. Очень хорошо. Теперь хочу показашъ вамъ слѣдующіе предварительнаго моего слова.

Кл. Покажи.

Аѳ. Для сего начнемъ съ самимъ законодательемъ такой разговоръ: скажи намъ, законодатель, еслибъ ты зналъ, что мы должны говорить и дѣлать, то безъ сомнѣнія ты намъ открылъ бы сіе.

Кл. Необходимо.

Аѳ. Но не задолго предъ симъ не сказалъ ли ты, что законодатель не долженъ позволять поешамъ говорить все, что имъ угодно; ибо не зная, что противно законамъ, они могутъ вредить обществу порядку.

Кл. Справедливое замѣчаніе.

А. Прилично ли будешь сказать ему отъ имени поешовъ ?

Кл. Чшо шакое?

А. Ешь древнее сказаніе, часто повшоремое и всѣмъ извѣстное; чшо поешъ, какъ бы возсѣдя на шреножникѣ музъ, не владѣешь собою, и подобно испочнику, даешь шпремящимся мыслямъ свободное печеніе; поелику искусство ешь подражаніе, шо онъ, засшавляя дѣйствовашъ лица прошивныхъ между собою, часто бываешь принужденъ говоришь вопреки самому себѣ, и самъ не знаешь, на кошорой споронѣ истина; но законодателью не можно шакъ поспушашъ въ законѣ и обѣ одномѣ предметѣ говоришь двумя различными образами; онъ долженъ сказать о каждомъ одно опредѣленное слово. Разсуди самъ обѣ ешомъ по предыдущему примѣру. Погребеніе можешь быть чрезвычайно пышное, бѣдное и умѣренное; шы, избирая среднее, одобряешь и предписываешь его; а я, въ поемѣ своей, описывая смерть какой нибудь богашой женщины, буду хвалишь великолѣпное, какое она сама себѣ назначилъ; засшавляя говоришь человекъ или недосшашочнаго или разчешливаго, я изберу для него бѣдныя похороны; шощъ, коего сосшояніе и желанія ограничены, шпанешь хвалишь умѣренное погребеніе; но шы иначе долженъ судишь о умѣренномъ; шы долженъ сказать, въ чемъ именно сосшощъ

умѣренность, или слово швое никогда не будетъ закономъ.

Кл. Очень справедливо.

Ае. Ипакъ законодапель долженъ ли, не сказавъ ничего предварительнo предвѣкаждымъ закономъ, просто положишь, что дѣлать и чего не дѣлать, и опредѣливши наказаніе присупашъ къ изданію другаго закона, не упошребляя ни совѣшовъ, ни увѣщаній? Самые врачи лѣчатъ одинъ однимъ образомъ, другой другимъ. Упомянемъ о шомъ и другомъ способѣ, и будемъ просить законодателя, какъ дѣлши просятъ врача, лѣчить ихъ легчайшимъ образомъ. Скажемъ, что ешь истинные врачи и служители ихъ, коихъ мы пакже называемъ врачами.

Кл. Точно пакъ.

Ае. Они бывають или свободные или рабы. Послѣдніе приобрѣшаютъ свое искусство изъ опыта, по приказанію своихъ господъ, шогда какъ первые учащя ему изъ познанія природы и дѣшей своихъ пакъ учащъ. Ты допускаешь ли сіи два рода пакъ называемыхъ врачей?

Кл. Почемужь нѣтъ?

Ае. Такъ какъ больные въ городѣ бывають или свободные или рабы, шо разумѣется, что рабовъ по большой часши лѣчатъ хожалые рабы, при больницахъ живущіе; ни одинъ изъ сихъ врачей ни даетъ, ни принимаетъ ошчета въ болѣзни раба; но, предп-

савъ ему шо, въ чемъ удосповѣрился опытомъ и не сомнѣваясь въ своихъ свѣденіяхъ, какъ деспотъ, спремисельно скачетъ къ другому больному, и такимъ образомъ освобождаетъ господина отъ попеченія о болящихъ рабахъ. Свободный же обыкновенно спопритъ и лѣчитъ болѣзни свободныхъ; при шомъ онъ изслѣдуетъ произхождение ихъ и качество, бесѣдуетъ съ больнымъ и съ друзьями его, самъ узнаетъ отъ нихъ что нибудь и наставляетъ больного, и не прежде предписываетъ врачевство, какъ увѣрившись въ пользѣ его. Овладевъши больнымъ посредствомъ убѣжденія, онъ оказываетъ ему по собіе и наконецъ возвращаетъ здоровье. Какой наставникъ или врачъ лучше: тотъ ли, копорый лѣчитъ первымъ образомъ, или послѣдній? Тотъ ли, копорый двумя способами достигаетъ цѣли своей, или копорый дѣйствуетъ однимъ способомъ и шѣмъ худымъ и насильственнымъ?

Кл. Двойкой способъ несравненно предпочтительнѣе?

Ае. Хочешь ли видѣть сей проспой и двойкой способъ въ самомъ законодательствѣ?

Кл. Какъ не хотѣть?

Ае. Какой первый законъ положитъ законодатель? Сообразно съ самою природою не начнетъ ли онъ съ шого, на чемъ основывается прочность политическаго бышя?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Ае. Но опколѣ города заимспвуютѣ свое начало и произхождение? Не опѣ супружесства ли и соединенія половѣ?

Кл. Конечно.

Ае. По всей справедливости должно начинатьѣ сѣ законовѣ, опносящихся до супружества.

Кл. Безѣ сомнѣнїя.

Ае. Ипакѣ скажемѣ прежде простой законѣ: всякой, имѣющей придцапи лѣшѣ опѣ рожденїя, до придцапи пяти долженѣ вспунипѣ вѣ супружесство; вѣ прошивномѣ случаѣ подвергаешѣ денежной пѣнѣ, или безчестїю; пѣнѣ именно шакой, безчестїю именно шакому. Вотѣ простой законѣ о супружесствѣ. Вотѣ и двоякой: должно вспупашѣ вѣ супружесство опѣ придцапи лѣшѣ до придцапи пяти, принимая во уваженіе, что родѣ человѣческой опѣ природы получилѣ себѣ вѣ удѣлѣ безмерпїе, кѣ коему всякой спремїшѣ неограниченнѣмѣ желанїемѣ; ибо всякой желяешѣ быпѣ славнѣмѣ и не лежашѣ во гробѣ безѣ имени. Родѣ человѣческой всѣхѣ временѣ составляетѣ одно семейство; онѣ преемспвенно продолжается и будешѣ продолжашѣся, и шакимѣ образомѣ безмерпїенѣ. Дѣши смѣняющѣя дѣшѣми, составляютѣ продолженіе одного и того же рода и сохраняющѣ его безмерпїе. Никогда непозвопїтельно лишапѣ самага сеѣ сего безмерпїнаго быпїя, и опѣшѣ умышленно измѣняешѣ

ему, кто не печется о женѣ и дѣтяхъ. Поко-
ряющійся сему закону освобождается отъ
наказанія, непокорный же и въ тридцать
пять лѣтъ не вступившій въ супружество,
ежегодно подвергается такому и такому на-
казанію, дабы онъ не почиталъ выгоднымъ и
спокойнымъ одиночество, и не имѣлъ бы
права на шѣ почести, кои обыкновенно воз-
даются юности спаршамъ. Услышавъ пошъ
другой законъ, можно опредѣлить, долженъ
ли онъ имѣть двоякую величину, соединяя
крайшимъ образомъ убѣжденіе и угрозы;
или ограничится онъ только принужденіемъ,
имѣя одно простое содержаніе?

Мег. По обычаямъ Лаконическимъ, чѣмъ
короче, тѣмъ лучше. Но еслибъ опдали на
мой судъ, какого изложенія я желалъ бы въ
своемъ государствѣ, то я предпочелъ бы
обширнѣйшее; и во всѣхъ законахъ, еслибъ
надлежало дѣйствовать по симъ даннымъ
примѣрамъ, я послѣдовалъ бы послѣднему.
И Клинію, думаю, понравился сей образъ
законодательства. Городъ его можешь вос-
пользоваться сими законами.

Кл. Ты угадалъ, Мегиллъ.

Лс. Слишкомъ дѣтское дѣло спорить о
преимуществахъ пространныхъ или краткихъ
сочиненій. По моему мнѣнію должно предпо-
читать то, что лучше, а не то, что простран-
нѣе. Въ двухъ предложенныхъ законахъ
заключается преимущественно одного предъ

другимъ въ самомъ употребленіи, и еще яснѣе сіе доказано примѣромъ двухъ врачей. Но, кажешся, досѣль еще никто изъ законодательей не помышлялъ, что въ законодательствѣ можно употреблять убѣжденіе и силу; они дѣйствуютъ на непросвѣщенную чернь только послѣднею и, давая законы, не растворяютъ силы убѣжденіемъ. Я знаю еще нѣчто шрепше, что должно быть въ законахъ и чего никогда не бываетъ.

Кл. О чемъ говоришь ты?

Ае. Что при помощи Божіей само собою развилось изъ словъ, нами сказанныхъ. Мы съ ранней зари начали разговоръ свой; шеперь уже полдень; во все продолженіе нашего здѣсь опдыха мы говорили о законахъ, и едва только коснулись самихъ законовъ. Все, что мы говорили досѣль, было только предисловіемъ къ законамъ. Что ешо значить? То, что всѣ разсужденія, все, что выражаешся посредствомъ голоса, имѣетъ свое предисловіе, преклоненіе на свою сторону, искусственный приступъ, приговсвляющій къ послѣдующему; въ пѣсняхъ лирическихъ, во всей музыкѣ предшесвуютъ прелесныя приступы. Только въ законахъ, касающихся до государствоправленія, никто никогда не говорилъ о предисловіи, ни одинъ сочинитель не раскрылъ его, какъ будшо его вовсѣ нѣтъ. Но въ нынѣшней нашей бесѣдѣ, кажешся, доказано, что оно сосввляетъ су-

щеспвенную часть, и законы не просто бывают двойного рода, но составляют две отдельные части: самый закон и предисловіе. Повеленіе деспота походило на приказаніе врача-невольника, и есть простой закон. Другая часть есть убеждающая; она имѣет силу предисловія при сочиненіяхъ. Такое убеждающее слово, по моему мнѣнію, говоритъ на послѣдствіе, чтобъ благосклонно и со вниманіемъ принимали повеленіе, кому говоритъ законодатель, и пошому должно называть его предисловіемъ, а не частью самого закона. Что изъ сего я хотѣлъ вывести? то, что законодатель прежде всего долженъ прибавить къ законамъ предисловіе, отъ чего они получаютъ другую силу, какъ мы уже видѣли изъ двухъ разныхъ примѣровъ.

Кл. Мой законоискусникъ не иначе долженъ поступать въ законодательствѣ.

Лс. Ты правъ, если хочешь сказать, что всякой законъ долженъ имѣть свое предисловіе и что на поприщѣ законодательства прежде всего должно изложить предварительныя правила; сіе даетъ послѣдующему силу и важность; ибо весьма много значить удовлетворительное, или неудовлетворительное изложеніе. Но не справедливо заставляя предисловіть однимъ образомъ предъ всѣми законами, какъ важнѣйшими, такъ и маловажными; сего не дѣлаютъ ни въ про-

нихъ, ни въ разговорѣ. Хотя всякая пѣснь имѣетъ свой приспунъ, но не всѣми приспунами должно пользоваться. Сіе предославляешся на производъ рипору, пѣснопѣвцу и законодашелю.

Кл. Кажешся шы говоришь весьма справедливо; но не будемъ медлить долѣе на вспуленіи. Обращимся опять къ слову, которое опносишся не къ предисловію, но къ наспопящему предмету, и какъ въ игрѣ лучшее всегда повпоряешся, повпоримъ слова швои не кое какъ, но какъ истинное предисловіе. Ты довольно сказалъ о почшеніи къ Богамъ, о любви къ родителямъ, о супружествѣ; посшараема окончить все, что касается до предисловія, и пошомъ присшунимъ къ самимъ законамъ.

Ае. И шакъ по швоему миѣнію мы хорошо предисловили о Богахъ, о шѣхъ, кои послѣ Боговъ заслуживающъ первое почшеніе, о родителяхъ почившихъ и еще живущихъ; кажешся, шы хочешъ, чтобъ я развидъ и осшальную часъ сего предмета.

Кл. Очень желаю.

Ае. Послѣ сего осшашся говоришь и по возможности сосредошчить свои мысли о шомъ, какое попеченіе мы должны имѣть о душѣ, о шѣлѣ, объ имѣніи и наконецъ объ истинномъ воспитаніи. Вотъ предметъ для нашей бесѣды и вниманія.

Кл. Очень основательно шы говоришь.

РАЗГОВОРЪ ПЯТЫИ

o

ЗАКОНАХЪ.

Ае. Внимайте еще, какъ внимали вы о Богахъ и о своихъ прародителяхъ. Послѣ безсмертныхъ Боговъ душа есть драгоценнѣйшее благо, благо болѣе всѣхъ другихъ намъ собственное, неотъемлемое. Двѣ части составляютъ человека: одна лучшая, благороднѣйшая владычествуетъ; другая слабѣйшая, худшая повинуется. Владычествующая должна имѣть предпочтеніе предъ повинующеюся. И шакъ я справедливо скажу, что послѣ всемогущихъ Боговъ, во впорыхъ мы должны почитать душу свою. Всѣ мы увѣрены, что воздаемъ ей должную почесть; но, можно сказать, ничто изъ насъ не почитаетъ ее должнымъ образомъ. Честь есть вещь божественная; ничто порочное недостойно ея. Кто думаетъ возвысить душу свою ученіемъ, дарами, или властію, и не старается сдѣлать ее изъ худшей лучшею, тотъ думаетъ почитать ее и дѣлаетъ противное. Всякой человекъ едва вступающъ въ первая лѣта юности, уже воображаетъ, что онъ все знаетъ, самохвальство почитаетъ похвалою души своей, съ пламеннымъ сердцемъ спремился исполнять всѣ свои желанія; но мы говоримъ, что онъ губитъ душу свою, а не почитаетъ. Не шакое поче-

ніє прилично вшорой послѣ Боговъ. Кпо не
 себя, а другихъ почитаетъ виновниками
 своихъ погрѣшностей, своихъ великихъ не-
 щастій, и всегда прославляетъ свою невин-
 ность; шотѣ по видимому чшитѣ душу
 свою, и вмѣсто того наноситѣ ей вредѣ.
 Предаваясь удовольствіямъ прошивъ пра-
 виль и совѣтовъ законодателя, мы шакже
 не чшимъ ее, но оскверняемъ пороками и под-
 вергаемъ угрызенію совѣсти. Кпо не упраж-
 няетѣся въ похвальныхъ трудахъ, не пропи-
 вустойтѣ огорченіямъ и ужасамъ, но усту-
 паетѣ имъ, шотѣ малодушіемъ своимъ шак-
 же не приноситѣ ей славы; ибо всѣ низкія
 дѣла безчестятѣ ее. Не почитаетѣ ее и
 шотѣ, для кого жизнь есть единственное
 благо: почитая зломъ то состояніе души,
 въ кошоромъ она будетѣ по смерти, онѣ
 упадетѣ, перяетѣ свое мужество, доказы-
 ваетѣ невѣріе, что величайшее блаженство
 скривася шамъ за гробомъ, въ наслажде-
 ніи благами божественными. Почитаетѣ
 красоту выше добродѣтели есть совершен-
 ное безчестіе души. Нсправедливо отда-
 ваетѣ преимущество тѣлу надѣ душою. Ни-
 что земное не можетѣ быть лучше небе-
 снаго. Кпо иначе разсуждаетѣ о душѣ,
 шотѣ не знаетѣ, что осшавляетѣ въ пре-
 небреженіи драгоцѣннѣйшее сокровище. Кпо
 любитѣ прибрѣшатѣ имѣніе нечестными
 способами и безѣ угрызенія совѣсти смо-

притѣ на сіи пріобрѣшенія, потѣ не улажаешѣ души своей, но совсѣмъ напрошивъ; ибо все достоинство ея и доблестѣ отдаешѣ за горсть золота; но все золото и на землѣ и подѣ землею не спѣишѣ добродѣтели. Вообще, кто не хочѣтѣ всѣми силами поддерживатьсѣ отѣ того, что законодатель призналѣ безчестіемъ и порокомъ; кто не спремилсѣ со всею ревностію къ благамъ и опличіямъ, кои законъ опредѣляетѣ: потѣ забываешѣ, что съ сей стороны подвергаетѣ величайшему поруганію душу, сіе божественное существо, и оставляетѣ ее въ бѣдственномъ состояніи. Можно сказать, никто не видишѣ предѣ собою спрожайшаго судію и мещника своихъ беззаконій; и какаѣ мещѣ ужаснѣе, какѣ уподобляшѣсь злымъ, и уподобляшѣсь имъ, убѣгаешѣ мужей добрыхъ и бесѣды ихъ и со всѣмъ стремленіемъ прилѣпляшѣсь къ обществу первыхъ? Прилѣпляющійсѣ къ нимъ по необходимости вовлекаетсѣ въ шѣже дѣла и спраспи, къ коимъ они обыкновенно влекутѣ другѣ друга. Сіе состояніе не естѣ еще приговорѣ суда, ибо судѣ и справедливостѣ естѣ дѣло божеское; ето естѣ наказаніе, сопутствующее беззаконію. Равно нещасны и пощѣ злодѣй, кошорый подвергаетсѣ сему наказанію, и пощѣ, кошорый избѣгаетѣ его: одинѣ оспаетсѣ безѣ надѣжды на исцѣленіе; другой погибаетѣ для спасенія многихъ другихъ.

Честь наша, можно вообще сказать, состоитъ въ томъ, чтобы слѣдовашь лучшимъ и къ лучшему концу вести то, что худо, но можетъ быть исправлено. Въ человѣкѣ одна душа только имѣетъ способность убѣгать зла, и спремиться къ верховному благу, обладаніе коего вообще есть основаніе всякаго общества. За сіе мы дали душѣ второе мѣсто послѣ боговъ.

Третье мѣсто въ обществѣ порядкѣ всякой размышляющей уступилъ достоинствамъ шѣлеснымъ, кои требуютъ разсмотрѣнія: ибо одинъ изъ нихъ есть истинныя, другія ложныя. Сіе разсмотрѣніе есть дѣло законодателя. Кажется, онъ такъ объ нихъ судитъ: достоинства шѣлесныя состоятъ не въ красотѣ, не въ силѣ, не въ быспростѣ, не въ величинѣ роста, не въ здоровьи, хотя многимъ сіе такъ кажется, но и не въ противномъ сему. Среднее соединеніе сихъ крайностей гораздо ближе къ умѣренности и надежнѣ: ибо одна крайность напыщаетъ души тщеславіемъ, другая содѣлаетъ ихъ низкими и рабскими. Тоже можно сказать о пріобрѣтеніи имѣнія, денегъ и почестей: излищества ихъ производитъ вражду и возмущенія, какъ вообще въ госудаствѣ, такъ и въ частности; за недостаткомъ же слѣдуетъ рабство. Но да не сребролюбствуетъ никто для дѣшей, желая оставить ихъ богатѣйшими; сіе не полезно

ни имъ, ни опечеспву ихъ. Лучше всего и пріяшнѣе богатство не блисшательное, но прошивъ всѣхъ нуждъ досшашочное. Соощвѣшспвуя всѣмъ пошребноспямъ и поддерживая во всемъ порядокъ, оно досшавишъ намъ жизнь безбѣдную. Наслѣдспвомъ дѣшей должно бышъ не золото, но глубокое благочеспіе, спыдливосшь, кошорья не иначе можно внушишъ, какъ порицаніемъ всякаго безспыднаго ихъ посшупка. Сія не ошиосишся къ обыкновенному совѣшу, кошорый даюшъ юношамъ спыдишся всего. Мудрый законодатель болѣе долженъ предписывашъ спарѣшнимъ спыдишся предъ юношами, чшобъ они особенно предъ сими осперегались говоришъ или дѣлашъ чшо либо посшыдное: гдѣ безспыдны спарики, шамъ юноши необходимо дѣлаюшся безспыднѣйшими. Испинное воспитаніе юношеспва и всякаго возраста сошпишъ не въ увѣщеваніи, но въ спрогомъ исполненіи шого, чему мы хошимъ научишъ другихъ.

Кшо почишаешъ родспво и блюдетъ въ сердцѣ своемъ наслѣдспвенный спрахъ къ опечеспвеннымъ и семейспреннымъ божешвамъ, пошъ можешъ ожидашъ ошъ нихъ благословенія чадамъ своимъ. Чшобъ наслаждашся ласками дружеспва и пріяшню знакомыхъ, мы должны почипашъ услуги намъ ошъ другихъ важнѣе, нежели какъ они сами думаюшъ, и благодарносшь свою къ нимъ

цѣнишь менѣе, нежели что она для нихъ значить. Тотъ лучшій гражданинъ и сынъ опечесства, кто выше всѣхъ Олимпійскихъ побѣдъ, выше всѣхъ трудовъ, подвемлемыхъ во время мира и войны, спавитъ повиновеніе опечесственымъ законамъ и ревностнѣйшее ихъ соблюденіе въ продолженіи всей жизни. Опношенія съ иноплеменными должны быть для насъ священны: ибо всѣ обиды иноплеменниковъ, или иноплеменникамъ отъ гражданъ оказанныя, вопіютъ къ Богу испишелю. Спранникъ безъ друзей, безъ родныхъ возбуждаетъ сожалѣніе и у людей, и у Боговъ. Сильный во мщеніи всегда заскупитъ припсненнаго; и кто сильнѣе спраннолюбиваго духа и Бога, служащаго спраннолюбивому Зевесу? Въ комъ есть хотя мало ума, потъ долженъ остерегаться въ шеченіи жизни своей обидѣть чѣмъ либо спранника. Величайшая обида подобнымъ своимъ есть презрѣніе къ просящимъ. Сей Богъ, коего бѣднѣйшій призывалъ во свидѣтели обѣщаній своихъ, не оставитъ спраждающаго; и горе безчувствсвенному злодѣю! сіи спраданія никогда не останутся безъ опмщенія.

Мы уже сказали, чѣмъ мы должны родитѣлямъ, самимъ себѣ, тому, что находишься въ нашей власпи, опечесству, друзьямъ, ближнимъ и спранникамъ. Теперь слѣдуетъ сказать, каковымъ долженъ быть самъ всякой человекъ, чтобы наслаждаться щасли-

вою жизнью. Я не говорю здѣсь голосомъ закона, но подражаю тому законодателю, который посредствомъ похвалы и порицанія приготавливаетъ умы ко вниманію. Истина есть основаніе всѣхъ благъ божескихъ и человѣческихъ. Кто хочетъ быть щасливымъ и блаженнымъ, тотъ какъ можно ранѣе долженъ приобщиться ей, и все время жизни своей употребляетъ на то, чтобы быть истиннымъ человекомъ, который одинъ достоинъ довѣренности; ибо можно ли положиться на того, кому пріятна произвольная ложь? Есть и такіе, коимъ пріятна произвольная; то и другое достойно презрѣнія; невѣжда и вѣроломный равно презрѣнны. Время изобличитъ ихъ: при концѣ жизни, въ скучной старости ихъ ожидаетъ хладное одиночество. Съ друзьями, съ дѣтьми, равно какъ безъ друзей, безъ дѣшей, они будутъ вести жизнь сирюю.

Достоинъ почтенія человекъ, чуждый всякой несправедливости; но вдвое больше права на уваженіе имѣетъ тотъ, кто удерживаетъ отъ обиды другихъ: одинъ справедливъ только къ самому себѣ, другой справедливъ и для шѣхъ, коихъ преступленія онъ открываетъ правительству; а тотъ, кто содѣйствуетъ правительству въ обузданіи злобы, долженъ назваться мужемъ великимъ, совершеннымъ гражданиномъ, образцомъ добродѣтели. Таковую же похвалу должно во-

здавашь скромности, благоразумію и прочимъ доблестямъ, если кто, украшаясь ими, можешь сообщашь другимъ свое распоряженіе. Величайшія почести принадлежатъ насаждающему въ сердцахъ гражданъ семена добродѣтелей; вшорое мѣсто займешь пошъ, кто имѣешь поже желаніе, но безъ шаланпа; зависпливый, копорой добровольно, изъ дружбы ни съ кѣмъ не подбляещя своими благами доспоинъ всего презрѣнія; но сіе презрѣніе не должно проспираться на шъ опличные дары, коими онъ владѣешь; напротивъ всякой долженъ по силамъ шпираться о приобрѣтеніи ихъ.

Пусть существуешь между нами соревнованіе въ добродѣтели, но безъ злобной зависти. Тотъ содѣйствуешь благу всего государшва, кто самъ шпремишся далѣе и злыми навѣшми другимъ; пуши не преграждаетъ. Зависпливый, кошорый шолько хипростию думаетъ шпашь выше другихъ и самъ опъ сего менѣе успѣваетъ въ истинной добродѣтели и сосщязующихся съ нимъ приводитъ въ малодушіе несправедливымъ своимъ порицаніемъ. Такимъ образомъ на поприщѣ доблести онъ охлаждаетъ жаръ своихъ согражданъ и уменьшаетъ славу своего опечешва.

Всякой долженъ быть мужешвенъ, а болѣе кропокъ: ибо въ испорченномъ вѣкѣ не лзя иначе избѣгнушь неносныхъ

обидѣ со стороны другихъ, какъ прѣшиво-
дѣйствуя, защищаясь и твердо опражая
удары на самаго прѣшника. Безъ мужес-
твеннаго духа сіе невозможно. Впрочемъ
сіи порывы раздраженнаго не всегда недо-
бизлѣчимы. Надлежитъ помнить, что вся-
кой прѣшивъ своей воли дѣлается несправе-
дливымъ; ибо никто никогда самъ собою
не домогался величайшаго зла, особливо въ
дѣлахъ важнѣйшихъ; душа и истинна, какъ
мы сказали, важнѣе всего; кто жъ доброволь-
но согласился подвергнуться ужасной болѣзни
благороднѣйшую часть самаго себя и спра-
дашь цѣлую жизнь? Всякой человѣкъ неспра-
ведливый болѣе достоинъ состраданія; но
сострадать можно только о томъ, въ комъ
зло еще удобоизлѣчимо; предъ симъ должно
препворять гнѣвъ на крошкѣ и не пипать
къ нему ожесточенія и ненависти свойс-
венной женщинамъ; только прѣшивъ злаго и
совершенно погибшаго должно показывать
гнѣвъ свой. По сему то, говорю, добрый дол-
женъ быть и мужественнымъ и крошкимъ.

Величайшее зло, какъ бы врожденное,
скрывается въ душѣ нашей, которое всякой
извиняетъ въ себѣ, и оное копорого никто
не думаетъ изцѣлиться. Я говорю о самолю-
біи; оно происпекаетъ изъ самой природы
нашей; но въ самомъ дѣлѣ чрезмѣрная любовь
къ самому себѣ есть причина всѣхъ нашихъ
погрѣшностей. Любящій слѣпъ къ любимому

своему предмету: пошѣ худо познаешѣ справедливое, доброе, изящное, кто почиташѣ себя выше всякой истины; и не будешѣ великимъ человекомъ, любящій только себя и свое; должно любить одно справедливое и въ себѣ, и особенно въ другихъ. Опш сей слабости происшекаетъ и другая; невѣжество свое почиташѣ мудростию. Не зная ничего, мы почитаемъ себя всезнающими, не поручаемъ другимъ, чего сами не въ силахъ сдѣлать и дѣлаемъ съ великими погрѣшностями. Пошму, ославя излишнее самолюбіе и не спыдясъ, будемъ подражать шѣмъ, кои лучше насъ.

Есть просныя правила, часто въ разговорѣ употребляемыя и припомъ весьма полезныя; ихъ мы должны всегда припоминая себѣ. Какъ пошкъ быспро спремисся, и одна волна безпреспанно смѣняется другою, такъ въ воспоминаніи нашемъ безпреспанно должны родиться новыя добрыя мысли, между шѣмъ какъ другія исчезающъ. Скажемъ, что долгъ велишъ намъ воздерживашся опш излишней радости и слезъ; будемъ напоминать другъ другу, что мы должны не показывать ни восторга; ни горести, но сохранять важную лвердосъ какъ въ щастіи, въ кошоромъ насъ пославляетъ нашъ Геній - хранишель, такъ и въ препящшвіяхъ, кои вспрѣчающъ на шрудномъ пуши жизни; будемъ всегда надѣяться на то, что Богъ посылаетъ добрымъ: вспрѣпятся

ли дни щасливые, по онѣ продлившѣ ихъ; въспрѣшяшся ли бѣдствія, по онѣ облегчишѣ ихъ и насполицимъ опасностямъ дасишѣ лучший конецъ. Съ такою надеждою каждой долженъ жить и по такимъ правиламъ дѣйствовать, напоминая ихъ и себѣ и другимъ, какъ въ трудахъ, такъ и въ минуты отдохновенія.

Итакъ вопшѣ наши обязанности, которыя мы должны исполнять какъ въ отношеніи къ другимъ, такъ и въ отношеніи къ самимъ себѣ. Но сіи правила суть болѣе божественныя, нежели человѣческія. Мы должны говорить не Богамъ, но людямъ.

Природу человѣческую особенно составляютъ удовольствія, огорченія и желанія. Онѣ воспоргающѣ, колеблюшѣ смершнаго безпрестанными заботами. Благороднѣйшій образъ жизни заслуживаетъ похвалу не только благовидною наружностію; но если кто хочетъ имъ пользоваться онѣ самой юности, не свращаясь съ прямого пути добродѣтели, сей образъ жизни превосходитъ и въ шомъ, къ чему мы всѣ стремимся: онѣ доставляетъ въ жизни болѣе радостей и менѣе огорченій. Въ сей истинѣ не усомнишся, кто хочетъ чистосердечно испытать ее. Но какъ испытать? разсмотримъ, согласно ли съ природою человѣческою то, что я предлагаю, или противорѣчишѣ ей? Сравнивая равные роды жизни, одну прииш-

кѣйшую, другую горестнѣйшую, находимъ, что мы всѣ желаемъ себѣ удовольствія; огорченія же не избираемъ и не желаемъ; удовольствіе для насъ лучше, нежели ничего; но опѣ горести мы всѣ желаемъ избавишься; далѣе, мы ищемъ меньшаго огорченія съ большимъ удовольствіемъ, и нежелаемъ меньшаго удовольствія съ большимъ огорченіемъ. Не лзя утвердительно сказать, избедемъ ли мы половину одного на половину другаго. Чтобѣ опредѣлишь кѣ выбору чего либо нашу волю, или оставишь ее въ нерѣшимости, все зависишь опѣ того, какъ многочисленны, велики и сильны удовольствія или огорченія, или опѣ равенства ихъ. Таковъ необходимый порядокъ вещей; мы избираемъ ту жизнь, въ которой есть удовольствія и горести въ высокой степени и силѣ, но сумма первыхъ превосходитѣ; прошивнаго сему не желаемъ. Не желаемъ и такой жизни, въ которой все низко, мало, тихо, и припомъ сумма огорченій превышаетѣ; мы ищемъ прошивнаго. Наконецъ по состоянію, въ которомъ все находится въ равновѣсіи, лучше того, въ которомъ преобладаютъ спраданія: мы ищемъ пріятнаго и бѣгаемъ того, что преимущественно возбуждаемъ насъ кѣ огорченію.

Въ сихъ границахъ необходимо заключающся всѣ образы жизни; намъ оспается только наблюдашь, кѣ какой изъ нихъ наша

природа расположила насъ. Еслибъ кто сказа-
 залъ, что желанія его не заключающа въ
 сихъ предѣлахъ, пошъ обнаружилъ бы поль-
 ко свое невѣжество и неопытность въ обра-
 захъ жизни. Какія же и сколь многоразличны
 сосполнїя, въ которыхъ человѣкъ, взвѣсивъ
 все доспойное и недоспойное желанія, все
 произвольное и непроизвольное, начерпавъ
 посему свои правила и соединивъ все дру-
 жеспвенное, прїянное, лучшее, изящѣй-
 шее, можешъ сдѣлаться щаспливымъ? Поло-
 жимъ съ одной стороны жизнь умѣренную,
 мудрую, мужеспвенную и припомъ здо-
 ровьемъ сопровождаемую; съ другой жизнь
 буйную, малодушную, невоздержную, болѣз-
 ненную. Кто знаетъ выгоды умѣренной
 жизни, пошъ знаетъ, что она есть самая
 шпхая и мирная; ослабляетъ горести, ош-
 нимаетъ буйные порывы у наслажденїй, же-
 ланїй и у самой любви; что невоздержная
напрошивъ на все спремштельна, усили-
ваетъ горести, даетъ всю власъ удоволь-
ствїямъ, воспаляетъ безумнымъ, непре-
одолимымъ влеченїемъ желанія и любовь;
что въ умѣренности болѣе удовольствїй,
нежели огорченїй, а въ невоздержанїи болѣе
огорченїй, нежели удовольствїй, какъ по
числу шакъ и по силѣ, и пошому одна жизнь
по закону необходимоспи прїянше, другая
гореспше. И если все сіе справедливо,
шо сдѣдуетъ, что всякой прошивъ воли

своей бываетъ невоздержнымъ. Вся чернь или по невѣжеству или по развращенію оспаиваетъ умѣренность въ жизни. О болѣзненномъ и здоровомъ состояніи также можно сказать, что каждое изъ нихъ имѣетъ свои удовольствія и горести; но сумма удовольствій болѣе въ здоровьи, а горестей болѣе въ болѣзни. Произвольно мы никогда не изберемъ того образа жизни, въ которомъ болѣе огорченій; лучше, гдѣ ихъ менѣе. Поелику же у людей умѣренныхъ, мудрыхъ и мужественныхъ то и другое бываетъ слабѣе, меньше и рѣже, нежели у невоздержныхъ, безумныхъ и малодушныхъ; поелику въ удовольствіяхъ то одни изъ нихъ, то другіе бываютъ выше, но суммою горестей послѣдніе несравненно превышаютъ первыхъ; то мужественный и мудрый превосходитъ малодушнаго и безумнаго, и жизнь его несравненно пріятнѣе жизни послѣдняго. Вообще жизнь добродѣтельная по плѣту и по душѣ пріятнѣе жизни порочнаго; она предъ всѣми прочими украшается лѣпою, правильностію, доблестію и славою, и ведущій ее во всѣмъ счастливѣе ведущаго жизнь пропивную. Здѣсь мы окончимъ общее предисловіе къ законамъ.

Послѣ сего должно говорить о законахъ, или лучше сказать, начертать основу государствовоуправленія. Какъ въ шкани не одинакимъ образомъ составляющія самая основа

и перевязывающія ея ниши, но необходимо бывающъ различны: основа бывающъ связана крѣпче и шверже; прочія ниши слабѣе и болѣе опличающся красою: такимъ же образомъ опличающся исправляющіе въ государствѣ важнѣйшія должности и люди какимъ нибудь ученіемъ украшенные. Успроеніе государства раздѣляется на двѣ части: первая естъ успановленіе власти; впрочемъ учрежденіе законовъ для каждой власти; но напередъ надлежитъ обратишь вниманіе на слѣдующій предметъ: пашырѣ, принимая спадо шельцовъ, или овецъ или другихъ животноныхъ первое спараніе обращаетъ на то, чшобы для безопасности ихъ сдѣлать между ими надлежащій разборъ, опдѣливъ здоровыхъ и нездоровыхъ, и опославъ однихъ въ особенное спадо, другихъ опсавляетъ своему попеченію; онъ увѣренъ, что безъ сего спорога разбора шщененъ всякой шрудъ о тѣлахъ и душахъ испорченныхъ худымъ воспитаніемъ и привычками; что опъ больныхъ частей легко заражающся и здоровыя. О другихъ животноныхъ я говорю только мимоходомъ для примѣра; но люди шребующъ величайшаго попеченія и достойны того, чшобы законодатель шщательно изслѣдовалъ и подробно изложилъ все, что касается до очищенія государства и до чистоты нравственности.

Вопль, что можно сказать о семъ опще-

ниж: одинъ способъ его есть тихой и легкой, другой насильственный. Насильственнымъ и слѣдовательно надежнѣйшимъ можетъ пользоваться неограниченный Государь — законодатель, Законодатель безъ власти неограниченной при устройствѣ новаго государства и при учрежденіи законовъ можетъ успѣшь только тихими и тихими мѣрами очищенія, Въ полициѣ какъ и въ медицинѣ лучшіе способы соединены въ огорченіи; они съ неумолимымъ правосудіемъ осуждаютъ на казнь, на смерть, на изгнаніе, и такимъ образомъ освобождаютъ государство, какъ отъ неизлечимой язвы, отъ преступниковъ, ознаменовавшихся величайшими злодѣяніями. Легчайшая мѣра къ очищенію государства есть сія: шѣхъ, кои по недостатку пропитанія, при воззваніи полководцевъ спекаются единственно въ надеждѣ обогатиться добычею чужихъ имѣній, какъ заразу, нравительно немедленно высылаешь, подъ благовиднымъ именемъ поселенія. Такъ при самомъ началѣ долженъ наступать всякой законодатель, Но мы въ семъ случаѣ находимся въ самомъ затруднительномъ положеніи; намъ не можно думать ни о поселеніи, ни о какомъ либо родѣ очищенія: шѣ, кои должны населишь нашъ городъ, подобны различнымъ попокамъ, кои изъ источниковъ или составяся отъ проливныхъ дождей, спремятся въ одно великое

озеро; оспаешся шолько пещись, чшобѣ
 спекающающаяся вода сохранила чиспопу свою;
 мы должны или вычерпывашь ее, или опшво-
 дишь въ другія спороны. Таковѣ шрудѣ и
 шаковы опасности, можно сказаць, быва-
 юшѣ при усшроеніи каждаго государсшва.
 Но такѣ какѣ наше ісполненіе произхо-
 дишь шолько на словахѣ, а не дѣлѣ:
 предположимѣ, чшо нашѣ выборѣ сдѣланѣ—
 и самый чиспый, какого можно желашь.
 Опшшомѣ и продолжшпельнымѣ временѣмѣ
 опшкрывѣ вредныхѣ людей въ числѣ жела-
 ющихѣ вспушпшь вѣ права новаго граж-
 дансшва, мы восшрешили имѣ входѣ; доб-
 рыѣ же привлекли всею благооклонноспію
 и награжденіями. Не оспавимѣ въ молча-
 ніи шого, чшо вѣ великому шаспсію наше
 поселеніе не подвержеѣо ужасному и опас-
 ному междуусобію и ссорѣ за раздѣленіе
 земли и уничтоженіе долговѣ; поселеніе
 Ираклидовѣ, какѣ мы замѣшпили, имѣло шѣ
 же выгоды. При учрежденіи новыхѣ зако-
 новѣ не лъзя оспавшпшь безѣ перемѣны всѣхѣ
 прежнихѣ поспановленій, но и перемѣняшь
 всего не возможно; оспаешся шолько желашь
 оспорожнаго, посшепеннаго измѣненія и въ
 продолженіи многихѣ лѣшѣ дѣлашь самыя
 малыя нововведенія. Сей непримѣшпный пе-
 реворонѣ засисшѣ опѣ богатѣйшихѣ, если
 они, владѣя большимѣ количесшвомѣ земли,
 цо добротѣ своей не желаютѣ доводишь до

крайности своих должников, но, или прощающъ, или помогающъ, или по крайней мѣрѣ соблюдающъ умѣренность; если они почиашъ бѣдностію не уменьшеніе богатства, но ненасытностію къ приобрѣщенію. Такого прочнѣйшее основаніе общественнаго бытія, и только на такомъ основаніи можно утвердишь политическое зданіе, каковаго обстоятельство шребующъ; гдѣ нѣтъ сего основанія, тамъ не устоишъ никакая политическая система.

Мы избѣгли сего неудобства, или по крайней мѣрѣ открыли средство избѣжать его, но естъ любистъ справедливостъ и не искашъ обогащенія несправедливаго. Я не знаю другаго пути ни широкаго, ни шѣснаго къ предохраненію себя отъ гибели. Сіе должно служишь оградой и нашему ошечеству. Имѣнія гражданъ должны бышь числы отъ всякаго наръканія взаимнаго, и доколѣ существующъ шарыя причины къ неудовольствию ихъ другъ противъ друга; законодатель, если имѣетъ хошя нѣсколько здраваго смысла, никакъ не долженъ спѣшиться къ новымъ какимъ либо распоряженіямъ, не отклонивъ прежнихъ препятствій. Кому Богъ даруетъ, какъ намъ основашъ новый городъ, неимѣющій никакой причины къ взаимной враждѣ, шотъ развѣ по особенному невѣжеству и по совершенной испор-

ченности можешъ посѣять въ немъ сѣмена раздора.

Какимъ же образомъ мы сдѣлаемъ правильное раздѣленіе земли и жилищъ? Во первыхъ опредѣлимъ число гражданъ; потомъ раздѣлимъ ихъ на извѣстные классы, назначивъ для каждаго класса величину и права его; послѣ сего сколько возможно раздѣлимъ по ровну землю и жилища. Удобнѣе всего опредѣлимъ народонаселеніе нашего города по пространству земли и по числу сосѣднихъ городовъ: земли нужно столько, чтобъ она могла прокормить извѣстное число жителей при умѣренномъ образѣ жизни; число жителей такое, чтобъ они могли отражать нападеніе враговъ и подавать помощь припѣсеннымъ сосѣдамъ. Число сіе мы опредѣлимъ и словомъ и на дѣлѣ, когда узнаемъ мѣстное положеніе своего города и силы непріятельскія: теперь, чтобъ не прерывать своей бесѣды о законодательствѣ, мы означимъ его примѣрно. Число всѣхъ поселенцовъ, участвующихъ въ раздѣлахъ и въ защищеніи опечесства, для опредѣленности пусть будетъ пять тысячъ сорокъ; на столько же частей должны раздѣлиться земля и селенія, чтобъ каждой человекъ имѣлъ свой жребій и участокъ. Число сіе сначала можешъ быть раздѣлено на двѣ части, потомъ на три, на четыре, на пять и такъ далѣе до десяти. Всякой зако-

жодашель долженъ выбирать число самое сообразное своему городу, именно въ кошорѣ бы находилось какъ можно болѣе раздѣлений и подраздѣлений: ибо не всякое число способно ко всѣмъ подраздѣленіямъ. Числа же пять тысячъ, сорокъ, можеть имѣть шестьдесятъ дѣлишелей безъ одного и сряду дѣлища на всѣ числа отъ одного до десяти. Сіе весьма полезно во время войны и во время мира для различныхъ общественныхъ сдѣлокъ, для наложенія податей, раздѣловъ и торговыхъ сношеній. Но приобретающае почное познаніе о свойствахъ чиселъ должны имѣть, коимъ законъ предпишетъ сію науку. Впрочемъ, повсюду, сіе совершенно необходимо. По изложеннымъ причинамъ устроющій новое государство долженъ имѣть понятіе о семъ предметѣ.

Созидаетъ ли кто новый годъ, или возстановляетъ древній давно падшій, при введеніи Боговъ и жертвоприношеній, при выборѣ священныхъ именъ никакъ благоразумный да не дерзаетъ измѣнять того, въ чемъ увѣрили всѣхъ оракулы или Делфійскій, или Аммоновъ, или вѣщія преданія, опѣшамъ, или божественнымъ внушеніемъ. По сей вѣрѣ устанавлены жертвоприношенія, соединенныя съ извѣстными обрядами или опешественныя, или Тирренскія, или Кипрскія, или изъ другихъ странъ заимствованныя; такимъ образомъ освящены инокшорыя пре-

данія, спашуй, жершвенники, капища и роши. Законодатель не долженъ дѣлать въ сихъ предметахъ ни малѣйшей переменъ. Каждой часши города онъ долженъ назначить своего Бога, Генія покровителя или Героя. При раздѣленіи земли особенно онъ долженъ оставить мѣсто для священныхъ рощей и для всего, что относится къ почитанію Божества; тамъ въ опредѣленные времена всѣ классы гражданъ будутъ собираться для взаимнаго облегченія своихъ нуждъ, къ утверженію дружества, для крапчайшаго знакомства и общаго сближенія между собою. Для Государства нѣтъ блага выше того, если всѣ граждане другъ другу ближніе, свои. Гдѣ во взаимныхъ отношеніяхъ людей нѣтъ свѣта, но царствуетъ тьма; тамъ нѣтъ прямого уваженія къ достоинствамъ, къ властямъ, нѣтъ и должной справедливости. Всякой гражданинъ въ личности своей долженъ стараться, чтобы почитали его не коварнымъ, но просердечнымъ и искреннимъ, и чтобы коварный не дерзалъ обманывать его.

Послѣ сего дальнѣйшій ходъ законодательства шель необыкновенный, какъ въ игрѣ выходъ съ священнаго числа, безъ сомнѣнія сначала удивитъ слушающихъ; но размысливъ и повѣривъ его опытомъ, они найдутъ въ немъ если не первый способъ къ успроенію Государства, то такой, который

только одному уступаемъ. Можетъ быть иныя и не примутъ его, попому что еще не привыкли къ законодашелоу, кошорый бы не говорилъ голосомъ повелишеля. Мы сдѣлаемъ съ своей стороны лучшее: предспавимъ Государшво совершеннѣйшее, попомъ второе, и ошдадимъ ихъ на выборъ каждому начальнику новаго поселенія. Теперь, поспукая симъ образомъ и называя по совершенспву Государшво первое, второе и шрешье, сей выборъ мы предспавимъ Клинію, или и другимъ, кои учасшвуютъ въ совѣтѣ съ нимъ, захопяшъ каждой по своему разсужденію удержашъ то, что почитаешъ лучшимъ въ ошечеспвенныхъ законахъ.

И такъ лучшее Государшво, лучшее правленіе, лучшіе законы суть шѣ, гдѣ во всемъ совершается спаринное изрѣченіе: у друзей все общее, и, если можно, общія жены, общія дѣши, и общія имѣнія; гдѣ такъ называемая собспвенность вовсе неизвѣсна, и вещи по природѣ собспвенныя, по возможности дѣлаются общими, на примѣрѣ глаза, уши и руки, и всѣ граждандѣ увѣрены, что они одно видяшъ, одно слышашъ и дѣлающъ, одно хваляшъ и порицающъ, и въ жизни имѣющъ однѣ удовольствія и огорченія. Государшво, въ кошоромъ законы производяшъ сіе единшво, еспъ верхъ совершенспва, другой прямѣйшей и лучшей цѣли для нихъ нѣтъ.

и представлено бышь не можешъ. Въ немъ царствуетъ такое невозмущаемое веселіе и блаженство, что оно достойно бышь обителью Боговъ, или сыновъ Божіихъ. Вотъ примѣръ, на кошорый должно взирашъ при успроеніи правленія и къ кошорому по возможности должно приближашься. Но то, кошорое мы намѣреваемся успроить, не далеко отстоитъ отъ сего безсмертнаго образца, и займетъ по немъ второе мѣсто, если удастся совершить его. Послѣ того, если Богъ поможетъ намъ предспавимъ и прешіе.

Обратимся къ успроенію вшорого: сначала наши граждане должны раздѣлить жилища и землю; но воздѣлывать ее общими силами было бы выше силъ настоящаго поколѣнія при нынѣшнемъ образѣ жизни и воспитаніи. Они раздѣлятъ ее съ пою мыслію, чтобъ всякой почиалъ свой удѣлъ собственностию цѣлаго Государства, и любилъ бы спрану родную такъ, какъ дѣти любятъ свою родительницу; скажу болѣе, смертные должны видѣть въ своемъ опечествѣ божество и верховнаго обладателя. Такое же расположеніе должно питашъ къ опечественнымъ Богамъ и пенашамъ. Вотъ средства сохранить его навсегда: число домовъ, какое однажды будетъ назначено, не должно никогда ни увеличивашься, ни уменьшашься. Сіе поспановленіе почно будетъ исполняемо во всемъ Государствѣ, если получившій

жребій ошець семейства будещь назначать наслѣдникомъ имѣнія своего только одного изъ дѣшей своихъ, котораго самъ выберещь какъ преемника и исполнителя всѣхъ обязанностей опноительно къ Богомъ, къ роду своему, къ опечесшву, къ живущимъ и къ шѣмъ, коихъ уже постигла смерть. У кого много дѣшей, шощь долженъ выдавать дочерей по закону, кошорой будещь для сего ушановленъ; сыновъ же по взаимному согласію усыновлять бездѣшнымъ гражданамъ. Если сіи взаимныя сношенія не помогутъ; если число дочерей или сыновей слишкомъ велико, или по всеобщему неплодію слишкомъ мало; шо въ подобныхъ случаяхъ долгъ вышшаго правительшва, обратишь свое вниманіе на шо, что должно дѣлать съ симъ избыткомъ или ущербомъ гражданъ и принять мѣры ко всегдашнему сохраненію тысячи сорока удѣловъ. Мѣры сіи многоразличны: почести, безчестія, увѣщанія спарѣйшихъ въ бесѣдѣ съ юными весьма дѣлошительны и къ удержанію излишества и къ поощренію большаго народонаселенія.

Можещъ случишься шакже совершенная невозможность къ уравненію пяти тысячи сорока домовъ; иногда супружеская любовь награждаетъ излишествомъ чадъ, опъ сего происходитъ замѣшательство: шогда опшашся древнее средство, о кошоромъ мы часшо говорили, дружелюбное переселеніе въ спра-

ну, выгоднѣйшую. Иногда наводненія, болѣзни и гибельная война уменьшаютъ определенное число гражданъ; не должно наполнять сей убыли безъ разбора иностранцами безъ всякаго воспишанія. Впрочемъ необходимости, какъ говорятъ, самъ Богъ не можетъ прошивишься.

Теперь обратимъ слово къ самимъ согражданамъ, и въ видѣ увѣщанія изложимъ предвѣдущее: благороднѣйшіе изъ людей! возлюбите сродство, равенство, единство, согласие съ природою; не погрѣшайте прошивъ сего въ своемъ числѣ и во всѣхъ своихъ прекрасныхъ и добрыхъ дѣлахъ; и во первыхъ касательно числа не выступайте никогда изъ предписанныхъ вамъ предѣловъ; также покупкою или продажею не посрамляйте умѣренной доли, которая вамъ досталась. Ни Богъ, подастель всякаго удѣла, ни законодатель тогда не будутъ вашими покровителями.

Здѣсь въ первой разъ законъ не слушающимъ его предписываетъ положительно или не принимая удѣла, или принимая его въ швердой вѣрѣ, что земля есть священное достояніе Боговъ, что жрецы и жрицы на первыхъ жертвоприношеніяхъ, на вторыхъ и третьихъ должны просить Боговъ поразить достойною казнію покупающаго или продающаго домъ или усадьбу. Имя каждаго гражданина съ означеніемъ его имѣ-

нія , написанное на кипарисныхъ дскахъ, полагаешся въ храмахъ для памяти въ попомствѣ; о сохраненіи сихъ записей пекушся правители, извѣстные по своей проникащельности, ошъ копорыхъ не могли бѣ укрышсь никакія преспуленія, и копорые спрого наказывающъ прошиващихся закону и Богу.

Сколько полезно сіе успройшво для всякаго Государства, копорое приметъ его; сего не можешъ знашь человекъ порочной, но узнаешъ всякой изъ опыта, и самъ сдѣлавшисъ добродѣтельнымъ. Оно не допускаешъ въ Государствѣ корысполюбія, не позволяешъ никому обогащась подлою корыспію, пошому что презрѣнное ремесло ниспровергаешъ свободу; а сею цѣною нишо не пожелаешъ приобрѣшашъ себѣ имѣнія. За симъ закономъ слѣдуешъ другой, копорой запрещаетъ частному человеку копить серебро или золото. Деньги должны служить только для ежедневнаго обмѣна; чшобѣ плашить должное художникамъ, давшъ плашу наемникамъ, рабамъ и домашнимъ. Для сего должна бышь въ Государствѣ ходячая монета, копорая не имѣла бы никакой цѣны для чужеспранцевъ. Общія Еллинскія деньги служашъ только для содержанія войска, для ошправляющихся въ чужія спраны какъ шо въ посольства и по другимъ Государственнымъ пошребностямъ. Ежели частному

человѣку случишя нужда выѣхать за границу; по онѣ можешъ сдѣлать сіе шольно съ позволенія правительсва, и по возвращеніи въ отечество долженъ отдашь въ казну, оставшіяся у него иноспранныя деньги, принявъ за оныя по щещу Государшвенную монету. Если окажешя, что онѣ ушайлъ что либо, по ушаенное берешя въ казну; знавшій о семѣ и необъявившій правительсву, вмѣстѣ съ ушавшимъ подвергаешя одному безчестію и наказанію и сверхъ того пенѣ, равняющейя иноспраннымъ деньгамъ.

Кшо женишя или выдаешъ дочь своею замужъ, шопѣ не долженъ ни давашь, ни получашь никакого приданого. Запрещаетя шавже закладывашь что либо въ обезпеченіе вѣрности или отдавашь деньги въ проценшы: въ послѣднемъ случаѣ всякой имѣешъ право не плашшь ни проценшовъ, ни напшала. Чшо сіе успройшво ешъ самое лучшее для Государшва, въ шомѣ легко убѣдисья, вникнувъ въ самое намѣреніе законодашеля. Намѣреніе же мудраго полишника совсѣмъ оплично опъразсужденія черни; онѣ не посшавляетъ общешвеннаго блага въ шомѣ, чшобы сдѣлать Государшво великимъ, богатымъ, избышочешсвующимъ въ сребрѣ и золошѣ, сильнымъ на сушѣ и на морѣ; и за шѣмъ уже, чшобѣ сдѣлать его лучшимъ и шасшлывѣйшимъ. Одно чшо либо изъ сего

возможно; но то и другое вмѣстѣ не возможно. Законодатель ограничивается возможнымъ, а не возможнаго не желаетъ и не дѣлаетъ щещныхъ покушеній. Поелику счастье и добродѣтель неразлучны, то и онъ желаетъ, чтобъ граждане его были счастливы и добродѣтельны. Не возможно быть слишкомъ богатымъ и вмѣстѣ добрымъ; богатымъ, какъ разумѣетъ сіе чернь, но есть быть въ числѣ шѣхъ рѣдкихъ людей, коихъ все достоинство цѣнится по количеству имѣнія, хотя бы владѣлъ имъ человекъ порочный. Я никогда не соглашусь, чтобъ богатый былъ дѣйствительно счастливъ безъ добродѣтели: но не возможно быть оплочно добрымъ и оплочно богатымъ. Почему же? спросите вы. Ошвѣчаю, пошому что кто прибрѣщаетъ честными и нечестными способами, шощъ прибрѣщаетъ вдвое больше шого, кто пользуется только честными способами, и шощъ, кто не дѣлаетъ издержекъ ни худыхъ, ни добрыхъ, издерживаетъ вдвое меньше шого, кто готовъ на всѣ благородныя, прекрасныя шоржествованія. Ишакъ шощъ, кто имѣетъ вдвое меньше дохода и вдвое больше расходовъ, можетъ ли быть богаче шого, кто вдвое больше получаетъ и вдвое меньше проживаетъ? Одинъ изъ сихъ есть доброй, а другой худой, если онъ только скупъ; и чаще совершенный злодѣй, но добродѣтельный никогда. Кто прибрѣщаетъ и честнымъ

и нечестнымъ способомъ, не дѣлая ни честныхъ ни безчестныхъ издержекъ, потѣ есть скупой богачъ, и припомъ какъ совершенно злой, слѣдовательно ненасытный, онъ бѣденъ; а кто издерживается на прекрасныя дѣла, приобрѣтая только честнымъ образомъ; потѣ не легко можетъ сдѣлаться оплочно богатымъ, но припомъ и не бѣденъ. Заключение простое, что слишкомъ богатые не могутъ быть добродѣтельными и безъ добродѣтели они несчастливы. Намѣреніе же законовъ есть то, чтобы сдѣлать людей щастливѣйшими, и особенно поселишь между ими взаимную любовь. Сію взаимную любовь питаютъ граждане другъ къ другу не шамъ, гдѣ есть вѣчныя ссоры и несправедливости, но гдѣ ихъ вовсе нѣтъ или очень мало. Для сего же желательна, чтобы въ Государствѣ не было ни золота, ни серебра, ни чрезмѣрнаго обогащенія посредствомъ низкихъ ремеслъ и процентовъ или подлыми промыслами; но чтобы всѣ поставляли богатство свое единственно въ земледѣліи и въ шомъ, что не засмущаетъ насъ нерадѣшь о главномъ, для чего приобрѣтается всякое богатство, то есть о душѣ и шѣлѣ, которыя гаснутъ безъ правильного упражненія и безъ прочаго образованія. Вотъ почему мы шакъ часто повшоряемъ, что приобрѣтеніе денегъ должно почитаться послѣднимъ дѣломъ. Такъ; изъ шрехъ предметовъ, кои должны занимать

все вниманіе челоуѣка , прешій и послѣдній еспь приобрѣшеніе имѣнія. Тѣло соспавляешъ средній предметъ его попеченія , а первый еспь душа. Наше Государство шолько погда получишъ надлежащее свое успройсшво , если въ немъ наши главные предметы будущъ раздѣлены по симъ шремъ отношеніямъ. Худой поштъ законъ , которій заспавляешъ предпочишашъ мудросши здорое шѣла , или здорое шѣлесному и мудросши богашсшво. Законодатель часшо долженъ вопрошашъ самаго себя , чего я хочу? получивъ успѣхъ , достигну ли своего намѣренія? Только такимъ образомъ онъ можешъ совершишъ свое дѣло и освободишъ другихъ отъ шруда дѣлашъ послѣ него перемѣны. Иначе онъ не успѣешъ.

Ишакъ получившій свою долю пущъ владѣешъ ею на сихъ положенныхъ условіяхъ. Хорошобъ было , еслибъ каждой приходилъ въ наше поселеніе съ равнымъ учасшвомъ и въ прочихъ вещахъ. Но поелику сіе невозможно и одинъ приходилъ съ большими спяжаніями , другой съ меньшими: шо по симъ много-различнымъ обспояшельсшвамъ , для общаго уравненія , классы гражданъ должны бышъ различны. Такимъ образомъ власши , налоги , подаши будущъ соопѣшсшвовашъ дасшоеинсшву каждаго не шолько по доблесши его собсшвенной или предковъ его , по силѣ и красотѣ шѣла ; но шакже по богашсшву и бѣдностши

каждаго, дабы граждане, получая равныя почести и достоинства, не равною, но соотвѣтствующею каждому мѣрою, не имѣли причины къ раздорамъ. Для сего смотря по имѣнію, должно устанавишь чешыре класса, назвавъ ихъ первымъ, вторымъ, третьимъ, четвертымъ или другими именами. Одни оспаются въ одномъ классѣ; другіе, изъ бѣдныхъ сдѣлавшись богатыми или изъ богатыхъ бѣдными, переходящъ въ другой себѣ приличной.

Сему желалъ бы я дать такой образъ закона: чѣмъ предохранить Государство отъ величайшаго зла, шо есть отъ возмущенія, между гражданами не должно бышь ни крайней бѣдности, ни чрезмѣрнаго богатства; обѣ сіи причины производящъ одно дѣйствіе, и пошому законодатель долженъ положишь имъ границы. Границею бѣдности будещъ служить соблюденіе удѣла, въ копоромъ всякой долженъ находиться, и уменьшеніе коего никому не пропустишь безъ вниманія ни правитель, ни всякой другой, кшо шолько полагаетъ въ добродѣтели свое чешполубіе. Законъ, опредѣляющій мѣру удѣловъ, позволяещъ прибрѣщать вдвое, вшрое и даже въ чешыре раза больше. Но кшо прибрѣлъ больше сего или самъ, или по щедрости чьей либо, или куплею, или другимъ какимъ благопріятнымъ случаемъ, шопѣ возврашщъ городу и Богамъ покро-

випелямъ его, излишнее и со славою освобо-
дился отъ преслѣдованія законовъ. Если онъ
не хочеть повиноваться сему закону: по
обличившій его въ награду получаетъ поло-
вину всего излишка; другую же половину ви-
новный отдаеть богамъ. Всѣ имѣнія сверхъ
положеннаго учасшка должны бытъ извѣст-
ны и записаны у правительства, закономъ
для сего опредѣленнаго, дабы всѣ права ош-
носительно имѣній были ясны и споры не
запушаны.

Скажемъ о мѣстоположеніи города. Онъ
долженъ находиться въ средоточіи всей
спраны, на шакомъ опличномъ мѣстѣ, гдѣ
все привольно; не шрудно поняшь и объ-
яснишь сіе. Въ срединѣ самаго города по-
свяшимъ храмы Вестъ, Зевесу и Аеинъ;
оградимъ ихъ стѣною и назовемъ Акропо-
лисомъ. Начиная отъ сѣль какъ отъ центра,
раздѣлимъ весь городъ и всю окрешность на
двѣнадцать часшей, кои должны бытъ урав-
нены шакимъ образомъ, чшобъ часши пло-
дородной земли были меньше, неплодород-
ной больше. Сдѣлаемъ пять пысячь сорокъ
жребіевъ, раздѣливъ каждый изъ нихъ на
двое, возьмемъ по двѣ половинки, одну на
ближнюю часшь къ городу, другую на от-
даленную; вторая часшь къ городу, со второ-
рою отъ дальняго конца также должны со-
спавлять одинъ жребій, и такъ далѣе; по-
спараемся припомъ уравнишь большимъ или

меньшимъ количествомъ участка доброту и неплодородіе земли. Жителей также раздѣлимъ на двѣнадцать частей, равно какъ и все прочее имѣніе ихъ по сдѣланной описи; попомъ бросимъ жребіи по числу двѣнадцати Боговъ, и каждую часть освятимъ и назовемъ именемъ своего Бога. Двѣнадцать отдѣленій города опять раздѣлимъ такимъ же образомъ, какъ и всю страну; для каждого жителя назначимъ два мѣста, одно ближе къ городу, другое далѣе къ концу. Такимъ образомъ устроишь мѣстное расположеніе города.

Впрочемъ мы должны согласиться, что такое предпріятіе не совсѣмъ возможно; что не всѣ общоштательства могутъ сообществовать нашему расчету. Можно ли ждешь, чтобы не возрощали на сію общительность, чтобы всѣ довольствовались опредѣленнымъ посредственнымъ имѣніемъ, чтобы приняли правила въ разсужденіи дѣшей, и не обижались лишеніемъ золота и другихъ вещей, которое предписываетъ законодавецъ. Центральное раздѣленіе страны и города почтешь мечшею сонною; скажешь, что я изъ воску хочу построишь городъ и сотворишь гражданъ. Возраженія сіи не безъ основанія нѣкошорымъ образомъ. Но съ другой стороны не забудемъ и того, что ошвѣчалъ бы намъ на сіе законодавецъ: не думайше, друзья мои, будшо я и самъ не

вижу, что слова ваши инокоторымъ образомъ справедливы. Но справедливосць пребуешъ во всякомъ предпріятіи представляшь со всею изящносцію и испиною образецъ будущаго совершенства его. Надобно оспавишь неудобноисполнимое, и неослабно спремисься къ тому, что соопвѣшшвуешъ нашему намѣренію и ведешъ насъ къ нашей цѣли. Дадимъ свободу законодащелю положишь конецъ своему предпріятію, и послѣ того разсмошримъ вмѣстѣ съ нимъ, что полезно и легко въ семъ предпріятіи, и что сопряженно въ великими препяшшвіями. Ибо и въ маловажныхъ работахъ художникъ долженъ дѣйшшвовашъ по одному плану и согласно съ самимъ собою, если хочешъ приобрѣсть себѣ добрую славу.

Послѣ общаго раздѣленія всего Государства на двѣнадцашъ часшей, надлежитъ вникнуть въ первыя, вторыя и третья подраздѣленія, какія можешъ заключашь въ себѣ каждая часшь въ наполненіи числа пяти тысячъ сорока. По сему законодащель соразмѣрнымъ и почнымъ образомъ можешъ успрояшь брашшства, общины и селенія, также военные спаны, ихъ расположеніе, деньги, мѣру сухихъ и жидкихъ шѣлъ и вѣсы. Онъ не долженъ опасашься, прослышь мѣлочнымъ умомъ, если ушпановишь опредѣленную мѣру для всѣхъ употребляемыхъ судовъ. Вообще онъ долженъ бышь увѣрешъ,

что познаніе раздѣленія и соспавленія чиселъ какъ въ самыхъ числахъ, такъ въ полшинѣ, въ глубинѣ, въ звукахъ, въ движеніи вертикальномъ и въ круговомъ обращеніи доспавляешъ величайшую пользу; безпрестанно имѣя предъ глазами сіи предметы, онъ долженъ спрого воспрещашъ гражданамъ опспупашъ отъ сего раздѣленія и порядка. Ибо ни въ хозяйствѣ, ни въ государспвоправленіи, ни во всѣхъ прочихъ искусстввахъ никакая наука не имѣешъ такой силы, какъ наука количеспв: и что всего важнѣе, она возбуждаешъ умы по природѣ медленные и грубые, дѣлаешъ ихъ способными, проникаштельными, и чуднымъ образомъ, наперекоръ самой природѣ, во всемъ благоуспѣшными.

Можно положишъ сію науку и другія подобныя ей въ числѣ изящныхъ и полезныхъ упражненій, еслибъ кшо какими нибудъ законами или искусствомъ очиспилъ отъ подлаго корысплюбія сердца шѣхъ, кои жадаюшъ съ успѣхомъ и съ пользою занимашся ею. Иначе вмѣсто мудроспи мы увидимъ суешное любознаніе. Таковы предспавляюшся намъ Египтяне, Финикіяне и многіе другіе народы. Низкой образъ жизни и пріобрѣшенія сдѣлалъ ихъ шакими; а можешъ бышъ худой законодашель или какой нибудъ несчастпный случай, или еспешвенное распложеніе были причною сей порчи ихъ.

Должно замѣшншь, Мегилл и Клиній, что различныя естественныя положенія спранъ весьма много содѣйствуютъ тому, чтобы сдѣлать людей лучшими или худшими. Законы никогда не должны бытъ съ ними въ прошиворѣчїи: однѣ спраны не удобны по чрезвычайнымъ вѣспрамъ и бурямъ, другія по наводненїямъ, иныя изобилуютъ лучшими пишательными средствами, другія худшими; все ешо безъ сомнѣнїя имѣетъ вліяніе на душу. Но болѣе всѣхъ щасливы тѣ спраны, гдѣ царствуетъ Духъ Божій и надъ всѣми удѣлами бодрствуютъ Генїи - хранители: они покрываютъ своею милоспїю жителей.

На сіе обращая вниманіе мудрый законодатель, сколько возможно человеку, долженъ успановлять свои законы. И шебѣ, Клиній, предстоитъ шоже. Съ сего долженъ начинать желающій населишь новую спрану.

Кл. Почтенный Аѣинянинъ, изящны слова швож; я послѣдую швоему совѣщу.

РАЗГОВОРЪ ШЕСТЫЙ

О

ЗАКОНАХЪ.

Аѳ. Послѣ всего нынѣ сказаннаго предлежишь тебѣ, Клиній, установание самыхъ власпей.

Кл. Такъ слѣдуешь.

Аѳ. Государственное устройство заключаетъ въ себѣ два предмета: во первыхъ установание самыхъ власпей и правилъ, сколько ихъ и какимъ образомъ должны бытъ избираемы; потомъ законы, которыми надлежитъ снабдить каждую часть правительсва, соразмѣряя ихъ качество, число и силу. Прежде, нежели будемъ говорить о самомъ выборѣ, скажемъ что нибудь приличное на сей случай. . .

Кл. Что такое ?

Аѳ. Вотъ что. Всякому извѣстно, какъ важно законодательство. Но если съ сей стороны благоустроенное Государство поручаетъ неспособнымъ власпямъ мудрые законы: то не только не получивъ отъ нихъ пользы и подвергнувшись посмѣянію другихъ; но опсѣлъ произойдушъ для него величайшія несчастія и гибель.

Кл. Не иначе.

Аѳ. Представимъ себѣ, что сіе можешь воспрѣпятъ въ устройніи своего Государсва, въ своемъ городѣ. Ты видишь, что

пѣ, кои прѣмымѣ путемѣ спремѣяся къ полученію власпей, напередѣ должны предспавившѣ опышы за родѣ свой и за себя отѣ самаго дѣшсшва до избранія. Избирашели должны бышѣ насшавлены въ смысѣ законовѣ, дабы они могли справедливо избиратьшѣ или исключашѣ досшойныхѣ одного или другаго. Но люди шолько сошедшїеся и не знакомые между собою могутшѣ ли неужоризненно избиратьшѣ власпи?

Кл. Безѣ сомнѣнія не могутшѣ.

Лѣ. Но сраженіе, какѣ говорятшѣ, уже не принимаешѣ отшговорки. Тоже предлежитшѣ шибѣ и мнѣ. Ты самѣ десяпшый, какѣ сказалѣ, швердо рѣшилѣя поселитшѣ городѣ Кришскому народу. Я шибѣ сошрудникѣ въ насшоящей нашей бесѣдѣ. И шакѣ, сколько зависитшѣ отш меня, не осшавляю своей рѣчи безѣ главы. Переходя отш одного предмета къ другому, она должна казашѣся весьма безобразною.

Кл. Ты прекрасно сказалѣ сіе, почшенный иноземецѣ.

Лѣ. И не шолько сказалѣ, но и сдѣлаю по возможности.

Кл. Тѣмѣ лучше; сдѣлаемѣ, какѣ говоримѣ.

Лѣ. Такѣ и будешѣ, если сіе Богу угодно, и если мы шолько преодолѣемѣ свою дряхлосшѣ.

Кл. О! вѣрно Богѣ намѣ поможетшѣ.

Лѣ. Очень вѣрно; съ помощію его возьмемѣ въ разсужденіе. . .

Кл. Чшо шаное ?

Ае. Чшо мы смѣло и св великою опасно-
штію населлемъ свой городъ.

Кл. Вв какомъ опношеніи и для чего осо-
бенно пы сказалъ сіе ?

Ае. Вв помѣ опношеніи, чшо мы даемъ
законы людямъ неопытнымъ слишкомъ легко
и не думая, какъ они ихъ примутъ. Всякому
и несовершенному мудрецу извѣстно, чшо
люди сначала не легко принимають законы.
Ждашь ли намъ, докомъ дѣши, вкусивши
плоды ихъ, воспишавшись вв нихъ и при-
обыкши другъ къ другу, будучъ вв со-
сполніи учаспвовашъ вв государспвенныхъ
выборахъ ? Сіе, если полько можешъ совер-
шишься надлежащимъ образомъ, я почишаю
вѣрною порукою за будущую прочность ша-
кимъ образомъ воспишаннаго Государспва.

Кл. Справедливо.

Ае. Разсмопримъ же, какимъ образомъ
можно привести ешо вв исполнение? Яговорю,
Клиній, чшо Кносійцы особенно предъ про-
чими Крипянами должны не полько просить
небеснаго благословенія на населемую нынѣ
спрану, но имѣть величайшее попеченіе о
первыхъ чиноначаліяхъ, обв ихъ швердоспи
и незыблیمоспи. Другихъ власпей избирашь
легко; но выборъ первыхъ законодапелей не-
обходимо пребуешъ всей спрогоспи.

Кл. Какой же способъ, и какое слово най-
демъ мы вв семъ случаѣ ?

Ае. Сїи, какѣ я думаю. Кносійцы, какѣ старбйшіе изѣ всѣхѣ прочихѣ городовѣ, вмѣстѣ съ пришедшими для поселенія должны избрашь изѣ себя и изѣ нихѣ всѣхѣ придцашь семь мужей: девятнадцашь изѣ пришельцовѣ, прочихѣ изѣ самага Кносса. Сїихѣ должны избрашь швоему городу сами Кноссійцы, убѣдивѣ, или принудивѣ умбренною силою и шебя самага бышь гражданиомѣ новаго города и однимѣ изѣ восемнадцашїи.

Кл. А вы, Мегилѣ и Аенїянинѣ, разѣ не желаете участвовашь въ нашемѣ Государство-устроенїи?

Ае. Аенїи и Спарша слишкомѣ горды, Клинїи, припомѣ обѣ опшюяпѣ слишкомѣ далеко; но шебѣ и прочимѣ основателямѣ поселенія легко сіе сдѣлашь. Таково должно бышь устройство съ самага начала.

Вѣ продолженїи времени, когда Государство-правленїе приметѣ свой ходѣ, выборѣ правителей долженѣ производить слѣдующимѣ образомѣ: въ немѣ участвуютѣ всѣ тѣ, кои носятѣ оружіе, и конные и пѣшіе, и тѣ, кои прежде въ лѣпахѣ силы и мужества были на сраженїяхѣ. Мѣстомѣ выбора долженѣ бышь храмѣ, оплочно почишаемый во всемѣ городѣ. Каждый написавѣ на таблицѣ свой голосѣ, также имя опца, колѣна, мѣстопребыванїя шого, ипо имѣ избираешоя, и подпїсавѣ имя свое собшвенное, кладешѣ ее на жертвенникѣ Божества. Ипо найдешѣ

въ данномъ голосѣ что либо не по мысли своей, пошѣ можешѣ взяшѣ его съ жершвенника, и въ печеніи придцаши дней опяшѣ выспавишѣ на площади. Таблицы, признанныя первыми числомъ до прехѣ сошѣ, архоншы показывающѣ всему народу. По нимъ народѣ опяшѣ дѣлаешѣ выборѣ по произволу. Избранные во второй разѣ числомъ сто объявляющѣ всенародно; въ прешій разѣ такимъ же образомъ народѣ, разсмашривая всѣхѣ сто мужей, еще дѣлаешѣ выборѣ: и придцашѣ семь избранныхѣ большинствомъ голосовѣ, объявляющѣ архоншами (начальниками).

Но скажишѣ, кшо въ нашемъ городѣ будешѣ распоряжашѣ выборомъ правителей? Кшо займешѣ испышаніемъ ихѣ? Какѣ ни нужны сіи люди въ созидаемомъ Государствѣ, при всемъ помѣ невозможно имѣшѣ ихѣ прежде всякаго чиноположенія. Однакожѣ они должны бышѣ, и припомѣ люди не худые, но совершенные. Говоряшѣ, что начало ешѣ половина всего дѣла; мы всегда хвалимѣ хорошее начало и хорошо начашому даже не находимѣ досшойной похвалы.

Кл. Весьма справедливо шы говоришѣ.

Лѣ. Зная сіе, оставимѣ ли въ молчаніи, какимъ образомъ можно положишѣ здѣсь хорошее начало? Я могу сказашѣ только одно средство и необходимое и полезное въ семѣ случаѣ.

Кл. Какое?

Лв. Я говорю, что поселяемому городу вмѣсто отца и матери служивъ городъ, отъ коего онъ произходитъ. Знаю при томъ, сколь часто бывали и бывающъ раздоры между шѣмъ и другимъ. Но нынѣ сей городъ, какъ сынъ, если и впадешъ въ разногласіе съ родителями; по нуждѣ воспитанія заславивъ его полюбишь ихъ; и онъ опять любимъ. Прибѣгая къ своимъ кровнымъ, онъ всегда найдешъ въ нихъ себѣ единственную podporу. Сіе отношеніе уже существуешъ между Кносійцами, пекущимися объ устройствѣ новаго града и между жителями сего послѣдняго. Я сказалъ и еще повторю, ибо нѣшъ вреда сказать дважды хорошее слово, что Кносійцы должны принять на себя сіе попеченіе, и между поселяющимися избрать мужей сшарѣйшихъ и способнѣйшихъ числомъ сто, къ коимъ присоединяюшя другихъ сто мужей изъ Кносійцевъ, и вмѣстѣ имѣющъ смѣрнѣіе въ новомъ государствѣ, чшобъ власни были избираемы и утверждаемы законнымъ образомъ. По устройеніи сего, Кносійцы возвращаюшя въ Кносъ, и новый городъ уже самъ собою печешся о благососшолніи своемъ и безопасности.

Избранные шридцать семь мужей, шеперь и въ послѣдующее время, имѣющъ такое значеніе: они сущъ блюшители во первыхъ законовъ, пошомъ таблицъ, на кошорыхъ

всякой предвѣляешь правительству количество имѣнія своего. Самое большое имѣніе просшираешь до чепырехъ минъ дохода, впорое до шрехъ, шрешіе до двухъ, чешверное до одной. Окажешся ли у кого чпо выше написаннаго шо сіе обращаешь въ общеспвенную казну. Сверхъ шого виновный опъ добровольнаго испца подвергается суду, нелегкому и маловажному, но посшудному, если онъ нарушаетъ законъ избъ лихоимства. Обвиняющій въ лихоимствѣ производитъ судъ предъ законоблюшпшителями; обвиненный шерьетъ свое участие въ общемъ имѣніи, и во всякомъ раздѣлѣ, какой шолько можетъ случиться въ городѣ, не лишаясь впрочемъ своего удѣла. Если его во все продолженіе жизни оспаешся написанною шамъ, гдѣ бы всякой могъ чинить ее.

Законоблюшпшители удерживаютъ власть свою не долѣе двадцати лѣтъ и присшупать къ ней нико не можетъ моложе пятидесяти. Принимающій ее въ шестидесять лѣтъ, оспаешся въ сей должнوشي шолько десяти лѣтъ; семидесятилѣтній не долженъ и помышлять о вшупленіи въ число сихъ начальствъ. Ограничимся еначала сими шремя назначеніями для законоблюшпшителей. При дальнѣйшемъ ходѣ законовъ можно прибавлять для сихъ мужей другія обязаннوشي сверхъ шѣхъ, о кошорыхъ мы шеперь сказали.

Теперь по порядку будемъ говорить о выборѣ другихъ властей, какъ то военачальниковъ и помощниковъ ихъ на войнѣ, конныхъ и полковыхъ начальниковъ, рядначальниковъ, копорые вообще называются паксіархами. Военачальниковъ предлагаютъ законоблюстителю изъ самаго города, выбираютъ же всѣ участвующіе или участвовавшіе въ войнѣ. Если кто изъ непредставленныхъ кажется кому лучше пѣхъ, коихъ представили; то онъ, назвавъ именно представленнаго, съ клятвою пропивопоставляетъ ему другаго. Въ выборѣ вступаешь шомъ изъ двухъ, у котораго окажется преимуществво голосовъ. Три мужа, имѣющіе самое большое количество голосовъ провозглашаются въ военачальники и правители всѣхъ военныхъ дѣлъ, и утверждаютъ также какъ законоблюстителю.

Помомъ сіи военачальники сами предлагаютъ рядначальниковъ, паксіарховъ, всѣхъ двѣнадцать, по числу двѣнадцати колѣнъ. Пропивопоставленіе имъ другихъ, рукоположеніе и выборъ производятся такимъ же образомъ, какъ и военачальниковъ. Собраніе въ настоящее время, когда еще нѣтъ ни припонеи, ни сената, назначаютъ законоблюстителю на мѣстѣ священномъ и довольно обширномъ; тамъ особо возсѣдаютъ конные, особо пѣшіе, особо всѣ прочіе военные чины. Въ выборѣ военачальниковъ подають голосъ

всѣ; въ выборѣ рядначальниковъ участвуютъ только щипоносцы; полковыхъ начальниковъ избираетъ себѣ конница. Начальниковъ для легковооруженныхъ, для спѣшковыхъ и для другихъ военныхъ должностей избираютъ себѣ сами военачальники. Оспашается еще сказать слово о поспашовленіи начальниковъ конницы. Ихъ представляють прежде, кои должны представлять военачальниковъ. Такимъ же образомъ производятъ прошивопашовленіе и ушверженіе ихъ. Голоса подають только конные въ присушствіи пѣшихъ. Два мужа, имѣющіе самое большое количество голосовъ, дѣлаются начальниками всей конницы. Споръ въ голосахъ можетъ быть только два раза; если кто споритъ и въ третій разъ, то рѣшатъ пѣ, въ рукахъ которыхъ находится мѣра всякаго избранія.

Сенатъ составляютъ тридцать дедкадъ. Число приспаш шестьдесятъ весьма удобно для каждаго раздѣленія. Четвертая часть сего числа есть девяносто; и потому каждой классъ представляетъ девяносто Сенаторовъ. Въ первый день изъ перваго класса необходимо должны выбирать всѣ; оппказывающійся опп выбора подвергается извѣстной пенѣ. По написаніи избранные ушверждаются. На другой день избираютъ изъ втораго класса пѣмъ же порядкомъ. Въ третій день изъ третьяго класса избира-

юшѣ только желающіе. Три класса имѣютъ непремѣнную обязанность присушествовать при выборахъ; избъ четвертаго же всякой можешъ ошсушествовать безъ взысканія. Въ четвертый день избираешъ классъ свѣтѣлымъ малымъ имѣніемъ. Избъ прешьяго и четвертаго класса не желающій подавашъ голоса, свободенъ отъ всякой пени; плашѣ только избъ втораго и перваго: избъ втораго въ шрое болѣе прошивъ обыкновенной пени, избъ перваго же въ четверо. Въ пятый день архоншы выславляютъ имена избранныхъ на смотрѣ всему народу; избъ нихъ всякой еще избираешъ или плашѣ пению. Избравъ въ каждомъ классѣ сто восемдесять мужей, и опдѣливъ отъ нихъ по жребію половину, сихъ опредѣляютъ на шекущій годъ Сенашорами.

Такой выборъ сосавляетъ нѣчто среднее между выборами, кои бываюшъ въ Монархіи и Демокрашіи; ешо среднее должно бышъ основаніемъ всякаго правленія. Ибо никогда не можешъ бышъ истинной связи между господами и рабами, ни между людьми добрыми и худыми, спавшими на одной шепени почешей. При неравныхъ часпяхъ и равныя дѣлаюшся неравными безъ надлежащей соразмѣрности; и сія несоразмѣрность наполнешъ возмущеніями Государшва. Весьма справедливо и сильно древнее изрѣченіе, что равенство раждаетъ дружбу; но что ешѣ

это благодѣтельное равенство? Мы не знаемъ и заблуждаемся. Есть два равенства одноименныя, въ самомъ же дѣлѣ совершенно розныя: одно состоитъ въ всѣхъ, числѣ и мѣрѣ; всякой народъ и законодатель можетъ сохранятьъ его, воздавая почести по жребію. Но истинное, лучшее равенство не всякой легко постигаемо; оно есть судъ Божій, и людямъ всегда мало открывающа; и это малое бывающъ причиною всего добраго какъ вообще для всѣхъ, такъ и для каждаго въ частности: отдавая большому большее и меньшему меньшее, оно даетъ соразмѣрное природѣ каждаго: отличнѣйшему въ добродѣтели и почести отличнѣйшія, и соразмѣрное слабѣйшимъ въ общепользующихъ заслугахъ и просвѣщеніи.

Въ семъ состоитъ политическая справедливость, къ которой мы должны стремиться; сіе равенство должно имѣть цѣлю при поселеніи и нынѣшняго города, и всякаго другаго въ будущемъ времени, соображая законодательство не со властью одного или многихъ, и не съ силою народа, но единственно съ сею справедливою, которая, какъ мы сказали, состоитъ въ томъ, чтобы неравнымъ воздавать равное сообразное съ природою каждаго. Необходимо въ государствѣ иногда прибѣгать къ другому роду справедливости, ложно такъ именуемой, которая нѣкогда въ образѣ можетъ предохранишь его отъ возмущеній. Ибо личное

уваженіе и снисходительность часто прошивъ всякаго права, можетъ бытъ нарушеніемъ почности и порядка. При упорствѣ народа необходимо, говорю, прибѣгаешь къ жребію и молишься Богу и доброму щасію, чшобъ они направили его къ справедливости. Необходимо руководствоваться шѣмъ и другимъ равенствомъ, но сколько можно рѣже шѣмъ, которое зависить отъ щасія. По симъ причинамъ шакъ должно дѣйствовать Государство для своего благоденствія.

Но какъ каравль плывущій на морѣ пребываетъ непрерывной денной и ночной спражи: шакъ и городъ обуреваемый волнами со стороны прочихъ городовъ и подверженный разнымъ внутреннимъ злоумышленіямъ пребываетъ правителей, кои съ утра до вечера, и отъ вечера до утра должны смѣняться одни другими и не перемѣняясь принимаютъ и передавать спражу. Народъ неспособенъ къ неусыпному храненію сего порядка; избъ Сенаторовъ же многимъ нужно проводить большую часть времени во своихъ и управлять своимъ имѣніемъ. Ишакъ одна двѣнадцатая часть ихъ въ продолженіи каждаго мѣсяца должна бытъ на спражѣ и во всегдашней гошовности приниматьъ приходящаго или избъ чужой накой страны, или избъ шогоже города, выслушивать предлагающихъ что либо полезное для ошечества, ошвѣчать на шрегованія

другихъ городовъ, и принимають ошвѣщны на свои собшвенныя; упрждають разныя перемѣны всегда гошовыя возникнушь, извѣщяють всѣхъ, если онѣ возникли, и поправляють случившееся. Сіи обязанности возмѣжашь только на двѣнадцатой часши Сенапа, вошорая пошомѣ въ печеніи одинадцати мѣсяцовъ покоишся. Онаже во всѣхъ какъ узаконенныхъ, шакъ и внезапно встрѣшившихся обшояшельсшвахъ располагають собраніями и распушеніемъ ихъ. Впрочемъ сіи спраши во всѣхъ мѣрахъ принимаемыхъ для безопасности ошечешва, дѣйшвуюють съ согласія прочихъ начальсшвъ. Сихъ пошановленій касашельно самага города кажешся досшашочно.

Но какое попеченіе и разпорядокъ мы должны имѣть о прочей спранѣ? Такъ какъ весь городъ и вся спрана раздѣлены на двѣнадцать часшей: шо не должно ли назначить шакже попечительей для дорогъ, жилищъ, для домосшроительсшва, пристаней, площадей, источниковъ, храмовъ и шому подобнаго?

Кл. Конечно.

Аѳ. Сшажемъ, что въ храмахъ должны быть служители жрецы и жрицы. Для пушей и зданій, и къ охраненію всего принадлежащаго городу ошъ всякой порчи со спороны скоша и людей, для соблюденія благочинія какъ въ самомъ городѣ, шакъ и въ окрешносшяхъ его, должно избрать при рода

начальниковъ; спроишелей для упомянутыхъ предметовъ; присшавовъ для усшройсшва на шоржищахъ; жрецовъ для богослуженія.

Чшо касается до жрецовъ, должно оспашельшь ихъ безъ перемѣнъ, если они получили отъ родишелей сіе званіе. Но гдѣ ихъ мало или совсѣмъ нѣтъ, какъ часшо бываетъ въ городахъ, вновъ усшроемыхъ; шамъ они, равно какъ и жрицы, избираюшся для содержанія храмовъ и богослуженія. Выборъ ихъ совершается часшю по голосамъ, часшю по жребію. Въ выборѣ ихъ учасшвуютъ и народъ и нешинадлежащіе къ народу изъ всякой спраны и всякаго города, дабы всѣ соединялись единодушіемъ. Дѣла священныя препоручаюшся волѣ самаго Бога и судьбѣ Его, чшобъ Онъ самъ шворилъ Ему угодное. Изъ получающихъ жребіи преимущественно одобряелься полный гражданинъ, ишмый сынъ опечесшва, не причасшный никакому убійсшву, никакому нарушенію Божесшвенныхъ законовъ, и отцъ пакихъ родишелей, кой сами вели жизнь непорочную. Правила богослуженія заимсшвуютъ изъ Делфійскаго храма, и для сего учреждаюшся особенныя исполковашели. Священнослуженіе не долѣе года оспашельшь у каждаго. Блюсшитель всѣхъ священныхъ обрядовъ по законной справедливосши долженъ бышь не моложе шесшидесяши лѣтъ. Тѣже правила должны бышь усшановлены опносшельшью жрицъ.

Исполковашелей избираюшъ каждыя чепыре колѣна изъ двѣнащати въ шрехъ засѣданіяхъ по чепыре, и большинствомъ головъ опять избравъ изъ нихъ по шри, всѣхъ девять опправляюшъ въ Дельфы, дабы самъ Оракулъ назначилъ изъ каждаго шрехъ одного. Испытаніе ихъ и время возраста наблюдается шѣмъже образомъ, какъ жрецовъ. Они оспаюшя въ должноти исполковашелей по жизнь свою. Убудешъ ли изъ нихъ что, то на убылое мѣсто избираюшъ шѣ чепыре колѣна, къ кошорымъ онъ принадлежалъ. Въ хранители священныхъ денегъ при всякомъ храмѣ, заповѣдныхъ полей, и плодовъ опшолѣ получаемыхъ, опкуповъ, избираюшя изъ высшихъ сослояній по шри мужа для знашнѣйшихъ храмовъ, по два, или по крайней мѣрѣ по одному для меньшихъ. Выборъ ихъ и ушверженіе производшя шакъ же, какъ выборъ полководцевъ. Вошъ правила опносишельно Богослуженія.

Сколько возможно ничто не должно оспавашься безъ охраненія. Спража города ввѣряешя военачальникамъ, шаксіархамъ, шпархамъ, шпроишелямъ, припанем, колѣноначальникамъ и присшавамъ, когда они будушъ избраны. Прочая же обласшь охраняешя слѣдующимъ образомъ : мы уже раздѣлили всю шпану на двѣнащати равныхъ округовъ; въ каждомъ округѣ живущее колѣно ежегодно избираешъ пяшь агрономовъ (земскихъ начальни-

ковъ) и филарховъ (начальниковъ колѣна.) Каждый изъ сихъ пяши мужей избираетъ себѣ двѣнадцать юношей не моложе двадцати пяши лѣтъ и не старѣе тридцати, и ежемѣсячно по очереди осматриваютъ каждую область, дабы чрезъ то приобрѣсь опытность и свѣденіе о всей странѣ: какъ спражи и повелители они осматриваются въ сей должности въ продолженіи двухъ лѣтъ. Начиная съ того округа, которой кому доспанешся на часъ, при наступленіи каждаго мѣсяца они должны перемѣняться и переходить въ новый округъ въ направленіи въ правую сторону. Сіе направленіе сначала идетъ къ востоку. По прошествіи перваго года на второй, дабы сія спража приобрѣшала познаніе о странѣ не только въ одно время года, но и при всѣхъ годовыхъ перемѣнахъ, начальники должны обратиться назадъ, и слѣва обходятъ страну до испеченія года. На третій годъ избираются другіе агрономы и спражевые по пяши съ двѣнадцатью своихъ подчиненныхъ. Обходя каждой округъ они занимаются слѣдующими предметами: во первыхъ швердо ограждаютъ страну отъ неприятелей; для сего дѣлаютъ окопы, скапываютъ возвышенности, строятъ крѣпости для отвращенія набѣговъ и всякаго вреда своимъ спяжаніямъ; на сіи работы они употребляютъ лошадей и работниковъ пуземныхъ, употребляютъ принужденіе и

припомб спараются, сколько можно, не отвлекать жителей отъ общественныхъ работъ. Дѣлая всѣ спраны непроходимыми для враговъ, въ шожее время содѣлываютъ ихъ удобнѣйшими для путешествія своимъ; какъ пѣшимъ, такъ колесницамъ и скопу, спараясь исправить всѣ пуши и сообщенія. Чпобъ небесныя воды, спекая съ выкопъ на углубленныя между горами равнины, не вредили, но еще и пользовали спранъ, они удерживаютъ плошинами и каналами ихъ спремленіе; и такимъ образомъ готовятъ для низменныхъ мѣстъ водохранилища и испочники, коими могутъ напояться самыя безводныя степи; по берегамъ большихъ и малыхъ рѣкъ сажаютъ деревья, спроятъ селенія, и посредствомъ искусственныхъ каналовъ распроспраняютъ всюду изобиліе. Находятся ли гдѣ вблизи священныя мѣста или храмы, шуда для украшенія они проводятъ пошюки чистой воды; во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ устроятъ гимназіи для юношей, и теплыя омовенія для спариковъ, запасаясь для сего сухимъ лѣсомъ. Такое омовеніе служитъ облегченіемъ для спраждающихъ болѣзнями, и для измождившихъ члены свои трудами земледѣлія, лучше всѣхъ пособій мудраго врача. Сія работы при всей пользѣ и красѣ спраны суть шолько увеселеніе для работающихъ: главная же и важнѣйшая обязанность ихъ слѣдующая: сіи шесть-

десять мужей охраняютъ каждый свою спрану не только отъ враговъ, но и отъ шѣхъ, кои называютъ себя друзьями. Если кто или изъ сосѣднихъ, или изъ гражданъ, свободный или рабъ обидитъ другаго, то они даютъ судъ обиженному, въ маловажныхъ дѣлахъ одни пѣшина начальники, а въ важнѣйшихъ, если обвиненіе простирается выше шрехъ минъ, они присовокупляютъ къ себѣ двѣнадцать спражевыхъ и судятъ въ числѣ семнадцати.

Всякой судья и начальникъ, кромѣ высшихъ властей, какъ по Царя, долженъ давать отчетъ въ своемъ управленіи и судопроизводствѣ; равно и агрономы не должны пошупать самовольно, какъ по, дѣлать насиліе шѣмъ, о благѣ коихъ они пекутся, возлагать на нихъ неравныя повинности, безъ согласія земледѣльцовъ брать, что захотятъ съ ихъ полей, принимаютъ дары ласкашельства и даютъ несправедливой судъ. За сіе лицепріятіе они подвергаются общему презрѣнію гражданъ. За прочія обиды, содѣлываемыя какому либо мѣсту до одной мины, они получаютъ наказаніе отъ самихъ жишелей; а за важнѣйшія, равно какъ и за малыя, если не захотятъ добровольно подвергнуться наказанію, надѣясь избѣжать его, переходя ежемѣсячно изъ одного мѣста въ другое, обиженный приноситъ жалобу въ общіе суды. Если обвиняемый будетъ осуж-

день, що онъ плашишь вдвое противъ того, чего не хотѣлъ плашишь добровольно по первому приговору.

Спражевые и агрономы въ печеніи двухлѣпней своей должности вѣдушь такою образъ жизни: впервыхъ въ каждомъ мѣспѣ они имѣють общіе спола; кто оплучился отъ общаго спола хопя на одинъ день, или проведетъ въ другомъ мѣспѣ хопя одну ночь безъ позволенія начальства, или безъ крайней какой либо необходимости; того обличають пяпина начальники, и написавъ имя его, какъ нарушишеля спражи, выславляють на площади, и онъ какъ предапель ошечешва, подвергается всеобщему безчестію и безошвѣшно переноситъ удары отъ всякаго, кто захочетъ бишь его. Кто изъ самихъ начальниковъ сдѣлаетъ сей безпорядокъ, на того должны обратишь вниманіе всѣ шестьдесятъ прочіе. Кто изъ нихъ первый примѣшитъ сіе и не донесетъ, шотъ подвергается тому же наказанію и еще спрожайшему; его объявляютъ не способнымъ ни къ какой должности исправляемой молодыми людьми. Законблосишели должны спрого смошрѣнь, чшобъ подобные безпорядки не вкрадывались и вкравшіеся не оспавались бы безъ наказанія.

Всякой долженъ бышь убѣжденъ, чшо не научившійся повиноваться никогда не будетъ управлять со славою, и чшо болѣе

чесши приносишь хорошее повиновеніе , нежели хорошее начальство: первое повиновеніе есть законамъ, сіе истинное повиновеніе Богу; попомъ сшарбйшимъ и ошличившимся доброю жизнью. Ежедневная пища юнаго агронома въ печеніи двухъ лѣтъ служенія его должна бышь не роскошная , но самая простая. Двѣнадцать мужей по избраніи своемъ вмѣстѣ съ пятью сшарбйшими должны дашь себѣ обѣщаніе, что они какъ служили не будутъ имѣть при себѣ другихъ слугъ и рабовъ, и не употребятъ земледѣльцовъ и поселянъ на частныя дѣла свои, но только на общественыя; во всѣхъ же общественныхъ нуждахъ будутъ пещись сами о себѣ и помогать другъ другу взаимными услугами; съ оружіемъ лѣтуютъ и зимою они должны осматривать область свою, какъ для охраненія, такъ и для того, чтобъ короче познакомиться съ мѣстнымъ ея положеніемъ. Сіе познаніе страны своей и чѣмъ не уступаетъ никакой другой наукѣ. Для сей же цѣли юноши должны любить псовую охоту не менѣе какъ для простаго удовольствія или для пользы, копорую доставляетъ звѣриная ловля. Сіи обязанности долженъ исполнять со всею почтосію агрономъ ли, или шайный чиновникъ и всякой другой, кто истинно хочетъ служить для блага и безопасности ошечества.

Теперь по порядку слѣдуетъ говорить объ избраніи торговыхъ присавовъ (агораномовъ) и спроишелей. На шестьдесятъ агораномовъ въ городѣ слѣдуетъ избрать прехъ спроишелей, копорые раздѣляютъ между собою двѣнадцать часшей его, и соревнуя первымъ, пекутся о городскихъ улицахъ, о дорогахъ, ведущихъ изъ окресноспей въ городъ, о спроеніи зданій по устанвленнымъ правиламъ; пекутся о водѣ, копорую проводятъ до города и здѣсь передаютъ имъ на попеченіе земскія спражи, чшобы она, пришекая въ досшашочномъ количествѣ и въ чисшотѣ въ общеспвенныя водохранилища, служила для пользы и украшенія городу. Сіи чиновники должны бышь люди богашые, съ обезпеченнымъ сосшюніемъ, копорое бы позволяло имъ совершенно посвящитъ себя на общее благо. Почему всякой предлагаешъ въ спроишели, кого пожелаешъ, изъ перваго класса. Изъ шести рукоположенныхъ и большинствомъ голосовъ избранныхъ шрое опдѣляются по жребію для исправленія должности. Такимъ образомъ одобренныя и ушвержденные они дѣйспвуютъ по даннымъ законамъ.

Попомъ избираются агораномы (начальники шоржищъ) числомъ пять изъ перваго и втораго классовъ. Впрочемъ выборъ ихъ производитъ шакъ же, какъ и спроишелей: изъ десяти мужей, избранныхъ по голосамъ,

пяперо опдбляюшя по жребію; всякой имбешь право давашь голось на всякаго гражданина; опказывающійся опь подаванія голоса, если донесушь о немь правительству, обявляешя худымь гражданиномь и плашишь пяпдесяшь драхмь пени.

Вь собраніе и на общіе совбшы приходиль всякой желающій: гражданинъ перваго и втораго класса приходиль по непрембнной обязанности; или за опсущствіе плашишь десяшь драхмь пени. Для прешьяго и чешвертаго класса нбшь вь семь случаб никакой необходимости; они могушь опсущствовашь, не подвергаясь пени, кромб пбхб случаевь, когда Архоншы по какимь либо важнымь причинамь назначаюшь общее собраніе. Начальники шоржищъ соблюдаютъ на шоржищахъ порядкб, устанавленный законами, смотряшь за чблосшію храмовь и общешвенныхъ водохранилищъ, опшвращая опь нихъ всякой вредь; наказываюшь зловредныхъ людей: рабовь и пришельцовь ударами и шемницею; гражданина, который причиниль подобный вредь, сами имбюшь право осуждашь на пеню до сша драхмь; на двойную же сумму они по совбщанію сб спроишелями осуждаюшь преступника. Такое же право наказывашь и налагашь пеню, имбюшь сб своей спороны спроишели: до одной мины они осуждаюшь сами, а на двоиную пеню вмбстб сб начальниками шоржищъ.

За пѣмъ надлежитъ постановити начальниковъ для музыки и гимнастики: однихъ для самаго ученія, другихъ для сосязанія. Начальникамъ ученія законъ предназначаетъ попеченіе о гимназіяхъ и училищахъ, о благоприличіи, порядкѣ; смотрѣніе за ходженіемъ и за самымъ мѣспребываніемъ опроковъ и дѣвицъ. Начальники сосязанія полагаютъ награду аплешамъ въ гимнастическихъ и музыкальныхъ упражненіяхъ, и раздѣляются на два класса: одни для музыки, другіе для рапоборства. Въ рапоборствѣ одни начальники могутъ быти для людей и для живошныхъ; въ музыкѣ же одни должны быти для монодіи (единопѣнія) и мимики (подражательнаго пѣнія), какъ шо: судьи рапсодисповъ, лириковъ, играющихъ на свирѣли и симъ подобныхъ художниковъ; другіе для хороводовъ. Во первыхъ изберемъ начальника для хоровода, для той часпи музыки, кошорая пляскамъ взрослыхъ юношей и дѣвъ даетъ всю музыкальную спройность. Для сего доспашочно одного начальника не моложе сорока лѣтъ, а для монодіи не моложе шридцати лѣтъ; онъ долженъ вводити доспойныхъ въ сосязаніе и судити о преимущесствѣ спорящихъ.

Начальникъ и вождь хороводовъ избирается слѣдующимъ образомъ: любители сего художества сходяшся въ собраніяхъ подъ опашеніемъ наказанія, если не придутъ. Судьями

здѣсь бывають законблюспиттели. Изв прочихъ нежелающихъ не имѣють никакой обязанности приходить въ сіе собраніе. Каждый съ своей стороны предлагаетъ оплчнѣйшаго художника, и по испытаніи его, одобрение или неодобрение выражается кратко, знающъ ли онъ или незнающъ. Изв десяти избранныхъ большинствомъ голосовъ одинъ по жребію вспуаешъ въ управление хороводами на годъ. Такимъ же образомъ избирается судья проспаго пѣнія и инструменпальной музыки; кому изв предспавленныхъ выпадешъ жребій, потъ, показавъ предъ правительствомъ опытъ своей способности, въ печеніи одного года исправляешъ сію должность.

Помомъ надлежитъ избирать наградоположниковъ для конскихъ рыспалищъ и для шѣлесныхъ соспязаній. Они избираются изв впораго и преспьяго класса. На выборъ необходимо должны приходить шри первые класса; послѣднему же сіе предспавляется на произволъ. Три мужа изв числа двадцати избранныхъ по голосамъ, опдѣляются по жребію, но шакіе которыхъ одобряешъ общій голосъ. Если кто будешъ исключень изв выбора на какую либо должность; шо вмѣсто его избираются другіе и одобрение ихъ совершаешся шакимъ же образомъ.

Оспашся еще власшь, надзоръ за общимъ воспитаніемъ дѣтей обоого пола. Сей

начальникъ по законамъ долженъ быть не моложе пятидесяти лѣтъ, и отецъ семейства, припомъ предпочтительно отецъ сыновъ и дочерей, или покрайней мѣрѣ одного кошораго либо изъ двухъ половъ. Избираемый и избирающіе должны помнить, что сія должность есть важнѣйшая въ государствѣ: ибо во всемъ распущемъ, первый возрастъ, направляемый сообразно съ законами естества его, есть основаніе будущихъ успѣховъ его. Сіе бываетъ равно въ расшеніяхъ, въ живошныхъ дикихъ и домашнихъ, и въ людяхъ. Человѣкъ, какъ живошное общежительное, дѣлается божественнымъ, крошчайшимъ, если при щасливыхъ природныхъ дарованіяхъ получаетъ надлежащее воспитаніе; а безъ воспитанія или съ худымъ воспитаніемъ, онъ бываетъ люшѣйшимъ изъ всѣхъ живошныхъ, какихъ только земля производитъ. По сему законодатель долженъ почищать воспитаніе первымъ и важнѣйшимъ предметомъ своего попеченія. Чѣмъ въ точности исполнишь сію обязаность, во первыхъ онъ долженъ избрать мужа, во всѣхъ добродѣтеляхъ отличнѣйшаго, и пославши начальникомъ и попечителемъ воспитанія. Всѣ начальства, кромѣ Сенаша и Пришанеевъ, собравшись въ храмъ Аполлона, шайно отъ законоблюстителей подають голоса, кого каждой почищаютъ способнѣйшимъ управлять воспита-

ніемъ. Тотъ, у кого будетъ болѣе голосовъ, по испытаніи прочими избираемыми начальствами, кромѣ законоблюстителей, управляетъ въ продолженіи пяти лѣтъ. Въ шестой годъ на его мѣсто такимъ же образомъ избирается другой.

Если кто, исправляя общественную должность, умретъ за тридцать дней прежде, нежели кончится время правленія его, то избираютъ другого на мѣсто его тѣ, до коихъ сіе относится. Если умретъ опекунъ сиротъ, то родственники ихъ и ближніе со стороны отца и матери до двоюродныхъ братьевъ, въ продолженіи десяти дней избираютъ другого на мѣсто умершаго; или всякой изъ нихъ платитъ пеню по драмѣ за день, доколѣ не выберутъ опекуна.

Всякое государство переспаетъ бытъ государствомъ, если въ немъ нѣтъ порядка опосредственно судовъ. Судья безгласный, который въ прешейномъ судѣ не можетъ сказать ничего на слова челобитчика, неспособенъ къ сужденію правосудія. Не лзя ожидать справедливости отъ многихъ или малыхъ, но худыхъ судей. Предметъ тяжбы долженъ быть ясно изложенъ съ обѣихъ спорящихъ сторонъ. Время, медленность и многократное разсмотрѣніе много способствуютъ къ объясненію сомнѣній. Для сего обвиняющіе друга друга напередъ должны обратиться къ ближнимъ своимъ, друзьямъ и къ людямъ, короче

знаючимъ сомнительное положеніе ихъ дѣла. Неполучившій здѣсь удовлетворительнаго суда переходить въ другое судилище; и если два судилища не могли рѣшить спора, то прешье полагаетъ конецъ сужденію. Установленіе судилищъ нѣкопорымъ образомъ есть поже, что выборъ правителей; ибо всякой правитель необходимо бываетъ судьей нѣкопораго рода дѣлъ; и судья—не начальникъ дѣлается немаловажнымъ начальникомъ въ свой день, когда своимъ опредѣленіемъ оканчиваетъ споръ. Принимая судей за начальниковъ, скажемъ что нибудь объ ихъ личныхъ достоинствахъ, о дѣлахъ каждаго и о числѣ ихъ въ каждомъ судилищѣ.

Священнѣйшее судилище есть то, которое сами себѣ назначаютъ спорящія стороны. Для прочихъ дѣлъ есть два судилища: одно, когда частной человекъ обвиняетъ въ обидѣ частнаго и пребуетъ правосудія; другое, когда кто, видя общее благосостояніе, нарушаемое кѣмъ либо изъ гражданъ, вступается за общее дѣло.

Скажемъ, кто и каковы должны быть судьи? Первое судилище есть общее для всѣхъ, въ прешій разѣ несогласяющихся между собою, и составляетъ пакъ: всѣ власши, управляющія погодно и долбе, послѣ лѣшняго поворота, при наступленіи новаго года съ послѣдняго числа на первое перваго

мѣсяца собираются въ одинъ храмъ и даюшъ клятву предъ Богомъ, что они представляюшъ ему, какъ сказаць, первенцовъ каждой власши, избирая ошъ каждой единого признанного добродѣпельнѣйшимъ судьей, который праведно и безприспраспно будешъ судить сяжбы гражданъ въ наступающемъ годѣ. Избранные представляюся на испытаніе. Если не одобренъ одинъ, то на мѣсто его такимъ же образомъ избирается другой. Утвержденные дѣлаюшъ судъ недовольнымъ прочими судилищами, и приговоры свои произносяшъ открышо предъ всѣми. Сенаторы и прочіе начальники, избираемые судьей необходимо должны бышь слушателями и зрителями сихъ судопроизводствъ; изъ прочихъ же, кто пожелаешъ. Обвиняющій другаго въ злоумышленномъ несправедливомъ судѣ, представляешъ свою жалобу законоблюстителямъ. Виновный въ неправосудіи обязанъ заплашъ обиженному половину убышка его; и если онъ достоинъ большаго наказанія; то судящіе опредѣляюшъ, что онъ долженъ или претерпѣшь сверхъ первой плашы обиженному, или заплашъ ему и казнѣ.

Государственныя пресупущенія не обходимо подлежашъ суду всего народа: ибо всѣ бываюшъ обижены, когда кто наносишъ обиду государству; оскорбительно бышь опчужденнымъ ошъ сего суда. Начало и

рѣшеніе такихъ дѣлъ принадлежитъ народу; но самое судопроизводство находится въ рукахъ прехъ высшихъ властей, единогласно избранныхъ обвиняющимъ и обвиняемымъ; и если сіи несогласны въ своемъ выборѣ, по сенатъ самъ назначаетъ имъ судей. Въ частныхъ тяжбныхъ дѣлахъ также по возможности всѣ должны участвовашь; ибо кто не имѣетъ права подавать голоса на судѣ, тотъ почитаетъ себя лишеннымъ всѣхъ правъ гражданина. По сей причинѣ судилища должны бытъ успроены по колѣнамъ, и судьи, избранные по жребію безъ лицепріятія немедленно должны рѣшишь возникающіе споры. Окончательное рѣшеніе всѣхъ шаковыхъ дѣлъ происходитъ въ судилищѣ, о которомъ мы уже говорили; въ судилищѣ безприсрастнѣйшемъ по возможности человѣческой, коему предоставлено рѣшишь тяжбы, не рѣшенныя прешейнымъ и земскимъ судомъ.

Итакъ для сихъ судовъ, о коихъ трудно рѣшительно сказать, власпили они суть, или нѣтъ, теперь я представляю одно виѣшнее общее очершаніе, въ которомъ иное объяснено, но многое опущено. Точное опредѣленіе и раздѣленіе судовъ мы сдѣлаемъ при концѣ законодательства, и дополъ оставимъ ешотъ предметъ. Что касается до прочихъ властей, мы почти все сказали. Полное и справедливое понятіе о каждомъ предметѣ ошдѣльно и вообще обо всѣхъ, относящихся

до государства и успроенія его, можемъ бышь предспавлено, когда цѣлый ходъ разсужденія обоймешъ начало, средину и конецъ и разовьешъ всѣ часши ихъ. Теперь дошедши до выбора власшей, мы можемъ посспавишь его заключеніемъ предвидущему, и безъ оплогашельства, безъ опспуленій приспупимъ къ самимъ законамъ.

Кл. Спольш основашельно шы говорилъ все предвидущее; а шеперь еще болѣе плѣняешь насъ, соединяя конецъ съ началомъ, и спольш очевидно связуя сказанное съ шѣмъ, что оспашеться сказашь.

Аѳ. Ишакъ досѣлѣ хорошо идушь наши спариковскія умспвенныя забавы.

Кл. Скажи лучше важныя дѣла мужей цвѣшущихъ.

Аѳ. Пущь шакъ. Теперь возьмемъ въ разсужденіе нѣчто: согласныль мы въ своихъ мнѣніяхъ?

Кл. Чшо? О какомъ предметѣ?

Аѳ. Мы знаемъ, что шрудъ живописца въ изображеніи какаго нибудь живопнаго никогда не бываешъ окончашельнымъ; но или углубляя, или ушончая шѣни, если шакъ можно выразишьса собспвенными словами сего художества, онъ никогда не почишашъ рабобы своей совершенною, шакъ, чшобъ въ ней не оспавалось ничего ни поправишь, ни дошлонишь.

Кл. Помню, и я слышалъ позже, хотя самъ никогда не упражнялся въ семъ искусствѣ.

Аѳ. Нѣшъ нужды; мимоходомъ коснемся его для сравненія: еслибъ кто хотѣлъ произвести превосходную каршину, которая бы съ продолженіемъ времени ни мало не поршилась, но спановилась бы лучше и совершеннѣе: легко понять, что какъ смертный, если онъ не оставилъ по себѣ преемника, способнаго исправить попорченное временемъ и опущенное, по ограниченности искусства, сравняшь съ первымъ очерпаніемъ: по великой шрудѣ его будешь весьма крапиво времени.

Кл. Истинно.

Аѳ. Не позже ли предположеніе имѣешь и законодапель? Во первыхъ написашъ законы со всею точностію; во вторыхъ шакіе, кои въ продолженіи времени повѣрялись бы самымъ опытомъ. Ибо можешь ли бышь законодапель шоль несмысленный, который бы не зналъ, что по необходимости остается многое, пребывающее поправки опъ преемника, дабы порядокъ и устройштво, имъ заведенные въ государствѣ, не упадали, но улучшались безпрешанно.

Кл. Подлинно; и кто сего не пожелаешь?

Аѳ. Ишакъ, еслибъ кто могъ дѣломъ или словомъ споспѣшествовать къ сему и научить другаго искусству хранишь и исправляшь законы: шотъ безъ сомнѣнія не кончилъ бы

о семъ рѣчи своей, не приведя ее въ исполненіе.

Кл. Не иначе.

Ае. И намъ шеперь надлежитъ дѣлать шже.

Кл. Какимъ образомъ?

Ае. Мы желаемъ издавать законы; уже избраны у насъ законоблюстителы; мы уже на западѣ жизни своей; они же въ сравненіи съ нами очень молоды; и шакъ мы должны и законодапельспивовать, и сколько можно спараться содѣлать ихъ законодапельями и законоблюстителыями.

Кл. Да, если можемъ.

Ае. Но все должно испытать и употребить спараніе.

Кл. Конечно.

Ае. Скажемъ же къ нимъ шакъ: любезные граждане, блюстителы законовъ; нѣтъ сомнѣнія, что мы предлагая законы о столь различныхъ предметахъ, весьма многое пропустимъ; и нельзя иначе. Впрочемъ мы спараемся не упустишь важнѣйшаго, и цѣлое по возможности предспавимъ въ очершаніи. Вамъ предлежитъ дополнить очершанное. Съ какою цѣлю вы должны прудиться, послушайте: Мегилъ, я и Клиній, мы часто разсуждали о семъ, и не нашли иной цѣли благороднѣйшей: мы желаемъ имѣть въ васъ единомышленниковъ, учениковъ и обратишь ваше вниманіе на то, что, какъ мы согласились

между собою, должно бысть предметомъ законодателя и законоблюстителю. Все, что мы сказали о семъ, заключается въ одномъ главномъ правилѣ: необходимо знашь занятія, нравы, способъ приобрѣтенія, желанія, мнѣнія и самое ученіе, кои могутъ содѣлать государство лучшимъ; всякой гражданинъ, мужчина и женщина, юный и старый къ сей цѣли должны усремлять во всю свою жизнь всѣ силы и старанія, и ни во что спавишь все прочее, какъ препятшшіе къ добродѣтельной жизни; лучше согласишься на изгнаніе изъ опечесства, нежели видѣшь его подъ игомъ рабства, подъ владычествомъ худшихъ, и измѣнишь ему посыднымъ образомъ; лучше все прешерѣшь, нежели перемѣнишь образъ правленія на такой, въ которомъ люди дѣлаются худшими. Вотъ, въ чемъ мы всѣ шрое согласились; съ сей точки зрѣнія вы шеперь хвалишь или порицайшь наши законы: порицайшь слабые, кои не достигаютъ сей цѣли; одобришь достаточные, и благосклонно принявши ихъ, соображайшь съ ними жизнь свою; прочія же занятія и пакъ называемыя блага, оставшь въ презрѣніи.

Началомъ предлагаемыхъ законовъ да будутъ намъ дѣла священныя. Во первыхъ примемъ прежнее число пять тысячъ сорокъ и всѣ шѣ раздѣленія, кои оно имѣетъ вообще и по частнымъ колѣнамъ. Двѣнадцатая часть всего числа равняется прома-

веденію двадцати одного на двадцать. Все число раздѣляется на двѣнадцать часшей, и двѣнадцать, ешь пакже число колѣнѣ. Каждую часшь должно представляшь себѣ какъ даръ, Богомъ благословенный, соотвѣспвующій печенію мѣсяцовъ и общему ходу вселенной. Такимъ образомъ все государспво связуется и движется родспвеннымъ Божеспвомъ, освящающимъ его. Иные, можешъ бышь, съ большею или меньшею правильностію дѣлали другія раздѣленія, и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ освящали ихъ. Для насъ число пять тысячъ сорокъ правильноѣ всѣхъ. Ибо оно дѣлится на всѣ числа, начиная ошъ единицы до двѣнадцати, кромѣ одинадцати, и сіе раздѣленіе на одинадцать пребуешъ весьма малой поправки: оно возможно, если мы опшмемъ ошъ дѣлимаго два. Чшо ешо испинно, шо на досугѣ легко можешъ повѣришь всякой. Принявъ на вѣру насшоящее слово и назвавъ каждое колѣно именемъ Бога или сына Боговъ, воздвигнемъ имъ жершвенники со всѣмъ принадлежащимъ къ поклоненію ихъ; шамъ собираясь, будемъ совершашъ жершвоприношенія два раза въ мѣсяцѣ; двѣнадцать разъ праздноу раздѣленіе колѣнѣ и двѣнадцать разъ раздѣленіе города. Сіе будемъ совершашъ во первыхъ, прося милоспи у Боговъ, и къ исполненію священныхъ обязанноспей; во вторыхъ для взаимной связи, для знакомсшва и

для всякаго сообщенія. Въ выборѣ невѣспы и въ женидбѣ необходимо опшлоняшь всякое невѣденіе о ней, о родителѣхъ ея и о помѣ, за кого выдаюшъ ее; вообще должно, сколько можно, менѣ обманываться въ сихъ случаяхъ. На сей конецъ учреждаюшя игрища между юнашами и дѣвами, гдѣ они со всею невинностію сего возраста, и сколько позволишь сшдыдивосшь, безъ покрова, имѣюшъ предлогъ видѣшъ другихъ и себя показашъ. Начальниками и распорядителѣми сихъ игрищъ бываюшъ начальники хороводовъ, кои, сообразуясь съ намѣреніемъ законодашеля, дополняшъ частности, нами опущенныя; ибо главный законодашель, какъ мы сказали, необходимо долженъ опустить многіе маловажные частные случаи. Другіе послѣ него, ежегодно повѣря посшановленія его съ самымъ опытомъ, могушъ исправляшъ, измѣняяшъ ихъ, доколѣ онѣ не достигнушъ до всего совершенства. Время же, достшашочное для сего испытанія частныхъ и общихъ посшановленій опносительно жершвоприношеній и хороводовъ, можетъ быть десять лѣшъ. При жизни перваго законодашеля сіи перемѣны дѣлаюшя съ согласія его. По смерти его, каждая влашь представляешъ законоблюспителѣмъ, что нужно поправитъ въ своихъ обязанностяхъ, доколѣ не придетъ все въ надлежащее усшройство. Тогда сіи посшановленія получаюшъ свою неизмѣняемость

наровнѣ съ прочими законами , первоначально устанновленными законодашелемъ ; и переѣняшь въ нихъ произвольно никому ничего не позволяешся. Если вшпрѣшишся необходимость еще сдѣлашь переѣну; шо для сего должны собирашся всѣ власши, весь народъ и жрецы всѣхъ Боговъ, и дѣлашь ее съ общаго согласія; иначе никогда; и проши-вщійся да будепъ укрощенъ силою закона.

Если кто изъ двадцати пяти лѣтнихъ юношей, видѣвшій другихъ и себя показавшій, найдетъ по сердцу своему подругу для семейственной жизни, для будущихъ чадъ, шо онъ, какъ и всякой, можетъ и долженъ женишся до шридцати пяти лѣтъ ; но напередъ онъ долженъ знашь , какъ найши себѣ приличную и совершенно соошвѣшсшвующую. Клиній замѣшилъ, что предъ каждымъ закономъ хорошо сшавишь присшойное предисловіе.

Кл. Ты весьма хорошо припомнилъ сіе, почтенный иноземецъ, и по моему мнѣнію выбралъ время, самое приличное для сего слова.

Ае. Хорошо. Юноша , скажемъ мы сыну добрыхъ родителей; себѣ приличенъ бракъ, прославляемый мужами мудрыми, которые совѣшуютъ не бѣгашъ бѣдности и не искашь супружества богатаго; но если всѣ прочія качества равны, шо скорѣе предпочешъ бѣднѣшшую и женишся на ней. Сіе полезно какъ для государства, такъ и

для семейственнаго щастія: равное и соразмѣрное несравненно ближе къ добродѣтели, нежели чрезмѣрное. Юноша пламенный и слишкомъ опромешчивый въ своихъ предпріятіяхъ долженъ искашь союза съ родителями спешными; съ прошивнымъ расположеніемъ чловѣкъ долженъ искашь родства, которое можетъ подспрекать его дѣятельность; вообще относительно брака есть одно краткое правило: должно искашь супружества полезнаго опечесству, а не шакого, которое нравится только самому себѣ. Ибо всякой по естественному влеченію спремится къ подобному себѣ; но богатство и обычаи поселяютъ великое неравенство между семействами составляющими государство. Мы не желаемъ себѣ тѣхъ несчастныхъ послѣдствій, коимъ подвергаются многія другія страны.

Весьма справедливо постановить закономъ, чтобы богатый не искалъ супруги богатой, ни чловѣкъ сильный невѣсты изъ дому сильного. Но принуждашь соединяться характеры пламенные съ медлительными, и медлительные съ дѣятельными было бы смѣшно, и возбудило бы въ народѣ ропотъ. Не легко всякой пойметъ, что государство походитъ на сосудъ, въ которомъ налиное кипящее вино пѣнится, бьетъ; но растворенное водою, богомъ шрезвостпи, посредствомъ сего прекраснаго союза дѣлается

здоровымъ и пріятнымъ пищемъ. Таково дѣйствіе отъ смѣшенія харакшеровъ; но почили никто въ сіе не вникаетъ. Почему законъ необходимо долженъ опустить сіе, и убѣжденіемъ заставляетъ каждого болѣе любить равенство дѣпей, нежели равныя супружества, основанныя на безмѣрныхъ богатствахъ. Презрѣніемъ, а не посредствомъ положительнаго закона, должно опвращать сребролюбіе въ супружествѣ. Таковы и совѣщы и убѣженія для супружества; немало важно при семъ и то, что прежде было сказано: что должно слѣдовать вѣчнораждающей природѣ и оставляя чады отъ чадъ своихъ, вѣчно предпавлять вмѣсто себя Богу служителей.

Можно было еще болѣе распространить сіе предисловіе; но кто добровольно не убѣждается сими совѣщями, и живя въ государствѣ особнякомъ, чловѣкомъ чуждымъ для общества, въ придцать пять лѣтъ еще не женился, тошъ ежегодно подвергается денежной пенѣ. Гражданинъ перваго класса платитъ сто драхмъ, втораго восемьдесятъ, шретьяго шестьдесятъ, чешвертаго придцать. Сіи деньги посвящаются Юнонѣ; неплатившій годъ платитъ въ двое. Казнахранишель богини взыскиваетъ сію сумму, и если не взыщеть, то самъ платитъ въ двое, и въ почномъ исполненіи сего закона даетъ опщеть. Такова денежная пеня для

бѣгающихъ женишьбы. Сверхъ того они перяютъ все право на почтеніе отъ младшихъ, и ни отъ кого не могутъ претовати повиновенія. Еслибъ кто изъ нихъ вздумалъ наказати другаго, то за обиженнаго всякой вступається и защищаєтъ его; и защищающій закономъ объявился какъ гражданинъ худой и малодушной.

О приданомъ уже прежде сказано, и теперь повшорю, что людямъ, снискивающимъ посредствомъ трудолюбія себѣ пропитаніе, приданное воспрещается; но они довольствуются равнымъ съ обѣихъ споронъ. У нихъ есть все необходимое. Отъ недоспашка денегъ будєтъ менѣ гордости въ женахъ и менѣ низкаго раболѣпства въ мужахъ. Слѣдующій симъ совѣшамъ сдѣлаєтъ хорошо; а неповинующійся, но или давшій, или принявшій болѣе пятидесяти драхмъ для одѣжды, одинъ платитъ мину, другой полторы мины, третій двѣ мины, высшаго класса гражданинъ сверхъ того сполько же платитъ въ общеспвенную казну. Данное же или взятое посвящается Юнонѣ или Юпитеру. Взысканія сіи производятъ казначанишели сихъ Божествъ, какъ сказано было о неженящихся, съ которыхъ взыскиваютъ жрецы Юноны или сами платятъ.

Поручишельство главное при женишьбѣ есть поручишельство отца, второе дѣда, шрешье братьевъ отъ одного отца. Занедо-

комѣ сихъ поручительство съ матерней стороны дѣйствительно въ томъ же порядкѣ. Въ необыкновенномъ какомъ либо случаѣ ближайшіе родственики имѣютъ сію власть вообще съ опекунами. Что касается до обрученія и до всѣхъ прочихъ снященныхъ обрядовъ прежде, во время и послѣ брака, всякой да поставитъ себѣ долгомъ спросить о семъ исполнителей священнослуженія и въ почтении слѣдовать ихъ наставленіямъ. На пиршества должно приглашать друзей и подруговъ не болѣе пяти человѣкъ изъ пѣхъ и другихъ и такое же число родственниковъ и ближнихъ обою пола. Угощеніе бываетъ по сословію каждаго. Богатѣйшему оно стоить одной мины, иному только половину и такъ далѣе, смотря по сословію каждаго. Повинующійся сему закону заслуживаетъ общую похвалу, а неповинующагося законоблудители наказываютъ, какъ невѣжду и въ законѣ брачныхъ мужъ ненаставленнаго.

Упиваться до пьянства не прилично и въ другихъ случаяхъ, кромѣ праздношества въ честь Богу виноподателю; ищущіе супружества, какъ невѣста, такъ и женихъ при столь важной перемѣнѣ жизни, особенно должны любить презвось. Весьма важно, чтобъ дѣши зачинались ошъ родителей презвыхъ и разумныхъ; кто знаетъ, какая ночь или какой день при Божіей помощи

дасѣ жизнь раждаемому. Съ шѣломѣ, исполненнымъ пьянства, не должно присупашъ къ произведенію дѣшей; но рождаемое въ первомъ зародышѣ должно бытъ спокойно, безмятежно и связно. Упоенный мяшешъ во всѣ спороны, бѣснуется шѣломѣ и душею; ошѣ шого и сѣмя его худо и непрочно; онѣ производитъ чадѣ увѣченныхъ, уродливыхъ, безъ всякой правильности въ шѣлѣ и характерѣ. Потому во всю жизнь, въ цѣлый годѣ, по крайней мѣрѣ, доколѣ продолжается дѣшпрорждение, должно избѣгатъ всего, что подвергаетъ произвольной болѣзни, всякаго распущства и вспычивости. Сіе необходимо оппечашѣвается на шѣлѣ и на душѣ младенца и производитъ худородныхъ чадѣ. Особливо въ извѣстный день и въ извѣстную ночь должно воздерживашъ ошѣ всего подобнаго. Начало и Богѣ, живущій въ человекѣ, устрояютъ все къ лучшему концу, если имѣютъ принадлежащую имѣ честь ошѣ всякаго шѣла.

Женящійся долженѣ помнитъ, что одна половина жилья, доспавшагося ему по жребію, назначается для рожденія и воспитанія дѣшей. Опдѣлясь ошѣ опца и матери, шамѣ онѣ особо устроятъ свой бракѣ, жительство, и живешѣ съ дѣпъми своими. Въ дружеспвѣ есть ненасытное, подкрѣпляемое разлукою, спремление другѣ къ другу; оно соединяешѣ и связываетъ всякіе характеры. Пресыпив-

шеся сожителство, не подкрѣпляющее взаимной любви разлукою, самую сыспоспїю производитъ взаимное отвращеніе. Зная сіе, разумные маперы и опцы отпускаютъ молодыхъ въ новыя жилища ихъ, какъ на поселеніе, и шолько при свиданїи надзираютъ за ними, чшобы они, передавая жизнь какъ свѣтильникъ другимъ, и воспитывая дѣтей, сохраняли по закону вѣчное Богослуженіе.

Какія спяжанія сосзавляютъ прочную неотъемлемую собсвенность, въ прочихъ случаяхъ сіе легко понять, и самое обладаніе безбѣдственнo. Но трудность великая встрѣчается въ обладанїи рабами. Причиною сему есть то, что мы не имѣемъ почнаго понятїя о нихъ. Ибо то, что говорится о рабахъ, доказываетъ и пользу ихъ, и прошивное.

Мег. Но что мы можемъ сказать о нихъ? Мы еще не знаемъ, какое ты имѣешь обшешомъ мнѣніе.

Ае. Ешо неудивительно, Мегиллъ. Рабство у всѣхъ Еллиновъ, особенно у Лакедемонянъ, приводитъ насъ въ великое недоумѣніе. У однихъ оно удачно, у другихъ нещасно; не много спора производитъ рабство у Фессалійцевъ и порабощеніе Иракліотами Маріандиновъ. Взирая на сіе, что мы постановимъ обш обладанїи рабами? Я опушилъ ешо въ своемъ словѣ, и ты правильно спросилъ, что я сказалъ бы о семъ предметѣ? Вотъ что: мы всѣ согласны что долж-

но имѣшь рабовъ приверженныхъ и способнѣйшихъ. Многие изъ рабовъ во всякой добродѣтели бывали лучше брашъевъ и дѣшей, спасали господъ своихъ, ихъ имѣніе и цѣлые дома. Такіе примѣры не рѣдки.

Мег. Точно такъ.

Аѳ. Съ другой стороны въ рабской душѣ нѣтъ ничего здраваго, и благоразумный человекъ никогда не долженъ вѣрять рабамъ. Мудрѣйшій изъ нашихъ поетовъ извѣстилъ сіе, говоря о Зевесѣ: Половину души опнимаешь всевидящій Зевесъ у шѣхъ, коихъ постигаетъ рабское иго. Разсмашривая сіе, одни ни въ чемъ не вѣрятъ рабскому племени, но бичами, мученіями не шри раза но спохрапно сокрушаютъ души слугъ своихъ и поработаютъ ихъ на подобіе скопювъ. Другіе же поступаютъ совсѣмъ прошивнымъ образомъ.

Кл. Если другіе такъ не согласны, то мы что будемъ дѣлать съ своею спраною, что поспановимъ о приобрѣщеніи и наказаніи рабовъ?

Аѳ. А что, Клиній? Человекъ есть живошное самое неукропимое, и при простомъ опредѣленіи, коимъ раздѣляющся рабъ, свободный и господинъ, кажется, со всѣмъ не можно желать рабства, и обладаніе ими весьма трудно. Опытъ многократно показывалъ, сколь сильныя возмущенія производили отъ Мессинцевъ и какія опасности угрожаютъ государству, въ копорыхъ много рабовъ одно-

племенныхъ и одноязычныхъ ; и шеперь расказывающъ всѣ, какими грабежами и воровствомъ наполнили всю Испанію бѣжавшіе рабы ; по ешму легко всякой придетъ въ недоумѣніе , что дѣлать въ сихъ случаяхъ . Есть только два средства : во первыхъ , чтобы хорошо могли служить рабы , они не должны быть между собою соопеченники , и какъ можно рѣже однимъ языкомъ говорящіе ; во вторыхъ должно давать имъ достаточное пропитаніе не для нихъ , но болѣе для самихъ себя . Хорошее обращеніе съ ними состоить въ томъ , чтобы не причинять имъ никакой несправедливости и оказывать имъ болѣе снисхожденія , нежели равнымъ своимъ . Любящій чистосердечно и непришворно справедливость , не захочетъ быть несправедливымъ и къ своимъ людямъ , которыхъ онъ легко обижать можетъ ; чуждый всякаго нечестія , и неправосудія относительно къ поступкамъ и нравамъ рабовъ своихъ , есть человекъ самый способный насаждать сѣмена добродѣтели . Сіе можно сказать о господинѣ , о государѣ и о всякомъ имѣющемъ какую либо власть надъ подчиненными . За вину мы должны наказывать рабовъ , и неперяшь для нихъ напрасно увѣщаній , которыхъ мы даемъ свободнымъ . Разговоръ съ рабомъ долженъ состоять въ одномъ приказаніи ; мы не должны позволять себѣ никакой шутки съ ними ни съ мужчинами , ни съ женщи-

нами. Тѣ, которые обходящяся съ ними слишкомъ ласково, ослабляющъ чрезъ сіе свою власшь надъ ними и уменьшающъ въ нихъ повиновеніе.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Успроивъ досташочное число рабовъ для опшравленія всякихъ работъ, кажепся, надлежитъ говорить о жилищѣ.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Зодчество, во всей его силѣ, можно сказать должно бытъ упошреблено при сооруженіи новаго города, досѣль необишаемаго. Объ епомъ должно бы говорить прежде брака; но такъ случилось въ нашемъ разговорѣ; такъ и бытъ. На самомъ же дѣлѣ, если Богъ благословишь совершишься нашему предпріятію, мы успроимъ сіе прежде браковъ, которые слѣдующъ послѣ спроенія. Теперь предспавимъ краткое очерпаніе всего, что опноспя къ домоспроишельству.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Священные храмы должны бытъ успроены вокругъ одной площади, и весь городъ для крѣпости и чистоты въ видѣ круга расположенъ на возвышенности. Подлѣ храмовъ успрояющя дома правителей и судебныхъ мѣста, въ коихъ принимающя жалобы и изрѣкающя приговоры правосудія. Сія зданія должны бытъ священны и по важности дѣлъ и по свястости Боговъ, въ нихъ живущихъ; здѣсь совершающя уголовныя суды,

назначается казнь за смерпоубійство и за другія уголовныя пресупленія. Что касается до стѣнъ, я согласенъ съ Спарпою, онѣ должны покоиться въ землѣ и не возсѣвать. Прекрасно сказано о сѣмъ въ одномъ стихошвореніи, что стѣны лучше должны быть мѣдныя и желѣзныя, нежели глиняныя. Съ нашей стороны сѣмъ бы казалось ограждать городъ стѣною, послѣ того, какъ мы установили ежегодно посылать по окрестностямъ юныхъ людей для дѣланія окоповъ, насыпей и крѣпостей, копорыя бы удерживали непріятеля и не позволяли ему переходить за границу. Во первыхъ сие не полезно для здоровья; во вторыхъ ето располагаетъ жителей къ шрусости, увлекая ихъ къ бѣгству, вмѣсто того, чтобъ мужественно отражать враговъ. Они не будутъ искать спасенія въ неусыпной сражѣ днемъ и ночью; но почитая себя безопасными за крѣпкою оградю, за непреодолимыми вратами, они спятъ, какъ будто совсѣмъ не родились ни для какихъ трудовъ и забывающъ, что покой пріобрѣтается заботами, и что посмѣдной безопасности обыкновенныя слѣдствія суть шруды. Но если нельзя обойтись безъ стѣнъ, то для сего частыя строенія съ самага начала располагаются такъ, чтобъ весь городъ представлялъ одну непрерывную стѣну, чтобъ всѣ дома одинаковой высоты и наружности были равноудоб-

ны къ защищенію по всѣмъ направленіямъ. Пріятно смошрѣшь на городъ представляющій видъ одного дома. Сіе имѣетъ болѣе удобствъ для спражи и несравненно полезнѣе для общей и частной безопасности.

При первоначальномъ строеніи города сами жители должны давать своимъ домамъ сей видъ. Строишеля надсматривающъ за ними, побуждающъ ихъ, и опсупающаго отъ правилъ наказывающъ. Они же соблюдаютъ чистоту, чшобъ ни одинъ частной человекъ ни строеніемъ, ни копаніемъ не безобразилъ города; пекушя о спокахъ воды дождевой; однимъ словомъ, вниманіе ихъ простирается на всѣ жилища какъ внушри, такъ и внѣ города. Законоблюшители, извѣдавъ все сіе изъ самыхъ опытовъ, дополняшъ прочіе недостатки въ сихъ законахъ.

Между шѣмъ частныя и общественыя зданія, гимназіи и прочія училища усстроены и ожидающъ шолько посѣшителей, а театры врешелей. Мы, идя за нипью законодательства, опять приступимъ къ шому, чшо слѣдуетъ послѣ брака.

Кл. Хорошо.

Ае. Положимъ, чшо бракъ уже усстроень. Теперь надлежитъ опредѣлшшь, какой образъ жизни должны вести молодые по крайней мѣрѣ въ первой годъ до рожденія дѣшей, въ семъ городѣ, которой будетъ опличнѣйшимъ изъ многихъ другихъ городовъ? То, чшо я намѣ-

ренъ сказаць, едва ли кому понравится. И прежде вспрѣчалось много подобныхъ трудностей, и теперь особенно возстанушь всѣ прошивъ новаго поспановленія. Впрочемъ всячески должно сказаць по, что мы находимъ истиннымъ и законнымъ.

Кл. Конечно.

Л. Тотъ ошибается, кто желаетъ дать государству законы только относительно общественной жизни, и не думаетъ о томъ, что нужно для частной; кто оставляетъ на волю каждому препроводить день, какъ онъ хочетъ, почитая излишнимъ подчинять все закону; кто, не сдѣлавъ никакихъ правилъ для частныхъ семейственныхъ дѣлъ, думаетъ, что граждане охотно будутъ поступать по законамъ въ дѣлахъ общественныхъ. Но къ чему я веду сіе? вотъ къ чему: я говорю, что молодые супруги должны быть за общими сплами, равно какъ до брака. Конечно сіе поспановленіе странно казалось при самомъ началѣ въ вашихъ спранахъ, какъ оно было введено у васъ или войною или другимъ какимъ несчастіемъ, отъ котораго уменьшилось ваше народонаселеніе; но когда вы испытали его и принуждены были пользоваться общими сплами, то переспали сомнѣваясь въ польдѣ сего закона, и такимъ образомъ они вошли у васъ въ обыкновеніе.

Кл. Кажется такъ.

А. И такъ постановленіе, которое сначала казалось справедливымъ и опаснымъ, нынѣ законодателью не стоить никакого труда. Но наше предложеніе не легко сказать и еще труднѣе исполнить, не смотря на прекрасныя слѣдствія его, еслибъ оно совершилось. Къ несчастью мы нигдѣ не находимъ сего; и законодатель оспается въ помятій, что онъ словами бьетъ только воздухъ, предписывая тысячи несообразныхъ законовъ.

К. Что ты, иностранецъ, хочешь сказать и медлишь?

А. Слушайте; я болѣе не хочу мучить васъ медленностію. Все подчиненное общему порядку и сообразное съ законами, производитъ всѣ благодѣтельныя слѣдствія въ государствѣ; а безпорядочное и худо устроенное разрушаетъ и прочія части. На семъ утверждаю да же свою рѣчь: у васъ, Мегилъ и Клиній, какъ я уже сказалъ, прекрасно, удивительно и какою-шобожественною необходимостію учреждены общія прापезы для мужчинъ; но неправильно исключены изъ сего закона женщины, и не открыта ясно необходимостъ участвоватъ имъ въ общихъ делахъ. Женской полъ по слабости своей теперь составляетъ почти другой родъ, родъ скрытый и хищный, и законодатель не справедливо оставилъ его безъ распоряженія. Отъ сего опущенія у васъ теперь происходитъ многое, чего не былобъ или что моглобъ быть иначе при изданномъ

законѣ. Не одну половину, какъ кажется, составляютъ сія просмотрѣнныя неуспроисва со стороны женщинѣ; прекрасный полъ чѣмъ слабѣе мужчинѣ относительно къ добродѣтели, тѣмъ болѣе имѣетъ вліянія. Для благосостоянія государства необходимо нужно исправить сей недоспашокъ, и постановить однѣ правила какъ для мужчинѣ, такъ и для женщинѣ. Но родъ человѣческій нигдѣ не былъ такъ щасливъ, чтобы напастъ на сей путь; во многихъ странахъ и государствахъ, гдѣ нѣтъ общихъ споловъ, благоразуміе пребудетъ даже не напоминая объ нихъ. Можно ли гдѣ нибудь, не подвергаясь посмѣянію, принудить женщинѣ показаться за общественными споломи? Скорѣе онѣ готовы претерпѣть все, нежели рѣшились на послѣднее. Привыкши жить въ неизвѣспности и скрышно, онѣ упорно пропиваятся законодапелю, которой хочетъ ихъ вывести на свѣтъ, и наконецъ воспоржествуютъ надъ нимъ. Гдѣ бы я ни сказалъ сіе справедливое слово, нигдѣ не потерпятъ его; вездѣ будучи кричатъ пропивъ меня. Но у васъ можете быть послушаютъ.

Если вы хотите, чтобы все сказанное о цѣломъ государствѣ не осталось тщетнымъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, то я извясню вамъ, сколь важно и полезно такое учрежденіе; или перейдемъ къ другимъ предметамъ.

Кл. Почтенный иноземецъ, мы съ удовольствіемъ желаемъ слушать тебя.

Аѳ. Ипакъ слушайше. Но не удивляйтесь, если я возьмусь за предметъ съ опдаленной спороны. Мы имѣемъ досугъ; намъ ничто не мѣшаетъ разсмапривать законы со всѣхъ споронъ и всякимъ образомъ.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Ипакъ возвратимся къ прежнему. Всякой долженъ предположить себѣ, что существованіе людей или не имѣло совсѣмъ никакого начала, и конца имѣть не будетъ, но было и будетъ вѣчно; или естъ время, когда оно произошло, хошя время безпредѣльное.

Кл. Правда.

Аѳ. Не должно ли также предположить, что въ семъ безпредѣльномъ времени вознивали и падали многія государствва, измѣнялись разные обычаи и худые и хорошіе, перемѣнялись вкусы въ пищѣ, и произошли многія круговращенія временъ, въ печеніи кошорыхъ живонныя весьма много измѣнялись.

Кл. Предположимъ.

Аѳ. Мы вѣримъ также и пому, что винограду прежде не было, но попомъ онъ явился, равно оливы и дары Цереры; что нѣкто Трипшолемъ былъ разпроспранителемъ ихъ? Когда и ешаго не было, погда, не можно ли думать, что люди успремлялись на сбѣденіе другъ друга?

Кл. Такъ.

Ае. А что люди приносятъ въ жершву другъ друга, ешо мы еще и шеперь видимъ у многихъ. О насъ напрошивъ говорятъ, что мы не смѣли ѣсть даже шельцовъ. Мы приносили Богамъ въ жершву не живошнихъ, но хлѣбы и плоды медомъ облившыя, и другія чистыя вещества. У насъ воздерживались отъ мясб; ѣсть ихъ и обливашъ кровію жершвенники Боговъ — почипалось безчестіемъ; у насъ вели жизнь шакъ называемую Орфическую, упошребляли въ пищу шолько бездушное и воздерживались отъ всего одушевленного.

Кл. Многіе говорятъ шакъ, и ешо весьма вѣрояшно.

Ае. Но къ чему все ешо сказано? возрашишь намъ кто нибудь.

Кл. Правильно шы замѣшилъ сіе.

Ае. Я, сколько могу, шшшараюсь сказашъ, что слѣдуешъ изъ сего.

Кл. Говори.

Ае. Мы видимъ, что у людей все зависитъ отъ шрехъ нуждъ или побужденій. Изъ порядочнаго направленія сихъ побужденій шроизходитъ добродѣшель, изъ безпорядочнаго порокъ. Два первыя побужденія суть голодъ и жажда; они рождающся съ нами, и въ каждомъ живошномъ производитъ ешпешвенное шпремленіе неукрошимое, не слушающее никакаго голоса, кромѣ шого, чтошбъ

насыпишься и удовлетворишь свое желаніе. Третье побужденіе самое сильное и пламенное естъ любовь или побужденіе къ произведенію подобныхъ себѣ: оно возгараетъ послѣднее, распалаетъ человѣка бѣшенствомъ и наполняетъ его чрезмѣрною опважностію. Сии три болѣзни, влекущія человѣка къ довольствію, должно направлять къ добродѣтели, укрощить ихъ жаръ, ошановить порывы шремя сильнѣйшими средствами, спрахомъ, закономъ, и здравымъ смысломъ, къ копорымъ должно присоединить Музу и Бога покровишеля гимнастики.

Итакъ послѣ брака мы положимъ рожденіе дѣшей, ихъ пишаніе и ученіе. Такимъ образомъ въ продолженіи нашей бесѣды каждой законъ будетъ веспи насъ ближе къ общимъ шрапезамъ. Ознакомясь съ ними короче, можешъ бышь, мы найдемъ, должны ли онѣ бышь шолько для мужчинъ, или вмѣстѣ и для женщинъ. Тогда мы дадимъ свое мѣспо и шому, на что еще нѣтъ законовъ, и какъ я сказалъ, разсмошрѣвши всѣ предметы, съ большею подробностію для каждаго изъ нихъ положимъ приличныя законы.

Кл. Весьма справедливо.

Лв. Сохранимъ же въ памяти шо, что мы сказали; можешъ бышь намъ ешо послужить къ чему нибудь.

Кл. Что прикажешъ хранишь въ памяти?

Ае. То, что мы опредѣлили въ прехв словахъ: пищу пишь, и побужденіе любишь.

Кл. Будемъ помнишь, что повелишь.

Ае. Хорошо. Присступимъ опять къ супружеству. Показавъ свойства дѣспорожденія, если не подѣйствуемъ убѣжденіемъ, то прибѣгнемъ къ угрозамъ закона.

Кл. Какимъ же образомъ?

Ае. Невѣста и женихъ должны спарашься доставишь опечесству прекраснѣйшихъ и благороденныхъ дѣшей. Всѣ люди участвуя въ какомъ либо дѣлѣ, получающъ щасливой и желаемый успѣхъ, если обращаютъ къ нему и къ себѣ возможное вниманіе; безъ спаранія же ума все бываетъ напрощивъ. И пакъ мужъ долженъ оказывать все вниманіе къ женѣ и къ будущимъ своимъ дѣшамъ; равно и жена съ своей стороны особенно предъ родами. За симъ имѣющъ надзоръ избранныя женщины, число коихъ бываетъ большее или меньшее смотря поному, сколько ихъ назначатъ Архоншы. Сія надзирашельницы, собираясь во храмѣ Илиѳи, проводятъ вмѣстѣ прешью часть дня, и сообщающъ одна другой свои замѣчанія, если какой мужъ или жена изрждающихъ живущъ не по предписаннымъ законамъ и не по кляшвѣ данной при обрученіи.

Дѣспорожденіе и смощрѣніе за рждающими продолжается десятишь лѣтъ при плодови-

шомъ бракъ. Если въ сіе время супруги остаются бездѣшными, то они для взаимной пользы разводятся въ присушствіи родныхъ и женщинъ надзирашельницъ. Если произойдетъ несогласіе между мужемъ и женою за выгоды принадлежащія кому и другому: то судяшъ между ими десять законоблусшителей, коихъ опредѣленіе въ семъ случаѣ должно щипашься удовлетворительнымъ.

Жены надзирашельницы приходятъ въ дома молодыхъ, и своими совѣтами и угрозами удерживаютъ ихъ отъ погрѣшностей и прекращаютъ ихъ буйства. Если сами не успѣютъ, то доносятъ законоблусшителямъ, и сіи должны возбранить. Если и сіи не успѣютъ, то жалуются на нихъ всему народу, написываяшъ имя ихъ на площади, и даютъ кляшву, что не могли исправить такого по гражданина. Написанный да будетъ безчестнымъ, если только не оправдается прошивъ своихъ обвинителей. Онъ лишается права ходить на свадьбы и на родины. Если же пойдетъ, то всякой ненаказанно можетъ бить его. Тоже наблюдается и съ женою. Она не должна участвовашъ въ прогулкахъ съ подругами и въ женскихъ почестяхъ; не можетъ ходить ни на свадьбу ни на родины, если будетъ обличена въ безпорядкѣ и не оправдается.

Если мужъ имѣющій дѣшею сообщается съ другою женою, или жена съ другимъ мужемъ; то они подвергаются пому же наказанію. Цѣломудренная жизнь даетъ супругамъ права на всѣ почести. Лишеніе чести и стыда постигаетъ виновныхъ. Доколѣ сїи правила всѣми соблюдаются, дополѣ законодашель молчитъ; въ пропивномъ случаѣ онъ возвышаетъ голосъ закона.

Началомъ жизни для каждаго есть первый годъ; сей годъ записывается къ опечесшвенныхъ храмахъ равно со стороны мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ каждомъ колѣнѣ также на бѣлой стѣнѣ навивывается число архонтовъ въ порядкѣ лѣточисленія. По мѣрѣ какъ навиваются живые, мершвые спираются.

Время супружества для дѣвицы полагается отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ; для жениха отъ тридцати до тридцати пяти. Для полученія власти женщины назначаются сорокъ лѣтъ, мужчины тридцать. Для военной службы мужчинъ назначается время отъ двадцати до шестидесяти лѣтъ а для женщины, если необходимость сего попребуетъ отъ нихъ послѣ чадорожденія, кажется, можно положить срокъ до пятидесяти лѣтъ.

РАЗГОВОРЪ СЕДЬМЫЙ

о

ЗАКОНАХЪ.

Аѳ. Послѣ рожденія дѣшей какъ мужскаго, такъ и женскаго половъ, ближе всего намъ говоришь о пишаніи ихъ и ученіи. Не говоришь о семъ невозможно; говоришь, кажешься, болѣе принадлежащій наставленію и увѣщанію, нежели законамъ. Здѣсь многіе мало-важные, непримѣпные случаи производящъ по волѣ каждаго, по домашнему; здѣсь часто все зависящъ отъ огорченія, отъ удовольствія, отъ прихоти; многое дѣлается противъ совѣтовъ законодателя; отъ того нравы гражданъ бывающъ такъ различны и не сходны между собою; а это губительно для государствъ. Для укрощенія сихъ беспорядковъ издавашь законы не прилично и не безвредно. Пагубно для положительныхъ законовъ, если люди пресупающъ ихъ въ мало-важныхъ и часто встрѣчающихся случаяхъ. Вотъ предметъ, о которомъ и законъ издавашь и молчашь не возможно. При всемъ томъ я долженъ представить вамъ мой образъ мыслей, и обьяснить его примѣрами; ибо то, что я сказалъ, еще очень шемно.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Мы гдѣ-то весьма правильно замѣтили, что надлежащій образъ пишанія мо-

жесть содѣлашь шѣла и души равно прекрасными и совершенными.

Кл. Такъ.

Лѳ. Весьма еспешвенно кажешся мнѣ, что шѣла самыхъ младенцовъ будущъ прекрасны, если при самомъ рожденіи воспріяшы надлежащимъ образомъ.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Лѳ. Но не забудемъ, что первый ростъ всякаго живошнаго бываетъ чрезвычайно быспрѣ и силенъ, такъ что многіе спорящъ прошивъ того, будшо величина челоѳческаго шѣла опѣ пяши лѣшъ въ прочія двадцать прибавляешся въ двое.

Кл. Правильно.

Лѳ. Но не правда ли, что скорый и сильный ростъ, совершающійся безъ многихъ соразмѣрныхъ шрудовъ, производимъ въ шѣлахъ безчисленныя болѣзни?

Кл. Конечно.

Лѳ. Посему шогда - шо и нужно болѣе шрудовъ, шогда шѣло принимаешъ болѣе пишанія.

Кл. Но, почшенный, ужели новорожденнымъ и младенцамъ можно предписывашь шруды, и шруды великіе?

Лѳ. Ни какъ; но еще пишающимъ въ шробѣ машери.

Кл. Что говоришь шы, любезный? или хочешъ предписывашь самымъ зародышамъ?

Ае. Да; неудивительно, что вы не знакомы с гимнастикой их; хоть и странно, но я желал бы вам объяснить ее.

Кл. И очень странно.

Ае. У нас, где так много и почти слишком любящих игры, чаще нежели у других, можно видеть примеченья к сему. У нас не только дети, но и старые иногда выкармливают пшеницу и приучают их биться между собою; для сего не только назначают им соразмерные упражнения, но при этом взяв их под крылышки, маленьких в руках, а больших под мышкою носят по нескольку шагов не для здоровья собственного тела, но для укрепления пшеницы. Сими они доказывают человеку мыслящему, что все тело получают пользу от поспешности, от движения, двигаясь или сами собою, или на носилках, или в плавании, или на лошади, или посредством других тел движущихся, и что сие движение, помогая тщательности пищи и сна, может доставить нам здоровье, красоту и крепость. И если так, то после сего что осмелится нам думать? Хотите ли на свете предписать законам, чтобы беременная мать прогуливалась; чтобы рожденного устроила, доколе он гибок как воск, и до двух лет пеленала бы его? Станем ли под опасением казни принуждать кормилиц носить детей, доколе они не могут

спояшь на ногахъ, въ поле, или ко храмамъ, или къ роднымъ; но и тогда, поелику они еще слабы, изъ опасенія, чшобъ излишнимъ напряженіемъ не вывихнули себѣ какаго члена, носишь ихъ, доколѣ младенцу совершился три года? Чшобъ сіи кормилицы были здоровые и не по одной? и попомъ усшановимъ ли наказаніе для неисполняющихъ, или вовсе нѣшъ? Ибо весьма легко можешъ случишься шо, что я сказалъ.

Кл. Чшо шакое?

Аѳ. Чшо мы подвергнемся посмѣянію, пошому чшо женскіе и рабскіе умы кормилицъ не охотно склоняются на убѣжденіе.

Кл. Для чего жъ было и говоришь сіе?

Аѳ. Для шого, что умы господъ и свободныхъ виявъ сему, легко нападуть на прямую мысль, что безъ частнаго устройства въ народѣ, напрасно ожидашь прочноспи опъ законодательства въ общемъ. Вниая въ сіе, всякой самъ признаешъ необходимыми сіи пошановленія, и разумно пошупая по нимъ, можешъ устройшь и собшвенное свое благо и благо цѣлаго государства.

Кл. Ешо очень основательно:

Аѳ. И шакъ не прервемъ своей бесѣды, неизложивши напередъ всѣхъ попеченій, какихъ пребуютъ души самыхъ младенцовъ; снажемъ о семъ шакимъ же образомъ, какъ мы начали говоришь о шѣлахъ.

Кл. И весьма правильно.

Лѳ. Возмемъ за основаніе шу великую пользу какъ для шѣла, шакъ и для души, кошорую досшавляющъ младенцамъ нянчаніе и движеніе почши въ продолженіи всей ночи и днѣмъ; предсшавимъ, сколько полезно для всѣхъ, а болѣе для маленькихъ дѣшей, жишъ, сколько можно, будшо въ плаваніи. Первое пиппаніе младенцовъ должно бышъ почно шакково. Доказательствомъ сему служимъ и шо, чшо сами кормилицы, и занимающіеся лѣченіемъ бѣснующихся, изъ опыта признали дѣйствительность сего средшва; первыя, желая усыпимъ неугомонныхъ дѣшей, спарающа не успокоимъ ихъ, но дамъ имъ движеніе, качая въ своихъ объшяхъ; не шишиною усыпляющъ ихъ, но пѣсенками прибаюкивающимъ; вторые при лѣченіи изспушленныхъ упошребляющъ нѣкошорой родъ пляски и пѣніа.

Кл. Какая причина шакому дѣйствію?

Лѳ. Не шрудно понять.

Кл. Какимъ образомъ?

Лѳ. Состояніе младенцевъ и бѣснующихся ешъ дѣйствіе шраха, кошорой произшодимъ отъ душевной ихъ слабости. Если шшо подобнымъ спрасшямъ прошивополагашъ извнѣ равнотильное пошряшеніе: шо симъ внѣшнимъ прошиводѣйствіемъ преодлѣваешся внушри смушное и буйное волненіе, и шогда всѣ жестокіе порывы сердца успушпающъ мѣсто свѣшлой шишинѣ души.

Удивительное дѣйствіе! однихъ оно преклоняетъ ко сну; и бѣснующимся посредствомъ пляски и пѣнія при содѣйствіи Боговъ, милосливленныхъ жершвами, вмѣсто буйныхъ стремленій внушаетъ разумныя склонности. Кажется ешо очень ясно.

Кл. Совершенно.

Аѳ. Если шакова сила движенія; по должно предположишь , что всякая душа, опъ юности подверженная страху, въ продолженіи жизни болѣе и болѣе привыкаетъ бояться. Но такимъ образомъ , можно сказать, мы научаемся скорѣ робости, нежели мужеству.

Кл. Безспорно.

Аѳ. Упражненіе мужества напротивъ соспоишь въ помъ, чтобы опъ самой юности побждашь вспрѣчающіяся намъ опасности и страхъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Ишакъ можно сказать, что обращеніе дѣшей въ шѣлдвиженіяхъ имѣетъ великое вліяніе на силы душевныя.

Кл. Испинно.

Аѳ. И что тихое или смущное расположеніе души ихъ показываетъ или слабость ея, или великую швердосшь.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Скажемъ, какимъ образомъ можно произвести въ новорожденномъ по возможности шо или другое расположеніе ?

Кл. Я радъ слушать.

Аѳ. Я положу за основаніе, что роскошь, или извѣженное воспішаніе пригошовляющъ въ юношахъ нравы грубые, раздражительныя и ошъ маловажныхъ вещей въ безпокойство приходящіе; проповное же сему, по ешь чрезмѣрное, жестокое поработеніе дѣлаешъ ихъ низкими, принужденными, чело-вѣконенависными и несносными въ общежитіи.

Кл. Какимъ же образомъ цѣлый городъ долженъ воспішывашъ шѣхъ, кои еще не имѣющъ голоса и не способны принимаешъ никакого ученія.

Аѳ. Все рождающееся при самомъ рожденіи обыкновенно производитъ крикъ; чело-вѣческой родъ пакже; и сверхъ того онъ проливаетъ слезы.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Ишакъ кормилицы внимательныя ко всѣмъ желаніямъ ихъ, посему угадываютъ, что нужно подаешъ имъ. Именно если онъ подающъ что либо, и дѣши замолчишъ, тогда онъ увѣрены, что сіе подаешъ надлежало. Дѣши обнаруживаютъ крикомъ и слезами, что они любяшъ, и чего не любяшъ; но шакой языкъ ешь худой признакъ. Три года жизни проведенные хорошо или худо дѣлаютъ великой перевѣсъ.

Аѳ. Не правда ли, что ребенокъ неутомный, сердитый чаще плачетъ и кричитъ, нежели сколько прилично добродушному.

Кл. Кажешся пакъ.

Аѳ. Но если кто въ продолженіи прехлѣшя всѣми способами по возможности спрашается, какъ можно, рѣже допускашь своего пипомца до болѣзни, спрахъ и печали, по не должно ли согласишься, что такимъ образомъ онъ содѣлаетъ сердце его благодушнымъ и крошкимъ.

Кл. Сіе ясно, почтенный иноземецъ, особенно если будешь доспавляшь ему всѣ забавы.

Аѳ. Въ епомъ я не согласенъ съ побою, почтеннѣйшій. По моему мнѣнію, сіе обыкновеніе угождашь вкусу дѣшей естъ величайшая для нихъ гибель; ибо она происходитъ въ началъ воспитанія. Разсмопримъ, справедливо ли я говорю сіе?

Кл. Послушаемъ, что ты скажешь.

Аѳ. Рѣчь шеперь у насъ идетъ о предметѣ не маловажномъ. Разсуди между нами, Мегилъ. Я говорю, что для прямой жизни не должно ни гоняшься за удовольствіями, ни убѣгать совершенно огорченій, но любишь средину, которую мы прежде назвали веселонаравіемъ. Сіе расположеніе души по изрѣченію оракула принадлежитъ только богамъ; и кто изъ насъ хочетъ быть богоподобнымъ, шотъ долженъ приближаться къ сему божественному свойству, не спремишься къ одиѣмъ удовольствіямъ, будшо никогда не вспрѣшимся съ горесшями, и не шерпѣшь сего во всякомъ другомъ, въ старомъ

или юномъ, въ мушинѣ или женщинѣ, а менѣе всего въ новорожденномъ; ибо всякая склонность тогда приобрѣтенная по привычкѣ оспаешся господствующею. Еслибъ не почли шушкою, то я сказалъ бы, что матери носящія во чревѣ болѣе всѣхъ должны беречься въ епотѣ годѣ предаваться излишнимъ, необузданнымъ удовольствіямъ, или убивать себя огорченіями; но соблюдать во все епо время веселонравіе, благодушіе и кропость.

Кл. Не нужно тебѣ спрашивать у Мегилла, кто изъ насъ сказалъ справедливѣе; я самъ согласенъ съ тобою, что должно убѣгать жизни, сопровождаемой неумѣренными удовольствіями или излишнею горестію, но должно избирать всегда среднюю, слѣдовательно ты сказалъ прекраено и доволенъ моимъ мнѣніемъ.

Аѳ. Епо хорошо, Клиній; теперь разсмотримъ и сіе.

Кл. Что такое?

Аѳ. Все епо, о чемъ мы теперь бесѣдовали, называется законами неписанными, кои состоятъ въ опечесшвенныхъ обычаяхъ и преданіяхъ; въ предвидущемъ нашемъ словѣ мы правильно сказали, что ихъ не лзя ни законами называть, ни опавить въ молчаніи. Они суть связь всего государспвеннаго успроенія, и средина между законами изданными, и шѣми, копорые еще изданы будущѣ.

Если въ обычаяхъ народа швердо сохраняющяся сіи просшыя нравшвенныя преданія опцовъ и спарины, шо ими поддершнвающяся и сохраняющяся всѣ положишельныя поспановленія. Но при порчѣ обычаевъ все приходитъ въ замѣшательство: такъ у домоспрошпелей если обрушитъя главное основаніе, шо оно увлекаетъ за собою и прочія частш; все падаетъ въ одну громаду; вслѣдъ за паденіемъ вешхаго въ развалинахъ лежитъ и шо, что было послѣ надспроено. Разсмащривая сіе, мы должны ушвердитъ со всѣхъ споронъ свое новое государштво, не опуская по возможности ничего ни великаго, ни малаго, что касаетъя до законовъ, обычаевъ или поспановленій. Все ешо шѣсно связано между собою, и одно безъ другаго не прочно. Неудивительно, если нашъ планъ законодашельства, не чувшвилательно просшираясь на множество случаевъ, дѣлаетъя болѣе и болѣе обширнымъ.

Кл. Очень правильно шы говоритъ; мы посшараемъ вникнуть въ швой образъ мыслей.

Ае. Если строго соблюдающяся сіи правила въ опношеніи къ дѣтямъ обоого пола, доколѣ имъ совершитъя при года; если не будетъ оставленъ въ пренебреженіи ни одинъ изъ данныхъ совѣшовъ: шо не маловажную пользу отъ нихъ получатъ маленькіе шшпомцы.

Всякой возрастъ прехлѣшній, чепыре-
 хлѣшній, пяши, шестилѣшній имѣеѡ свои
 забавы. Уже съ сего времени должно оп-
 учашь ихъ отъ нѣги, исправляшъ, но безъ
 наказанія, чѡобы оно, какъ сказали мы о
 рабахъ, не произвело въ нихъ ожесточе-
 нія. Но съ другой стороны, чѡобъ отъ сей
 ненаказанности они не содѣлались свое-
 вольными; еспъ наказанія приличныя сво-
 боднымъ. Между дѣшми игры родяшся сами
 собою; сошедшисъ вмѣстѣ, они сами нахо-
 дяшъ себѣ свои забавы. Всѣ дѣши отъ прехѣ
 до шести лѣшъ собирающся въ мѣстныхъ
 храмахъ, каждой въ храмъ своего селенія.
 Кормилицы спарающся содержашъ уже ша-
 ковыхъ въ благоприличіи, и опвращашъ ихъ
 отъ всякой дерзости; надъ самими же корми-
 лицами и надъ дѣлымъ собраніемъ дѣшей по-
 ставляется одна изъ двѣнадцати женщинъ.
 Каждая въ своемъ округѣ, въ печеніи года,
 исполняеѡ все, чѡо предписывающъ зако-
 ноблюстителю. Избирающъ же ихъ женщи-
 ны, имѣющія смолѣніе за браками, по одной
 въ каждомъ колѣнѣ и одинакихъ лѣшъ съ
 собою. Избранная начальница ежедневно
 приходитъ въ храмъ, и сама съ помощію
 нѣшпорыхъ градскихъ служителей наказы-
 ваеѡ за всѣ безпорядки раба и рабыню,
 чужестранца и чужестранку; гражданина,
 прошивящагося наказанію, приводитъ къ
 градоначальникамъ; а не прошивящагося са-

ма наказываеѣтъ Послѣ шести лѣтъ оба пола разлучаюѣтся. Мальчики занимаюѣтся съ мальчиками, а дѣвочки съ дѣвочками: первые учатся конскому рысѣпанію, спрѣлянію изъ лука; бросанію копій и камней пращами; не воспротиваяся, по хорошо пріучаѣтъ къ сему и дѣвочекъ хотя для одного упражненія. Нынѣ при воспитаніи еѣтъ великой предрасудокъ, на копорой никшо не обратилъ вниманія.

Кл. Какой?

Аѣ. Чѣто правая и лѣвая рука имѣюѣтъ споль различныя свойсѣва во всякой ручной работѣ, между пѣмъ какъ мы не примѣчаемъ сего различія въ дѣйсѣвіяхъ ногъ и другихъ членовъ. Только руки наши по невѣжеству кормилицъ и машерей оспаюѣтся не равными. Свойсѣво того и другаго члена равносильно; но мы сами навькомъ и ненадлежащимъ употребленіемъ дѣлаемъ ихъ различными. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сіе различіе не важно; все равно, держашъ ли лиру правою рукою, а смьчекъ лѣвою или наоборотъ. Но слѣдуя симъ примѣрамъ почти безумно было бы сказать сіе и о другихъ случаяхъ. Противъ сего говорятъ обычай Скиѣовъ, копорые носятъ лукъ не въ одной лѣвой рукѣ, и не одною правою накладываюѣтъ спрѣлы, но равно обѣ руки употребляютъ какъ для одного такъ и для другаго дѣйсѣвія. Еѣтъ и другіе случаи на примѣръ управление вождей и шому подобное,

кои доказываютъ, что мы поступаемъ противъ природы, дѣлая лѣвую руку слабѣ правой. Въ самомъ дѣлѣ сіе неважно, касательно смычка и другихъ подобныхъ орудій. Но иное дѣло, когда на войнѣ должно дѣйствоватьъ мечемъ, лукомъ, копьемъ и прочими оружіями, особливо если надобно дѣйствоватьъ оружіемъ противъ оружія. Здѣсь много опличаешь ученый опъ неученаго, и упражнявшійся опъ неупражнявшася. Кто совершенно научился аплешическимъ играмъ, кулачному бою или борьбѣ; тотъ умѣетъ дѣйствоватьъ и лѣвою рукою, не ослабнетъ, не придетъ въ замѣшательство, если противникъ заставитъ его дѣйствоватьъ на обѣ стороны. Кажется, рѣшительно можно предположить относительно оружія, и въ другихъ случаяхъ, что владѣющій двумя орудіями, оборонительнымъ и наступательнымъ, ни одного изъ нихъ не долженъ оставлять празднымъ. Еслибъ родился человекъ, подобный Геріону или Бриарею, то онъ изъ спа рукъ долженъ пускать сто стрѣлъ. Обо всемъ этомъ должны имѣть попеченіе начальники и начальницы; одни надзираютъ за играми, воспитаніемъ, другія за самыми шѣлесными упражненіями ихъ, чтобъ они сохраняли ровную силу въ обѣихъ рукахъ и ногахъ, и худшими привычками не вредили своей природѣ.

Упражненія юношей, суть двоякаго рода:

однѣ относящся къ шѣлу, и соспавляютъ гимнастику; другія производятъ благодушїе, и называются музыкою. Гимнастика имѣетъ двѣ часпи, пляску и борьбу. Одинъ родъ пляски съ важностїю и свободою выражаетъ слова музъ; другой служитъ для спройности, легкости и красоты всѣхъ членовъ и часпей шѣла, научаетъ прелестно проспирать и сжимать ихъ, каждому движенїю даетъ правильное паденїе и всѣ пляски сопровождаетъ живостїю. Чшо касаеться до борьбы, въ кошорой Аншїй изъ пустаго щеславїя показывалъ искусство свое, и до кулачнаго боя, въ коемъ опличались Епей и Амикъ, какъ бесполезные для войны, они не заслуживаютъ шого, чшобы говорить о нихъ. Наспоящая борьба развивая шею, руки и бока, совершаемая съ напряженїемъ и упорствомъ, придаетъ благовидностъ, и служитъ къ умноженїю силъ и здоровья. Не оставимъ безъ вниманїя споль полезнаго упражненїя, но закономъ предпштемъ, какъ ученикамъ, такъ и учащимъ, чшобъ одни охотно сообщали въ немъ уроки свои, а другїе принимали ихъ съ благодарностїю. Не забудемъ раздражательныхъ плясокъ, въ кошорыхъ рисуются разные положенїя. Тановы вооруженныя пляски Куреповъ, и у Лакедемонянъ пляска Наспора и Поллукса. У насъ Аеина ими увеселяетъся и любитъ, чшобы для ней плясали не съ пущыми руками, но во всеору-

женіи. Юноши и дѣвы такимъ образомъ воздають почтеніе сей богинѣ какъ для воинственнаго навыка, такъ и для шоржеспвенности празднества. Юноши, доколѣ еще не ходящъ на войну, съ оружіемъ и на коняхъ должны сопровождать всѣ шоржеспвенныя ходы ко храмамъ и жершвенникамъ Боговъ, и во время шествія совершаютъ всѣ скорыя и медленныя служенія какъ Богамъ, такъ чадамъ ихъ и героямъ. Они должны начинатьъ сраженія и предварительныя игры, которыя мы открывающа пражднества. Сіи невинныя игры полезны равно во время мира и войны, въ общеспвенномъ и въ семейспвенномъ кругѣ. Прочія игры, упражненія пѣлесныя и шруды неприличны людямъ свободнымъ.

Итакъ я почти все сказалъ о гимнастикѣ; что обѣщавъ сказать о ней въ предвѣдущемъ словѣ; въ епомѣ она вся заключаешся. Еслижь вы знаете что нибудь лучше, то сообщите.

Кл. Не легко, почтеннѣйшій, сказать о гимнастикѣ и соспязаніяхъ что нибудь лучше того, что мы слышали.

Аѳ. Оспашешся сказать о дарахъ Музъ и Аполлона; мы думали, что о нихъ уже все сказано и оспавалось говорить только о гимнастикѣ; между тѣмъ опуспили иѣчто, о чемъ тогда надлежало бы упомянуть. Но скажемъ шеперь.

Кл. Говори.

Аѳ. Слушайте; вы уже слышали начало. Но когда рѣчь идетъ о чемъ либо необычайномъ и противномъ общему мнѣнію, то говорящій и слушающій должны быть внимательнѣе. Такъ и теперь. Я не безъ страха рѣшаюсь открытъ вамъ свою мысль; но рѣшусь смѣло.

Кл. Что за мысль, почтенный иноземецъ?

Аѳ. Я говорю, что ни въ какомъ государствѣ не обращаютъ вниманія на то вліяніе, какое имѣютъ игры на прочность или непрочность законовъ. Если есть швердья правила въ играхъ; если дѣлши всегда и вездѣ навикаютъ играть однимъ поспояннымъ образомъ и увеселяются одними забавами: тогда и важныя поспановленія оспаютъся незыблемыми. Но если игры по прихоти оспавляются, вновь вводятся, измѣняются; если юноши ни въ наружности своей никогда одного и того же сряду два раза не назовутъ пріятнымъ, ни въ другихъ случаяхъ никогда не согласятся, что приличіе и неприличіе не переменяются; если оплично уважаютъ того, кто безпрестанно вводитъ новизны, измѣняетъ все обычное въ образѣ, въ цвѣтѣ и шому подобномъ; то справедливо можно назвать заразою сіе непоспоянство: ибо вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются нравы юношества; старое у нихъ дѣлается презрѣннымъ, а новое уважается. Еще повпорю, губельно для государства шакое измѣненіе въ

образъ мыслей и въ языкѣ. Выслушайте, какъ велико сіе зло по моему мнѣнію.

Кл. Ты говоришь о шомъ злѣ, когда спарое приходишь въ презрѣніе въ государствѣ?

Аѳ. Именно о немъ.

Кл. Для ешаго слова пы найдешь въ насъ слушателей нехолодныхъ, но самыхъ внимательныхъ.

Аѳ. Оно споишь сего.

Кл. Такъ говори.

Аѳ. Ипакъ ободримся и скажемъ, что перебна всякой вещи, кромъ зла, бываетъ вредна, какъ по перебна въ порѣ и времени, въ воздухѣ, въ пищѣ, въ образѣ мыслей; вредна не въ шомъ или другомъ опношеніи, но вообще, кромъ зла, какъ я сказалъ. Разсмапривая шѣло, мы видимъ, что оно прывкаешъ ко всякой пищѣ, ко всякому пишью и ко всякимъ прудамъ; сначала оно приходишь опъ нихъ въ разспройшво, но мало по малу получаетъ къ сему привычку, знакомишся, сближаетъ, дружишся съ новымъ образомъ жизни, и пошомъ получаетъ свою веселоспъ и здоровье. Принужденное снова оспавишь знакомый образъ жизни, оно снова возмущаетъ болѣзнями, и едва обмогаетъ вмѣстѣ съ приеъчкою къ новому. То же наддежишь предполагашъ въ образѣ мыслей и въ расположеніяхъ души. Воспианные въ накихъ либо законахъ, и по промыслу божесп-

венному долгое время пребывши въ нихъ швердыми и неизмѣнными, пакъ чшо мы не слышали, и на мысль намъ никогда не приходило, будшо можешъ бышь иначе, жежели какъ у насъ водилъся, мы боимся, совѣспимся измѣнишь чшо либо изъ установленнаго порядка.

Законодатель долженъ подумашъ, ошколѣ можно ввести сей духъ въ свое государштво. Ошсѣлѣ, какъ я думаю, онъ производишь. Всѣ воображающъ, чшо измѣняющіяся игры юношесшва, какъ мы уже сказали, супъ шѣже игры, и чшо ошъ нихъ нѣшъ никакихъ важныхъ послѣдствій и никакого вреда; не полько не ошвращающъ ошъ сего дѣшею своихъ, но сами участвуюшъ въ дѣшскихъ зашѣяхъ, и не разсуждающъ, чшо сш дѣши, любштели новшзны въ играхъ, по необходимости будущъ мужами непохожими на шѣхъ, какими дѣлались юноши ихъ предшесшвеники. Измѣнившись, они будущъ искашъ другаго образа жизни; ища другаго образа жизни, пожелающъ перемѣны въ обычаяхъ и законахъ, и шогда насшашъ гибильнѣйшее время для государштва: никшо не боимся законовъ. Маловажныя перемѣны въ наружномъ видѣ конечно еще не причиняющъ великаго вреда, но важныя измѣненія, коимъ часшо подвергаешся духъ времени, въ похвалѣ и порицаніи нравшвенности, кажешся, досшойны шого, чшо бы объ нихъ подумашъ.

Кл. Неиначе.

Ае. Не должны ли мы вбришь прежнимб словамб своимб, когда сказали, чпо приемосъ и всякая музыка сушь подражаніе нравамб или лучшихб или худшихб людей.

Кл. Наше мнѣніе о семб никогда не измѣнялось.

Ае. Ишакб должно упошребить всѣ средсва, чшобб наши дѣши не привязывались къ новымб подражаніямб въ пляскѣ или музыкѣ, чшобб никпо не обольщали ихб удовольствіями.

Кл. Справедливо ты говоришь.

Ае. Можешб ли кпо изб насб предспавить для сего другой способб лучше шого, который былб у Египціанб?

Кл. Какой способб?

Ае. Унихб всякая пляска, всякая пѣснь дѣлаешся священною. Для сего они напередб усшановляюшб празднесва, разчисляя на цѣлый годб, какія, въ какое время, въ честь какихб Боговб или чадб ихб и геніевб должны совершашься; попомб назначаюшб, какую пѣснь должно воспѣвать при каждомб жершвенникѣ, и какими плясками сопровождаютъ жершвоприношенія. Успавивб сіе, всѣ граждане совокупно совершаюшб жершвы и возліанія паркамб и всѣмб прочимб Богамб, и освѣщаюшб каждую пѣснь каждому Богу. Еслижъ кпо, вопреки сему посшановленію, вводитъ какому либо Богу новый гимнб, или новую пляску: шо жрецы и жрицы сб помощію

законоблюстительей воспрещаютъ ему властїю закона и властїю священною. Ибо самъ добровольно не оставяетъ своего пресупнаго намѣренїя, пошъ во всю жизнь свою осужденъ перїтъ опъ всякаго желающаго наказанїе за свое нечесїе.

Кл. И праведно.

Лѳ. Когда наша рѣчь коснулась сего предмета, то разсмотримъ, что и намъ самимъ прилично дѣлать.

Кл. О чемъ говоришь ты?

Лѳ. Всякой молодой человекъ, не только спарикъ, увидѣвъ или услышавъ что либо нехорошее, спранный, не вдругъ спремѣтся къ предмету своего недоумѣнїя, но напередъ разсмаприваетъ его; шакъ путешественникъ, спстановясь на распушїи и незнаю прямой дороги, совѣтуется самъ съ собою, если идешь одинъ, спрашиваетъ у другихъ, если кого встрѣшишь и не прежде продолжаетъ свой путь, какъ увѣрившись, куда онъ ведетъ его. И намъ надлежитъ поступить шакже. Когда повстрѣчалось шполь спранный слово о законахъ, то необходимо спрогое разсмотрѣнїе. Мы спарые люди не легко можемъ изрѣкать и опромешчиво предлагать свое мнѣнїе какъ истинное.

Кл. Весьма справедливо ты говоришь.

Лѳ. И шакъ разсмотримъ сіе на досугъ, и по доспапочному разсмотрѣнїю ушвердимъ какъ истину. Между шѣмъ, чтобъ напрасно не прерываешь нишъ законовъ, будемъ слѣдо-

вашь за нею до самаго окончанія. Богъ дастъ, при концѣ ея совершенно обяснитъся и шеперешнее наше сомнѣнїе.

Кл. Прекрасно, почтенный иноземець, говоришь ты; шакъ и сдѣлаемъ, какъ ты сказалъ.

Лѳ. Какъ бы спранно ни казалось, но мы полагаемъ, что пѣсни у насъ будутъ законами. Мы знаемъ, что и древнїе называли пѣмъ же именемъ игру на лирѣ. Они шакже не опказались бы отъ нашихъ словъ; и шотъ, кто первый далъ сіе названїе, кажешся, во снѣ или на яву видѣлъ испинну того, что мы сказали. Правило для сего можешъ бышь слѣдующее: вопрени народнымъ и священнымъ пѣснямъ, вопрени усшановленнымъ пляскамъ юныхъ людей никто да не дерзаетъ ни пѣшь, ни въ хоровахъ плясать. Покорный свободенъ отъ наказанія; а непокорнаго, какъ уже сказано, накажутъ законоблюспишели, жрецы и жрицы. Такое посшановленїе осшанешся въ насшоящемъ нашемъ словѣ.

Кл. Пущь осшанешся.

Лѳ. Но узаконяющій сіе, не подвергнешся ли посмѣянїю? Посмошримъ, не безопаснѣ ли предшавишь гражданамъ сію испину въ какомъ либо ощушительномъ подобїи? вотъ оно! Если при жершвопрїношенїи, когда по закону воскурятся жершвы, вдругъ сынъ или братъ молящася, предшавъ

предѣ жершвенникѣ, изрѣчешѣ всѣ хулы, по богохульникѣ сей не изрѣчешѣ ли своему родишелю или кровнымѣ огорченія и худаго предзнаменованія?

Кл. Конечно.

Аѳ. И между шѣмѣ ешо дѣлаюшѣ почши во всѣхѣ городахѣ Греціи. Когда правительствво усановляешѣ общеспвенныя жершвоприношенія: шо приходилѣ не одинѣ хорѣ, но многіе; спавѣ вдали, а иногда у самыхѣ жершвенниковѣ, они изливаюшѣ на жершвы хуленія; распрогиваюшѣ сердца слушающихѣ плачевными звуками, словами и гармонією; даже получаешѣ побѣдную почешѣ шопѣ, яшо скорѣе и сильнѣе заспавилѣ плаканѣ жершвоприносящій городѣ. Если необходимо иногда предавашѣся шакому плачу вѣ нѣшошорые нечиспные, злощаспные дни, шо не лучше ли нанимашѣ чужеспранные хоры? Не приличнѣ ли вѣ сихѣ пѣснопѣнїяхѣ дѣлашѣ шо, чшо дѣлаешѣя при похоронахѣ, ма коихѣ нанашые пѣвцы сопровождаяшѣ умершаго Карійскою музыкою? Не вѣнки, не злешыя украшенія приличны симѣ плачевнымѣ пѣснямѣ, но длинная спола, однимѣ словомѣ, чшобѣ не распложашѣ своей рѣчи о семѣ предметѣ, все пропивное. Еще спрощу васѣ опносптельно пѣснопѣнїй, не должно ли бышѣ первымѣ правиломѣ?

Кл. Чшо?

Аѳ. Благословіе; чшобѣ у насѣ были

полько благословящія пѣсни. Или, не вопрошая васъ, положишь сіе закономъ?

Кл. Положи безъ всякаго сомнѣнія. Сей законъ ушверждается общимъ голосомъ.

Ае. Послѣ благословія какой законъ вшорой въ музыкѣ? не молишвы ли Богамъ, коимъ мы жершвуемъ?

Кл. Положимъ пакъ.

Ае. Третьимъ закономъ должно бытъ, чшобъ поешы, зная, чшо молишвы супъ прошенія къ Богамъ, обращали все свое вниманіе къ шому, дабы не просишь зла вмѣсто добра. Смѣшныя сѣдшвія, кажешся, произошли бы отъ шакой молишвы.

Кл. Конечно.

Ае. Мы недавно согласились, чшо богашшво государшва не состоишъ ни въ сребрѣ, ни въ золотѣ.

Кл. Совершенно согласились.

Ае. Но въ доказашельшво чего мы привели сіе слово? не шого ли, чшо поешы не способны знашь, чшо добро, чшо зло? Они, допущивъ сіе заблужденіе въ словѣ или въ пѣсняхъ, заспавяшъ согражданъ приносишь недолжныя молишвы о важнѣйшихъ предметахъ. Немногія заблужденія мы найдемъ гибельнѣе ешаго. Положимъ ли мы основаніемъ и закономъ музъ сѣдующее?

Кл. Чшо? скажи яснѣе.

Ае. Чшобъ поешъ ничего не шворилъ прошивъ признаннаго отъ самага правишельшва

законнымъ , справедливымъ , прекраснымъ и добрымъ; чшобъ онъ непоказывалъ никому изъ чашпныхъ людей своего шворенія , доколъ оно не предшавлено избраннымъ для сего судьямъ и законоблюшптелямъ и не одобрено ими. Уже показано, чшо сїи судьи сушь распорядились музыки и попечили воспитанія. Чшоже? приняшь ли и ешо въ законъ, въ образецъ и въ число двухъ первыхъ формулъ? или нѣшъ.

Кл. Должно приняшь.

Аѳ. Послѣ шого весьма справедливо вмѣстѣ съ молишвами воспѣшь гимны въ похвалу Богамъ, а послѣ Боговъ похвальныя пѣсни геніямъ и героямъ, какія каждому изъ нихъ приличны.

Кл. Почему не шавъ?

Аѳ. За шѣмъ уже безъ прекословія, кажешся , слѣдуешъ законъ воздавать должную похвалу шѣмъ, изъ окончавшихъ жизнь свою гражданъ, нои совершили подвиги доблесшныя, многшрудные и всегда были покорны законамъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Не безопасно чешпшть кого либо пѣснями и похвальными словами при жизни его, доколъ онъ не запечашлѣшъ ее доблесшнымъ концомъ. Сїи почешпи принадлежашъ равно и доблесшнымъ мужамъ и доблесшнымъ женамъ, опшичившимся похвальными дѣлами.

Пѣсни и пляски надлежитъ успановлять такимъ образомъ: естъ многія прекрасныя древнія шворенія какъ въ музыкѣ, такъ и въ пляскѣ. Изъ нихъ приличныя и съ цѣлю своею сообразныя смѣло можеть избрать для себя успановляемое государство. Судьи, назначаемые для сего выбора, должны бытъ не моложе пятидесяти лѣтъ. Хорошее въ древнихъ они одобряютъ; недоспапочное, или совсѣмъ несообразное или опмѣшаютъ, или пересмаприваютъ, исправляютъ, приводятъ въ приличную мѣру, употребивъ на сіе мужей пипическихъ, музыкальныхъ; впрочемъ, пользуясь ихъ шаланшами, опвергнутъ внушенія ихъ вкуса прихотливаго, сладоспраспнаго, исключая весьма рѣдкіе случаи, и обьяснятъ имъ намѣреніе законодателя, съ копорымъ они должны сообразоваться въ сочиненіи плясокъ и пѣсенъ, и всего, что касается до хороводовъ.

Всякое правильное произведеніе музы безъ примѣси сладоспраспнаго, изнѣженнаго въ штысячи разъ лучше. Пріятность естъ принадлежность общая всѣмъ родамъ поезіи. Но кто опъ нѣжныхъ лѣтъ до зрѣлаго и разсудительнаго возраста воспитался въ одномъ родѣ поезіи, исполненной мудрости и гармоніи, шопъ не прельщися, слушая прошивной родъ ея, и называетъ его несвободнымъ; воспитанный же въ легкой, сладоспраспной, изнѣженной поезіи всякую другую называетъ холодною, неприятною.

ною; такимъ образомъ, какъ уже сказано, въ самой пріятности или непріятности шой и другой поезіи нѣтъ никакого различія. Но первая муза имѣетъ по преимуществу, что дѣлаетъ пшомцевъ своихъ лучшими, а послѣдняя обыкновенно развращаетъ ихъ.

Кл. Хорошо ты это сказалъ.

Аѳ. Еще надлежитъ опдѣлить какимъ нибудь характеромъ пѣсни приличныя мужамъ и прекрасному полу; надлежитъ дать имъ собственную гармонію и мѣру: ибо спрашно было бы не соблюдать никакого приличія ни въ мѣрѣ, ни въ гармоніи, но безъ разбора упопреляя ихъ во всякихъ пѣсняхъ. Необходимо и здѣсь поспановишь извѣстныя правила, и каждому роду опдашь свое собственное выраженіе сообразно съ пѣмъ, какъ сама природа выражаетъ женшвенность и мужество. Все величественное, возбуждающее чувствованія доблести соспавляетъ характеръ мужественный; все тихое, скромное и въ бесѣдѣ и въ пѣсни есть принадлежность женшвенности. Таковъ разпорядокъ пѣсенъ.

За симъ скажемъ о изученіи ихъ и преподаваніи, какимъ образомъ, ипо и когда долженъ занимашся каждымъ родомъ. Какъ зодчій приспужая къ спроенію карабля, начершываетъ для себя разныя формы его: такъ сдѣлаю и я; опредѣляя образы жизни по разнымъ расположеніямъ души, я начер-

паю плавъ и разсмопру, какимъ способомъ и съ какими нравами мы должны устроити свою жизнь въ плаваніи свѣща. Дѣла человѣческія конечно не доспойны великихъ заботъ; однакожъ нельзя и не позаботишься; сіе по и прискорбно; шакъ какъ начало уже сдѣлано, мы почтемъ себя щасливими, если какимъ либо приличнымъ образомъ приведемъ его въ концу. Но что чрезъ сіе хочу я сказати? справедливо кпо нибудь спроситъ меня.

Кл. И правда.

Лѳ. Я говорю, что о важномъ дѣлѣ должно заботишься, о неважномъ не должно. Одинъ Богъ по природѣ своей доспойнъ всей нашей привязанности, привязанности блаженнѣйшей. Человѣкъ же, какъ мы и прежде сказали, созворенъ Богомъ быть игрушкою его. Дѣйствительно сіе - по и прекрасно для него, что онъ созворенъ шакимъ. По сей причинѣ надлежитъ всякому мужу и всякой женѣ провождати свою жизнь въ благороднѣйшихъ играхъ, не шакъ какъ мы шеперь думаемъ.

Кл. Какимъ образомъ?

Лѳ. Нынѣ думають, что должно заниматься дѣлами важными, чтобы присупити помощь въ неважнымъ; посшавляютъ всю важность въ войнѣ, для пріобрѣшенія мира. Но война никогда не была, не ешть и небудеть для насъ ни игрою, ни воспиша-

ніемъ. Мы важнѣйшимъ поспавляемъ то, чшобъ каждый въ мирное время могъ житьъ полюбѣ и добродѣшельнѣ.

Накія правила должно соблюдатьъ въ игрѣ; какія игры приличны при жершвоприношеніи; какими пѣснями и плясками умилоспивляшь Боговъ на поражение врага и на побѣжденіе борющемуся; чшо должно бышь содержаніемъ сихъ пѣсенъ и плясокъ; для сего всѣ образцы приведены и показаны лучшіе способы. Впрочемъ должно признашья, чшо и поетъ сказаль прекрасно: Телемакъ, иное пы самъ въ своемъ умѣ умыслишь, другое внушишь тебѣ Богъ; ибо я увѣренъ, чшо пы не безъ воли Боговъ родился и воспіашася. Сообразуясь съ симъ и наши воспіашатели должны бышь увѣрены, чшо иное уже довольно ясно сказано, а другое внушашъ имъ Богъ и геній, какими жершвоприношеніями и хороводами умилоспивляя каждаго Бога, они могушь препровождашъ жизнь соопвѣшпвующую своей природѣ — какъ призраки спранные и нѣсколькo причаспные испины.

Ме. Ты у насъ совершенно унижаешь родъ челоѳческій.

Ае. Не удивляйся ешому, Мегиллъ, но извини меня. Взирая на Бога и въ уничиженіи предѣ ними я сказаль, чшо сказаль шеперь. Я не хочу унижашъ челоѳческаго рода; если пы хочешь, пущь онъ оспаешся предме-

шомъ важнымъ и достойнымъ всего вниманія.

Мы уже говорили объ училищахъ общественныхъ и гимназіяхъ, что онѣ спрѣялись въ прехъ мѣстахъ среди самаго города. Въ города около стѣны располагаются зданія для коннаго ученія, также площади для спрѣянія изъ лука и бросанія другихъ оружій; площади, на копорыхъ юноши моглибъ соединять ученіе въ самымъ упражненіемъ. Что прежде сказано недоспаочно, то теперь дополнись въ самомъ законѣ. Во всѣхъ училищахъ для каждаго предмета будущъ иноспранные учители, коихъ мы привлечемъ къ себѣ посредствомъ великаго награжденія и заспавимъ ихъ учить приходящихъ всему, опносящемся къ войнѣ и музыкѣ. Не въ волѣ родителя соспѣишь посылать къ симъ учителямъ своихъ дѣтей или освобождать ихъ опъ ученія. Нѣшъ, всякой мужъ, и всякой юноша должны учиться по необходимости; ибо они принадлежатъ болѣ опечеству нежели родителямъ. Нашъ законъ долженъ бы предписать однѣ упражненія для женщинъ и для мужчинъ. Я не боюсь возраженія, что рыпаніе и гимнастика приличны мужчинамъ, а не женщинамъ. Меня убѣждаютъ въ прошивномъ примѣры древней исторіи; знаю и нынѣ безчисленные тысячъ женщинъ около Понпа, въ спранѣ Савромашовъ, кои на ров-

нѣ сѣ мущинами упражняюща не шолько въ рыспаніи, но спрѣляющѣ изв лука и владѣющѣ прочими оружіями. Изв сего заключаю, чшо, если гдѣ нибудь епо возможно, шо у насѣ дѣлаешся со всѣмѣ прошивѣ здраваго разсудна, чшо женщины упражняюща не одинакимѣ образомѣ и не сѣ пѣмѣ же напряженіемѣ, какѣ и мущины. Отп сего всякое государшво при одинакихѣ налогахѣ и шрудахѣ, бываешѣ въ половину не шо, чѣмѣ бы оно бышѣ могло, и епо служишѣ величайшею укоризною законодашелю.

Кл. Кажешся шакѣ. Но большая часпѣ швоихѣ посшановленій прошиворѣчишѣуспройшпву нынѣшнихѣ государшвѣ.

Аѣ. Но я сказалѣ, чшо напередѣ надобно дашѣ окончишѣся рѣчи, и попомѣ избирашѣ, чшо покажешся лучше.

Кл. Весьма у мѣсца пы сказалѣ сіе и почпи заспавилѣменя спыдишѣся моихѣ словѣ; продолжай, какѣ шебѣ угодно.

Аѣ. Я продолжаю, о чемѣ и прежде говорилѣ;—еслибѣ самый опышѣ не доказывалѣ возможности сихѣ общихѣ упражненій, шогда моглибѣ прошиворѣчишѣ мнѣ. Но шеперь не принимающіе сего закона должны искашѣ другой ошговорки. Нашѣ совѣшѣ отп ешаго не перемѣнишся, и я не преспшану говоришѣ, чшо ученіе и въ прочихѣ предметахѣ должно бышѣ обшчимѣ какѣ для мальчиковѣ, шакѣ и для дѣвочекѣ. По крайней мѣрѣ не

льзя не думашь шакъ. Но поелику шеперь женщины не раздѣляютъ всей жизни народовъ съ мужчинами, шо не нужно ли сдѣлать для нихъ другія пошановленія?

Кл. И необходимо.

Лѳ. Какой же образъ жизни изъ всѣхъ мы предпочтемъ сей общности, копорую имъ предписываемъ? Сшанемъ ли подражать Эракійцамъ, и другимъ многимъ народамъ, у коихъ жены обрабощиваютъ землю, пасутъ стада, водятъ воловъ и служатъ, ни чѣмъ не опличаясь отъ рабовъ? Послѣдуемъ ли примѣру Аѳинянъ и сосѣднихъ съ ними народовъ? ибо у насъ шакъ обходяшя въ женскимъ поломъ: мы поручаемъ ему смощрѣніе за имуществомъ, копорое для сего складывается въ особенное мѣсто, и надзоръ за пряжею и шканьемъ. Или изберемъ изъ сихъ крайностей средину — обычай Лакедемонянъ; предпштемъ дѣвамъ участвовашь въ гимнастикѣ и музыкѣ, а женамъ, освободивъ ихъ отъ выдѣлыванія шерсти, назначимъ другіе не низкіе и не презрѣнные шруды; будемъ раздѣлять съ ними семейшвенныя заботы и смощрѣніе за расходами и воспитаніемъ дѣшей; въпрочемъ не позволяя имъ участвовашь ни въ чемъ, что касается до войны, шакъ что, еслибъ необходимость призывала ихъ вооружиться за спасеніе города, дѣшей; и шогда онѣ не примущя за лукъ, какъ Амазонки, не спанушь бросають

мѣшкихъ спрѣлъ, не возмущъ даже щипа и копья по примѣру Аѳины, не будутъ прошивисья врагамъ, между шѣмъ какъ сіи опустошаютъ опечесство и, что легче всего, не являсь даже въ рядахъ воинственныхъ, чшобъ многлюдствомъ по крайней мѣрѣ внушить страхъ врагамъ? При такомъ образѣ жизни еще менѣе захотятъ онѣ подражать Савроматянкамъ, которыя въ сравненіи съ прочими женщинами могутъ показаться героями. Пусть кто хочетъ изъ васъ хвалишь вашихъ законодапелей: но я всегда буду говорить одно: законодатель долженъ бышь совершенный а исполовинный; онъ не долженъ позволять прекрасному полу жить въ роскоши и распочительности безъ всякаго опредѣленнаго порядка; я не хочу чшобъ онъ, обращая все вниманіе свое на мужчинъ, опнималъ у государства половину его благоденствія.

Мег. Чшо намъ дѣлать Клиній? Позволимъ ли мы сему иносранцу шакъ нападать на Спаршу?

Кл. Мы дали ему свободу говорить все; пусть онъ продолжаетъ, доколѣ полно и ясно изложитъ законы.

Мег. Справедливо ты говоришь.

Аѳ. И шакъ я опять могу продолжать, чшо далѣ слѣдуетъ?

Кл. Почему нѣтъ?

Аѳ. Какой же образъ жизни оспраешся

людямъ, у которыхъ все нужное достапочно запасено, и всѣ художества предоспавлены другимъ; земледѣліе ошдано рабамъ, повиннымъ плащипь своимъ господамъ нѣкошорую часть плодовъ, достапочную для умѣренной ихъ жизни; у которыхъ общіе сполы пригошворяюща особо для мужей, особо для семейсва ихъ, для дѣшей и женъ; у которыхъ начальники и начальницы надзирающъ за поведѣніемъ ихъ въ сихъ собраніяхъ, и по волѣ своей распускающъ каждаго въ свой домъ, совершивъ возліаніе Богу, которому посвящена ша ночь или шощъ день? Въ шакомъ порядкѣ вещей ужели имъ не оспаеша другаго упражненія, какъ, по подобію скошовъ, жипь и ушучняшья? Ешо пропивно справедливосши и достоинсшву челошва; при шакомъ образѣ жизни имъ не возможно избѣжашь учасши лѣнивыхъ и недѣяшельныхъ живошныхъ, которыхъ бывающъ добычею другаго, возросшаго въ мужесшвѣ и шрудолюбіи. Здѣсь не льяя шребоващъ совершенной шочносши, доколѣ у каждаго изъ насъ не будешъ надлежащаго устройсшва въ разсужденіи жены, дѣшей и дома своего. Но ограничиваясь менѣе совершеннымъ, мы будемъ довольны исполненіемъ слѣдующихъ пошановленій.

Для живущихъ по предписаннымъ правиламъ оспаеша обязаносщъ не маловажная, никакимъ другимъ не успушающа, но важ-

нѣйшая изъ всѣхъ, какія только законъ можеть предписатьъ. Если уже шомъ, кто спремится одержашъ побѣду на Олимпійскихъ или Пивійскихъ играхъ, опказываешся ошъ всѣхъ прочихъ жипейскихъ попеченій; шо не въ двое ли и не гораздо ли больше заняшъ пославившій цѣлю своей жизни доблесшъ шѣла и души? Сколько препяшспвій должно опклонишъ, чшобы первому досшавляшъ полѣзные шруды и пицу, и послѣдную украшашъ науками и добрыми навыками? Почши недосшашочно ни цѣлой ночи, ни цѣлаго дня шому, кто спремится къ своему усовершеншвованію, и спремится не напрасно. Если ешо шакъ, шо всякой свободный человекъ необходимо долженъ устроишъ порядокъ въ препровожденіи своего времени ошъ ранней до поздней зари, и до восхожденія солнца. Законодатель унизилъ бы свое достоинство, еслибъ спалъ входишъ во всѣ подробности, мелочные случаи опношительно домашняго ушройства и шѣхъ неусыпныхъ попеченій, какихъ пребуешъ ночное охраненіе города: ибо уже часпный гражданинъ долженъ почишашъ спыдомъ и дѣломъ недосшойнымъ свободного человека, проводишъ во снѣ цѣлую ночь, и не показашъ своимъ рабамъ, чшо онъ первый просыпашся, первый всегда бодршвуешъ. Впрочемъ все равно, назовешся ли шаккой образъ жизни закономъ или

обыкновеніемъ. Положимъ за правило для женскаго пола: спыдно госпожѣ предѣ работъ, предѣ рабынею, предѣ дѣшыми и предѣ всѣмъ семействомъ, если ее будятъ другіе а не она — всѣхъ прочихъ. Ночное бдѣніе посвящается на исправленіе гражданскихъ обязанностей и на дѣла хозяйственныя. Правители занимающія дѣлами государственною, господа и госпожи хозяйственными. Долгой сонъ по природѣ не полезенъ ни душѣ, ни шѣлу и не совмѣстенъ съ дѣятельностію всегда необходимою: всякой спящій дѣлается ничтожнымъ и почти не оплачивается ошѣ мерсваго. Пекущійся о долготѣ жизни и чистотѣ ума бодрствуетъ большую часть своего времени, и спитъ сполько, сколько необходимо для сохраненія здоровья; для сего не много пошребно времени, въ комъ сіе сдѣлается привычкою. Правители бодрствующіе въ ночи, спрашны для злыхъ, какъ гражданъ, такъ и враговъ, любезны и почтенны для справедливыхъ и мудрыхъ, благодѣтельны для цѣлаго города и полезны самимъ себѣ. Проведенная такимъ образомъ ночь, сверхъ показанныхъ выгодъ въ душѣ каждаго производитъ какое-то мужество.

При наступленіи дня на разсвѣтѣ дѣши должны спѣшитъ къ учителямъ. Они не должны ходитъ безъ надзирашеля, какъ овцы

не ходящъ безъ паспыря и рабы безъ господъ своихъ. Дия изъ всѣхъ живошныхъ есть самое неукрошимое: оно лукаво, злобно, какъ звѣрь, расположено къ обидамъ, пѣмъ болѣе, что въ немъ скрытъ зародышъ разума, кошорый еще не развился: попому должно содержать его въ крѣпкихъ удилахъ. Сперва, какъ скоро оно выходитъ изъ рукъ мащери и кормилицъ, сіе предлежитъ надзирашелямъ, кои смотряютъ за играми его и дѣшскою рѣзвостію; попомъ учителя и самыя науки имѣютъ вліяніе на него уже какъ на свободнаго. Всякой свободный человекъ можетъ наказашь раба, дия, надзирашеля, учителя, если замѣшитъ, что они погрѣшають. Кто оставляетъ безъ вниманія сіи просупки, томъ подвергается величайшему поруганію. Законоблюститель, избранный для управленія воспитаніемъ дѣтей, смотритъ за таковымъ нарушеніемъ порядка и наказывашь не наказывающаго или того, кто не справедливо наказывашь. Сей неусыпный попечитель быспрымъ окомъ усматривашь свойства дѣтей и направляетъ нравы ихъ къ добру, сообразно съ законами. Но самаго его какой законъ можетъ довольно наспашишь? Ибо въ законѣ сязано еще только кое что и то неполно, не ясно. Но для попечителя не должно бышь опущенія; обо всемъ онъ долженъ получишь подробное наспавленіе, дыбы онъ самъ могъ руководствовать

другихъ и воспивашь. О пѣсняхъ и пляс-
 нахъ уже сказано, въ какомъ мѣстѣ онѣ
 устроаются, съ какимъ выборомъ, и съ ка-
 кою поправкою освящаются. Но мы еще ни-
 чего не сказали, почтенный руководитель
 юности, о словесности не пѣсической, какою
 именно и какимъ образомъ должны занима-
 ться твои питомцы; ты уже знаешь, какія
 упражненія и науки необходимы для войны;
 тебѣ не безизвѣстно также, что они дол-
 жны знать во первыхъ словесность, во вто-
 рыхъ игру на лирѣ, попомъ всѣ части вычи-
 сленій необходимыхъ для войны, для хозяй-
 ства и для общественныхъ отношеній, и
 сверхъ того изъ обращенія пѣлъ небесныхъ,
 какъ то солнца, луны и звѣздъ по крайней мѣ-
 рѣ, сколько нужно для цѣлаго государства,
 дабы приводить дни въ мѣсячныя кругова-
 рщенія, мѣсяцы въ годичныя. Опъ сего време-
 на года, жертвоприношенія и празднества,
 сохраняя свой естественный порядокъ, рас-
 пространяютъ жизнь и дѣятельность въ
 цѣломъ государствѣ, люди воздаютъ Богомъ
 приличныя почести и приобретаютъ болѣе
 свѣденія о предметахъ божественныхъ. Объ
 этомъ законодатель далъ тебѣ достаточное
 понятіе; теперь обрати вниманіе на то, о
 чемъ далѣе говоришь слѣдуешь. Мы видѣли,
 что о словесности сказано недостаточно;
 обвинили слово свое, что въ немъ во всѣхъ
 неопредѣлено, должно ли учиться до совер-

шенства желающему бытъ порядочнымъ гражда-
 даниномъ, или можно обойтися ему безъ ученія.
 Тотъ же вопросъ можно предложитъ о лирѣ.
 Я говорю, что всѣ должны учиться словесно-
 сти при года, начиная съ десятилѣтняго
 возраста, играшь на лирѣ также при
 года, начиная отъ тринадцати лѣтъ. Удо-
 преляшь на сіе больше или меньше времени
 не позволяешя ни со стороны родителей, ни
 охотнику до ученія, ни совершенному ненави-
 снику его. Короче или долѣе занимаешь
 сими предметами значить нарушаешь законъ.
 Неповинующійся лишаешя почестей дѣтямъ
 предоспавленныхъ, о которыхъ мы будемъ
 говорить послѣ. Чему же еще въ епо время
 должны учиться юноши и учить наставники,
 выслушай. Словесности они должны учиться
 и учить сполько, чтобы всѣ умѣли читать и
 писать. Не лзя претовашь скорости и изя-
 щества отъ пѣхъ, коихъ природа не надѣлила
 пылыми талантами при споль нѣжномъ
 возрастѣ. Что касается до поетовъ нелі-
 рическихъ, изъ которыхъ одни пишутъ из-
 вѣстною мѣрою, другіе безъ мѣры, и до сочине-
 ній оспавленныхъ многими сомнительными,
 неизвѣстными писателями: что сдѣлаете вы
 съ ними, почтенные законоблюстители?
 Что относительно ихъ предпишешъ вамъ
 законодатель? Я думаю что онъ самъ при-
 детъ въ недоумѣніе.

Кл. Что епо значить, почтенный ино-

спранець? Ты, кажешся, въ несогласіи съ самимъ собою.

Аѳ. Весьма кспати оспановилъ шы меня, Клиній. Учасшвуя въ законахъ, вы понеобходимости должны узнатьъ со мною всѣ вспрѣчающіяся въ нихъ удобшва и неудобшва.

Кл. Ишакъ чшожь шы скажешь о сихъ предметахъ? какъ шы думаешь?

Аѳ. Я вамъ скажу: не легко прошиворѣчишь пысячамъ ушв.

Кл. Развѣ шы думаешь, чшо многіе не согласяся съ тобою въ семъ маломъ числѣ поспановленій нами приняпыхъ?

Аѳ. Ты напалъ на испинную спорону. Кажешся, шы заспавляешь меня ишпи пущемъ, кошорый для многихъ сдѣлался ненависпнымъ; правда, онъ имѣешъ шакже своихъ приверженцовъ, кошорые если не числомъ, шо доспоинспвомъ превосходнѣ первыхъ; съ сими шы заспавляешь меня раздѣляшь опасоспи и опважноспь на поприцѣ законодапельсшва и не скривашъ своего мнѣнія.

Кл. Да.

Аѳ. Я не скрою ничего. Унасъ еспь поешы весьма многіе, пишущіе гексамешрами и примешрами. Одни описывающъ предметы важные, другіе — смѣшные. Люди хвалящіяся испусшвомъ воспишывашъ юношешство, ушверждающъ, чшо надобно пресыщашъ ихъ сими произведеніями; надобно разширяшь и умножашъ чшеніемъ ихъ познанія, заспав-

лпшь ихъ наизустъ выучивашъ цблыхъ поешовъ. Другіе избираюшъ избъ всего лучшее, соспавляюшъ вмбспб цблые опривки; по ихъ мнбнію сіи опривки долженъ знашь всякой, кшо сб великою ученноспію и опышноспію хочешъ соединишь мудросшь и добродбшель. Ты велишь, чшобъ я опировенно сказалъ, чшо вб словахъ ихъ справедливо и чшо не справедливо.

Кл. Согласенъ.

Ае. Какъ бы сказашь объ ещомъ корощю, однимъ словомъ чшо либо удовлешворишельное? я думаю и вбрно всб сомною будущъ согласны, чшо вб каждомъ поешб еспъ много хорошаго и много худаго. А еслъ ешо такъ; шо я скажу, чшо опасно дбшямъ излишнее изученіе спихопвореній.

Кл. Какой же совбшб шы подашь законоблюспишелю?

Ае. Вб разсужденіи чего?

Кл. На чемъ основываясь, иному заспавишь онъ учишьса все юношешство, а другое запрешивъ? скажи, ничего не опуская.

Ае. Добрый, Клиній, здбсь я, кажешся, щасливо веспрбшилса. . . .

Кл. Сб чбмъ.

Ае. Сб шбмъ, чшо не нуждаюсь вб примбрбшюму, о чемъ шы меня спрашиваешъ. Обозрбвая все, чшо мы говорили опб ранней зари до ешаго времени, кажешся, мы гово-

рили не безъ какого-шо божественнаго внушенія. Наши слова точно походять на поэзію; и не спрашно, если я радуюсь приличію ихъ и обилію. Ибо изъ многоаго, что я слышалъ, и чему самъ учился въ стихотвореніяхъ, сіи слова всегда казались мнѣ лучшими и приличнѣйшими къ назиданію юношества. Законоблюстителю и наставнику юношества я не могу присовѣтовать ничего лучшаго, какъ заставивъ учителей распространять сіе ученіе, чтобы они, вслѣдствіе въ поемахъ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ, или услыша въ простой бесѣдѣ, какъ шеперь, что либо хорошее относительно законовъ, ничего не оставляли безъ вниманія, но немедленно все бы записывали; онъ заставивъ самихъ учителей выучить и хвалить сіи правила, и не принимаетъ въ свои соудники людей не согласныхъ съ нимъ въ семъ образѣ мыслей, но единомышленнымъ поручаетъ воспитаніе и ученіе юношества. Такъ заключу я свое слово о ученыхъ и ученіи.

Кл. Судя по всему, почтенный, мы, кажешся, не вышли изъ предѣловъ того, что сами себѣ предположили; но еще нельзя сказать утвердительно о цѣломъ, успроено ли оно, или нѣтъ.

Ав. Епо будетъ яснѣе, Клиній, когда, какъ мы уже сказали, придетъ къ концу наше разсужденіе о законахъ.

Кл. Очень хорошо.

Аѳ. Послѣ учителя словесности не должно ли намъ обратиться къ учителю лирики?

Кл. Хорошо.

Аѳ. Но прежде нежели спанемъ предписывать ему правила касательно ученія его, кажешся, надлежитъ припомнить то, что мы прежде говорили о лирѣ.

Кл. О чемъ ты говоришь?

Аѳ. Мы сказали, что шестидесятилѣтніе пѣвцы Діониса должны имѣть оплочно понкій вкусъ въ риѣмъ и соспавленіи гармоніи. Умѣя разбирашь мелодію совершенно подражающую всѣмъ расположеніямъ души, и оплчашь оплѣтнки порока и добродѣтели, они должны опвергать дурное и вводить на сцѣну хорошее; должны самими пѣснями посредствомъ подраженія возбуждать въ юныхъ сердцахъ любовь къ добродѣтели.

Кл. Совершенно справедливо.

Аѳ. Пользуясь звучностію струнъ, дабы дашь пѣсни сильнѣйшее выраженіе, ципарисшъ и учащійся производяшъ тоны согласныя съ словомъ, даюшъ имъ все разнообразіе и живость; согласуясь съ пѣніемъ сочинителя мѣшаюшъ силу съ нѣжностію, скорость съ мѣдленностію, высокіе тоны съ низкими, спройные съ неспройными, и самую мѣру по возможности разнообразяшъ, сколько сіе позволишъ свойство лиры. Не можно шребовашь всѣхъ сихъ тонкостей опъ шѣхъ, коимъ назначено только при

года для изученія всего, что есть хорошаго въ музыкѣ. Спольшь многіе и несообразныя между собою предметы смѣшали бы и оспановили успѣхи въ ученіи; наши юноши всегда должны сохранятьъ ясное понятіе; припомѣ необходимѣйшіе предметы, копорымѣ они должны учиться, и о копорыхѣ мы будемѣ говорить впереди, такѣ важны и многочисленны. И такѣ насавникѣ юношесства ограничипся въ музыкѣ шѣмѣ, что мы сказали.

Что касается до пѣнія и словѣ, коимѣ должны обучать насавники хороводовѣ, мы уже прежде говорили о выборѣ ихѣ, и припомѣ упомянули, что для всѣхѣ празднествѣ есть собствено имѣ посвященныя пѣсни, кои доставляютѣ празднующимѣ чистое и невинное наслажденіе.

Кл. Ты говорилѣ о семѣ и очень справедливо.

Ае. Оспается пожелать, чтобѣ избранный начальникѣ музыки, принявѣ извѣстныхѣ рукѣ сіи пѣсни, исполнялѣ свою должностѣ съ возможнымѣ успѣхомѣ и щаспемѣ. Между шѣмѣ обратимся къ пляскѣ и гимнастикѣ; прибавимѣ еще нѣчто къ тому, что мы сказали о нихѣ, равно какѣ мы сдѣлали съ оспальными правилами опносительно музыки. Не правда ли, что мальчики и дѣвочки равно должны учиться пляскѣ и гимнастикѣ?

Кл. Такѣ.

Ае. И такѣ для благоприличія въ сихѣ уп-

раженіяхъ однимъ нужны учители, другимъ учительницы.

Кл. Пусть будетъ такъ.

Ао. Скажемъ опять, что у попечителя дѣшпей будетъ весьма много дѣла; все свое время онъ долженъ посвѣтити смолѣнью за музыку и гимнастикой.

Кл. Какъ можно спарому мужу перенести столько заботъ?

Ао. Весьма легко почтенный. Законъ позволитъ ему избирать себѣ въ помощники, кого пожелаетъ избъ гражданъ или гражданокъ. Онъ узнаетъ людей достойныхъ; избъ богобоязненности и зная важность своей обязанности, онъ не захочетъ погрѣшити въ семъ выборѣ; онъ знаетъ также, что всѣ дѣла государственныхъ пошекутъ наспоющимъ образомъ, если юношество благовоспитано и благовоспитывается. Еслижъ иначе, тогда. . . Но у меня нѣтъ слова выразити се; умолчу, не спану предрекать несчастныхъ предзнаменованій для новаго города.

Уже многое сказано о пляскахъ и гимнастикѣ. Къ послѣдней мы относимъ всѣ тѣлесныя упражненія, относящіяся до войны, спрѣлание избъ лука, всякое бросаніе, щипношеніе, и вообще всевооруженіе, спройность движенія, походы, расположеніе цѣлаго спана, и конское рысаніе. Учители сихъ упражненій должны бытъ общеспвенные, получающіе плату отъ города. Ученики ихъ суть и дѣши

и мужи и дѣвы и мащери семействъ; всѣ должны бытъ искусны въ сихъ упражненіяхъ. Дѣвы всевооруженныя занимающіяся плясками и борьбою; женщины пріучающіяся къ походамъ, спрояшя въ ряды, кладущъ и принимающъ оружіе, если не для другаго чего, по крайней мѣрѣ, чшобъ умѣть защищать дѣшей своихъ и внушреннія части города, когда нужда позовешъ всѣхъ поголовно на поле брани, или въ другихъ обстоятельствахъ; чего не можешъ случиться? Когда непріатели варвары или Еллины съ великими силами успрямяшя, вшоргнушя въ предѣлы; когда необходимо будешъ сражашься за самыхъ пенашовъ: по спыдѣ для государства, если мащери семействъ пакъ худо воспитаны, что ни даже подобно пшицамъ, кошорыя опваживающіяся въ бой прошивъ всякаго люшаго звѣря за пшенцовъ своихъ, не захошяшъ умереть и подвергашься всѣмъ опасностямъ, но малодушно прибѣгнушъ къ жершвенникамъ, наполняшъ всѣ капища и храмы. Онѣ заспавляющъ думашъ о чловѣческомъ родѣ, что онѣ изъ всѣхъ жившныхъ ешъ самой робкой.

Кл. Клянусь Богомъ, почщенный иноземецъ, кромѣ гибели, пакой геродъ предспавилъ бы самое неприличное зрѣлище.

Аѳ. И пакъ должно положить законъ, что и женщины наровнѣ съ гражданами не должны оставляшъ военныхъ упражненій.

Кл. Я согласенъ.

Аѳ. Мы уже говорили нѣсколько о борьбѣ, но не сказали важнѣйшаго; и не легко сказать по умозрѣнію не выдавши самыхъ шѣлдвиженій. Наше сужденіе будетъ основательнѣе, если разумъ по слѣдамъ опыта дастъ понятіе о семъ упражненіи, и о томъ, что оно болѣе всѣхъ приближается къ военному сосязанію, и слѣдовательно должно учиться борьбѣ для войны, а не войнѣ для того, чтобы сдѣлаться борцомъ.

Кл. Ты прекрасно говоришь сіе.

Аѳ. О семъ родѣ упражненія сказано уже все. Слѣдуетъ говорить о прочихъ шѣлдвиженіяхъ, коихъ большая часть состоитъ въ пляскѣ. Пляска раздѣляется на два рода: одинъ подражаетъ въ благоприличіи прекраснѣйшимъ шѣламъ; другой изображаетъ низкія и смѣшныя положенія худыхъ шѣл. Каждый изъ сихъ родовъ опять раздѣляется на два другіе: важный родъ изображаетъ шѣла прекрасныя и душу мужественную въ шрудяхъ воинственныхъ; или выражаетъ въ щастіи скромность и въ наслажденіи умѣренность. Сія пляска правильно называется мирною; первая же воинственная, какъ опличная отъ мирной, шочно выражается названіемъ пиррихія. Она изображаетъ оспорожность отъ ударовъ и спрѣловерженія уклоненіемъ, општупленіемъ, прыжкомъ вверхъ и пониженіемъ;

изображаешъ и прошивное спремленіе въ пламя сраженія подъ удары шпрѣлъ, копій и мечей. Правильность въ движеніи, выраженіе прекраснаго шѣла и прекрасной души, непри-
нужденное дѣйствіе всѣхъ членовъ сослав-
ляющъ совершенство сей пляски; а прошив-
ное есть знакъ несовершенства ея.

Въ мирной пляскѣ должно разсмащивать,
правильно и согласно ли съ природою поль-
зуешся кшо-либо красошою ея, и съ прили-
чїемъ ли плящешъ въ хороводахъ мужей бла-
говоспитанныхъ. Для сего во первыхъ опдѣлимъ
невинную пляску ошъ соблазнитель-
ной. Но какъ раздѣлишь шу и другую? Есть
пляски вакхическія и другія симъ подобныя,
въ коихъ подражаютъ упоеннымъ нимфамъ,
панамъ, силенамъ и саширамъ, и кои соверша-
ются при очищенїяхъ и празднествахъ. Сей
родъ пляски не лъзя назвашъ ни военнымъ, ни
чѣмъ либо другимъ. Справедливѣе, кажешся,
опдѣливъ его ошъ прочихъ двухъ родовъ,
сказашъ, что онъ неприличенъ гражданину.
И пакъ оставя его, обратимся къ собствен-
ному своему несомнѣнному роду.

Невоинственная муза, плясками почи-
пающая Боговъ и сыновъ Божїихъ, получила
начало свое въ очущеніи нашего наспоющаго
щасїя. Сей родъ раздѣляешся на два: одинъ
сопровождаетъ большимъ удовольствїемъ,
когда послѣ шрудовъ и опасностей мы вшпу-
наемъ въ щасливую приспань; другой при

сохраненіи и умноженіи прежнихъ благъ сопровождаешся шихою радостію. Во всѣхъ подобныхъ обстоятельствѣхъ человѣкъ выражаешъ свое удовольствіе движеніями, большее — живѣйшимъ, меньшее — слабѣйшимъ. Человѣкъ скромный, воспитанный въ мужествѣ, умѣренъ и въ своихъ движеніяхъ; малодушный же и ненаучившійся владѣть собою выражаешся большими и сильнѣйшими движеніями. Вообще всякой и въ пѣсняхъ и въ разговорѣ не легко можешъ сохранить спокойствіе въ пѣлѣ своемъ. Опъ сего подражанія слову произошло все искусство пляски.

Во всѣхъ шаковыхъ случаяхъ одинъ изъ насъ движешся спройно, другой не спройно. Многія древнія названія какъ приличныя и природѣ соотвѣтственныя заслуживающъ похвалу опъ человѣка мыслящаго: пляски людей, благоденствующихъ и умѣренныхъ въ наслажденіяхъ, весьма правильно и музыкально названы именемъ чинности. Такъ! сіи два рода прекрасной пляски весьма правильно названы, военный паррихіемъ, мирной чинностію, оба названія равно приличны и выразительны. Дѣло законодашеля — показашъ образцы; законоблюстишеля — исполнитъ ихъ. Въ исполненіи послѣдній согласитъ пляску съ музыкою, раздѣлитъ всѣ часши ея по празднествамъ и жершвоприношеніямъ, и освятивши ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, уже никогда не сдѣлаешъ въ нихъ перемѣны;

пустъ весь городъ и всѣ граждане, наслаждаясь одинакими удовольствіями, сколько возможно болѣе сближающся другъ съ другомъ и живущъ щасливо и благоденственно. Мы сказали все, что касается до пѣсенъ и плясокъ приличныхъ прекраснымъ пѣламъ и благороднымъ душамъ.

Теперь должно разсмотрѣть и соспавить себѣ понятіе о словахъ, пѣсняхъ и пляскахъ, коихъ цѣль есть подражать худымъ пѣламъ и расположеніямъ души въ смѣшномъ, комическомъ родѣ; ибо шопъ, кто хочеть бытъ разумнымъ, безъ смѣшнаго не можетъ познатъ важнаго, и одной прошивоположности безъ другой; хопя никакъ не долженъ мѣшать того и другаго въ поступкахъ своихъ, если онъ сколько нибудь отверженъ къ добродѣтели. Для сего-шо и должно познавать смѣшное, чтообъ по невѣденію не сказать и не сдѣлать чего либо подобнаго. Позволимъ рабамъ и наемнымъ иноземцамъ занимать подобными предсавленіями, недостойными важнаго спаранія, и того, чтообъ свободной чловѣкъ, мущина или женщина, явно учился имъ. Пустъ граждане навсегда оспанущся новичцами и невѣждами въ сихъ забавахъ. Ипакъ смѣшныя забавы, извѣсныя подъ именемъ комедіи, подлежатъ сему закону.

Но если важные прагическіе поешы придутъ къ намъ съ такимъ предложеніемъ: иноплеменники! можемъ ли мы прийти къ вамъ въ вашъ

городъ, въ вашу спрану, или нѣшъ? Можемъ ли предспавишь вамъ свои произведенія? Или у васъ есть какое поспановленіе прошивъ прагедіи? Чшо опвѣчали бы мы на сіе божеспвеннымъ мужамъ? Вошъ чшо, какъ мнѣ кажешся. Почпеннѣйшіе иноземцы, мы сами шворцы прагедіи по возмощности прекрасной и совершенной. У насъ вся жизнь есть подражаніе жизни изящнѣйшей, благороднѣйшей; а ешо мы называемъ самую испинною прагедією. Вы поешы; и мы поешы шогоже рода, сохудожники, соперники вамъ въ изящнѣйшемъ дѣйствіи, кошорое, какъ мы думаемъ, основываешся шолько на испинномъ законѣ; а пошому не надѣйшесь, чшобъ мы легко позволили вамъ поспроишь у насъ на площади сцену, вывешъ громогласныхъ акшеровъ, и сѣ живѣйшимъ выраженіемъ къ чадамъ нашимъ, къ женамъ, и ко всему народу — говоришь не шолько о шѣхъ предметахъ, о коихъ мы говоримъ, но и о многихъ другихъ, кои намъ во всѣ прошивны. Мы конечно не были бы въ здоровомъ смыслѣ, и весь городъ нашъ можно бы почешъ сумасшедшимъ, еслибъ позволили вамъ предспавляшь ваши шворенія прежде, нежели правишельство найдешъ ихъ или не найдешъ позволишельными и годными для предспавленія. И шакъ, дѣши, пишомцы нѣжныхъ музъ, покажише на передѣ правишелямъ свои шворенія для сравненія сѣ нашими; если онѣ шакъовы же или лучше нашихъ, шо мы дадимъ

вамъ себя мѣспо. Если нѣшб, друзья, шо мы уже не можемъ сдѣлать ничего. Таковыя постановленія о всѣхъ хоровахъ и обученіи ихъ. Если вамъ угодно, пустьъ будущъ особенныя для рабовъ, особенныя для господъ.

Кл. Могу ли я думатьъ иначе?

Аѳ. Для свободныхъ оспашаеша еще при науки: первая, знаніе чиселъ, вшорая, измѣреніе долгошы, площади, и глубины; прешья, обращеніе свѣшилъ небесныхъ. Не всѣ должны до почности извучивать сіи предметы, но шолько-нѣкошорые мужи, а кто? Мы снажемъ въ продолженіи, при концѣ. Такъ, ка-, жеша, слѣдуешъ. Прочіе же пустьъ ограничивающа шолько необходимымъ. О сихъ наукахъ справедливо говоришса, что не знашь ихъ шшдно, а изслѣдовашь все всею почностию не легко, и не совсѣмъ возможно. Не лъзя опвергнушь необходимаго. Кажеша, кто-шо говоря о самомъ Богѣ, въ шомъ же смыслѣ сказаъ, что и Онъ не прошивишса необходимости, но необходимости, какъ я думаю, божешвенной; сказаъ сіе о человѣческой было бы нелѣпо и неосновашельно.

Кл. Но въ разсужденіи наукъ какая необходимостъ ешъ нечеловѣческая, а божешвенная?

Аѳ. Необходимостъ учишса шому, безъ чего въ глазахъ людей не лъзя бышь ни Богу, ни герою, ни генію могущему, сильному содѣйшвовашъ ко благу человѣческаго рода.

Тотъ никогда не сдѣлаешя божественнымъ человекомъ, кто не умѣешъ перечесть двухъ, шрехъ, незнаешъ количествъ равныхъ и неравныхъ, неможешъ счислать дней и ночей; кто не имѣешъ понятія о обращеніи солнца, луны и прочихъ свѣтилъ. Починашь сія познанія бесполезными во всякомъ изученіи изящнаго естъ великое сумасшествіе. Но чему должно учиться въ семъ родѣ, въ какомъ количествѣ и порядкѣ, что послѣ чего начинашь, что вмѣстѣ, что отдѣльно, и какая общая связь находится между всѣми науками, вошъ, что напередъ должно знать основательно, прежде нежели приступимъ къ самому ученію. Сего пребуешъ естественная необходимость, кошорой ни одинъ Богъ не прошивишя и не прошивился.

Кл. Сказанное шобою, почтенный, кажешся совершенно согласно съ природою.

Ае. Ешо истинно, Клиній; но шрудно предписать сіе закономъ. Не шеперь, со временемъ мы можемъ говорить о семъ съ большею шочностію.

Кл. Кажешся шы, почтенный мужъ, боишься нашего невѣжества въ ешомъ дѣлѣ. Ты напрасно боишься. Говори ничего не скрывает.

Ае. Боюсь и ешаго, о чемъ шы говоришь; но болѣе боюсь шѣхъ, кои упражнялись въ сихъ наукахъ, но упражнялись худо. Незнаніе еще неспрашно, и не естъ самое большое

зло; но многознаніе, многоученость при худомъ направленіи несравненно опаснѣе.

Кл. Справедливо говоришь.

Аѳ. Свободные должны учисья всему по-му, чему учася всѣ дѣвши въ Египтѣ съ самыми первыми началами словесности; и учася самымъ просшымъ образомъ въ дѣшскихъ играхъ, для забавы. Тамъ обыкновенно заспавляюшъ ихъ дѣлишь между собою плоды, вѣнки иногда въ меньшемъ, иногда въ большемъ числѣ, распредѣляшъ мѣсца для бойцовъ и борцовъ, спрощья по часпямъ и въ общемъ порядкѣ; шамъ мѣшаюшъ золошья, серебрянныя, мѣдныя фіалы и по-му подобныя игрушки и пріучаюшъ ихъ къ необходимому познанію чиселъ; заранѣ знакомяшъ ихъ съ успройствомъ спановъ, съ расположеніемъ и движеніями войска, съ хозяйствомъ, и дѣлаюшъ ихъ людьми полезными самимъ себѣ и проницательными. Пошомъ показавъ имъ измѣреніе долгошы, площади и глубины, освобождаюшъ ихъ опѣ невѣжесшва посшяднаго и смѣшнаго во всякомъ чело-вѣкѣ.

Кл. Чшо ешо за невѣжесшво ?

Аѳ. Любезный Клиній, мнѣ самому опранно было слышашъ о нашемъ сосшояніи въ ешомъ случаѣ. Кажешся оно прилично не чело-вѣку, но какому нибудь презрѣнному жи-вошному. Мнѣ спшдно было не шолько за себя, но и за всѣхъ Елиновъ.

Кл. Опшъ чего же спыдно? Чшо хочешъ пы сказашъ, почщенный?

Ае. Я скажу. Но лучше обьясню вопро- сами. Опшвѣшспвуи нѣсколькo словѣ. Ты знаешъ, чшо еспъ долгоша?

Кл. Какъ же!

Ае. Знаешъ, чшо площадь?

Кл. Знаю.

Ае. Чшо ешо двѣ часпи измѣренія и прешья глубина?

Кл. Какъ не знашь ешаго!

Ае. Скажи, соизмѣряюшся ли онѣ между собою?

Кл. Конечно.

Ае. Долгоша измѣряешся долгошою, пло- щадъ площадью, и еспешвенно, чшо и глу- бина шакже измѣряешся.

Кл. Такъ.

Ае. Но если сіи мѣры или очень мало или совсѣмъ не измѣряюшся, но инья соизмѣря- юшся другія нѣшѣ, а пы почишаешъ все не- соизмѣримымъ, шо каково ешо покажешся?

Кл. Очевидно, чшо худо.

Ае. Не увѣрены ли мы всѣ Еллины, чшо долгоша и площадь соизмѣряюшся между собою и сѣ глубиною.

Кл. Конечно шакъ.

Ае. Но если иногда сіе не возможно, а мы всѣ Еллины почишаемъ возможнымъ; шогда не должно ли, спыдясь за всѣхъ, сказашъ: Благороднѣйшіе Еллины, вошѣ одинъ изъ

пѣхъ предметовъ, коихъ спыдно не знашь, и о коихъ знашь только необходимое — не ешь великое доспоинство.

Кл. Не иначе.

Ае. Ешь многіе случаи, въ копорыхъ мы подвергаемъ подобнымъ погрѣшностямъ.

Кл. Какіе же сіи случаи?

Ае. Если должно доказашь, почему однѣ количесва соизмѣримы между собою, другія не соизмѣримы; тогда мы должны или признашь себя невѣждами, или спарашься опкрышь причины сего различія; должны предлагашь взаимно одинѣ другому шакія задачи и съ пользою упошребляшь свой досугъ на изысканія, кои для спариковъ занимательнѣе и почпеннѣе, нежели игра въ коспи.

Кл. Я думаю, великое различіе между игрою въ коспи и симъ ученіемъ.

Ае. Сему — шо, говорю я, должны учишься юноши. Сіи науки не вредны и нешрудны; онѣ могутъ дѣшьямъ служишь забавою, и государству доспавяшъ великую пользу, а вреда никакого. Если кто иначе скажешъ и шого послушаемъ.

Кл. Должно послушашь.

Ае. И если онѣ скажешъ справедливо, шо разумѣешся, что мы не опвергнемъ словъ его; а не справедливо — опвергнемъ.

Кл. Разумѣешся; но положимъ сіи науки въ числѣ необходимыхъ; пусть не оспаешся пушпошы въ нашихъ законахъ.

Аѳ. Я согласенъ, но съ пѣмъ, чѣмъ со временемъ можно было возвратишь назадъ сей законъ, какъ залогъ, если онъ не понравился или намъ, или вамъ, для коихъ онъ изданъ.

Кл. Справедливое шребованіе.

Аѳ. Теперь разсмотримъ еще науку для юношества, науку о свѣшилахъ; угодно ли будетъ намъ приняшь ее, или нѣтъ.

Кл. Говори шолько.

Аѳ. Говорящъ, чѣмъ не должно поспигаешь ни высочайшаго существа, ни цѣлаго міра, ни суешишься о изысканіи причинъ; ушверждающъ даже, чѣмъ ето не благочестиво. Но мнѣ кажешся, весьма полезно занимаешь сими предметами.

Кл. Чѣмъ ты говоришь?

Аѳ. Мое мнѣніе почтущъ парадоксомъ, неприличнымъ въ устахъ стараго чловѣка. Но если какая нибудь наука признана истинною, для цѣлаго государства полезною и Богу совершенно пріятною, шо не возможно осшавишь ее въ забвеніи.

Кл. Все такъ, но чѣмъ подобнаго найдемъ мы въ ученіи о свѣшилахъ?

Аѳ. Добрые мужи, мы находимся въ заблужденіи, мы всѣ Еллины, въ разсужденіи нашихъ великихъ Боговъ, солнца и луны.

Кл. Въ какомъ заблужденіи?

Аѳ. Мы говоримъ, чѣмъ сіи свѣшила, равно какъ и другія, не имѣющъ опредѣленнаго кру-

говращенія , и пошому мы называемъ ихъ блуждающими, планешами.

Кл. Клянусь Богомъ ешо справедливо. Въ жизни своей часшо и самъ я замѣчалъ, чшо ушрення и вечерняя зарницы никогда не ходяшъ по одному пушю, но перемѣняющъ его; солнце и луна шакже , какъ извѣсно всѣмъ.

Аѳ. Ишакъ я говорю, чшо наши граждане и юноши по крайней мѣрѣ сполько должны знать о Богахъ и небесныхъ шѣлахъ, чшобъ не изрѣкашъ на нихъ хуленій , но благословляшъ ихъ безпреспанно въ жершвоприношеніяхъ и благоговѣйныхъ молишвахъ.

Кл. Миѣніе швое справедливо, если шолько можно научишъя шому, о чемъ шы говоришъ. Пусть мы шеперь не справедливо думаемъ о Богахъ; но если можно научишъя говоришъ о нихъ правильно: шо я первой признаю сію науку необходимою. Посшарайся доказашъ, чшо ешо возможно, и мы научимся и послѣдуемъ шобѣ.

Аѳ. Св одной спороны нелегко научишъя шому, о чемъ я говорю; св другой не совѣмъ и шрудно. Вотъ доказашельство: я самъ недавно приобрѣлъ сіе познаніе и шеперь въ непродолжительномъ времени могу сообщишъ вамъ все, чшо знаю. Еслибъ ешо было шрудно, шо я, шаккой шшарецъ , не могъ бы извяснишъ сего вамъ шшарцамъ же.

Кл. Ешо ишшино. Но чшошъ ешо за наука, кошорую шы называешъ чудною, полезною

для юношесства и копорой мы не знаемъ? Поспайся сказаць о ней яснѣ.

Аѳ. Поспайюсь, сколько могу. Не справедливо мнѣніе о солнцѣ, лунѣ и прочихъ свѣшилахъ, будшо онѣ супъ блуждающія. Напрошивъ каждое свѣшило имѣетъ свой извѣстный путь и по нему круговращается. Только по видимому кажешся, будшо онѣ имѣютъ многіе пути. Также не справедливо мы почитаемъ быспрѣйшее изъ нихъ самымъ медленнымъ и медленное быспрѣйшимъ. Предположивъ, что епо бываетъ шакъ, какъ я говорю, а мы думаемъ иначе, предспавимъ, что мы на Олимпійскихъ играхъ впади въ подобное заблужденіе въ опношеніи къ конямъ и мужамъ, въ бѣгшвѣ соспязующимся, быспрѣйшаго изъ нихъ называемъ медленнымъ, а медленнаго быспрѣйшимъ, и въ похвалахъ своихъ побѣжденнаго воспѣваемъ какъ побѣдителя; шакія похвалы безъ сомнѣнія несправедливы и неспрѣйшны рыспашелямъ; и если несправедливыя похвалы проспымъ смершнымъ смѣшны: шо что должны бытъ шѣ, кои мы въ грубомъ заблужденіи воздаемъ Богамъ?

Кл. Тупъ уже не до смѣха.

Аѳ. По крайней мѣрѣ не любезны Богамъ похвалы проспивныя испинѣ.

Кл. Весьма справедливо, если епо шакъ.

Аѳ. Но если мы докажемъ, что онѣ шакъ, шо должно учитья познавать свое за-

блужденіе. А если не докажемъ, шо оставимъ сію науку. Согласны ли вы на сіе?

Кл. Очень согласны.

Аѳ. Законы о ученіи и воспитаніи юношества мы можемъ назвать конченными. Еще надлежитъ сосставишь себѣ идею о ловлѣ и другихъ подобныхъ упражненіяхъ. Ибо законодатель недоволенъ сдѣлаеиъ, если только положитъ законъ. Кромѣ закона есть иѣчто среднее между имъ и наставленіемъ. Мы часно видѣли сію необходимость, особенно въ воспитаніи перваго младенческава; здѣсь не можно предписываиъ закона, и весьма неосновательно было бы принимаиъ за положителный законъ шо, что мы сказали о семъ предметѣ. Предположивъ однакожь, что законодатель учреждаеиъ свое государство по сему образцу, которой мы начертали, мы воздаимъ еще несовершенную похвалу мужу опличному въ добродѣтели, если назовемъ его только исполнителемъ законовъ и всего, что они предписываюиъ; шомъ совершеннѣе, кшо ведеиъ жизнь непорочную и сообразуеиъ съ намѣреніемъ законодателя не только въ шомъ, что онъ предписываеиъ, но и въ шомъ, что совѣшуеиъ. Вотъ испинная похвала доброму гражданину. Законодатель долженъ не только писаиъ законы, но присоединяиъ къ нимъ ишо, что по мнѣнію его досшойно похвалы или порицанія. Его совѣшы не менѣе важны, какъ и

самые законы. Настоящій предметъ можешъ послужить сему доказательствомъ. Ловля, охота уже въ одномъ своемъ названіи имѣющъ обширное значеніе: ибо есть разныя ловли водяныхъ живошныхъ, птицъ, земноводныхъ и не только звѣрей, но и людей, разумѣется на войнѣ, или посредствомъ дружества и благосклонности. Иная ловля похвальна, другая не похвальна. Грабежи, разбой, нападенія войска на войско сущъ также ловли; законодапель, полагая законы для ловли, не можешъ не обнять всѣхъ родовъ ея; съ другой стороны также не можешъ привесъ всего въ порядокъ, и принявъ всѣ мѣры предосторожности и наказанія. Что же ему дѣлать? Онъ долженъ хвалить или порицать охоту, разсматривая ее, какъ упражненіе и привычку юношества къ трудолюбію. Юноша будетъ внимать и повиноваться, и не увлечется ни удовольствіемъ, ни малодушіемъ къ преслушанію. Онъ болѣе уважитъ слово одобренія, и скорѣе исполнитъ умѣряемое ласкою повелѣніе, нежели угрозы наказанія и спрососъ закона. Къ сему прибавимъ похвалу и порицаніе приличныя всякому роду ловли; похвалимъ шотъ родъ, кошорой можешъ содѣлать юношей мужественнѣйшими, и охулимъ шотъ, кошорой производитъ прошивное дѣйствіе.

Умоляя скажемъ юношамъ: друзья, да не возобладеетъ вами желаніе, и охота

къ морской ловлѣ удою, ни вообще къ ловлѣ водяныхъ живошныхъ, копорую посредствомъ сѣпей равно производящъ и спящіе и бодрствующіе. Да не вкрадешся въ васъ желаніе къ похищенію людей на морѣ и къ разбою, и да не содѣлаешъ васъ людьми незаконными, хищниками. Да будешъ чужда васъ самая опдаленная мысль о шашьбѣ въ своей спранѣ, въ своемъ опечесшѣ; да не придетъ на умъ кому либо изъ васъ пріятная, но недосшойная свободнаго чело-вѣка, охота къ ловлѣ птицѣ. Нашимъ юношамъ ошасешся только ловля земноводныхъ живошныхъ; но ша ловля, въ копорой можно спашь, называемая ночью, принадлежищъ лѣнливымъ и недосшойна похвалы; шоже скажемъ и о шой, въ копорой безъ великаго шруда укрощающъ звѣря сѣшми и шѣне-шми, а не силою крѣпкихъ мышцѣ. Ошасешся одна лучшая шравля чешвероногихъ, на коняхъ, псами и собшвенною силою, когда, насшигая ихъ посредствомъ быспрыхъ ногъ, ударами, бросаніемъ и лова собшвенными руками, упражняемъ божешвенное мужешство. Сказанное пусть служищъ похвалою и порицаніемъ ошощѣ. Законъ же шашковъ:

Никшо да невоспрещасешъ симъ священныхъ ловцамъ ловищъ, гдѣ бы они ни захошѣли. Ночнымъ же ловцамъ дѣйствующимъ или псами или сѣшми нигдѣ, никогда ловищъ не

позволяется. Пшцеловъ можешъ ловить въ сшепи и на горахъ ; но да не дерзаетъ приближаться къ мѣстамъ воздѣланнымъ, священнымъ. Рыболову во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ священнымъ озеръ, рѣкъ и заливовъ, ловить позволяется, не упошребляя впрочемъ никакихъ вредныхъ средствъ. Теперь оспаешся сказать, что законы объ игрѣ кончены.

Кл. Хорошо.

РАЗГОВОРЪ ВОСЬМЫЙ

о

ЗАКОНАХЪ.

Аѳ. За симъ слѣдуетъ учрежденіе и узаконеніе празднествъ, сообразно съ изрѣченіями Делфійскаго оракула, какія жершвы и какимы Божествамъ прилично совершашъ для блага цѣлаго города. Касательно времени ихъ и числа, можемъ быть и мы можемъ поспановить чтонибудь.

Кл. Можемъ быть, особливо что касаются числа.

Аѳ. Впервыхъ скажемъ о числѣ празднествъ; пусть ихъ будетъ не менѣе шестидесяти пяти, дабы ежедневно какая либо власъ жершвовала одному Богу или генію за городъ, за себя и за имѣніе. Исполковашели, жрецы, жрицы и прорицашели, совѣщаясь съ законоблюстителами, послѣ дополняшъ то, что законодатель по необходимости опускашъ. Ихъ долгъ замѣчать всѣ опущенія. Законъ назначаетъ двѣнадцать празднествъ для двѣнадцати Боговъ, коихъ именемъ называется каждое колѣно, и помѣсячно совершаетъ имъ жершвоприношенія, хороводы и музыкальныя игры. Гимнастическія состязанія назначаются по приличію каждому Богу и каждому времени года; также опредѣляются празднества женскія, на коихъ могутъ и не могутъ присушество-

вашь муцины. Присемь не должно смѣшивашь празднествъ подземныхъ Боговъ съ празднествами небесныхъ, наблюдая шоже и въ отношеніи ко вѣпороспеленнымъ Боже-ствамъ; но двѣнадцатый мѣсяць особенно посвящается въ честь Плушону. Воинственныя люди не должны опвращаться опъ сего Бога, но будущъ благоговѣшь предъ нимъ, какъ предъ сущесствомъ благодѣпельнѣйшимъ для человѣческаго рода. Я говорю съ швердою вѣрою, что сообщеніе души съ шѣломъ для нея не лучше разлученія.

Чтобы правильно раздѣлишь сіи празднества, надлежитъ предсшавишь себѣ, что нашъ городъ будешь шакоемъ, кошорому подобнаго нѣтъ ни одного между нынѣшними городами въ избыткѣ досуга и въ изобиліи всего необходимаго для жизни. Онъ наслаждаешь шакимъ шчасшіемъ, какимъ шолько можешъ наслаждашь въ жизни одинъ человѣкъ. Для сего необходимо самимъ не обижашь ни кого, и не перѣтъ обидъ опъ другихъ; изъ сихъ одно не шрудно, но не легко посшавишь себя выше обидъ со шпороны другихъ; сего можно доспигнушь шолько совершенною нравшвенноспію. Сіе самое опноситъ и къ городу; если онъ добръ, шо ему предлежитъ жизнь мирная; война грозитъ ему извнѣ и внушри, если онъ золъ. Если шакъ, шо не въ военное, но въ мирное

время всякой должен упражняться въ военномъ искусствѣ. И пошому всякой благоустроенный городъ по крайней мѣрѣ одинъ день въ мѣсяцѣ долженъ посвящать походамъ, и больше, если заблагоразсудится архонтамъ; если они назначатъ походъ всенародный или частный, по не смотря ни на холодъ, ни на зной, всѣ должны выпустить и съ женами и съ дѣтьми. Жертвоприношенія должны сопровождаться благородными играми, сколько можно болѣе близкими къ истиннымъ военнымъ дѣйствіямъ. Здѣсь воздаются побѣдителямъ побѣдныя почести; здѣсь же граждане подвергаются другъ друга взаимному сужденію, хвалятъ, порицаютъ, смотря по шому, какимъ кто оказался на ратномъ поприщѣ, и какъ всякой ведетъ себя въ продолженіи всей жизни; прославляютъ доблѣснѣйшаго и укоряютъ малодушнаго.

Не всякой можетъ быть сочинителемъ сихъ похвальныхъ пѣсней; но во первыхъ сей поетъ долженъ быть не моложе пятидесяти лѣтъ, и не изъ числа пѣхъ, кои, владѣя шворческимъ геніемъ, никогда не отличились ни однимъ прекраснымъ и знаменнымъ подвигомъ; изъ поетовъ избираются пѣ, кои пріобрѣли себѣ своими дѣлами общее уваженіе; ихъ шворенія воспѣваются, хотя бы онѣ были не столь совершенны, какъ шворенія другихъ. Сей выборъ принад-

лежипъ начальнику воспитанія и законода-
телямъ, кои даюпъ избраннымъ своимъ ис-
ключительное право пѣшь со всею свободою,
и запрещаюпъ всѣмъ прочимъ приниматься
за подобныя сочиненія, равно не позволяюпъ
и гражданамъ пѣшь спихопвореніе, не одо-
бренное законоблюспителями, хопя бы оно
было сладоспѣе гимновъ Фамириса и Ор-
фея. У насъ будущъ неизвѣсны другія
пѣсни, кромѣ пѣхъ, кои посвящены къ про-
славленію божества, добродѣтели, и къ
порицанію порочныхъ, и совершенно соощ-
вѣспивуюпъ сей цѣли. Сказанное мною о
военныхъ упражненіяхъ, о правѣ воспѣвашъ
другихъ, равно опноспся къ мущинамъ и
женщинамъ.

Законодатель непременно долженъ да-
вашъ себѣ сей опчетъ: какое государство
я успрою, какихъ людей воспитываю? не
ревниспелей ли знамениспыхъ подвиговъ,
коимъ грезптъ безчисленные сопрошив-
ники? спчно спкъ, скажупъ мнѣ и скажупъ
справедливо. Чшо же? есплбъ мы воспитыва-
ли борцовъ, спдвижниковъ въ пяши играхъ,
или въ другомъ какомъ либо родѣ сраже-
нія, шю выпуспимъ ли мы ихъ на сїи по-
боища, еспи они предвариспельно ни сѣ
къмъ ни однажды не сражались? мы сами,
есплбъ опредѣляли себя для ратоборсшва,
не должны ли напередъ до сраженія учиспся
ему; не должны ли пригощовиспъ себя къ со-

пропивленію шѣмъ, съ коими хопимъ соспязашься о полученіи побѣды, и для ближайшаго подражанія дѣйствительному сраженію, не должны ли, облекшись въ лапы, совершенно научись нанесенію и отраженію ударовъ? Если случись недоспашовъ въ соспязашеляхъ, шо убоймься ли мы смѣху несмысленной черни и не осмѣлимься, поспавя бездушный испуканъ, упражняшься пропивъ его? и если не будешъ у насъ ни одушевленныхъ, ни неодушевленныхъ сопровивниковъ, шо за недоспашкомъ ихъ не можемъ ли мы сражашься сами между собою? Не шакъ ли приобрѣтаешь навькъ дѣйствовашь рукою?

Кл. Испинно шакъ, почпенный, какъ шы шеперь говоришь.

Лѳ. Послѣ шого наши воины уже ли будешъ шполь дерзки, чшо съ меньшимъ пригопшвленіемъ опважущься вспушишь въ величайшее спраженіе за свою душу, за дѣшей, за имѣніе и за цѣлый городъ? и законодашель, боясь, чшобъ сіи предварительныя упражненія не показались смѣшными, пренебрежешъ ихъ? Или лучше успановимъ, чшобъ маловажными изъ нихъ занимались ежедневно, безъ оружія, обрацая на сей конецъ хороводы и всѣ игры; а важнѣйшія производили бы по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, дѣлая во всей спранѣ примѣрныя сраженія, занимая шрудныя мѣсца, и

успрояя засады, Пусшь по образу дѣйствительной войны сосязующяся копьями, мѣткостью и силою; пусшь наносящя почши дѣйствительные, опасные удары. Ся игра, сопряженная со страхомъ, будетъ обличать нѣкоторымъ образомъ храбраго и нехрабраго; воздавая однимъ достойную честь, другихъ подвергая безчестию, законодатель содѣлаетъ гражданъ готовыми во всякое время на истинную войну. Нѣтъ нужды, если въ сихъ играхъ кто нибудь падетъ. Такъ какъ убійство сіе не произвольное, то законодатель извинитъ убійцу, какъ законно дѣйствовавшаго; онъ знаетъ, что послѣ поперя немногихъ родящя другіе худшіе. Но опнявъ страхъ, онъ потеряетъ осѣлокъ между людьми лучшими и худшими; и что можетъ быть гибельнѣе сего для государства?

Кл. И мы согласны съ тобою, почтенный, что всякое государство должно принять сей законъ и по нему дѣйствовать.

Аѳ. Знаете ли вы, почему нынѣ почши нигдѣ нѣтъ такихъ игръ и сраженій, или весьма мало? Скажемъ ли, что епо производятъ оны невѣжество народа и шѣхъ, кои дають ему законы?

Кл. И епо можетъ быть.

Аѳ. Никкимъ образомъ, добрый Клиній; сему есть двѣ причины и весьма досадочныя.

Кл. Какія?

Ае. Первая та, что всѣ оубо спраси
кѣ богатству не имѣютъ досуга для про-
чихъ занятій, но спараются только о
спяжаніяхъ. Гражданинъ, всею душою при-
дѣланный только кѣ корысти, не спо-
собенъ имѣть никакой другой благороднѣй-
шей мысли; онъ усердно учится только
штѣмъ наукамъ, и упражняется только въ
паняхъ дѣлахъ, кои ведутъ его кѣ сей
цѣли; онъ смѣется надъ всѣмъ прочимъ.
Сіе одно можно положить единственною
причиною, если государствѣ ошвергаетъ
всѣ прочія прекрасныя и полезныя упражне-
нія; шамъ по ненасытному сребролюбію
каждой гошовъ взяшься за ремесло или худо-
жествѣ лучшее, пруднѣйшее, если только
посредствомъ его можетъ разбогатѣть;
каждый гошовъ на всякое дѣло честное
и безчестное, не погнушаеся даже и са-
мымъ постыднымъ, если оно дастъ ему
возможность, какъ скопу, ѣсть и пить изо-
бильно, и представляетъ удовольвореніе
всякому сластолюбію его.

Кл. Справедливо.

Ае. Вотъ одна причина, говорю, кото-
рая подавляетъ въ государствахъ любовь
ко всему изящному, препяшствуетъ зани-
маться упражненіями воинственными; по
природѣ крошкихъ дѣлаетъ купцами, кор-
мчими и служилеями другихъ; муже-

сшвенныхъ же дѣлаешъ разбойниками, рущипелями спокойствія, свялошашцами, припѣсншпелями и очень часшо людей по уму опшичныхъ дѣлаешъ нещасшными.

Кл. Чшо говоришь пы?

Ае. Какъ же не назвашъ нещасшными шѣхъ, коихъ душа во всю жизнь мучшся ненасышными желаніями?

Кл. Ешо одна причина; какая же другая?

Ае. Хорошо напоминаешъ.

Кл. Ешо ненасышное корысполюбіе, подвергающее каждаго непрерывнымъ заботамъ, препяшпвуешъ упражняшся въ военныхъ дѣйшвіяхъ. Положимъ шакъ, но скажи вшорую причину.

Ае. Ты думаешъ, чшо я не скажу ее, но сѣ намѣреніемъ спараюсь шолько замаяшъ сію рѣчь.

Кл. Нѣшъ; но мнѣ кажешся, чшо пы говоря о богашспѣ, слшшномъ увлекаешся своею ненавистью къ нему.

Ае. Справедливо вы мнѣ сдѣлали сію укоризну, почпеншѣше. Слушайше же, чшо слѣдуешъ далѣе.

Кл. Говори.

Ае. Причиною сему' могушъ бышъ образы правленія, кошорые, какъ я часшо и прежде говорилъ, сушъ дшмокрашія, олигархія и шшраннія. Ни одно изъ сшхъ правленій, говоря собсшвенно, не ешъ правильное,

но всѣ могутъ назваться состояніемъ возмущительнымъ. Ибо ни въ одномъ изъ нихъ не управляютъ взаимнымъ согласіемъ, но правители охотно употребляютъ насиліе противъ людей неохотно носящихъ иго порабощенія. Они, пипая всегдашнюю недовѣрчивость къ подданнымъ, неохотно смотрятъ ни на доблестнаго и богатаго, ни на сильнаго и мужественнаго. Вотъ двѣ причины всѣхъ несчастій всякаго государства, особливо отъ обращенія отъ военныхъ упражненій. Но тогда городъ, для котораго мы пишемъ сіи законы, избѣжалъ той и другой крайности. Въ немъ царствуетъ совершенное спокойствіе и одна часть его независима отъ другой. Подъ вліяніемъ законовъ здѣсь менѣе всего будутъ знать корыстолюбіе; такой образъ правленія весьма легко и основательно допуститъ просвѣщеніе и воинственные игры, изложенныя въ семъ законѣ.

Кл. Хорошо.

Лѳ. По порядку за симъ не слѣдуетъ ли упомянуть о всѣхъ гимнастическихъ соопызаніяхъ, какія изъ нихъ полезны для войны и достойны добѣдныхъ наградъ, и какія должны быть оставлены? сіи упражненія пребудутъ того, чѣмъ сказать о нихъ подробнѣе и для каждаго положить свой законъ. Итакъ начнемъ съ бѣганія и вообще съ быспропы,

Кл. Пусть будетъ шагъ.

Аѳ. Быспропа пѣла дѣйствительно есть отличнѣйшее качество война. Одна быспропа состоишь въ ногахъ, другая въ рукахъ. Бѣжаешь и настигаешь можно только посредствомъ быспропы ногъ; но сраженіе въ схваткѣ и напикѣ пребудешь силы и твердости рукъ.

Кл. Такъ.

Аѳ. Но безъ оружія ни быспропа, ни твердость не могутъ принести великой пользы.

Кл. Не иначе.

Аѳ. Вотъ глашатай вызываетъ на поприще для состязанія напередъ бѣгущаго одну спадію. Сей выходитъ съ оружіемъ; ибо безоружному мы не полагаемъ награды. И такъ первый выходитъ состязаться въ бѣганіи съ оружіемъ; второй на колесницѣ, прешій верхомъ, четвертый далекимъ пулемъ; пятого вооруженнаго мы пошлемъ на пространство шестидесяти спадій, на примѣръ до Марсова храма; потомъ вызываемъ тяжело вооруженнаго, который бѣжитъ сто спадій до храма Аполлонова по горамъ и по всякимъ мѣстоположеніямъ. Назначивъ состязанія, мы ждемъ, доколь всѣ пробѣгутъ свои поприща, и побѣдившаго въ каждомъ состязаніи раздаемъ награды.

Кл. Справедливо.

Ае. Игры сіи мы раздѣлимъ на три рода: однѣ для дѣшей, другія для юношей и шреши для совершенныхъ мужей. Для юношей назначаемъ двѣ шреши всего пространства, дѣпямъ какъ спрѣлкамъ шакъ и шяжело вооруженнымъ половину ешаго; дѣвы юныя на шомъ же поприщѣ соспязуюшся въ бѣганіи одной шпадіи, на колесницѣ, и въ далекомъ пупи; онѣ должны бышь онѣ шринадцаши лѣшъ до замужняго возраста, кошорый шпршираешся не далѣ двадцаши лѣшъ и не ближе шосьмнадцапи. Онѣ въ приличнош одѣяніи приходяшъ на сіи соспязанія. Сего довольно о бѣганіи мушцишъ и женцишъ.

Чшо касается до упражненія силы, шо вмѣшпо борьбы и другихъ шяжелыхъ напращеній мы ушановимъ сраженіе въ вооруженіи, сраженіе одного шрошвѣ одного, двухъ шрошвѣ двухъ и шакъ до десяти шрошвѣ десяти. Какъ для борьбы ешъ извѣшныя шравила, по кошорымъ можно видѣшъ, чшо прилично и чшо не прилично для борца: равно и мы должны опредѣлишъ, какъ надлежишъ зашщцашся и нападешъ, чшобы получишъ почешпи побѣдишеля. Для сего мы шосовѣшумешя шъ мужами ишкуснѣшшими въ вооруженной борьбѣ, и вмѣшпѣ шъ ними опредѣлимъ, какъ должно опражашъ и наносишъ удары, и почему признаватъ побѣжденнаго. Сіи сраженія равно принадле-

жашъ и дѣвамъ до замужства. Въмѣсто игръ называемыхъ панкратионъ мы устанавимъ пелшаспику, въ которой покрышые щипами бросають другъ въ друга стрѣлы, копья, камни изъ рукъ или пращами. Для сихъ игръ будущъ свои законы, и мы назначимъ побѣдныя почести опличившемуся въ нихъ.

По порядку надлежало бы теперь говорить о конномъ сраженіи; но упопребленіе лошадей на оспровѣ Кришѣ не значительное, и не многимъ извѣстно; слѣдовашельно не значительны и заботы въ хожденіи за ними, и конныя игры не много уважающся. До колесницъ у васъ вовсѣ нѣтъ охотниковъ, и ни одинъ разумный человекъ не поспавляетъ въ нихъ своего любочестія. Вводишь соспязанія сего рода столь несообразнаго съ мѣспнымъ положеніемъ Криша, показалось бы совершеннымъ опсущствіемъ разума. Сообразуясь съ качеспвами своей страны, мы назначимъ награды для одноколокъ въ одну лошадь, еще беззубую, или среднихъ лѣтъ, или совершеннолѣтнюю. Соспязаніе между ими должно производись по устанавленному правилу; иппархамъ и опрядоначальникамъ принадлежитъ судъ надъ бѣганіемъ ихъ, и смопрѣніе, чшобъ бѣгали вооруженные; ибо безоружнымъ нѣтъ мѣспа ни въ гимнаспикѣ, ни здѣсь. Конной стрѣлокъ и копыеносецъ въ Кришѣ не без-

полезенъ, пошому и въ епомъ родѣ устанав-
ляюшся игры. Излишнее дѣло повелѣніемъ и
законами принуждашь женщинъ къ участию
въ сихъ упражненіяхъ; но если онѣ, обыкши
къ первымъ упражненіямъ, копорыя мы
уже назначили имъ, чувствуюшъ въ себѣ
расположеніе равно и къ симъ послѣднимъ,
шо мы не только не удерживаемъ ихъ, но и
одобряемъ ихъ намѣреніе. Симъ совершенно
оканчиваюшся сосязанія и ученіе гимна-
стики какъ на общеспвенныхъ игрищахъ,
такъ и подѣ руководствомъ учипелей.

Касательно рапсодовъ и всего отно-
сящагося къ нимъ, сосязанія хоровъ, упо-
требляемыхъ при всякомъ празднествѣ,
посвящая первокласнымъ и второспепен-
нымъ Богомъ извѣстные мѣсяцы, дни
и годы, мы устанавимъ для нихъ пра-
вила, разчислимъ ихъ на три года, или
на пять лѣтъ, или другимъ какимъ обра-
зомъ, какъ самъ Богъ внушитъ мысль о по-
рядкѣ ихъ. Тогда можно будетъ устано-
вить музыкальныя сосязанія, подѣ над-
зоромъ наградоположника, попечителя юно-
шества и законоблюспипелей. Для сей цѣли
они собираюшся вмѣстѣ, какъ законо-
датели назначаюшъ, когда, кшо, и съ
къмъ, будетъ имѣть сосязаніе, въ какихъ
пѣсняхъ и пляскахъ. О свойствѣ словъ, гар-
моніи и мѣры всякаго пѣнія и пляски за-
конодатель говорилъ уже не однажды: преем-

ники его по примѣру его, назначашъ для каждаго празднества въ свое время, приличныя игры, чшобы всякой гражданинъ чувствовалъ великолѣпнѣе шоржества. Въ сихъ и подобныхъ случаяхъ не трудно понять, въ чемъ состоишъ надлежащій порядокъ; ибо здѣсь переѣвна мѣста и времени не принесетъ государству ни великой пользы, ни велиаго вреда. Но естъ важнѣйшіе предметы, въ копорыхъ не легко убѣдишь гражданъ; убѣдишь ихъ только одинъ Богъ, принявъ на себя званіе законодателя. Доколѣ законодателя сущъ не Боги, пошребна необыкновенная смѣлосшь, чшобы со всею свободою и опкровенносцію сказать, что полезно городу и гражданамъ, чшобы въ развращенныя души вложись чувствво приличія и повиновенія государственнымъ постановленіямъ и пропивоспаты самымъ сильнымъ побужденіямъ спрасши; пошребенъ человекъ, копорый бы, не имѣя между людьми ни одного себѣ помощника, швердо рѣшилсѣ слѣдовать одному своему здравому разсудку.

Кл. Теперь о чемъ ты говоришь, я испинно не понимаю.

Ае. Не удивительно. Но я постараюсь сказать вамъ яснѣе. Коснувшись въ своей рѣчи воспишанія, я вижу юношей и дѣвъ въ дружественной бесѣдѣ между собою, и весьма еспешвенно напалъ на меня страхъ

при мысли, кто управитъ такимъ городомъ, въ кошоромъ юноши и дѣвы благовоспитанные не знакомы съ великими и усиленными прудами, кошорыми укрощаются буйныя спрасши. У нихъ чрезъ цѣлую жизнь одно занятіе — жертвоприношенія, празднества и хороводы. Какимъ же образомъ въ семъ городѣ воздержушся отъ нѣкоторыхъ сильныхъ спрасшей, кои ввергають споль многихъ какъ мужчинъ такъ и женщинъ во всѣ крайности, и обузданіе коихъ равно предписываетъ и здравый смыслъ и законъ положительный? Если предвидущіе законы воспоржествують надъ многими вредными расположеніями, то сіе неудивительно. На примѣрѣ запрещеніе искасть излишняго богатства, есть не маловажное пособіе для умѣренности, къ кошорой какъ къ цѣли спремашся всѣ поспановленія входящія въ планъ нашего воспитанія; прибавше къ сему неослабный надзоръ правителей, кошорые безпрестанно слѣдятъ юношество; етого доспапочно противъ прочихъ спрасшей человѣческихъ.

Но какія возмемъ предосторожности относительно любви юношей и дѣвъ, въ кошорой оба пола превращають еспешивный порядокъ, ошчего производятъ безчисленныя бѣдствія какъ въ частности для каждаго, такъ и вообще для цѣлыхъ государствъ? Какое средство нужно къ избѣжанію

сей опасности? Ешо не неспрудное дѣло. Въ прочихъ случаяхъ, при изданіи многихъ законовъ, не согласныхъ съ обычаями народа, немаловажную помощь намъ подають Кришъ и Лакедемонъ. Но въ разсужденіи любви, какъ извѣстно, они совершенно прошиворѣчашъ намъ. Еслибъ кто, сообразуясь съ природою возобновилъ законъ, существовавшій до времени Лаія, которымъ запрещается прошивоспешественное сообщеніе и позволяется только одно природою показанное двумъ поламъ: пошому что и въ еспешствѣ живопныхъ самецъ не прикасается къ самцу: пошъ конечно говорилъ бы языкомъ убѣдительнымъ, но не согласнымъ съ вашими обычаями; и ешотъ вашъ обычай ни какъ не согласенъ съ цѣлю, которую долженъ предполагать себѣ законодатель. Мы ищемъ въ законахъ одного, ведущъ ли они къ добродѣтели или нѣшъ. Предположивъ, будшо и мы согласились невидѣшь гнусности сего обычая, спрашивается, можетъ ли онъ содѣйствовать къ добродѣтели? Вкоренясь въ душъ обольщеннаго, дастъ ли онъ ей нравъ мужеспешенный, и обольспешелю внушитъ ли правила умѣренности? Кто можетъ ожидать ошъ сего закона подобныхъ дѣйствій? Напрошивъ не всякой ли будешъ презирашъ слабость чловѣка, который предается безчеспнымъ удовольспвіямъ и не имѣетъ ни малѣшей власти обуздать себя? Не всякой ли долженъ

гнушашся женоподобія? Кшожь согласишся на шакой законъ? Конечно ни кшо, въ чьемъ сердце напечалябнв законъ испины. Но какъ убѣдишся въ справедливости шого, что я говорю? Для сего необходимо разсмотрѣшь свойство дружбы, вождельнiя и шакъ называемой любви; ибо дружба и любовь и проиходящiй онъ нхъ шрешiй видъ, подъ названiемъ любви, производящъ здѣсь все замѣшашельство и шемношу.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Другомъ мы называемъ челошвка подобнаго другому въ добродѣтели и равнаго ему: съ прошивоположной стороны другомъ шакже называемъ челошвка нуждающагося доспапочному. Въ сильной шепенн шо и другое мы называемъ любовiю.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Дружество изъ прошивоположныхъ характеровъ сильно, необузданно и рѣдко бываетъ взаимнымъ. Дружество изъ подобныхъ характеровъ крошно и посшоянно во всю жизнь. Чшо касается до дружества смѣшаннаго изъ сихъ двухъ, во первыхъ не легко узнать, чего хочешъ одержимый сею шрешьею любовiю. Развлеченный двумя прошивными шстремленiями, онъ недоумѣваетъ, что дѣлать? Одно велитъ ему наслаждаться красошою; другое запрещаетъ. Любящiй шѣло съ жадностию сѣшнпвъ вкушитъ прелести его, какъ плодъ, и не оказы-

ваешѣ никакого уваженія къ душевнымъ до-
спойнствамъ любимаго предмета. Кпо жѣ
почишаетѣ чувстввенность поспороннею,
но видитѣ и любитѣ болѣе душу, шотѣ,
пылая благороднымъ жаромъ, шѣлесное на-
сыщеніе почишаетѣ оскорбленіемъ своей
любви. Въ благочестіи, съ любовію къ муд-
рости, мужеству, величію и умѣренности
онѣ лучше желаетѣ жить въ чиспотѣ съ
чиспымъ предметомъ своей спраспи. Та-
кова смѣшенная любовь, копорую мы на-
звали прешьею. И если ешо шакъ, шо за-
конѣ долженѣ ли воспрешить всѣ при рода
любви между нами? или ясно, чшо любовь,
копорая соединена съ добродѣтелию и содѣ-
льваетѣ юношество лучшимъ и совершен-
нѣйшимъ, мы пожелаемъ имѣть въ своемъ
городѣ, а прочія два рода изгонимъ, или
какъ иначе скажемъ, любезный Мегиллѣ?

Мег. Ты прекрасно сказалѣ о семѣ пред-
метѣ, почтенный иноземецѣ; чшо можно
сказашъ лучше?

Аѣ. Ишакъ я получилѣ, чего искалѣ, полу-
чилѣ швое согласіе. Не хочу изслѣдовашь,
чшо говоритѣ о семѣ вашѣ законѣ; мнѣ до-
вольно швоего увѣришельнаго слова. Далѣе
посшараюсь убѣдишь какими нибудь до-
водами самаго Клинія. Я присвоиваю себѣ
шолько шо, чшо вы сами уступите; но бу-
демъ продолжашъ наше разсмотрѣніе зако-
новъ.

Мег. Весьма справедливо.

Аѳ. Я придумалъ средство положишь сей законъ, съ одной стороны весьма легкой, съ другой, какъ не льзя болѣе шрудный.

Мег. Какъ ешо ?

Аѳ. Мы знаемъ , что и теперь весьма многіе люди, впрочемъ необузданные въ своихъ спрасняхъ , спрого воздерживающся отъ сообщенія съ прекрасными не по принужденію, но совершенно добровольно.

Мег. Когда же ешо бываешъ?

Аѳ. Когда у кого есть прекрасныя сеспры и брашья. Сей же неписанный законъ дошпаточенъ къ предохраненію сына и дочери отъ спраспи своего опца; онъ повелѣваешъ имъ ни явно, ни шайно не спашь вмѣспѣ, и при всѣхъ лобызаніяхъ не оскорблять спыдливоспи. Многимъ даже чужда самая мысль о шакой прешупной связи.

Мег. Справедливо.

Аѳ. Ишакъ одно прешое слово погашаешъ всѣ сіи вожделѣнія.

Мег. Какое же слово?

Аѳ. Если назовемъ ешо дѣломъ нечеспнымъ, богоненавистнымъ , и въ глазахъ людей поспыдѣйшимъ. Причина сему ша , что никшо изъ насъ не говоришь иначе о подобномъ прешупленіи , но всякой отъ рожденія своего слышишь вездѣ одно, и въ шушливой комедіи и въ важной шрагедіи, предспавляющей *Ѳіесповъ* , *Едиповъ* или

Макареевъ, тайно смѣсившихся съ своими единокровными, кошорые по ошкрытіи ихъ преспуленія, сами наказали себя добровольною смерпію.

Мег. Весьма справедливо ты говоришь, что общая молва имѣешь удивительную силу; она, можно сказать, не позволяешь даже дышать противъ закона.

Аѳ. Ипакъ справедливо сказано, что законодатель легко можешь найти способъ покорить какую нибудь склонность, чрезмѣрно возобладавшую людьми: именно содѣлавъ общій сей голосъ священнымъ для рабовъ и свободныхъ, для дѣшей и женъ, и для цѣлаго города, онъ положишь въ немъ самый швердый законъ.

Мег. Конечно правъ, но можешь ли онъ заставить всѣхъ говорить единодушно и единоголосно?

Аѳ. Хорошо ты замѣшилъ сіе. Я по же самое сказалъ, что имѣю средство ввести законъ, предписывающій употреблять естественнымъ образомъ сообщеніе, назначенное для дѣпорожденія; воздерживаешь отъ мущинъ, не убиваешь злоумышленно рода человеческого, не сбьешь его по скаламъ и камнямъ, гдѣ онъ никогда не получишь своей роспишельности, и воздерживаешь отъ всякаго женскаго сообщенія, отъ кошораго не можно ожидать плода. Сей законъ принесешь безчисленныя выгоды, если при-

менѣ такую же силу и швердоспѣ, какую онѣ имѣютъ въ связяхъ родства; во первыхъ онѣ сообразенѣ съ природою, укрощаютъ бѣшенство и неистовство любовнаго страстія, удерживаютъ отъ распушства, и отъ всякой неумѣренности въ пищѣ и пиши, ушановляютъ дружбу и согласіе въ брачныхъ союзахъ; но неизчислима польза отъ соблюденія его. Между шѣмъ услышавъ о семъ законѣ, предстанетъ къ намъ какой нибудь человекъ сильной, полнокровный; начнетъ жаловаться, что мы узаконяемъ дѣло безразсудное, несбыточное и оглушитъ насъ своимъ крикомъ. По етому шю я сказалъ, что имѣю средство съ одной стороны весьма легкое, съ другой весьма шрудное — средство содѣлать сей законъ швердымъ и неизмѣняемымъ. Возможностъ очевидна и подтверждается самымъ опытомъ. Мы говоримъ, что сей законъ освященный, покоритъ умы всѣхъ и заставитъ со страхомъ повиноваться всѣмъ повелѣніямъ законодателя. Но нынѣ порча нравственная просирается до шого, что почиаютъ невозможнымъ исполненіе сего закона; шакъ нынѣ думаютъ и объ общихъ шлогахъ, что невозможно цѣлому городу постоянно сохранять ихъ; и шогда какъ самымъ опытомъ и событіемъ они у васъ показаны, есть люди, которые думаютъ, что они ни какъ не могутъ быть введены для женскаго

пола и у васъ. Ипанъ одно невѣріе, говорю, содѣлываетъ пруднымъ исполненіе сего закона.

Мег. Епо справедливо.

Аѳ. А что сіе не выше силъ человѣческихъ, и весьма удобоисполнительно, хопише ли и для сего имѣть убѣдительныя доказательства.

Мег. Какъ не хотѣть?

Аѳ. Не лучше ли воздержаться отъ любопытствія и не скорѣе ли захочешь умѣреннаго наслажденія пощъ, у кого щло здоровое и обычное ко всякому благородному упражненію, нежели человѣкъ съ худымъ расположеніемъ щла?

Мег. Для сего должно упражнять щло свое въ трудахъ.

Аѳ. Не знаемъ ли мы по преданію, что Тареншинецъ Иккъ для Олимпійскихъ и другихъ состязаній, слѣдовательно изъ любостеснія, для щлесной ловкости, соединяя въ душѣ своей мужество съ умѣренностію, во все время своего искуса не прикасался ни къ женѣ, ни къ опроковицѣ. То же говорятъ о Крипшонѣ, Ашилѣ, Діопомѣ и о многихъ другихъ, коихъ умы были несравненно менѣе образованы, нежели нашихъ согражданъ, хотя они щломъ были сильнѣе.

Кл. Епо истинно, и всѣ древніе рассказываютъ сіе объ ацлѣсахъ, какъ самое обыкновенное дѣло,

Аѳ. Чшо же слѣдуетъ изъ сего? Если одни для побѣды въ борьбѣ, въ бѣганіи и въ прочихъ играхъ опважились воздержаться отъ удовольствія, въ кошоромъ многіе поспавляють все свое щасіе; шо наши юноши не могутъ ли воздержаться для побѣды несравненно доблестнѣйшей, кошорую мы имъ отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ описываемъ и въ повѣсняхъ и въ разговорѣ и въ пѣсняхъ какъ превосходнѣйшую.

Кл. Какая ето побѣда?

Аѳ. Побѣда надъ удовольствіями, съ кошорою сопряжено щасіе жизни, равно какъ нещасіе естъ спутникъ шѣмъ, кои побѣждаются ими. Сверхъ того спыдъ содѣлать безчестный посшупокъ, уже ли не подасть намъ силъ къ одолѣнію шѣхъ склонностей, кои побѣждали въ себѣ люди слабѣйшіе?

Кл. Вѣроятно.

Аѳ. Просперши споль далеко свое слово о семъ законѣ и ужасаясь испорченности распрощранившейся между народомъ, я говорю, чшо законъ долженъ выразиться просто; долженъ сказать, чшо наши граждане не должны бытъ хуже пшицъ и многихъ другихъ жившныхъ, кошорыя среди великихъ спадъ до времени дѣшорожденія живуть чисными и незнають удовольствій любви; но пришедши въ сей возрастъ, соединяющся самецъ съ своею самкою и по-

помѣ, сохраняя естественный порядокъ и честность, оспарюся вѣрными первому своему выбору. Люди должны быть благороднѣе скоповъ. Но если они, увлекаясь примѣрами беспорядочной и необузданной любви у прочихъ Еллиновъ и многихъ варваровъ и сами не захопяшъ воздерживаться, по законодательи, примушъ прошивъ ихъ другія мѣры.

Кл. Какой же законъ ты совѣщешь издашь, если нынѣ издаваемый будешь неудаченъ?

Аѳ. Разумѣешь такой, который вышпекаетъ изъ сего перваго.

Кл. Какой же?

Аѳ. Ослабляшъ, сколько можно болѣе, силу и порывы спрасшей посредствомъ прудолубія, обращая пишательность въ другія чаши шѣла. Сіе легко, если безстыдство не присоединяется къ любоспрасшію. Дѣйствительно, доколѣ еще не пошеряиъ стыдъ, онъ всегда можетъ ослабить спремленіе сей неисшовой спрасши и ограничить наслажденія. Добрая нравшвенность, и внутренній неписанный законъ достаточнo могутъ убѣдить насъ въ помѣ, что дѣйствія любви должны быть шайны, что всякая черпа безстыдства позорна, и что воздержаніе украшаетъ чловѣка. Сей менѣ совершен-

ный законъ, распространяя во всѣхъ прехъ классахъ людей общую благоприсойность, силою можешъ удержашъ опъ беззаконія людей съ испорченною природою, копорые, какъ мы сказали, побѣждающя опъ самихъ себя.

Кл. Какіе же прочіе два класса?

Лѳ. Первый классъ соспавляющъ люди богобоязненные, ревнишели испинной чеспи; вшорой классъ пѣхъ, кои менѣе уважающъ красосу пѣла, нежели прекрасныя качества души. Все, что мы сказали, можешъ бышь, ешь одно желаніе, какія мы часшо позволяемъ себѣ въ разговорахъ. Но сколь великую пользу можешъ получишь государспво опъ исполненія сего закона? Если дастъ Богъ, мы успѣемъ по крайней мѣрѣ въ чемъ либо одномъ изъ двухъ : первое, чтобъ никто не дерзалъ прикасаться ни къ какой благородной и свободной женщиѣ, кромѣ своей единспвенной супруги; вшорое, никто не распочалъ бы сѣмени съ блудницами, и безплодно прошикъ ешесства съ блудницами. Но если кто соединяется не съ шюю, копорая приходивъ въ домъ съ Богомъ, по священному браку, а съ наемными или другимъ образомъ приобрѣщенными, не скрываясь ни опъ мужей ни опъ женъ; шакого мы объявляемъ опчужденнымъ опъ всѣхъ гражданскихъ почешей, какъ дѣйспвишельнаго мноплеменника, и кажешся, шакой законъ

справедливѣ; пакѣ мы скажемѣ въ одномѣ или въ двухѣ законахѣ опносительнѣ любви и всѣхѣ позволишельныхѣ и непозволишельныхѣ связей сего рода.

Мег. Я очень согласенѣ принять сей законѣ; Клиній же пусть самѣ за себя опвѣчаетѣ, какѣ онѣ о семѣ думаетѣ.

Кл. Теперь оставимѣ епо пакѣ, доколѣ я выберу свое время, и дадимѣ свободу иностранцу продолжатѣ свои законы.

Мег. Справедливо.

Аѳ. Теперь мы почти дошли до установленія общихѣ прапезѣ. Чшо въ другихѣ спранахѣ очень трудно, то въ Крипѣ, — всякой согласится, иначе бытъ не можетѣ. Но каковы должны бытъ сіи прапезы, пакѣ ли какѣ онѣ теперь пакѣ ешь, или какѣ въ Лакедемонѣ, или еще инымѣ какимѣ либо образомѣ? Сіе не трудно найши, но найденное не обѣщаетѣ великой пользы. Спопы уже и нынѣ пакѣ хорошо успроены.

Порядокѣ пребуетѣ далѣе говоритѣ о средсвахѣ продовольствія Крипянѣ. Въ другихѣ спранахѣ и городахѣ средсва сіи многоразличны и почерпающя изѣ многихѣ источниковѣ; пакѣ нужды въ двое значительнѣе, нежели у Крипянѣ. Большая часть Еллиновѣ получающѣ запасы свои опѣ суши и опѣ моря; Крипяне же только опѣ земли. Сіе облегчаетѣ трудѣ законодателя; ибѣ

для него достпапочны законы не полько въ половину короче, но малочисленнѣе и для свободныхъ приличнѣе. Законодатель сего города освобождаетъ оубъ мапросовъ, купцовъ, харчевниковъ, госпинницъ, оубъ пошлинъ, и рудокопень, оубъ займовъ и необычайной лихвы; онъ издаешъ законы полько для земледѣльцовъ, паспуховъ, пчеловодовъ, художниковъ и охранителей всякаго рода орудій; важнѣйшіе изъ сихъ законовъ уже кончены, какъ шо касательо брака, рожденія и пишанія дѣшей, ученія ихъ и выбора начальниковъ. Оспашетъ сдѣлашь поспановленія для шѣхъ, кои посредшвенно или непосредшвенно содѣйствуюшъ къ продовольствію города. Начнемъ съ земледѣлія: Первый законъ назовешъ закономъ Юпишера границехранителя (Термина). Да не подвиженшъ нишо границъ ближняго своего согражданина, ни сопредѣльнаго иноземца, въ дальнихъ краяхъ владѣющаго смѣжными полями; и да знаешъ, что чрезъ сіе онъ шрогаешъ, чего шрогашъ не должно. Пущшъ всякой скорѣе двигнетъ огромную скалу, нежели границу — хощя маленькій камешекъ, раздѣляющій дружбу и вражду, на незыблемость котораго мы дали кляпву предъ Богомъ. За своего всшупишся Зевесъ единоплеменный, за чужештранца гощепрімный; да не навлечемъ, раздражая его, жеспочайшей себѣ войны. Покоряющійся сему закону

свободенъ оубъ мщенія его; презришель же повиненъ двоякому наказанію; первому и спрашному оубъ богоубъ; второму оубъ закона; да неподвигнешъ никто границъ ближняго: А кто подвигнешъ, на того первый свидѣшель доноситъ владѣльцамъ, и сіи ведущъ его въ судилище. Если онъ будешъ уличенъ, то судьи назначающъ ему наказаніе, какому подвергающъ всѣ пайные или явные нарушители границъ. Часпья и маловажныя обиды между сосѣдами производяція зарождающъ сѣмя великой вражды и содѣлываютъ сосѣдство несноснымъ и ошлагопительнымъ. Почему всячески должно остерегаться, чшобы сосѣдъ не дѣлалъ ничего наперекоръ своему сосѣду, и особенно удалять всѣ ссоры между ими въ земледѣліи. Вредить не трудно; ешо можешъ всякой; но не всякой можешъ приносить пользу. Кто запахиваетъ участокъ ближняго своего и переходить границу, шобъ долженъ заплатить за нанесенный ущербъ; но чшобы изцѣлиться оубъ своего безумія и варварства, да заплатитъ обиженному въ двое противъ ущерба. Посредники во всѣхъ паковыхъ случаяхъ, судьи и оцѣнщики суть агрономы (начальники полей); въ важнѣйшихъ случаяхъ всѣ чины двѣнадцати часпей сѣ надзирашелями; въ маловажныхъ одни надзирашели. Они же судящъ и назначающъ пеню шому, кто сдѣлаешъ поправу скопиною.

Кпо присвоиваетъ себѣ чужой рой пчелъ; кпо имѣя охоту къ пчеловодству, живетъ обманомъ, какъ по ударами звѣнящей мѣди приманиваетъ чужихъ пчелъ; шопъ да плашитъ обиженному убытокъ. Кпо, сожигая лѣсъ, не возьметъ предосторожности для предохраненія сосѣдняго лѣса, шопъ долженъ плашитъ за оцѣненный правителями убытокъ. Тому же подвергается и шопъ, кпо при посѣвѣ захватитъ чужой участокъ, о чемъ довольно говорили другіе законодатели, коими иногда можно руководствоваться; ибо не лзя пребывать опъ главнаго учредителя гражданскаго порядка, чшобы онъ съ точностію опредѣлилъ всѣ частныя и маловажныя случаи, кои послѣ его легко могутъ быть устроены.

Такимъ образомъ о водахъ для земледѣльцовъ есть древніе прекрасные законы достойные того, чшобы ввести ихъ теперь. Кпо хочетъ провести воду на свою землю, шопъ пусть проводитъ ее изъ общихъ водохранилищъ, не пересѣкая ни у одного частнаго человѣка протекающихъ источниковъ; онъ можетъ проводить ее всюду, кромѣ жилья, храмовъ и памятниковъ, припомъ занимаетъ столько земли, сколько пошребно для одного канала. Если безводіе обыкновенное въ нѣкоторыхъ странахъ поглощаетъ съ лица земли дождевыя воды и не оставляетъ самаго необходимаго питья; шопъ

гда должно искапывать колодези глубиною до глинистой земли; если и въ сей глубинѣ вода не оказывается, тогда брашь воду въ сосѣдствѣ, сколько нужно для напоенія всѣхъ домочадцовъ. Если сосѣды добываютъ ее съ нуждою, по агрономы изыскиваютъ способы, опколѣ можно доставлять воду.

Если по изліяніи небесныхъ водъ, кто либо изъ низменныхъ жилищей, задерживая ее, нанесетъ вредъ вверху живущему земледѣльцу, своему сосѣду; или напрошивъ вверху живущій, спустивъ воду, повредитъ низменному, и оба не захотятъ примириться сами между собою; то въ городѣ градоправители, а въ полѣ агрономы распоряжатъ, что должно дѣлать шому и другому. Не повинующійся сему распоряженію несеетъ наказаніе за свое жестокосердіе и злое намѣреніе вредитъ другому. Обвиненный долженъ плашиться въ двое и за нанесенный вредъ и за неповиновеніе начальству.

Касательно плодовъ земныхъ, всѣ должны имѣть сообщеніе такимъ образомъ: поелику двоякіе плоды намъ посылаетъ щедрость Помоны: первый даръ безкорыстный Вакха; другой по свойству своему сохраняемый въ прокъ: то для сего да будешь такой законъ: кто вкуситъ отъ полевого плода виноградника или отъ смокъ, прежде нежели настанетъ время собиранія ихъ, которое бываетъ осенью, на своемъ ли-то собшвен-

номъ полѣ, или на чужомъ; пошѣ пла-
 шипѣ пятьдесятъ священныхъ драхмъ Вах-
 ху, если сорвешѣ изъ своей собственности,
 мину, если сорвешѣ у сосѣда, и двѣ преші
 мины за всякой плодѣ объ чужаго поля. Желаетъ
 вѣнъ вкушатъ ошѣ винограда, шакѣ называе-
 маго свободнаго, или ошѣ смокѣв не запре-
 щенныхъ, изъ собственности, вѣ свое время
 можетъ рватъ сколько захочетъ; но если не
 спрося, сорвешѣ изъ чужаго; шо по закону,
 предписывающему не прогашъ шого, чшо не
 позволено, всегда подвергается наказанію;
 если рабѣ безъ позволенія владѣтеля кос-
 нешся плодовъ его, шо по количеству ягодѣ
 получаетъ равное число ударовъ; но челяди-
 нецѣ, ходившій за произращеніемъ плодовъ,
 можетъ вкушатъ ошѣ нихъ — сколько за-
 хочетъ. Прибывшій иностранецѣ, если по-
 желаетъ вкуситъ ошѣ плодовъ, при провод-
 никѣ можетъ рватъ зрѣлые безъ всякой
 пени; уступимъ ему сей гостепріимный даръ;
 но до полевыхъ плодовъ прикасаешся ино-
 странцамъ законъ воспрещаетъ. Коснув-
 шійся по невѣденію наказываешся: рабѣ
 — ударами, а свободный ошпускаешся со
 увразумленіемъ, пользоваешся шолько шѣми
 плодами, которые неспособны ни для вина,
 ни для хранения. Чшо касаетъ до грушъ,
 яблѣк, апельсинѣ и шому подобнаго, шпыд-
 но рватъ ихъ украдкой. Пойманный же мо-
 ложе шридцати лѣшѣ наказываешся легкими

ударами безъ ранъ ; впрочемъ шакому наказанію не подвергается свободный. Чужеспранцу позволено пользоваться сими плодами , равно какъ виноградоуб. Спарбйшій лбшами можешъ рвашъ и кушашъ, не унося ничего съ собою, можешъ имбшь сію свободу на ровнб съ иноспранцемъ. Неповинующійся симъ законамъ подвергается лишенію чеспи, если кто донесешъ судьямъ о шаковыхъ поступкахъ его.

Вода для садоводства ешь самая пипапельная спихія, но легко порпшишь; земля, солнце, воздухъ шаже служатъ пищею прозябающему изъ земли; но ихъ не легко испорпшишь ядами, или опвеспи, или укрась ; съ водою же все епо можешъ случипься. И пошому она шребуешъ помощи закона; вошб онъ: Если кто съ намбрениемъ испорпшишь чужую воду, ключевую или въ водохранилищахъ, оправишь ее , или подкопашъ , или вычерпашъ; шо обиженный доноситъ о семъ градоправителамъ, съ объявлениемъ своего ущербъ. Уличенный въ порчб воды посредствомъ яда, сверхъ пени долженъ очиспипь испочникъ или ближайшій попоя, какъ предпшупъ ему сіе законоизвъспители.

Что касается до сбышу всбхъ произведеній, всякой можешъ привозипь свои, куда ему расудипься, гдб чрезъ сіе онъ не могъ бы вредипь другому, или если прибыль его въ при раза важнбе вреда, кошорой онъ мо-

жесть причинишь другому. Архоншы должны бышь распорядишелями сихъ дѣлъ, и прекрацашь всѣ насильственныя и шайныя умыслы любоспяжанія ко вреду ближняго. Обличенный въ такихъ поступкахъ предъ Архоншами плашишь пеню, если ущербъ прошираешся не выше прехъ минъ. Но если обвиненіе прошираешся выше, шо по перенесеніи дѣла въ общее судилище виновный наказываешся. Если какой правишель произнесешь несправедливый приговоръ на щещъ ущерба; шо онъ повиненъ заплашишь обиженному въ двое. Всякой желающій можешъ переносишь въ общія судилища свои жалобы на несправедливости начальниковъ. Безчисленны и маловажны пошпановленія, какъ должно назначашъ различныя шепеня наказанія, рѣшашъ дѣла, призывашъ къ суду, и сколько свидѣтелей предшавляшь, двоихъ или болѣе; всѣ шакковыя случаи не могушь бышь ошавлены безъ узаконенія, но пришомъ они ниже главнаго законодашеля. Пущъ займушь симъ молодые, и соображаешъ съ прежними пошпановленіями, присоединяюшь малое къ великому; искусство и опышность будушь ихъ руководишелями, доколѣ они все положашъ на швердомъ основаніи. Такимъ образомъ, содѣлавъ ихъ непоколебимыми, могушь соображаешъ съ ними свою жизнь.

Послѣ сего скажемъ о ремесленникахъ. Во первыхъ ни одинъ гражданинъ не долженъ

производити ремесленных работъ, ни бытъ работникомъ другого гражданина: ибо каждый гражданинъ уже имѣетъ важное ремесло, требующее всего старанія и великаго ученія; занимаясь общимъ благоустройствомъ города, онъ имѣетъ пакія обязанности, съ коими не совмѣсна праздность. Ни какая челоѳическая природа не достпашочна для того, чшобы въ почтностію исправлять двѣ должности или два ремесла, и чшобы, занимаясь своимъ собственнымъ искусствомъ, въ поже время съ равнымъ успѣхомъ учишь кого либо другому искусству. И шакъ первымъ правиломъ въ нашемъ городѣ должно бытъ, чшобы кузнецъ не исправлялъ вмѣстѣ ремесла плотничьяго, и чшобы плотникъ не имѣлъ подъ своимъ надзоромъ кузнецовъ, кошорыми онъ долженъ занимашься болѣе, нежели своею работою, расчпывая, что отъ большаго числа работающпхъ онъ получитъ болѣе прибыли. Каждый ремесленникъ, занимаясь только однимъ ремесломъ, отъ него только долженъ получашь свое пропитаніе. Градоправители должны содержать сей законъ во всей его силѣ; они наказываютъ укоризнами, безчестіемъ того гражданина, кошорой болѣе печешься о снисканіи какаго либо промысла нежели добродѣтели и обращаютъ его на истинный путь ея. Кто изъ иностранцевъ производитъ два ремесла; шакого, наказываютъ заключеніемъ

или денежною пенею или изгнаніемъ изъ города и симъ ограничивающъ число ихъ; если лишаютъ ихъ должной плашы или работы, если кто обидитъ ихъ, или они кого обидятъ; по жалобы сего рода, до пятидесяти драхмъ прощающіяся, рѣшатъ сами градоправители; выше сего по закону рѣшатъ высшія судилица.

Пошлины въ городѣ никто не платитъ ни за ввозимые, ни за вывозимые шовары. Никто да не дерзаетъ ввозить ладану, и другихъ иноземныхъ благовоній, также красокъ, кошорыхъ не производилъ наша страна, и другихъ бесполезныхъ предметовъ роскоши, ни вывозить того, что необходимо для самаго города. Надзирашелями и попечителями сихъ шорговыхъ сношеній должны быть пять законоблюстителей, избираемыхъ по порядку изъ двѣнадцати спарѣйшинъ. Относительно оружія и прочихъ военныхъ припасовъ, если будутъ пошребны или иноземное искусство, или дерево, или металлъ, или кованіе или какія живошныя для военнаго употребленія; по ишпархи и военачальники, сдѣлавъ свои распоряженія, какъ для привоза, такъ и для вывоза, именемъ города даютъ и принимающъ все нужное, руководствуясь законами, кои для сего изданы будутъ законоблюстителами. Торговля сими и подобными вещами въ нашемъ городѣ не должна быть предметомъ корысти.

Належащій порядокъ въ раздѣленіи пишпельныхъ и прочихъ произведеній снраны, основываясь на древнемъ Кришскомъ законѣ, можеть производись слѣдующимъ образомъ: всѣ произведенія двѣнадцати часпей раздѣляются и попребляются равно между всѣми гражданами. Всякая двѣнадцатая часпъ, какъ по хлѣба, ячменя, включая сюда и прочіе плоды и всѣхъ живошныхъ, назначенныхъ для попребленія, раздѣляются на три часпи, изъ коихъ первая служить для свободныхъ; вторая для ихъ служителей; третья для ремесленниковъ, иностранцевъ, поселенцевъ, кои пребываютъ въ городѣ и пребываютъ прописанія, и для шѣхъ, кои по дѣламъ города или часпныхъ людей всегда прѣзжаютъ въ городъ. Сія третья часпъ жизненныхъ припасовъ шолько одна оспается продажною. Изъ двухъ же первыхъ часпей ничшо нейдетъ въ продажу. Но какииъ образомъ мы соблюдемъ шочность въ раздѣленіи? Весьма ясно, что оно въ нѣкошоромъ ошношеніи должно быть равное, въ другомъ не равное.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Смошря пошому, лучше или хуже бываетъ урожай и плодоносіе земли.

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Три раздѣленные часпи, одна для господъ, другая для рабовъ, третья для иностранцевъ ни чѣмъ не больше одна другой, но совершенно равны. Всякой гражданинъ,

взявъ двѣ части, дѣлишь ихъ между рабами и свободными по волѣ своей, сколько кому разсудишь дашь, по основательному разчисленію, и по числу живошныхъ питающихся земными произведеніями.

Равнымъ образомъ самыя жилища должны бытъ раздѣлены по извѣстному порядку: именно двѣнадцать селеній составляютъ одинъ округъ, имѣющій въ срединѣ общее мѣсто сношенія. Въ каждомъ селеніи учреждается храмъ съ площадью для Боговъ и геніевъ — хранищелей. Къ сохранившимся памятникамъ древности Магnezійцы должны имѣть по же почтеніе, какое имѣли въ нимъ древніе, и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ воздвигнуть храмы Веспѣ, Зевесу, Аѣинѣ, и кровопителю своей сѣраны. Жилья располагаются вокругъ сихъ храмовъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, удобныхъ для помѣщенія сѣражи.

Всю сѣрану должно снабдить художниками, раздѣливъ ихъ на тринадцать частей. Одни помѣщаются въ городѣ въ двѣнадцати частяхъ его, другіе внѣ города въ окрестныхъ сѣранахъ. Въ каждомъ селеніи должны бытъ всякаго рода ремесленники полезные для земледѣльцовъ. Первые изъ агрономовъ будучи имѣнь пооченіе о шомѣ, какихъ художниковъ и сколько должно поселить въ каждомъ мѣстѣ, дабы земледѣлецъ безъ всякаго шруда могъ пользоваться ихъ помощію;

въ городѣ сіе предоспавляешся градо-
 правительствѣ. Торжищныя спощришели имѣ-
 юшѣ попеченіе о всемѣ, чшо касаетсѣ до
 шоржищѣ, и послѣ цѣлоспи храмовѣ надзи-
 раюшѣ, чшобы въ продажѣ свѣспныхѣ при-
 пасовѣ не было никакого обмана, они же, какѣ
 блюшпшели благочинія, предупреждаюшѣ
 личныя оскорбленія и наказываюшѣ винов-
 ныхѣ. При продажѣ ошѣ города иноспран-
 цамѣ усшановленныхѣ предметовѣ, они на-
 блюдаюшѣ, чшобы все происходило по закону.
 Законѣ же шаковѣ: Въ девяшое число мѣсяца,
 избъ всего хлѣба, кошорой назначенѣ къ про-
 дажѣ, посшавщики, иноспранцы или рабы
 привозяшѣ въ городѣ для гощей одну двѣнад-
 цушую часшѣ и гощѣ на семѣ шоржищѣ за-
 купаетѣ на цѣлый мѣсяцѣ хлѣба и все хлѣб-
 ное. Двѣнадцатаго числа одни производяшѣ
 продажу, другіе покупку всѣхѣ жидкостшей до-
 спашочно на цѣлый мѣсяцѣ. Въ двадцашѣ
 шрешѣ число производяшѣ продажа живопи-
 ныхѣ, смощра пошому сколько могушѣ сбышѣ
 продающіе и сколько доспашочно для нуж-
 дающихся; шогда же продаются земледѣльче-
 скія орудія и другія вещи, какѣ шо кожи, оде-
 жда, вязанія, спощярная работа и шому по-
 добное. Иноспранцы имѣюшѣ нужду поку-
 пашѣ у другихѣ гощовое кушанье, шакже му-
 ку пшеничную, ячменную и всякія другія
 сибди; избъ гражданѣ же и рабовѣ нишпо не
 можешѣ ни покупашѣ, ни продавашѣ ничего

подобнаго; иноспранецѣ на госпинномѣ дворѣ продаешѣ ремесленникамѣ и поселенцамѣ вино и кушанье, чшо многіе называющѣ карчебничеспвомѣ.

По раздѣленіи скоша (назначающѣ повара для иноспранцевѣ и ремесленниковѣ, и прислуга. Дрова для ежедневной попки иноспранецѣ покупаешѣ опшомѣ у мѣспныхѣ поспавщиковѣ, и продаешѣ другимѣ иноспранцамѣ по скольку и когда захочешѣ. Чшо касаетсѣ до прочихѣ вещей и орудій необходимыхѣ для каждаго, онѣ продающѣ на общемѣ поржищѣ, на шакомѣ мѣспѣ, кошорое законоблоспшители вмѣспѣ сѣ поржищными приспавами и градоправиспелями изберущѣ какѣ удобнѣйшее для промѣна денегѣ на шовары и шоваровѣ на деньги, чшобѣ ни кшо не успуцалѣ даромѣ другому своей собспвенноспи.

Кшожѣ успуцаешѣ по довѣренноспи, шомѣ получилѣ ли плацу или не получилѣ, уже не можешѣ приносисѣ жалобы послѣ сей сдѣлки. При куплѣ и продажѣ вещи, во сколько она дороже пропивѣ закона, вѣ кошоромѣ сказано, выше и ниже какой цѣны не покупаешѣ ничего, излишекѣ записываетсѣ у законоблоспшителей а недоспашокѣ вычиспаетсѣ.

Тоже должно поспановисѣ о поселенцахѣ, касашельно записки ихѣ имѣніѣ. Вотѣ правила для шаковыхѣ: время жиспельспва для желающаго поселиспсѣя вѣ нашей спранѣ,

если кто приходилъ съ какимъ либо художествомъ, должно было не долѣе двадцати лѣтъ отъ написанія; потомъ сохраняя весь порядокъ благочинія, онъ платилъ немало-важную подать, и за то уже свободенъ отъ всякой пошлины за продажу и покупку. По прошествіи же сего срока онъ, взявъ свое имѣніе, отходилъ. Но если въ печеніи сего времени случилъ ему оказать какую либо отличную услугу городу, и онъ убѣдилъ совѣтъ и народное собраніе или отсрочилъ для него время удаленія, или позволилъ ему оспаться на всю жизнь свою; то онъ получаетъ удовлетвореніе по просьбѣ своей и по разсмотрѣнію города. Для дѣшей же поселенцевъ, если они ремесленники и достигли пятнадцатилѣшняго возраста, время поселенія начинается отъ слѣдующаго года. Въ печеніи двадцати лѣтъ потомъ они могутъ жить, гдѣ пожелаютъ. Ктоже и послѣ сего хочеть оспаться, тотъ долженъ просить позволенія. Отходящій уничтожаетъ всѣ записи, кои были сдѣланы на него у архонтовъ.

РАЗГОВОРЪ ДЕВЯТЫЙ

о

ЗАКОНАХЪ.

Послѣ сего кѣ ушверженію законовъ принадлежашъ судебныя производсва, сопутствующія всѣмъ дѣніямъ, о копорыхъ мы говорили. Какія дѣнія подлежатъ суду и наказанію, сіе частію уже сказано въ спашьи о земледѣліи и о всемъ, чпо кѣ нему опносятся; но важнѣйшаго еще не сказано, и не изложено подробно, какое должно принимашъ наказаніе и опѣ какихъ судей. И о семъ слѣдуетъ говорить по порядку.

Кл. Справедливо.

Ае. Поспѣдно нѣкопорымъ образомъ ушверждашъ законами и шо все, чпо мы теперь намѣрены ввести въ шакомъ городѣ, копорый долженъ бытъ благоустроенъ, и сохраняшъ всю правопу въ навыкахъ добродѣтели; и въ шомъ же городѣ предполагашъ, чпо будущіе люди причасные ужаснѣйшимъ порокамъ; люди, копорымъ законодапель необходимо долженъ грозить, какъ для опвращенія опѣ сихъ дѣлъ, шакъ и для наказанія за содѣянное; полагашъ для сего законы, будшо сіе можешъ случиться, нѣкопорымъ образомъ, какъ я сказалъ, поспѣдно. Но мы издаемъ законы не для сыновъ Божіихъ, не для героевъ, какъ древніе законодапели, копорые по преданію и сами происходили опѣ

Боговъ, и законодашельспвовали для людей божеспвеннаго происхожденія ; мы люди, и законодашельспвуемъ для сбмени чловбчскаго. Намб просшпшельно бояшья, чшобб не произошли между нашими гражданами какб бы плевелы, кошорыхб не силенб испребипь самый огонь. Сколько бы сильны ни были законы, они ни обуздаюшб непреклонныхб. Для нихб-шо я произнесу непріяшный законб о свяшопашспшвб, еслибб кшо посягнулб на шакое пресшупленіе; мы не желали бы, и даже нельзя надбвьяшья, чшобб благовоспипанный гражданинб заболблб симб недугомб. Рыбы шолько, пришельцы и слуги пришельцовб могушб подвергашься ему. Для нихб-шо особенно, но пришомб не довбряя и общей слабости чловбческой природы, я изрбку законб о свяшопашспшвб и о другихб подобныхб неизцблпмыхб пресшупленіяхб. Предисловіе же кб сему, какб прежде согласились, должно сказашь самое крашкое для всбхб. Кшо нибудь говоря на-зидашельныя рбчи кб чловбку, кошораго злое желаніе влечешб днемб и возбуждаешб ночью, на ограбленіе свяшпыни, положимб, скажешб шакб: Нещасшпый! не чловбческое зло и не божеспвенное влечешб шебя на свяшопашспшво ; шебя побуждаешб какое нибудь пресшупное жало, зародившееся вб чловбкб опб древнихб еще неочищенныхб несправедливостей. Надобно оспе-

регаешься себѣ всячески; и вошѣ въ чемѣ состоишѣ ошпорожностѣ: если родишѣ въ себѣ подобная мысль, прибѣгай къ очиспительнымѣ жершвамѣ, иди молишѣ въ храмы Боговѣ, опгоняющихѣ всякую напасшѣ, иди въ бесѣду людей добродѣтельныхѣ. Учись у нихѣ и самѣ спарайся рассуждашѣ, какѣ долженѣ всякой человекѣ любить прекрасное и справедливое; и не озираешѣ бѣги сообщества злыхѣ людей.

Если шы сіе сдѣлаешѣ, шо болѣзнь швоя упишишѣ; иначе лучше предпочпи смершь и ошпавь позорную жизнь. Когда, внимая сему предисловію, люди поймушѣ, что пакія дѣла нечестивы и гибельны для общаго благосостоянія, и повиняшѣ, шо для шаковыхѣ законѣ молчишѣ: но для непокорныхѣ и послѣ предисловія онѣ громко вопіешѣ. Пойманный въ швяшпашспшѣ рабѣ или пришелецѣ, сѣ написаніемѣ на челѣ и на рукахѣ прешупленія, вышѣченный, какѣ судьями будешѣ опредѣлено, нагой извергаешѣ за предѣлы государшва. Послѣ шакаго наказанія, можешѣ бышь, онѣ образумишѣ и сдѣлаешѣ лучшимѣ: ибо не на зло клонишѣ наказаніе, по закону совершаемое, но производишѣ одно что либо изѣ двухѣ: или лучшимѣ, или злобнѣйшимѣ дѣлаешѣ шого, что подвергаешѣ ему. Но если гражданинѣ окажешѣ въ подобномѣ прешупленіи; если онѣ или прошивѣ Боговѣ

или прошивъ родителей, или пропивъ опечесства совершивъ какое нибудь изъ великихъ и неслыханныхъ злодѣній; шо судья долженъ почипашъ его уже неизцѣлимымъ; шѣмъ болѣе что онъ получивши съ дѣшсства споль опличное воспитаніе и наспавленіе, не воздержался опъ ужаснаго зла. Смерпная казнь для шакаго ешь самое малое зло: пусшь онъ и для другихъ послужитъ урокомъ; пусшь безславный погибнетъ за предѣлами опечесства; дѣшямъ же его и племени, если они избѣгущъ пороковъ опца своего, принадлежитъ слава и всеобщій лестный опзывъ, что они хорошо и мужеспвенно перешли опъ зла къ добру; имѣніе ихъ не должно бытъ обрацаемо въ общеспвенную казну въ шакомъ государспвѣ, въ кошоромъ всѣ учаспки всегда должны оспаваться равными. Пени же, если преспупленіе шребуетъ, производятся шакъ: онѣ налагаются сколько позволятъ излишекъ опъ узаконеннаго учаспка, а болѣе никакъ. Точныя же свѣдѣнія для сего законоблюспшители, выписавъ изъ записей, сообщающъ судіямъ, дабы ни одинъ учаспокъ не уменьшался по недоспашку имѣнія; а кто найдется достпойнымъ важнѣйшей пени; если друзья его не захопятъ поручиться за него и своими пособіями освободить его; шопъ наказываеця временнымъ заключеніемъ и спрогими укоризнами. Но безъ наказанія за преспупленіе никшо не

долженъ оспаваться, или бѣжашъ за границу. Смершь, заключеніе, удары, позорныя мѣста, удаленіе въ храмы на послѣднихъ предѣлахъ опечесшва, или денежныя пени, шаковы должны бышь наказанія. Судьями же для смершнаго наказанія должны бышь законоблюспишели и лучшіе избъ прависпелей предвидушцаго года. Какимъ образомъ должно происходишь введеніе ихъ, призываніе къ суду, подобное сему, о семъ будущъ имѣшь попеченіе молодые, позднѣйшіе законодашели. Но наше дѣло успановишь самое судопроизводсшво (производсшво дѣла). Приговоръ дѣлаешся явно. Во первыхъ судьи по спаршинсшву возсѣдашъ, предъ нихъ предстаюшъ исщецъ и опвѣщчикъ. Всѣ граждане, имѣющіе досугъ, предсшояшъ и прилѣжно внимаюшъ суду. Первое слово говоришъ обвинишель, второе опвѣщчикъ. Послѣ ихъ словъ начинаешъ дѣлать вопросы спаршій, входя въ подробное разсшопрѣніе сказаннаго. Послѣ спаршаго другіе по порядку излагаюшъ, что найдущъ нужнымъ опнишь или прибавишь къ словамъ шой и другой спороны шяжушцейся. Кто не находишъ никакого возраженія, шощъ передаешъ судъ другому. Написавъ избъ сказаннаго все принадлежашее къ дѣлу, всѣ судьи прикладываюшъ къ написанному свои печаша, и полагаюшъ его въ храмъ Весшы. На другой день опяшь сошедшсь, разсшуда-

юшѣ, пересмашриваюшѣ дѣло и подписываюшѣ сказанное; прижды совершивъ сіе, собравъ досмашпочныя доказательствѣа и свидѣшелей, каждой изв произносящихъ священнѣй приговоръ клянешѣ предѣ Вешпоку, чшо онѣ по возможности судилѣ справедливо и истинно, и шакимъ образомъ оканчиваешѣ судѣ. Послѣ прешупленій прошивъ Боговѣ, слѣдуешѣ нисроверженіе сущешвующаго порядка дѣлѣ: кшо возведеніемъ кого нибудѣ во власшѣ порабощаешѣ законы, крамолами покоряешѣ себѣ городѣ, дѣйствуетѣ насильшвенно, и незаконно возбуждаешѣ мяшежи: шого должно почишашѣ ужаснѣйшимъ врагомъ опешешшва; а верховнаго правешеля въ городѣ, опѣ кошораго бы укрылишя или не укрылишя подобныя умыслы, хошя бы онѣ въ нихѣ не участвовалѣ, но по малодушію не смѣлѣ прибѣгнушѣ къ спросоши мщенія за свое опешешшво, должно почишашѣ вшорымъ злодѣемъ. Всякой доброй гражданинѣ обязанѣ доносишѣ правешельшву и приводишѣ на судѣ незаконно умшпляющаго перемѣнишѣ сущешвующій образѣ правленія. Судьями сихѣ дѣлѣ будутѣ судьи для шашпошашцевѣ, и судѣ происходишѣ одинакимъ образомъ какѣ для однихѣ, шакѣ и для другихѣ. Смершнѣй приговорѣ произносишѣся по большишшву голосовѣ. Однимъ словомъ, изв мщенія къ опцу наказаніе не должно просширашѣся на дѣшеш его, развѣ у кого и

опецъ и дѣдъ и прадѣдъ подвергались смершной казни; шаковыхъ городъ, опдавъ имъ все ихъ имущество, кромѣ законнаго участка, опсылаешъ въ ихъ первобытное опечество. Если въ нѣкошорыхъ семействахъ будешъ много дѣшей и всѣ не моложе десяти лѣтъ, то изъ нихъ выбравъ десятиперыхъ, коихъ назначишь опецъ или дѣдъ съ опцовской или съ машеринской спороны, имена избранныхъ препроводишь въ Дельфы, и кого Богъ-оракулъ укажешъ, пошъ дѣлаешся наслѣдникомъ опшавшагося имѣнія.

Кл. Хорошо.

Лѳ. Третій общій законъ долженъ показашъ, какіе судьи должны бытъ для сихъ дѣлъ, и какимъ порядкомъ доносящій объ измѣнѣ долженъ приводишь обвиняемыхъ къ суду; также сказаши объ участи дѣшей ихъ, опшавашся ли имъ въ опечествѣ или выходишь изъ онаго; и сей законъ будешъ общимъ для измѣнника, свяшопашца и для низпровергающаго своимъ насильствомъ опщественные законы.

Для вора, уградеши ли онъ много или мало, долженъ бытъ одинъ законъ и одно наказаніе за все. За покраденное долженъ плашишь въ двое обвиненной въ семъ преспуленіи, если имѣніе его сверхъ законнаго участка досшашочно для уплашы; иначе онъ заключаешся въ шемницу, доколѣ или уплашишь,

или помиришься съ испцомъ; кпо подвергается казни какъ государственный воръ, шощь или по снисхожденію народа, или заплачивъ въ двое за покраденное, освобождается ошъ заключенія.

Кл. Чшо мы говоримъ, почтенный, будшо нѣшъ никакой разности для ворующаго, украдешъ ли онъ много или мало, изъ священныхъ ли храмовъ, или изъ вещей общеспвенныхъ, и мало ли другихъ несходствъ въ воровствѣ? Законодатель, кажешся, долженъ вникашъ въ различіе ихъ, и не налагашъ за все одинакаго наказанія.

Аѳ. Прекрасно, Клиній; ты какъ будшо пробуждаешъ меня внезапнымъ препикновеніемъ въ спокойномъ печеніи моемъ. При семъ ты приводишъ мнѣ на мысль и другое, что въ законодательствѣ никогда еще не было ничего совершенно успроеннаго.

Кл. Какъ можно снзашъ и ешо?

Аѳ. Мы уже и прежде не худо уподобили всѣ нынѣшнія законодательства рабамъ, рабами же вручаемымъ. Ты знаешъ, что какой нибудь врачъ, занимающійся врачеваніемъ шолько по опытамъ безъ ученія, увидѣвъ другаго врача свободнаго, съ свободнымъ больнымъ разговаривающаго, глубокомысленно съ помощію наукъ изслѣдыющаго начало болѣзни, и распространяющаго обѣ общей природѣ всѣхъ шѣлъ, — не подумавши громко засмѣшся, и скажешъ шо,

что говорятъ о семъ обыкновенно весьма многіе врачи:— глупой, ты не лѣчишь больного, но почти учишь, будто онъ долженъ сдѣлаться врачомъ, а не здоровымъ.

Кл. И кажешься, онъ сказалъ бы ещо справедливо.

Ае. Но еслибъ онъ заключилъ, что и пошъ учишь гражданъ, а не законодательствуйешь, кшо излагаешь законъ шакъ, какъ мы шеперь говоримъ; конечно онъ сказалъ бы сіе правильно.

Кл. Все равно.

Ае. Но мы имѣемъ еще одно преимущество.

Кл. Какое?

Ае. То, что не имѣемъ никакой необходимости законодательствовать; но войдя въ разсужденіе, мы разсмашриваемъ въ каждомъ правленіи, что превосходно и что необходимо, и какимъ образомъ можетъ быть успроено. И шеперь кажешься мы вольны, если угодно смопрѣшь въ законахъ на лучшее; а если желаемъ, на необходимѣйшее; избиремъ шо или другое, если угодно.

Кл. Смѣшной выборъ мы предлагаемъ себѣ, почтенный! Мы былибъ подобны законодателямъ по неволѣ, еслибъ подлежало давать законы по величайшей какой нибудь необходимости безъ опсрочки даже до завшряшняго дня. Слава богу, намъ какъ и каменщикамъ или начинающимъ другія ра-

бопы, еще можно сносить все въ одну кучу и выбирать изъ ней все годное для будущаго зданія, но выбирать на другѣ. Ишакъ положимъ что мы зиждемъ не по нуждѣ, но по волѣ; одно перекладываемъ, другое слагаемъ, и правильно можно назвашь одни изъ законовъ уже положительными, другіе шолько предложенными.

Ае. Ешо единственнѣй способъ — согласишь съ природою наше обозрѣніе законовъ. Но прошу васъ, возмите въ разсужденіе о законодателяхъ. . .

Кл. Чшо?

Ае. Въ городахъ много пишущѣ и разсуждающѣ о многихъ другихъ предметахъ; законодатели шакже пишущѣ и разсуждающѣ.

Кл. Нѣшѣ сомнѣнія.

Ае. Будемъ ли обращать все вниманіе шолько на сочиненія спихошворцевъ и шѣхъ, кои изложили спихами или прозою правила жизни; а сочиненія законодательей оставимъ? Или особенно въ сіи вникашь будемъ?

Кл. И несравненно болѣе.

Ае. Не законодатель ли долженъ разсуждашь о прекрасномъ, добромъ и справедливоромъ? Не онъ ли долженъ учить, въ чемъ онѣ состояшѣ, и какъ ими должно пользовашь-ся, чшобъ жить шаспливо?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Ае. Но еслибъ спыдно было Гомеру или Тиршею или другимъ спихошворцамъ писашь худо о жизни челоувѣческой и обязанносняхъ ея; шо менѣ ли поспыдно сіе для Ликурга, Солона, и для другихъ, кои писали о законахъ? Или справедливо сочиненія о законахъ болѣе другихъ должны опличашься лучшимъ и пріятнѣйшимъ выраженіемъ; чшобъ никакое другое не могло спорить или равняшься въ превосходствѣ съ ними, чшобъ всякое противорѣчіе имъ было смѣшно? Предспавимъ себѣ, чшо законы должно писашь съ любовію и мудросшію опца и машери, а не съ спрогосшію ширанна приказашь, погрозить, написашь на спѣнѣ, и шѣмъ всѣ дѣло рѣшить. Разсмотримъ же, какимъ образомъ и намъ говорить о законахъ; по силамъ ли сей шрудъ или не по силамъ, будемъ гошовы на все; и еслибъ чшо на пуши своемъ надлежало прешерпѣшь, прешерпимъ, шолько бы далъ Богъ успѣшно совершиться сему.

Кл. Прекрасно сказано; сдѣлаемъ, какъ шы говоришь.

Ае. И во первыхъ рассмотримъ почно, какъ мы себѣ предположили, о свяшопашспствѣ, о всякомъ воровствѣ, и вообще о всѣхъ несправедливосняхъ. Не опчаемся, если законодапельспвуя, иное уже положили, о другомъ же входимъ шолько въ рассмотрениеъ. Мы дѣлаемся законодателями, но еще не законодатели. Скоро можетъ бышь ими будемъ; по

расмотримъ, если угодно, по предложенной методѣ то, о чемъ я началъ говорить.

Кл. Очень желаемъ.

Ае. Поспараемся же вникнуть въ прекрасное и справедливое, въ чемъ мы теперь уже согласны, и въ чемъ не согласны и мы сами съ собою, мы, которые спремимся по крайней мѣрѣ опдѣлиться опд невѣжественной толпы и въ чемъ несогасна чернь между собою.

Кл. О какихъ разногласіяхъ нашихъ говоришь ты?

Ае. Поспараюсъ объяснишь : въ справедливости вообще, въ справедливыхъ людяхъ, дѣлахъ и подвигахъ мы всѣ соглашаемся, что они прекрасны. И кажется, не ошибочно можно утверждать, что справедливые люди, хотя бы были безобразны наружностію, по безприсрасію же совершенно прекрасны, не правда ли?

Кл. Точно такъ.

Ае. Замѣшимъ же, что, если все соединенное съ справедливостію прекрасно; то и всѣ наши расположенія бывающіе таковыми же какъ и наши дѣла.

Кл. Не иначе.

Ае. Всякое правильное дѣйствіе въ таковой мѣрѣ бываетъ прекрасно, сколько оно совмѣстно съ справедливостію.

Кл. Такъ.

Аѳ. Слѣдовательно нѣтъ никакого противорѣчія, что всякое расположеніе души, совмѣстное съ справедливостію, въ такой же мѣрѣ должно быть и прекрасно.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Но мы, признавая какое нибудь расположеніе справедливымъ, но не прекраснымъ, признаемъ ихъ противными другъ другу, противными справедливое и прекрасное.

Кл. Какимъ образомъ ты это говоришь?

Аѳ. Не трудно понять. Непосредственно предъ симъ положенные нами законы, кажешься, говоряшь совершенно противное насъ стоящимъ словамъ нашимъ.

Кл. Какимъ?

Аѳ. Мы положили, что святопапашецъ и врагъ существующихъ законовъ справедливо наказывающаго смертію. Намъ бреваясь сдѣлашь многія подобныя узаконенія, мы удерживаемся, почитая ихъ ужасными по суровости ихъ и по жестокости наказанія; вошь самыя справедливыя дѣла, но припомъ и самыя гнусныя. Такимъ образомъ не представляюща ли намъ справедливое и прекрасное иногда какъ одно и тоже, иногда совершенно противными?

Кл. Случается.

Аѳ. Отъ того такъ не согласно многіе говоряшь о прекрасномъ и справедливомъ и раздѣляютъ ихъ на двѣ части.

Кл. Это ясно, почтенный.

Аѳ. Посмотримъ же, Клиній, больше ли согласія будетъ въ нашихъ словахъ о томъ же предметѣ.

Кл. Въ чемъ?

Аѳ. Думаю, что я уже сказалъ ешо ясно въ прежнихъ словахъ.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Если не прежде, такъ теперь скажу.

Кл. Чшо такое?

Аѳ. Чшо всѣ злые во всѣхъ случаяхъ прошивъ воли своей бывають злыми; и если ешо такъ: шо необходимое изъ сего слѣдствіе...

Кл. Какое?

Аѳ. Чшо всякой несправедливой человѣкъ есть злой: но злой по неволѣ шакоев. Дѣлашь же по неволѣ чшо нибудь произвольное, несообразно съ разсудкомъ. Полагающій обиду произвольною основывается на томъ, чшо несправедливый прошивъ воли своей причиняетъ ее. И я съ нимъ согласенъ; я шакже говорю, чшо всѣ прошивъ воли своей бывають несправедливыми; хошя ишо по духу прошиворѣчія или для шранности утверждаетъ, чшо дѣйствительно прошивъ воли иные дѣлаються шакими, между шѣмъ многіе произвольно несправедливы. Но объ первымъ я согласенъ, а послѣдняго не принимаю. Какимъ же образомъ я согласусь самъ съ собою? — спросите меня вы, Клиній и Мегилъ; и если такъ, почтѣ-

ный, по какой совѣщъ подашь ты намъ о законодательствѣ для города Магнезіи? Узаконяшь ли что или нѣтъ? какъ же нѣтъ? скажу я. Ишакъ раздѣляешь ли ты преступленія на произвольныя и непроизвольныя? за произвольныя положишь ли большія наказания, а за непроизвольныя меньшія? Или за всѣ равныя, шакъ какъ бы не было преступленій совершенно произвольныхъ?

Кл. Правильно говоришь ты, почтенный; но къ чему намъ послужатъ слава сіи?

Ае. Прекрасный вопросъ! во первыхъ онѣ послужатъ намъ къ шому...

Кл. Къ чему?

Ае. Припомнимъ, какъ мы сказали и шеперь и прежде, что относительно справедливости мы находимся въ великомъ замѣшательствѣ и несогласіи; взявъ сіе въ разсужденіе, опять воспросимъ себя самихъ: не разрѣшивши своего сомнѣнія о семъ предметѣ и не опредѣливши, чѣмъ различающа между собою, принятыя законодателями всѣхъ временъ и всѣхъ государствъ два вида преступленій, произвольныхъ и непроизвольныхъ, различіе на копоромъ основаны ихъ законы; останемся ли мы довольны тѣмъ, что повшоримъ сіе изрѣченіе какъ оракульское и тѣмъ однимъ окончимъ, и не подшвердивъ справедливости сказаннаго доводами, будемъ предписывать законы? Ешо невозможно. Но напередъ необходимо обьяснишь сіи два

вида и прочія ихъ различія, дабы всякой могъ слѣдовать за нашими причинами при возложеніи на кого нибудь наказанія, и судишь нѣкопорымъ образомъ, справедливо ли оно возложено или несправедливо?

Кл. Кажешся, шы хорошо говоришь, почтенный.

Ае. Намъ нужно одно чшо либо изъ двухъ, или не говоришь, чшо всѣ преспуленія не произвольны; или доказашь, чшо сіе сказано правильно; одно изъ сихъ двухъ для меня совсѣмъ несперпимо, бышь увѣрену въ какой либо истинѣ и не смѣшь сказашь своего мнѣнія; ешо беззаконно и богопротивно. Но какимъ образомъ производящъ два вида? И если они не опличаются между собою произволомъ и произвольностію, но другимъ какимъ либо образомъ, шо сіе шакже пребуешъ объясненія.

Кл. Совершенно шакъ, почтенный; иначе мы не можемъ понять сего раздѣленія.

Ае. Вы скоро поймете. Убышки, получаемые гражданами другъ отъ друга во взаимныхъ оборобахъ и сношеніяхъ, бывающъ многочисленны и весьма часто произвольнымъ и произвольнымъ образомъ.

Кл. Конечно шакъ.

Ае. Но полагая всякой убышокъ несправедливостію, не подумаемъ, чшо и несправедливости сѣ убышками сопряженныя, шакже двойки: однѣ произвольныя,

другія произвольныя. Ибо произвольныя убытки ни числомъ, ни мѣрою не меньше всѣхъ произвольныхъ. Разсмотримъ, желая говорить сіе, говорю ли я чтонибудь или вовсе ничего. Я не скажу, Мегиллъ и Клиній, что пошлъ обижаешь, но обижаешь прошивъ воли, кто наноситъ вредъ другому прошивъ своего желанія, невольно; и въ законѣ я не опшесу сего вреда къ произвольной несправедливости. Великъ ли сей вредъ или малъ, я не назову его несправедливостию. Часто по моему мнѣнію услуга, оказанная не законнымъ образомъ, дѣлаешь виновника своего несправедливымъ. Смотри попому, даешь ли кто другому что либо или опнимаешь у него, друзья, почти нельзя назвать его справедливымъ или несправедливымъ человекомъ. Но законодатель долженъ обращать вниманіе на самое намѣреніе и способы, какъ кто приноситъ пользу или вредъ, опличая всегда несправедливость и убытокъ; дѣлю законовъ должно быть, вознаградишь по возможности убытокъ, спаси погибшее, воспавишь падшее, изцѣлишь раненое и примиря достойнымъ воздаяніемъ наносящихъ и претерпѣвающихъ обиды, спарашься вмѣсто распри водворяшь дружество.

Кл. Епо хорошо!

Аѳ. Также неправедные убытки и корыстолюбіе, когда кто ищетъ обогащенія не-

справедливими пушями, какъ болѣзнь души изцѣляшь, если она удобоизцѣлима; но надобно сказаць, что изцѣленіе сей болѣзни клонится только къ тому —

Кл. Къ чему?

Аѳ. Дабы наносящаго большую или малую обиду законъ научалъ и заспавлялъ впредь или вовсе не дерзаять добровольно на дѣла подобныя или гораздо меньше, и вознаграждать припомѣ нанесенный вредъ. Приводить къ сему дѣлами и словами, посредствомъ удовольствія, огорченія, почестями и безчестіемъ, денежными пенями и дарами, или другимъ какимъ либо образомъ внушать ненависть къ обидѣ и любовь къ справедливости, воплѣ дѣйствія прекраснѣйшихъ законовъ. Если законодатель усматриваетъ людей неисправимыхъ съ сей спороны, то для таковыхъ какое наказаніе и какой законъ онъ положишь? Зная, что для нихъ самихъ жизнь не представляетъ ничего хорошаго, и для другихъ они смертию своею принесутъ двоякую пользу; во первыхъ послужатъ имъ урокомъ, не обижаютъ другихъ; во вторыхъ освободятъ городъ отъ людей порочныхъ, за такія преступленія законодатель необходимо предписываетъ смертную казнь; иначе никогда.

Кл. Все сказанное шобою очень справедливо. Но съ великою охотою желалибъ мы услышать яснѣйшее различіе между неспра-

ведливостию и вредомъ, между произвольнымъ и непроизвольнымъ, и о томъ, какая связь находится между первыми и послѣдними.

Аѳ. Постараюсь сдѣлать и скажешь, какъ вы приказываете. Конечно вы сами спользуете говорить между собою о душѣ и слышите, что есть нѣкоторое разположеніе въ ней, или нѣкоторая часть существа ея — гнѣвъ, ошъ природы неукротимый, грубой, копорый часто увлекаетъ насъ своею безразсудною, слѣпою силою.

Кл. Какъ этого не знаешь?

Аѳ. Сверхъ того мы примѣчаемъ въ душѣ влеченіе къ удовольствію, которое не имѣетъ ничего общаго съ гнѣвомъ; оно съ противной стороны вадѣчествуетъ своею слѣпою силою, убѣждаетъ измѣнительно дѣлать все, что внушаютъ стремленія его.

Кл. И почто.

Аѳ. Третьею причиною пороковъ, не ошибаясь, можно назвать невѣжество. Но законодапель лучше можетъ раздѣлить его на два вида: на простое невѣжество, которое бываетъ виною легкихъ пороковъ, и сложное, когда кто не только не знаетъ своего невѣжества, но и щеславится своею мудростию, будучи совершенно понимаетъ то, въ чемъ онъ вовсе не свѣдущъ. При силѣ и могуществѣ оно производитъ величайшія и грубѣйшія пресупленія, при слабости же пороки дѣшея и стариковъ. Сіи мы называемъ

погрѣшностями и укрощаемъ ихъ законами кроткими, снисходительными.

Кл. Справедливо говоришь.

Аѳ. Разсуждая о людяхъ, мы говоримъ, что одни изъ нихъ благороднѣе по своимъ удовольствіямъ и гнѣву, другіе хуже.

Кл. Совершенно такъ.

Аѳ. Но мы никогда не слышимъ, чтобы по невѣжеству одинъ былъ лучше, а другой хуже.

Кл. Очень справедливо.

Аѳ. Всѣ сіи побужденія увлекаютъ каждого къ особеннымъ желаніямъ, и такъ скажутъ, раздраютъ на двѣ прошивныя спороны.

Кл. Очень часно.

Аѳ. Теперь уже ясно и безъ всѣхъ околнчностей могу раздѣлить справедливое и несправедливое. Владычествую надъ душою гнѣва, страха, удовольствія, горести, зависти и вождѣній, вредитъ ли кто или нѣтъ, я вообще называю несправедливостію. Назову справедливымъ всякое дѣйствіе, сообразное съ понятіемъ блага, принятаго или отъ цѣлаго государства, или нѣкоторыми частными людьми, если сіе понятіе владычествуетъ въ душѣ, располагаетъ всѣмъ человѣкомъ, хотябы онъ подвергался иногда ошибкамъ; повинующійся сей власти вездѣ, во всю жизнь есть лучшій человѣкъ. Погрѣшности его у всѣхъ называются неумышленною несправедливостію; впрочемъ теперь не спо-

римъ о названіяхъ. Открывши сіи при повода къ пресупленію, посшараемъ напередъ зашвердишь ихъ въ памяти своей. Первой поводъ ешь огорченіе, кошорое мы называемъ гнѣвомъ и спрахомъ.

Кл. Точно шакъ.

Лѳ. Вшорой поводъ дають удовольшвія и вождѣлнія и шпрешій опсупшвіе надежды, и всякаго испиннаго миѣнія; и по раздѣленіи сего шрешьяго, мы находимъ всѣхъ пяшь видовъ. Для сего должно издашь различные законы, подвеа ихъ подъ главные два рода.

Кл. Какія?

Лѳ. Одинъ родъ для пресупленій опкрышыхъ, шяжкихъ; другой для содѣваемыхъ во шъмѣ и обманомъ; иногда шѣмъ и другимъ образомъ; смошря посему, и законы не могутъ бышь довольно спрогими, чшобъ соблюсти всю справедливість.

Кл. Правильно.

Лѳ. Послѣ сего присупимъ опяшь къ шому, опъ чего мы опступили въ продолженіи законодашельства. У насъ уже положены, кажешся, законы о грабишеляхъ швяшнии, о предашеляхъ, о подрывающихъ законы низпроверженіемъ существующаго государственнаго усшройства. Если учинишь шакое пресупленіе сумашедшій, или болѣзнію или дряхлою спаросшію обремененный или по слобоумію дѣшямъ свойшвенному и сіе опкроешся избраннымъ для сего судьямъ, по

признанію самага виновнаго, или заспавшими его на дѣлѣ: по всякой изъ шаковыхъ просто уплачиваеиъ убышкѣ имъ нанесенный, и отъ прочихъ обвиненій освобождаетъ, исключая, если онъ убивши кого нибудь, осквернииъ руки свои кровію. Тогда онъ долженъ удалиться въ чужую спрану и цѣлой годъ жишъ въ опечесшва. Но если онъ придетъ прежде узаконеннаго времени, или найдешъ, гдѣ бы по ни было, въ опечесшвенной спранѣ; по онъ законоблоспшителями ввергаешъ на цѣлой годъ въ публичную шемницу, и попомъ освобождаетъ. Начавъ говоришъ объ убійшвѣ, поспараемъ положишъ конецъ законамъ о убійшвѣ всякаго рода и во первыхъ о непроизвольномъ, нечаянномъ. Если кто при соспязаніи на общеспвенныхъ играхъ невольно, на самомъ мѣстѣ, или оставивъ нѣсколько минушъ жизни, убешъ своего друга; равно если убешъ на войнѣ или въ пригошвленіи нѣ войнѣ, между пѣмъ какъ начальники дѣлали военное ученіе, невооруженный или вооруженный по подобію дѣйспшительной войны; по по закону, данному о семъ отъ Делфійскаго аракула, шакой убійца свободенъ отъ осужденія. Всякой врачъ, если лѣчимый безъ умышленія его умретъ, по закону оправдываетъ. Если пропивъ воли одинъ убешъ другаго, или безоружнымъ своимъ пѣломъ, или орудіемъ, или спрѣлою, или поданіемъ пиши и пишья, или сѣ помощію огня

или мороза или лишеніемъ дыханія, изъ своихъ рукъ или посредствомъ шѣлъ постороннихъ; пошѣ, какъ убійца, несетъ слѣдующее наказаніе: кто убьетъ чужаго раба, принявши его за своего, пошѣ заплачивъ за него, оставяетъ господина его безъ убытка; иначе долженъ заплашитъ двойную пеню за убишаго. Судіи ушвержають цѣну сію. При помѣ онъ подвергается большимъ очищеніямъ и важнѣйшимъ, нежели убійцы на игрищахъ. Исполковашелями сихъ очищеній будутъ люди оракуломъ назначенные. Убившій своего раба, по очищеніи освобождается по закону ошѣ всякаго другаго наказанія. Кто непроизвольно убьетъ свободнаго, пошѣ подвергается шѣмъ же очищеніямъ, какими очищается убившій раба. Припомѣ не оставимъ безъ вниманія одного изъ древнихъ преданій: говоряшѣ, что убишій насильственно, если онъ жилъ въ свободномъ разумѣ, по смерти своей пашаетъ гнѣвъ на убійцу; еще исполненный спрахъ и шрепеша за несправедливую смерть, и видя убійцу своего, ведущаго обычной образъ жизни, онъ негодуетъ; еще смущенный, онъ всею силою возмущаетъ и его, имѣя союзниками себѣ память, его самага и дѣла его. Почему виновный долженъ удалиться на годъ ошѣ раздраженнаго изъ спраны своей, и не посѣщать ни одного мѣста въ опечесшѣ своемъ. Если убишѣ иностранецъ, то убій-

цѣ не приближашься къ спранѣ иносранца въ печеніи цѣлаго года. Если кто добровольно покорился сему закону, то ближайшій изъ роду убишаго, какъ свидѣтель раскаянія, прощаешъ убійцу, и соблюдая пропивъ его миръ, оказываешъ во всемі крошоспъ. Ктожь не покоряешся, но еще, оскверненный убійспвомъ, дерзаешъ вспунашъ въ священные храмы, жершвовашъ и не хочешъ провесшъ въ изгнаніи узаконеннаго времени; шого имѣешъ право привесшъ къ суду ближайшій изъ рода убишаго и виновнику двойное наказаніе. Но если ближайшій родшвенникъ не преслѣдуешъ мщениемъ убивспва: то оскверненіе переходшъ на него; на него убишый переносшъ обиду свою, и желающій подвергнушъ его наказанію, по закону заспавляешъ его на пяшъ лѣшъ бѣжашъ изъ своего опіечеспва. Если иносранецъ неумышленно убьешъ въ городѣ иносранца; то желающій преслѣдуешъ его по пѣмъ же законамъ: поселенецъ за сіе оплучаешся на годъ изъ опіечеспва; совершенной же иносранецъ, кромѣ очищенія, если убьешъ иносранца или поселенца или гражданина, на всю жизнь изгоняешся изъ спраны, управляемой сими законами. Еслижь онъ преспуно возвращшся; то законоблюспители наказываюшъ его смертію, имущеспво же его опдаюшъ ближайшему родшвеннику убишаго. Если

онѣ придетъ не по своей волѣ, но занесенный моремъ къ берегу, по не выходя изъ воды, онѣ долженъ оспаваться на корабль, гдѣ могутъ бытъ омочены ноги его; или если онѣ силою будетъ привлеченъ по суху; по первые, вспрѣшившіе его, начальники города препровождаютъ его за границу. Если кто убьетъ свободнаго, и сдѣлаетъ сіе въ гнѣвѣ, по поспунокъ сей должно приниматъ въ двоякомъ смыслѣ. Въ гнѣвѣ дѣйствующій и шѣ, кои вдругъ безъ всякаго намѣренія убивъ, во внезапномъ жару, ударомъ или другимъ подобнымъ образомъ убиваютъ когонибудь, и раскаяніе слѣдуетъ за содѣяннымъ; во гнѣвѣ убиваютъ и шѣ, кои обидѣвшись словомъ или оскорбительнымъ поспунокомъ, ищутъ случая опмстить, и находятъ его; сіи убиваютъ умышленно и послѣ содѣянаго не раскаяваются. Ипакъ надлежитъ положить два рода убившівъ, онѣ гнѣва происходящихъ, которыя весьма правильно пославляются средними между произвольнымъ и непроизвольнымъ: шѣ и другой шолько подходящъ къ произвольному и непроизвольному. Одинъ пишетъ гнѣвѣ, и не вдругъ опмщеваетъ, но злоумышленно избираетъ время; сей приближается къ произвольному; другой же, не владѣя своимъ гнѣвомъ, во внезапномъ порывѣ и неумышленно дѣйствующій, походитъ на непроизвольнаго: но и онѣ несовершенно непро-

изволенъ , но шолько ешь образъ непроизвольнаго. Почему прудно опредѣлишь убивспва, въ гнѣвѣ содѣлываемыя, приняшь ли ихъ какъ произвольныя или какъ непроизвольныя. Лучше и правильнѣе почишашъ ихъ шолько подобіемъ и раздѣляшь между собою по злоумышленію и неумышленности. Убивающимъ по злоумышленію и гнѣву опредѣлишь шягчайшія наказанія , а неумышленнымъ легчайшія. Ибо подходящее къ большому злу заслуживаетъ большее наказаніе ; а къ меньшему — меньшее, слѣдовашельно и въ нашихъ законахъ надлежитъ поступашъ шанимъ же образомъ.

Кл. И совершенно такъ.

Лѳ. Обращаясь опять къ предвидуемому, скажемъ : убившій свободнаго , но убившій безъ намѣренія, въ гнѣвѣ , подвергается во всемъ прочемъ всему шому, что долженъ преперпѣшь убившій безъ гнѣва; и на два года по необходимости долженъ бѣжашъ въ наказаніе за гнѣвѣ. Убившій въ гнѣвѣ но съ злоумышленіемъ, наказываешся во всемъ прочемъ по предвидуемому; и какъ первой удаляешся на два года, такъ сей на при и должайшимъ временемъ наказываешся за сильнѣйшій гнѣвѣ. Ешо постановляешся о сихъ преспуленіяхъ вообще; ибо прудно дашь о семъ во всей подробности законы; иногда полагаемый по

законамъ важнѣйшимъ пресупникомъ есть маловажнѣйшій, и полагаемый маловажнымъ есть важнѣйшій. Иногда убивство сопровождается большею жестокостію, иногда меньшею; но законы полагаются общими для всѣхъ убившвѣ. Судіями же сихъ дѣлъ должны быть законоблющители. Когда окончится время изгнанія для виновныхъ; по законоблющителямъ посылаются на границы государства десять мужей наблюдать строго, въ теченіи сего времени, за поведеніемъ оплученныхъ и по сему опредѣляютъ ихъ исправленіе и возвращеніе въ опечество, и судьба ихъ зависитъ отъ приговора сихъ начальниковъ. Если кто изъ нихъ, возвращаясь, опять побѣжденный гнѣвомъ, сдѣлаетъ подобное пресупленіе, то онъ бѣжитъ и никогда не возвращается. А если возвратится, то подвергается одинакому наказанію съ возвратившимся убійцею — иностранцемъ. Убившій собственнаго раба подвергается очищенію; а за чужаго — платитъ господину его въ двое за убытокъ. Если кто изъ убійцѣ не исполняетъ сего закона, но безъ очищенія освящаетъ присупствіемъ своимъ шоржища, игры и священные храмы; то желающій, представя въ судъ и того, кто изъ ближайшихъ родственниковъ долженъ мстить за убитаго, и самого убійцу, заставляетъ ихъ платитъ двойную пеню, и нести двойное наказаніе;

деньги по закону онъ беретъ себѣ. Если же рабъ въ гнѣвѣ убьетъ господина своего; шо родспвенники убишаго будущъ неповинны, если поскупятъ се убійцею, какимъ бы шо ни было образомъ, но шолько не пустятъ живымъ. Но если чужой рабъ въ гнѣвѣ убьетъ свободнаго, шо господа его отдають его родспвенникамъ убишаго, и они по необходимости умерщвляютъ его, какъ сами захопятъ. И хошя рѣдко случается, если отецъ или мать въ гнѣвѣ, ударомъ или другимъ насильспвеннымъ образомъ убьютъ сына или дочь; шо они подвергаются шѣмъ же очищеніямъ, какъ и прочіе убійцы, и оплачуются изб ошечеспва на три года. По возвращеніи же жена оспавляетъ мужа и мужъ жену свою, и вмѣстѣ уже не живутъ, никакого общенія не имѣютъ съ шѣми, кого лишили или брата или попомспва, и не входятъ въ одни храмы. Нечеспивый же и непокоряющійся, за нечеспіе несетъ наказаніе отъ всякаго желающаго. Если мужъ въ гнѣвѣ убьетъ свою жену или жена своего мужа; шо они подвергаются шѣмъ же очищеніямъ, и осуждаются на шрехъ-лѣшнее изгнаніе; шо возвращеніи шакой преспупникъ не участвуешъ въ жершвоприношеніяхъ дѣшей своихъ и не ѣстъ съ ними за однимъ столомъ. Неисполняющій сего родспель или сынъ несетъ наказаніе нечеспія отъ всякаго, кто пожелаешъ. Если братъ въ гнѣвѣ убьетъ брата или се-

спру, или сеспра убьешъ брата или сеспру; по очищеніа и ошлученіе для нихъ шаковы же, какія назначены родишелямъ и дѣшлямъ; они подвергаюшя одному осужденію съ шѣми, кои убиваюшъ брата у брашьевъ и у родишелей дѣшей, и никогда не имѣюшъ съ ними ни общихъ пенашовъ ни жершвопріношеній. Непокорный же справедливо несетъ наказаніе за нечеспіе. Если кто предашся шоликому гнѣву, что въ бѣшенствѣ дерзнетъ поднѣшь руку на родишелей; шо развѣ когда умирающій, предъ смершю, — самъ проспшвъ его въ убившвѣ, очиспшвшисъ подобно совершающимъ непроизвольное убившво, и совершшвъ все прочее, онъ дѣлаешся неповиннымъ. Но, если умирающій не проспшвъ, совершшвій убившво повиненъ многимъ законамъ. Онъ повиненъ жесточайшему наказанію за сварливоспъ, за нечеспіе, за свѣпошашшво, ибо похшшилъ душу родившаго, и еслибъ возможно было много разъ умирашъ одному человѣку: шо опщеубійцѣ или матери — убійцѣ, во гнѣвѣ совершшвшему сіе, праведно надлежало бы умирашъ многими смершями. Въ одномъ только случаѣ законъ предпсываешъ не защищашся, если предшопшвъ умерешъ ошъ родишелей, и запрешаетъ убивашъ опца или мать, произведшхъ на свѣшъ бышіе наше, но скорѣе все прешерпѣшъ, нежели покушшся на жизнь ихъ, и установляешъ за сіе досшойное наказаніе. На-

казаніе же убившему въ гнѣвѣ опца или мать, естъ смершь. Но если брагъ убьешъ брапа при внезапной распрѣ между собою или подобнымъ сему образомъ, сражаясь, какъ слабѣйшій пропивъ начинщика; шо онъ, какъ убившій врага, естъ неповиненъ. То же бываешъ, если гражданинъ убьешъ гражданина или иносстранецъ иносстранца. Чистъ шакже будешъ гражданинъ, если защищая себя, убьешъ иносстранца и иносстранецъ гражданина, шакъ же если рабъ убьешъ раба. Но если рабъ защищая себя, убьешъ свободного, шо онъ судится, какъ опцеубійца, по шѣмъ же законамъ. Чшо сказано о прощеніи убившва опцомъ, шоже подлежащъ сказашъ о всякомъ другомъ прощеніи: если кшо добровольно прощаешъ своему убійцѣ, какъ неумышленно здѣлавшему сіе, шогда виновный допускается до очищеній. Годовое оплученіе предписывается ему закономъ. Ишакъ о убившвѣ внезапномъ, неумышленномъ, въ гнѣвѣ проишедшемъ, уже довольно сказано. Теперь должно говорить о произвольныхъ убившвахъ, совершаемыхъ со всею несправедливостію, о злоумышленіи, которое внушающъ спраспи, желанія и зависшь.

Кл. Справедливо.

Лѳ. Во первыхъ скажемъ по возможности, яковы сіи спраспи. Самая сильная изъ нихъ естъ жадность, копорая овладѣваешъ душею, одичавшею отъ чувшвенныхъ побужденій.

Опсѣлъ особенно родился самое обыкновенное въ людяхъ, и самое сильное спремление къ богатству: вошъ идолъ, копорый производитъ безчисленныя заботы о ненасытномъ и безмѣрномъ приобрѣщеніи и дѣйствуешь посредствомъ испорченной нашей природы и невѣжества. Невѣжество, говорю, есть причина того, что Еллины и варвары споль худо и несправедливо прославляютъ богатство. Почитая его первымъ благомъ, хошя оно есть уже прешье, они вредяшъ и себѣ и попомству своему. Лучше всего и полезнѣе говоришь во всѣхъ городахъ истину о богатствѣ, что оно существуетъ для тѣла, а тѣло существуетъ для души. Ишакъ богатство послѣ доблести души и тѣла, для копорыхъ оно существуетъ, есть прешье благо. Самый разсудокъ можешь научить, что не должно искать богатства, дабы жить щасливо, но что щасіе состоитъ въ справедливомъ и честномъ приобрѣщеніи. Тогдабъ въ государствахъ не было кровопролитія, копорое очищается шакже кровопролитіемъ. Но шеперь, какъ мы уже сказали, ешо есть первая и важнѣйшая причина, почему наказанія за произвольное убивство шакъ щасны. Вшорая есть расположеніе къ честолюбію, копорое раждаетъ зависъ — несносную сожшельницу, особенно для самаго зависшлага человека, — и пошомъ для людей опличнѣйшихъ въ го-

родѣ. Третьею причиною многихъ убивствъ сушь малодушныя и несправедливыя спрахи и подозрѣнія. Если чьи наспоющія или прошедшія дѣла шаковы, что онѣ не желаетъ имѣть никого свидѣтелейъ ихъ; не желаетъ, чтобы кто либо зналъ о нихъ, и если другимъ образомъ не можеть, смертію испребляетъ донощиковъ своихъ. Вотъ предисловіе для сихъ преступлений; къ сему прибавимъ то слово, которое слышатъ и которому вѣрятъ посвящающіеся въ шаинства, что естъ воздаяніе за дѣла сія въ адѣ, и виновный возвращається въ сію жизнь долженъ по еспешвенному закону нести наказаніе и самъ шерѣтъ по, что сдѣлалъ другимъ и отъ другаго подобнымъ образомъ скончашъ жизнь свою. Для того, кто внимаетъ сему предисловію и боится сего наказанія, болѣе не нужно распроспраняться о семъ законѣ. А для непокорныхъ законъ шакъ говоритъ: кто злоумышленно и несправедливо убьеть кого нибудь изъ своихъ единоплеменныхъ; пошъ во первыхъ лишається всѣхъ правъ, и присущствіемъ своимъ не долженъ осквернять ни храма, ни шоржища, ни приспани, ни другаго какого сборища, запрещають ли сіе виновному другіе или не запрещають. Законъ сіе запрещаетъ, и онѣ запрещаетъ за весь городъ; шакъ всегда думали, шакъ будутъ думать. Ктожь изъ родныхъ и двоюродныхъ ближайшихъ къ убийшму не шолько не воспрещаетъ, но и не пре-

слѣдуетъ; шотъ во первыхъ принимаеѣ на себя оскверненіе и гибѣвъ Боговъ за нарушеніе закона. Во вторыхъ онъ несетъ наказаніе отъ всякаго, кто захочетъ мстити за убишаго. Желаящій мстити, совершивъ все, что принадлежитъ до омовенія, и что въ семъ случаѣ устанавлено будетъ за правило оракуломъ, и предъявивъ свое право, идетъ принудити виновника по закону совершити дѣйствіе правосудія. Законодателью легко изложити, что сіе должно совершашься съ нѣкопорогими молитвами и жертвоприношеніями Богамъ, имѣющимъ попеченіе объ отвращеніи убившв въ государствахъ. Кто же сіи Боги, и какимъ образомъ сіи наказанія сопровождаются священными обрядами, сіе узаконяетъ законоблюстителю, совѣщаясь съ истолкователями, прорицателями и оракуломъ. Судьями сихъ дѣлъ бывающъ шѣ же, кои судятъ свящешцевъ, какъ сказано вообще. Виновный наказываеѣся смертію, но не похороняеѣся въ одной спранѣ съ убитымъ, за то, что съ нечестіемъ соединилъ безсмыслство. Если онъ бѣжитъ, и не хочетъ подвергнуться суду, то да бѣжитъ въ чинимъ бѣгствомъ. Но если кто изъ шаковыхъ придетъ въ спрану убишаго; то первый встрѣтившійся съ нимъ изъ родшвенниковъ послѣдняго или изъ согражданъ да убьетъ его ненаказанно, или связавъ его, пусть предшавитъ на убіеніе

начальникамъ, судящимъ уголовныя преступленія. Приводящій въ судъ требуетъ поручителей, оповѣщиковъ опъ приводимаго. И сей предсказываетъ достойныхъ мужей, судіями одобренныхъ, проихъ, кои ручаются за подсудимаго въ явкѣ для оповѣща. Если кто не хочетъ или не можетъ предсказавши оповѣщиковъ; по суду, взявъ его, заключаетъ въ темницу и отдаетъ къ наказанію. Если кто не самъ убьетъ, но умысливъ, посоветуешь умершвиши другаго, и убивши его совѣтомъ и злымъ умысломъ, какъ виновникъ, какъ осквернившій душу свою убившвомъ, будетъ жить въ городѣ; по и для такаго учреждается судъ безъ поручительсва. Виновный можетъ быть похороненъ въ спранѣ своей. Всѣ же прочее, что сказано прежде, относитъ и къ нему. Тоже самое относитъ и къ иностранцамъ касательнo иностранцевъ; къ гражданамъ и иностранцамъ между собою, къ рабамъ касательно рабовъ какъ въ дѣлахъ убившва, такъ и въ участіи совѣтомъ. Но поручительсва, какъ сказано, даютъ только убійцы. Кто доноситъ объ убійствѣ, тотъ и самъ за себя даетъ поручительсво. Если рабъ убьетъ свободнаго своеручно или своимъ внушеніемъ, и осужденъ будетъ къ наказанію; по учреждается общее народное игрище при могилѣ убишаго, и убійца на шакомъ мѣстѣ, опколѣ онъ могъ бы видѣть могилу,

сбчешся розгами, сколько прикажетъ избранный глава и если не умретъ отъ ударовъ, по убиваешся. Если кто убьетъ раба безъ всякой вины, но отъ страха, чтобъ онъ не сдѣлался доносителемъ худыхъ и поспыдныхъ дѣлъ его или по другой подобной причинѣ, по какое наказаніе понесетъ бы убившій гражданина, поже долженъ понести и онъ за смерть раба. Но если случится по, о чемъ и законъ давалъ опасно, и непріятно, и чего невозможно оставишь безъ узаконенія, если произойдутъ убивства родныхъ или собщенноручныя или чрезъ внушеніе, произвольныя и все несправедливыя, какія бывають въ худоуспроенныхъ и необразованныхъ государствахъ, но могушь случиться и въ шакихъ, гдѣ никогда не можнобъ ждашь сего: по для сего опять должно повторишь прежде сказанное слово; можешъ быть кто изъ насъ слушая его, добровольно воздержишь отъ сихъ злочеспивѣйшихъ кровопролитій. Баснь или слово, или какъ ни назовемъ его, во всей ясности идетъ отъ древнихъ жрецовъ, что бодрствующій гласъ правосудія за пролише родной крови шребуешъ наказанія, и, какъ говоритъся въ семъ словѣ древнемъ, виновникъ необходимо долженъ шерпѣшь по же, что онъ другому сдѣлалъ. Если кто убилъ отца своего, по и прошивъ него дѣши его дерзнушь со временемъ поже сдѣлашь; кто убьетъ мать свою, пошъ самъ въ позд-

нѣйшихъ временахъ, принявши женское естество, необходимо кончишь жизнь ошъ руки дѣшей своихъ. Ошъ оскверненія родспвенной крови нѣшъ очищенія; и оскверненное не можешъ измышься, доколѣ виновная душа не воздасшъ убившва за убивштво, равнаго за равное, доколѣ не укрошишь гнѣва всего сродшва. Сіе должно осшановишь, шѣхъ, кои спрашашся Божіаго мщенія; но если кого посшигнешъ бѣдшвенная учасшъ, что онъ умышленно, произвольно дерзнешъ испоргнушь изъ шѣла душу опца или мащери, или брашьева или дѣшей: по законѣ смершнаго законодащеля прошишь него сіе полагаешъ: во первыхъ онъ лишаешъ его всѣхъ правъ и шребуешъ ошъ него поручищелей, какъ сказано въ предвидущемъ. И если кто будешъ обвиненъ въ семъ убившствѣ, по служищели суда или архоншы, убивъ его, повергающъ нагаго на закланомѣ распущиши внѣ города, и всѣ начальштва ошъ цѣлаго города, повергая каждое одинъ камень на голову умершаго, — очищающъ свое опечесштво ошъ ужаснаго пресшупленія, попомѣ опносящъ его на границы своей земли и бросающъ безъ погребенія. А что долженъ шерпѣшь шотъ, кто убьешъ ближайшаго своего и шакъ называемаго возлюбленнѣйшаго? Кто убьешъ, говорю, самаго себя, не дождавшисъ времени, положеннаго судьбою, не по смершному приговору города, не понакому нибудъ неизбѣжному

жеспочайшему нещасію, не отъ угрызенія совѣсти, но по малодушію и по робости самъ себя подвергаетъ незаслуженному наказанію? Одинъ Богъ назначилъ для такого праведное очищеніе и погребеніе. Исполковашели воли его и блюстители сихъ законовъ заставляють ближайшихъ родственниковъ отдавать ему послѣдній долгъ по законенному. Могилы такимъ образомъ погибшихъ должны быть одиноки, пустынные и ни съ какою другою не смѣжны. Похороняють ихъ на пустынныхъ, неизвѣстныхъ предѣлахъ двѣнадцати часпей, безславно, не спавя надъ ними ни столбовъ, ни надписей. Если убьютъ когонибудь лошадь или другое живошное, исключая, если сіе сдѣлаешся на игрищахъ общественихъ въ единоборствѣ; то ближайшіе убившаго опмщеваютъ за смерть его. Дѣло сіе судяють агрономы, сколько ихъ собереть родственниковъ убившаго; виновное же убиваютъ за границами страны. Если чтонибудь неодушевленное лишитъ жизни человека, разумешся только не громъ, не перунъ, отъ Бога произходящій, и не другое, что паденіемъ можеть убить; то родственникъ убившаго призываетъ въ судіи ближайшаго сосѣда, чтообъ очистишь отъ всякаго порицанія себя и все родство свое. Причина убившва искореняешся такъ, какъ мы сказали о живошныхъ. Если окажешся убившій, но убійца останеш-

ся неизвѣспнымъ, и не смопря на всѣ по-
иски, не опкроешя; шо судѣ о семѣ прои-
сходитѣ шочно шакѣ, камѣ и въ прочихѣ слу-
чаяхѣ. Объявляешя преспуленіе виновнику,
глашатаи вызываюшѣ его, и на площади
обвиненному произношишя приговорѣ,
чшобѣ онѣ не являся ни въ храмахѣ, ни во
всей спранѣ убишаго; а если придетѣ и
будешѣ узнанѣ, шо будешѣ убитѣ и безѣ по-
гребенія поверженѣ виѣ спраны убишаго.
Вопѣ главной законѣ о убившѣхѣ, по коему
должно поступашѣ въ означенныхѣ досѣхѣ
случаяхѣ. Но вопѣ и еще случай, въ коемѣ
убившій бываешѣ справедливи и неповиненѣ:
если кто поймаешѣ вора, ночью вошедшаго
въ домѣ для похищенія имущества, и убьешѣ
его, шо онѣ не повиненѣ. Кто защища-
ясь, убьешѣ грабителя, шакѣ же чистѣ.
Кто дѣлаешѣ насиліе или благородной жен-
щинѣ или опроку изѣ похоши, шотѣ безѣ
опасенія казни долженѣ бышѣ убитѣ или опѣ
насилъшвуемаго или опѣ опца, опѣ брашьевѣ,
или опѣ дѣшей его. Если мужѣ увидитѣ на-
сильштво женѣ своей и убьешѣ злодѣя; шо
онѣ по закону чистѣ. Кто, сохраняя опѣ
напрасной смерти или опца или машь, или
дѣшей или брашьевѣ, убьешѣ кого нибудѣ,
шотѣ совершенно не повиненѣ.

Ишакѣ уже положены законы о воспиша-
ніи живущей души, о ученіи, посредшвомѣ
кошораго она живешѣ, и о шомѣ какія казни

слѣдуютъ за причиненіе смерти. Сказано также о попеченіи и пишаніи шѣла. Теперь должно говорить о насильственныхъ поспупнахъ между людьми произвольнымъ и непроизвольнымъ образомъ; должно опредѣлить по возможности, каковы они, и какими наказаніями могутъ быть прекращаемы; здѣсь, кажешся, надлежащее мѣсто для узаконенія о сихъ случаяхъ. Раны и увѣчья отъ ранъ самой худой законодатель положилъ бы во вѣпорыхъ послѣ смерти. Раны, какъ и убійства должно раздѣлять на произвольныя, отъ гнѣва, отъ спраха и злоумышленныя. Въ предисловіи къ сему должно сказать, что люди необходимо должны имѣть законы и жить по законамъ; иначе они ни чѣмъ не отличаются отъ самыхъ дикихъ животнохъ. Причина же сему та, что никакая природа человѣческая сама по себѣ не способна видѣть полезное ближнимъ своимъ, живущимъ въ государственнымъ устройствѣ, и даже зная лучшее, она бессильна и не имѣетъ постоянной воли, слѣдовать ему. Во первыхъ шрудно понять, что въ государственнымъ устройствѣ необходимо должно пещись не о своемъ собственномъ, но объ общемъ: ибо общее связываетъ, а собственное разрушаетъ государства, и что полезнѣе, какъ для общаго, такъ и для частнаго, болѣе утверждать общее, — нежели частное свое. Во

впорыхъ, еслибъ даже кпо довольно иску-
 сился въ семъ познаніи и поспиталъ сію
 истину; но попомъ, управляя государствомъ
 совершенно по произволу, не опдавая ни-
 кому опчеша, онъ никакъ не могъ бы
 опшашься навсегда при семъ первомъ мнѣ-
 ніи, и жишь для общаго блага, не промѣнявъ
 его на собшвенное свое. Смершная природа
 безпрешанно влечешъ его къ корысполю-
 бію, къ самовольшву; она слѣпо бѣгаешъ
 всянаго огорченія, и гоняешъ за удоволь-
 швіями, и — конечно поспавишъ ихъ выше
 справедливаго и всего лучшаго. Огусшвшая
 въ ней шемнопа наконецъ исполняешъ всѣхъ
 золъ и самаго правишеля и все государшво.
 Еслибъ кпо изъ людей, родившійся по боже-
 швенному посланію, опъ природы былъ сно-
 собенъ вмѣспишь все сіе знаніе; шо онъ ко-
 нечно не имѣлъ бы нужды въ законахъ, кои
 бы управляли имъ. Ибо знаніе и искусство вы-
 ше всянаго закона и порядка, и не справе-
 дливо, чшобъ умъ опшавался въ чужой покор-
 носши и раболѣпшвовалъ, — сей умъ, ко-
 его свойштво бышь правишелемъ всего, еслибъ
 онъ по природѣ опшавался истиннымъ и
 свободнымъ. Но шеперь шакого ума нигдѣ
 нѣшъ или ешь шолько въ самои маломъ чи-
 слѣ избранныхъ. Слѣдовашельно должно при-
 няшь впорое: порядокъ и законъ, кошорой,
 хошя и не совсѣмъ совершенъ, все болѣе
 видишъ и обвемлетъ. Основываясь на семъ,

приспугаю далѣ къ учрежденію, что долженъ прешерпѣть или заплашить поранившій или увѣчившіи другаго. Здѣсь всякой долженъ имѣть ясно предъ глазами сіи обстоятельствова: что поранилъ? кого? какимъ образомъ? и прочее. Обстоятельствова сіи бывающѣ безчисленны и весьма различны между собою. Предписавъ судилищамъ разбирать всѣ сіи обстоятельствова, или совсѣмъ не разбирать — равно не возможно. Одно только необходимо, разсмапривать во всякомъ произшествіи, истинно ли оно или нѣтъ? Не опустивъ же ничего въ разсужденіи наказанія или пени, коимъ подвергаются виновные, но самому узаконить всѣ и маловажныя и важныя случаи, почти не возможно.

Кл. Что же сказать послѣ епсго ?

Ае. То, что иное должно предославить судилищамъ, другое, не предославляя другимъ, учреждаетъ самъ законодатель.

Кл. Чтожь онъ будетъ учреждать самъ и что предославить судилищамъ?

Ае. Должно сказать, что судилища въ городѣ бывающѣ или худыя, безгласныя, кои скрываютъ свои мнѣнія и тайно дѣлаютъ суды, приговоры; или, что еще епсго хуже, не сохраняющія никакой тишины, но подобно общественымъ зрѣлищамъ, шумныя, гдѣ съ крикомъ хвалятъ или порицаютъ орашоровъ той и другой стороны и такимъ

образомъ судящъ; но и другое весьма вредно для общаго блага и не легко законодательствовать для сихъ судилищъ. Но если уже необходимость кого побуждаешъ къ сему, то онъ предоспаляешъ имъ шолько въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ налагашъ наказанія, и самъ узаконяешъ большія изъ нихъ и важнѣйшія. Но гдѣ судилища учреждены надлежащимъ образомъ; гдѣ будущіе судьи просвѣщены и со всею справедливостію избраны; тамъ праведно, прилично и полезно многое поручашъ ихъ суду: опносительно приговоровъ, что должны понестъ или заплатитъ виновные. Ишакъ для насъ не предосудительно не узаконяшъ важнѣйшихъ и многихъ случаевъ, кои и хуже воспитанные судьи могутъ предвидѣшъ и соразмѣряшъ наказаніе съ важностію каждаго дѣла или пресшупленія. И мы, надѣясь, что шѣ, для коихъ издаемъ законы, будутъ щщательными, спрогими судьями въ сихъ обшояшельствахъ, многое поручаемъ ихъ бдительности. Но при шомъ, какъ мы говорили и дѣлали въ предвидущемъ своемъ словѣ, какъ шогда находили справедливымъ предспавишъ очерпаніе и виды наказаній, дашъ судьямъ примѣры дабы не выступашъ за границы справедливости; шакъ сдѣлаемъ и здѣсь, обратясь опяшъ къ законамъ. О ранахъ положимся шакое посшановленіе: кто, умысливъ убить кого нибудь изъ своихъ, кромѣ шѣхъ, коихъ

законъ велишъ убишъ, поранишъ, но не убьешъ его до смерти; пошъ какъ злоумышлитель не достоинъ милосердія, но какъ убійца долженъ подвергаться наказанію за убійство. Уважая же его судьбу, несовершенно злую, и хранишеля его, кошорой, умиосердьясь надъ ними и надъ раненымъ, не допустилъ одного приняшъ неизлѣчимую рану, другаго подвергнушъся проклятію и гибельному року;—изъ благоговѣнія къ сему хранишелю освобождаемъ отъ смерти ранившаго; но онъ долженъ переселишъся въ сосѣдній городъ и пользовашъся по жизнь свою всѣмъ своимъ имѣніемъ, заплашвъ увѣченному за вредъ ему причиненный; судилище назначашъ пеню по винѣ его. Уголовные судьи судяшъ его, если умрешъ имъ раненый. Если сынъ злоумышленно поранишъ отца или рабъ господина; шо наказаніе имъ есть смерть. Если братъ поранишъ брата или сестру, или сестра — брата или сестру, и осудяшъся въ злоумышленіи, шо наказаніе имъ есть смерть. Жена ранившая мужа, умышляя убишъ его, или мужъ ранившій свою жену, должны бѣжашъ навсегда, а имѣніемъ ихъ, если у нихъ есть сынъ или малолѣшняя дочери, управляюшъ попечители, кои пекушъся объ осиротѣвшихъ; дѣшпи возмужалые не обязаны пѣшашъ бѣгущаго; но все имѣніе предоспавляешся имъ. Если кто бездѣшный подвергнешся сему нещасію; шо

родственники его какъ съ мужеской, такъ и съ женской стороны до внучатныхъ, сошедшихъ вмѣстѣ, посшановляющъ наследника горюду въ одинъ изъ пяти тысячъ сорока домовъ, вмѣстѣ съ законоблюспителями и жрецами, разсуждая, что такой домъ не принадлежишь ни живущему въ немъ, ни цѣлому роду его, но еспь собшвенность цѣлаго города, копорой долженъ содержать свои дома благочеспивѣйшими и во всякомъ щасшии. Но если какой нибудь изъ сихъ домовъ вмѣстѣ и нечеспиемъ осквернишь и подвергнешя нещасью, такъ что владѣвшій имъ, не оставишь послѣ себя дѣшей, но или неженатый или женившись, бездѣпнымъ умреть, умреть за произвольное убивство или за другое смершное пресшупленіе прошивъ Боговъ, или прошивъ гражданъ; или если кто бездѣпный убѣжишь навсегда: то домъ его по закону прежде очищася и бываешь освященъ; потомъ ближніе его вмѣстѣ съ законоблюспителями сошедшихъ, разсширивающъ племя опличнѣйшее въ городъ свою добродѣшелію и щасшиемъ, въ копоромъ дѣши многочисленны; изъ сего племени избирающъ одного и усыновляющъ опцу убишаго, или спаршему въ родъ, какъ собшвеннаго сына; назвавъ его ихъ именемъ, помолвишись, чтобъ онъ содѣлался опцомъ, хозяиномъ и исполнителемъ благочеспія и жершвопринощеній и былъ щасшливѣ свое-

го родителя, такимъ образомъ постановляющъ его законнымъ наследникомъ. А прешупникъ остаешся безъ имени, безъ племени, безъ доли, когда его постигнетъ сие несчастіе. Кажешся, не всегда границы одной вещи точно опредѣлены отъ границъ другой, но между иными бываешъ промежутковъ сопредѣльный, между шюю и другою спороюю. Тоже, можно сказаць, бываешъ между прешупленіями произвольными и непроизвольными въ гнѣвѣ совершающимися. Кпо обвиненъ будешъ въ нанесеніи ранъ, въ гнѣвѣ причиненныхъ; шопъ плашишъ во первыхъ двойной ущербъ, ежели рана удобоизцѣлима, за неизцѣлимыя же въ шрое; ежели рана удобоизцѣлима, но раненому причиняешъ великое безобразіе и укоризну, шо плашишъ въ четверо. Ежели кпо, поранивъ кого нибудь, не только причинишъ вредъ обиженному, но уцѣлаго государства опнимешъ война сильнаго противъ враговъ; шо онъ кромѣ прочей пени плашишъ пеню государству, и сверхъ собственнй службы, онъ служишъ за увѣченнаго и за него исправляешъ военныя повинности; а не сдѣлавшій сего подвергается наказанію отъ всякаго желающаго за неслуженіе; шепенъ же пени двойную, тройную, или четвероякую назначающъ избираемые для сего судьи. Если родной такимъ же образомъ ранишъ роднаго; шо родители, родственники до внучашныхъ съ мужеской и женской спороны,

мущины и женщины, сошедшись, судящъ и предоспавляющъ родителемъ назначишь пеню. Ели въ назначеніи пени бываетъ несогласіе; по голосъ съ мужской спороны одерживаетъ верхъ. Если и они не могутъ кончишь, по относящся къ законоблукспителемъ. Дѣшамъ предъ родителеми въ нанесеніи ранъ судіями бываетъ мужи, за шестъдесять лѣтъ имѣющіе опъ рожденія, опцы чадъ, не усыновленныхъ, но испинныхъ; они дѣлающъ приговоръ, повиненъ ли кто заплашишь пению или умереть, или подвергнушь еще важнѣйшему наказанію или не слишкомъ важному. Изъ родспвенниковъ виновнаго никакъ не можетъ бышь ему судьею, хопя бы имѣлъ возрастъ, закономъ опредѣленный. Если рабъ въ гнѣвъ поранишь свободнаго; по господинъ ошдаешъ его раненому, поступишь съ нимъ, какъ сей захочишь; а не ошдастъ, по самъ долженъ вознаградишь вредъ. Если онъ предспавишь, что случившееся есть только условенный умыслъ раба и раненаго; по дѣло подвергается изслѣдованію; не обличишь рабъ, по господинъ плашишь за вредъ въпрое, обличишь—по сговорившійся съ рабомъ, подвергается осужденію на рабство. Поранившій другаго нечаяннымъ образомъ плашишь только за вредъ. Ибо для случая нѣтъ никакихъ законовъ. Судіями же въ семъ дѣлѣ бываютъ шѣ же, кои судящъ дѣпей прошивъ родителей, и опредѣляющъ

цѣну вреда. Оскорбительны всѣ, представленные здѣсь, случаи; оскорбительны всякой роду ссоры. Всякой мужъ, дитя, всякая женщина должны разсуждать, что уваженіе, оказываемое отъ младшаго старшему, весьма важно для пѣхъ, кои хотяшъ бытъ спасены предъ Богами и благоденствовать между людьми. Поспѣшно и Богу ненавистно видѣшъ въ городѣ, если юный воспаетъ ссорою прошивъ старѣйшаго. Юноша, если наказываетъ его старѣйшій, великодушно долженъ переносить гнѣвъ его; ибо такимъ образомъ онъ возвращаетъ почтеніе и для своей старости. И такъ вошъ правило: всякой у насъ долженъ почтять старѣйшаго себѣ и дѣломъ и словомъ. Мужчину или женщину, которые старѣе его двашцатью годами, онъ чтитъ какъ отца и мать. Боясь Боговъ, предсѣдщихъ рожденію онъ спыдится всякаго возраста, которой можетъ бытъ ему отцомъ или матерью; такимъ же образомъ воздерживается отъ обидъ иностранцу или старожилу въ городѣ или новому пришельцу; онъ не дерзнетъ ударить его ни начиная драку, ни опражаясь, усовѣщивать его ударами. А если дерзоспный и необузданный иностранецъ ударитъ его, и нужно будетъ оправдать ему; то не ударяя своими руками, пусть оправдаетъ его къ суду градоначальниковъ, дабы не приучаться къ дерзости бытъ согражданъ. Градоправители же, разсудивъ его,

боясь Бога спраннолюбиваго, и если найдутъ, чпо иносправець несправедливо билъ обывателя; чо укрощаютъ его дерзость шакимъ же числомъ ударовъ, сколько разъ онъ ударилъ. А если онъ правъ, чо пригрозивъ укоризною приведемъ, опшускаютъ обоихъ. Если ровесникъ ударишъ ровесника или спаршаго но бездѣшнаго, или спарый спараго или юноша юношу; чо ешественно должно опражаться безъ оружія, просшыми руками. Если человекъ уже за сорокъ лѣшъ онъ рода задираетъ на драку, или осмѣливается бишь; чо названіе грубіяномъ, невоспитаннымъ, рабскимъ послуживъ ему доспапочнымъ, позорнымъ наказаніемъ. Чпо будешъ внимашъ симъ увѣщаніямъ, для шого нѣшъ уже другихъ правилъ. Но непокорный, невнимающій предисловію пусть приметъ сей законъ: если чпо ударишъ человека спарѣ себя двадцатью годами или болѣе; чо первый встрѣшившій ихъ, если онъ не ровесникъ и не моложе бьющихся, долженъ разняшъ ихъ, или объявляется по закону человекомъ худымъ. Если онъ одного возраста съ обижаемымъ, или моложе, чо долженъ вспуниться за него какъ за брата, за опца или еще больше; а сверхъ шого подвергается суду дерзнувцій бишь спарѣшаго; и если будешъ осужденъ, чо заключаешся въ шемницу не менѣе, какъ на годъ. Если судьи приговорятъ его къ большему; чо принимаешся назна-

ченное ими время. Если иностранецъ или кто изъ жителей ударитъ мужа спарфе себя двадцатью годами; шо въ разсужденіи помощи ошъ вспрѣчающихся шошъ же законъ удерживаетъ свою силу; а обличенный въ сей винѣ иностранецъ, а не обыватель плашитъ за сіе двулѣтнимъ заключеніемъ; обыватель же, какъ не покоряющійся законамъ, заключаетъся на три года, если судилище не назначитъ ему долговременнѣйшаго заключенія. Наказываешь также и шошъ, кто видѣлъ и не подалъ помощи; важнѣйшею пенею, въ мину, вшороку въ пятьдесятъ драхмъ, прещею въ тридцать, четверною въ двадцать. Судилище же для сихъ людей сославляютъ военнопольники, спаршины колѣвъ, урядники и конно-начальники. Законы, по мѣму мнѣнію, устанавляюща одни для людей добрыхъ и обученію, какимъ образомъ обращаешь въ обществѣ и сохраняешь дружелюбіе; другіе для шѣхъ, кои не получили воспитанія, но руководствующя ишкорою грубою природою,— для людей непреклонныхъ, дабы они не впали во всякую порчу. Сіи сославляютъ меня говоритъ шо, что я пенерь сказашъ намѣренъ. Для сихъ законодатель по необходимости пишешь законы, желая, чтошбъ не было въ нихъ никогда никакой нужды. Кто дерзаетъ въ ссорѣ поднятъ руку на ошца или мать, не убоясь ни мщенія Боговъ небесныхъ, ни казни вѣчной,

но какъ бы зная, чего вовсѣ не знаешь и презирая совѣпы древнихъ и вообще всѣхъ людей, пресупаешь законъ; для шакаго пошребны самыя крайнія мѣры; смерть не есть еще самое послѣднее наказаніе. Мученія же ада хопя по справедливоспи сушь ужаснѣйшія, но ни мало не удерживающъ сихъ жестокихъ сердецъ. Иначе не было бы опцеубившъ, ни другой дерзоспи противъ своихъ родителей. Почему и здѣсь наказанія сивъ людямъ не должны бытъ менѣ адскихъ. И вопъ, чшо послѣ сего мы скажемъ: кто дерзнетъ ударить опца или мать или ихъ родителей, не въ сумашествіи; шо первый случившійся при семъ (какъ и прежде) заспупись, и заспуившійся жишель или иностранецъ занимаешь первое мѣсто на играхъ народныхъ. А незаспуившійся да бѣжитъ изъ опечества навсегда. Негражданинъ, заспуившійся, прибрѣшаетъ похвалу, — не заспуившійся порицаніе: рабъ заспуившійся дѣлается свободнымъ; не заспуившійся получаетъ сто ударовъ бичемъ, если произойдетъ сіе на площади, — опъ присшавовъ; въ площади, въ городѣ — опъ градоначальника; въ полѣ, опъ Агрономовъ, полевыхъ смодришелей. Какой ни случился при семъ произшесшви обыватель, дитя или мужъ или женщина, всякой долженъ споборать противъ нечестиваго. Не заспуающійся проявлять

гнѣвомъ опечеспвеннаго, единоплеменнаго Діа; осужденный за ссору противъ родителей во первыхъ бѣжитъ изъ города въ другую спрану на вѣчное изгнаніе, и опшверженъ отъ всѣхъ храмовъ. Доколѣ онъ еще не опшлученъ, агрономы преслѣдуютъ его ударами и бьютъ, какъ хопящъ. Если онъ возврашися, шо наказываешся смерщю. Кшо изъ свободныхъ съ нимъ вмѣстѣ будешъ ѣсть, пить, или вступитъ съ нимъ въ другое подобное сообщеніе, даже если вшпрѣшившисъ съ нимъ, добровольно прикоснешся ему, шощъ не вшпуаешъ ни въ храмъ, ни на площадь, ни въ городъ, доколѣ не очисшися, какъ учасшникъ изверга. Еслижъ онъ не покоряся сему, беззаконно осквернитъ храмъ или городъ; шо самый начальникъ, знавшій о семъ и не наказавшій его, подвергаешся одинакому осужденію какъ и за величайшее прешупленіе. Если рабъ ударитъ свободного иноспранца или гражданина, шо, случившійся при семъ. долженъ засшупися или по сужденію понесешъ наказаніе. Другіе свидѣтели, связавъ его вмѣстѣ съ ударившимъ, предадутъ обиженному. Онъ же принявъ ихъ, ввергаешъ въ оковы и бивъ, сколько хочешъ чшобы не причинитъ вреда господину, возвращаешъ ему раба его по закону. Законъ же шаковъ: если рабъ ударитъ свободного, не по повелѣнью начальниковъ, шо господинъ, принявъ его связаннаго изъ рукъ

обиженнаго, не освободивъ его изъ оковъ, до-
колѣ онъ не выпроситъ у него прощенія и не
убѣдитъ его, что не употребитъ во зло сво-
ей свободы. Тѣ же законы и для женщинъ
между собою, и женамъ въ отношеніи къ
мужьямъ, и мужьямъ въ отношеніи къ женамъ.

РАЗГОВОРЪ ДЕСЯТЫЙ

о

ЗАКОНАХЪ.

Кончивши рѣчь о ссорахъ, оспрашивается сказать одно правило прошивъ всѣхъ насильствъ: нишо да не прогаешъ и не берешъ ничего чужаго; нишо да не пользуешся никакою вещію ближняго своего безъ согласія его. Ибо ошъ сего производили, производяшъ и будущъ производишь всѣ порочныя дѣла, о коихъ мы говорили. Ужаснѣйшія изъ нихъ суть необузданность и дерзкіе поступки юношества, особенно если они устремлены прошивъ священики; и во первыхъ прошивъ храмовъ всенародныхъ, или частныхъ, принадлежащихъ какому либо колѣну; во вторыхъ прошивъ собщвенныхъ пенатовъ, и прошивъ умершихъ; въ прешнихъ прошивъ родителей не только шъ оскорбленія, о коихъ мы сказали, но и всѣ прочія; четвертый родъ преступлений, если кто, воспользовавшись оплошностью правителей, возмешъ или унесешъ, или употребитъ что нибудь имъ принадлежащее безъ ихъ согласія; и въ пятыхъ всякая обида частная гражданъ, пребующая правосудія. За святошашство явное или пайное уже вообще сказано, какому наказанію подвергается виновный. Но если кто дѣломъ или словомъ нечествуешъ прошивъ Боговъ; шо

напередъ упошребимъ увѣщаніе, попомъ уже опредѣлимъ, чему онъ за сіе долженъ подвергнувшись. Вотъ сіе увѣщаніе: ипо вѣришь бышію Бога, шотъ произвольно никогда не сдѣлаешь безчестнаго пошупка, и не изречешь ни одного богохульнаго слова. Но дѣлаешь сіе всякой по какой либо изъ шрехъ причинъ: или онъ не вѣришь бышію Бога, или допуская Боговъ, думаетъ, что они не пекутся о дѣлахъ челоѳческихъ, или шрешье, почиаетъ ихъ удобопреклонными, и шакими конхъ можно умилоспивишь жершвою и молишвами.

Кл. Чшожь мы можемъ сдѣлашь или сказашь прошивъ шакыхъ?

Ае. Любезный, послушаемъ напередъ ихъ самихъ, что скажутъ, какъ я предбугадываю, сіи кощуншвуююще презришели.

Кл. Но что они скажутъ?

Ае. Они конечно скажутъ съ насмѣшкою: вы говорише истинно, почпешные Аеинянинъ, Спаршанецъ и Кносіецъ. Одни изъ насъ во всѣ не признають бышія Боговъ; другіе думаютъ, что Боги не пекутся о насъ; иные вѣряють, что ихъ можно умилоспивишь молишвою, какъ вы говорише. Такъ какъ вы занимаешесь законодательствомъ; шо прежде, нежели начнешь грозить намъ шрогошю, просимъ васъ, пошарайшесь напередъ убѣдишь насъ и научишь бышію Боговъ, посредствомъ доспашочныхъ доводовъ; — шакже доказашь, что они благи и не увлена-

юпся никакими дарами прошивъ справедли-
востп. Мы слышимъ сіе и подобное сему шак-
же опъ превосходныхъ поешовъ, орашоровъ,
гадашелей, жрецовъ, и опъ многихъ другихъ:
но все ешо не удерживаетъ насъ опъ не-
справедливыхъ дѣяній, а шолько засшав-
ляетъ по содѣланіи ихъ прибѣгать къ уми-
лостпвленіямъ. Законодашелей же, какъ гово-
ришъ о васъ, крошкихъ, нежесповихъ, про-
симъ сначала упошребитъ прошивъ насъ
убѣжденіе; хошябъ вы говорили не лучше
другихъ о бышій Боговъ, но шолько бы
ближе къ испинѣ, и мы скоро послушаемся
васъ. Но если мы иногда возразимъ, шо по-
шарайшесь намъ опшвѣчать.

Кл. Почшennyй, каженся, легко доказашъ
исшину шого, что Богъ сущеспвуетъ.

Аѳ. Какимъ образомъ?

Кл. Вопервыхъ земля и солнце и всѣ свѣ-
шила шакъ прекрасно ушпроены, времена
шакъ прекрасно раздѣлены на годы и мѣсяцы,
и къ шому согласіе всѣхъ Еллиновъ и вар-
варовъ, кои вѣришъ бышю Боговъ.

Аѳ. Воюсь за васъ, любезной, хошя никогда
не скажу, что спыжусь. Воюсь, что сіи злые
люди спанушъ опшвѣчать вамъ презрѣніемъ.
Вы не знаете причины ихъ невѣрія, и думаете,
что шолько опъ необузданности спрасшей и
желаній спремьтсѣ они къ безбожной жизни.

Кл. А какашъ другая сему причина?

Аѳ. Вы, какъ совершенно люди сторонніе, совсѣмъ не знаете ее; она для васъ воемъ чужда.

Кл. Но чѣмъ вы хотите сказать?

Аѳ. Причина сія есть невѣжество почти неизблжимое, почивающее себя совершенною мудросію.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. У насъ есть сочиненія, копорыхъ у васъ совсѣмъ нѣтъ, какъ говорятъ, по спрогоспи правительсва. Сіи сочиненія суть мѣрныя, стихотворныя, другія прозаическія. Древнѣшія изъ нихъ говорятъ о Богахъ, какимъ образомъ они произошли, и какъ произошли чрезъ нихъ другія вещи. Послѣ начала скоро они предсваляютъ Теогонію, какъ Боги обращались между собою. На древнихъ уже нечего взыскивать, полезны ль, или не полезны сіи шворенія ихъ для чивашелей. Но изъ уваженія и къ чеспи прадѣдамъ я не спану хвалимъ пользу ихъ сочиненій; не скажу даже, что онѣ написаны правильно. Но оставимъ древнихъ, пусть другіе объ нихъ говорятъ, если ешо Богамъ угодно. Мы должны жаловаться на сочиненія новѣйшихъ мудрецовъ, какъ на причину настоящихъ золъ; онѣ—по производятъ всю порчу. Если я или вы въ доказапельство бышія Божія предсвадимъ солнце, луну, звѣзды и землю, что они суть Боги, и божественны; то послѣдователи сихъ мудрецовъ скажутъ, что ешо земля и камни, что

они нимамо не могушъ пещись о дѣлахъ чело-
вѣческихъ, и краснорѣчіемъ своимъ превра-
щаяшъ ешо въ досповѣрносшь.

Кл. Трудное словошы сказыль, почтенный,
хотя оно шолько одно. Но если вспрѣпятся
многія подобныя слова, шо будешъ еще
шруднѣе.

Ае. Чшожь мы должны сказаць? Чшо
намъ дѣлашь? Оправдывалъся ли пропивъ
возраженій сихъ людей нечеспивыхъ, ко-
шорые не принимаюшъ законодапельства,
и говоряшъ, будшо мы худо дѣлаемъ,
чшо законодапельшвуя, предлагаемъ о бышнхъ
Божіемъ? Или ошавя сей предметъ, обрашм-
ся оняшь къ законамъ, дабы предисловіе наше
небыло продолжшельнѣе самихъ законовъ.
Ибо не крашкое произошло бы слово, еслибъ
мы, желающймъ нечеспвовашъ, захошѣли, съ
одной спороны предшавишь всѣ доказа-
пельства шому, о чемъ говоришь намѣрены,
съ другой спороны усшрашишь ихъ, и нако-
нецъ произведя въ нихъ раскаяніе, продол-
жаяшъ законы.

Кл. Но, почтенный, въ шоль короткое
время мы шакъ часто говорили, чшо въ
нашоящей нашей бесѣдѣ крашкосшь никакъ
не должно предпочишашъ многословію. Нашъ,
какъ говоришся, ни кшо не гонишъ. Смѣшно
и худо показалось бы, еслибъ вмѣсто луч-
шаго мы избрали врашчайшее. Немаловаж-
ное дѣло убѣдительно доказашъ быше

Боговъ, и шо, чшо они благи и болае, нежели люди, любящъ правосудіе. Ешо послужило бы лучшимъ и удачнѣйшимъ предисловіемъ ко всѣмъ законамъ. Ипакъ безъ негодованія, безъ шоропливости продолжимъ свою бесѣду самымъ доспапочнымъ, удовлетворительнымъ образомъ, не опвергая никакихъ средствъ, кои могутъ служить подкрѣпленіемъ нашимъ словамъ.

Ае. Твои слова, кажешся, возраждають во мнѣ мое усердіе; шы пакъ сильно пребуешь. Я не могу не говоришь. Но можноли, не сердясь, говоришь о Богахъ, о бышій ихъ? По необходимости огорчишься и возненавидишь шѣхъ, кои вынуждають у насъ сіе слово. Люди, вѣрившіе священнымъ повѣспованіямъ, коимъ они внимали ошъ дѣшсшва и еще съ мапернымъ млекошъ ошъ кормилицъ, коими въ пѣсенкахъ занимали ихъ и для забавы и для назиданія, кои слушали они при жершвоприношеніяхъ въ молишвѣ; люди привышіе къ такимъ же священнымъ зрѣлщамъ, совершеніе кошорыхъ пакъ пріятно занимаешъ взоръ и слухъ юношесшва, видѣвшіе родилелей своихъ съ пламеннымъ усердіемъ приносящихъ жершвы за себя и за нихъ и бесѣдовавшихъ съ Богами молишвою и прошеніями въ несомнѣнной вѣрѣ въ бышіе ихъ; люди, ежедневно бывшіе свидѣтелями, чшо Елліны и всѣ варвары при восхожденіи и захожденіи солнца и луны, въ нещасшяхъ,

равно какъ и въ щастіи приносятъ мольбы и поклоненія Богамъ; приносятъ не пошому, что ихъ нѣтъ, но чуждые всякаго сомнѣнія въ бытіи ихъ; сіи люди, презрѣвъ все сіе безъ всякой доспапочнои причины, по которой можно предполагать въ нихъ хотя малѣйшій умъ, шеперь принуждаютъ насъ говорить по, что мы говоримъ: такихъ людей можноли хладнокровно вразумлять и учить познанію Боговъ, во первыхъ что они еспь?—Но испышаемъ. Да не возобладаетъ неисповсшо и ими, ослѣпленными своею ненасытною спраспю и нами, на нихъ негодующими. Безъ гнѣва обратимъ сію рѣчь къ симъ заблудившимъ умамъ; удержавъ свое негодование, будемъ говорить ошкровенно кому нибудь изъ шаковыхъ: юноша ты еще молодъ: придетъ время и заспавишь себя, перемѣнишь наспоаяція швои мнѣнія и приняшь прошивныя; дошолъ не спѣши бышь судьео дѣла важнѣйшаго. Важнѣе же всего, о чемъ ты шеперь не думаешь, — имѣшь справедливое поняпіе о Богахъ и веспи жизнь хорошую или нехорошую. Во первыхъ я тебѣ скажу обв нихъ одно нѣчто важное и ты вѣрно никогда не обличишь меня во лжи: не ты одинъ и не друзья швои первые начали имѣшь о Богахъ шакое мнѣніе; но во всякое время, въ большемъ или меньшемъ числѣ, люди бывають подвержены сей болѣзни. Я тебѣ скажу, что съ ними бываетъ. Еще ни одинъ изъ нихъ отъ

юности возросшій во мнѣни, что нѣтъ Боговъ, не осмѣлся поспоянно до старости въ семь заблужденіи. Другія два мнѣнія поспояннѣе и по не у многихъ, но у нѣкоторыхъ: первое, что естъ Боги, но что они не пекутся о дѣлахъ человѣческихъ; — и другое, что они пекутся, но легко могутъ преклоняться жершвами и молишвами. Повѣрь мнѣ, ожидай истиннаго мнѣнія о семъ, сколько тебѣ возможно имѣшь его, и разсмашривай, что справедливо и что несправедливо. Совѣщуйся съ другими, а болѣе съ законодашелемъ; а между шѣмъ не дерзай нечесшвовашь прошивъ Боговъ. Клиній, тебѣ, какъ законодашелю принадлежишъ шрудъ, научишъ, какъ должно думашь о сихъ божешшвенныхъ предметахъ.

Кл. Доселѣ, почшенный, все превосходно было сказано.

Ае. Правда, Мегилл и Клиній, мы не примѣнно напали на превосходное слово.

Кл. Скажи, какое.

Ае. Которое всѣ почитаютъ премудрѣйшимъ изъ всѣхъ словъ.

Кл. Но говори яснѣе.

Ае. Нѣкоторые говорятъ, что всѣ вещи настоящія, прошедшія и будущія, произходяшъ или отъ природы, или отъ искусствва, или отъ случая.

Кл. Точно хорошо сказано.

Аѳ. Мудрые люди и должны говорить справедливо. Послѣдуемъ за ними и разсмотримъ, какъ они о семъ думаютъ.

Кл. Конечно.

Аѳ. Кажется, говорятъ они, что величайшая и прекраснѣйшая часть дѣл совершается природою и случаемъ, а малѣйшая искусствомъ, которое, заимствуя отъ природы бытїе, съ важныхъ и первоначальныхъ швореній лѣпитъ и строитъ все малое, ничтожное, — что называется у насъ художествомъ.

Кл. Скажи, какимъ образомъ.

Аѳ. Скажу ещо еще яснѣе: огонь, вода, земля и воздухъ произошли отъ природы и случаемъ, говорятъ они. Искусство въ нихъ не участвуетъ. Слѣдующія за симъ шѣла, какъ то земля, солнце, луна и звѣзды произошли отъ сихъ стихій совершенно бездушныхъ. Случайно носилась каждая стихія своею силою; случайно все сложилось по нѣкому средству, теплѣе съ холоднымъ, сухое съ влажнымъ, и мягкое съ грубымъ. И такъ какъ все произошло по необходимости, случайно изъ смѣшенія прошивныхъ: равнымъ образомъ произошли и небеса и все что на небѣ; отсюда составились всѣ формы, слѣдовательно и живошныя и растѣнія; не по уму, не отъ Бога и не искусствомъ, говорятъ они, но природою и случаемъ. Художество же послѣ и послѣднее родилось изъ нихъ; — родилось

смертными, отъ смертныхъ же; родилось послѣднимъ съ инокшорымъ ученіемъ не безъ истины, коей оно есть только слабое подобіе. Таковы суть словесность, музыка и другія бѣдныя художества. Но если инокшорыя художества и производятъ что нибудь важное, то только потому, что отъ природы заимствовали всю силу, на примѣръ врачевство, земледѣіе, и гимнастика. Полишика же, говорятъ они, заимствовала отъ природы малѣйшую часть, а большую отъ художества. Такимъ образомъ законодательство происходитъ не отъ природы, но отъ художества, коего положенія не могутъ быть истинными.

Кл. Какъ это?

Ае. Добрый Клиній, они говорятъ, что Боги суть произведеніе художества; — что они не по природѣ существуемъ, но по законамъ; — что они у всякаго народа свои, различныя, смотря по тому, какъ народы между собою условились въ законодательствѣ; — что прекрасное одно по природѣ, другое по закону; что справедливости по природѣ совсѣмъ нѣтъ, но въ разногласіяхъ люди различно между собою принимаютъ ее и всегда измѣняютъ; измѣненія, какія въ ней бывають сдѣланы, осматривая на то время господствующими и производятъ по законамъ, а не по природѣ; — все это происходитъ, любезные, отъ мудрыхъ людей новѣйшихъ временъ,

онѣ прозаиковъ и поетовъ, полагающихъ въ величайшую справедливость въ перевѣсѣ, одерживаемомъ силою. Онѣ сего поселяются въ нынѣшнемъ вѣкѣ незаконныя мнѣнія, будто совсѣмъ нѣтъ Боговъ, коихъ законъ признавать предписываетъ; онсѣ возмущенія; ибо всѣ стремятся къ справедливости естественной, которая по истинѣ состоить въ томъ, чтобы властвовать надъ другими, и не жить въ рабствѣ у другаго по закону.

Кл. Какое произнесъ ты слово, почтенный? Какую гибель показалъ, какъ вообще для государствъ, такъ и для частныхъ семействъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ?

Лв. Ты говоришь истину, Клиній. И когда такъ усроено уже издревль, то что остаешь дѣлать законодателью? Долженъ ли, спавъ среди города, угрожать всѣмъ, что если не признають, не примуть пѣхъ Боговъ, какихъ предписываетъ имъ законъ; — то же говоря о прекрасномъ, о справедливомъ и о всемъ, что усpreмляетъ людей къ добродѣтели или пороку; — если не будутъ исполнять ихъ въ томъ смыслѣ, какъ повѣляетъ законодатель, однимъ словомъ, если кто не покоряется законамъ: то одинъ да накажется смертію, другой ударами и заключеніемъ, иной безчестіемъ, шомъ всѣми родами бѣдности и изгнаніемъ? — А убѣжденія крошечки онѣ все не должны присоединять къ издаваемымъ законамъ?

Кл. Никакимъ образомъ, почтенный. Но если ешь хошя малое средсво убждашь въ споль важномъ предметѣ, по законодапель и посредсвенный никакъ не долженъ оспивляшь его: но, какъ говоришь, онъ долженъ кричать во весь рожъ, — и словами содвспивовашь древней вѣрѣ, что ешь **Богъ**; долженъ, какъ ты пеперь сказаь, заступипшься за законъ и искусство, что они проихождать ошъ природы и не меньше природы, ибо сушь порождение ума; ты, кажешся, всегда говоришь сообразно съ здравымъ смысломъ и я шебѣ вѣрю.

Ае. Великодушный Клиній! но легколи говоришь къ народу и вмѣспишь шу обширносшь, съ какою соединенъ споль важный предметъ?

Кл. А по чему же не шакъ, почтенный? Мы не скучали продолжисельною бесѣдою о пьянствѣ и музыкѣ: о Богѣ ли и о предметахъ божесшвенныхъ пеперь говоришь успанемъ? А мудросшь и богопочшеніе сушь шакая подпора законодательству, что съ помощію ихъ божесшвенныхъ доказательствъ, законы могутъ вѣчно пребышь непоколебимыи. Не чего бояшья, если даже сначала и скучно покажешся слушашь; кшо шрудно понимаешъ, шощъ долженъ чаще возвращашься къ началамъ и снова ихъ пересмашривашь. Если рѣчь и продолжисельна, но полезна; шо нѣшъ еще причины и даже нечесшно, по

моему мнѣнію, не служишь ею и въ пользу другихъ по возможности.

Мег. Прекрасно, кажешься, говоришь Клиній; не такъ ли, почтенный?

Аѳ. Да, Мегилъ! должно сдѣлать по словамъ его. Еслибъ не распространилось сіе зло-вредное ученіе, смѣло можно сказать, между всѣми; тогда излишнебъ было защищать, что Боги существуютъ: но теперь сіе необходимо. Когда важнѣйшіе законы испорчены людьми; то кто долженъ помочь имъ какъ не законодапель?

Кл. Конечно никакъ другой.

Аѳ. Но скажи мнѣ и ты, Клиній, какъ собесѣдникъ словъ моихъ: кажешься люди сіи почитаютъ первую причиною всѣхъ вещей огонь, воздухъ, землю и воду, и называютъ ихъ природою; но къ чему шушь, кажешься? Они явно показываютъ сіе намъ въ своемъ словѣ.

Кл. Конечно.

Аѳ. Боже мой! какой источникъ грубѣйшаго заблужденія теперь открыли мы въ людяхъ, занимающихся еспешвенными изслѣдованіями! смотри, разбирай совнманіемъ каждое слово: ибо весьма важно, если окажется, что они, занимаясь сами неческивыми бесѣдами и внушая ихъ другимъ, принимаютъ слова не въ правильномъ, но превращенномъ значеніи. — И я думаю, что они такъ дѣлаютъ.

Кл. Ты хорошо сказалъ; но поспарайся доказать, когда они ешо дѣлають?

Аѳ. Для ешого должно коснуться совсѣмъ поспороннихъ словъ.

Кл. Не умедли, почтенный. Знаю, ты думаешь, что говоришь сіе, значить просишься за предѣлы законодательства; но если другимъ образомъ никакъ нельзя согласишься въ бышіи Божіемъ, которое принимается законами; шо и сіе сказать надлежитъ.

Аѳ. Я скажу, если должно, одно не обычное слово: первую причину бышія и разрушенія полагають не первую, но послѣднюю, сіи слова приводящія душу къ нечестію; а послѣднее онѣ принимаютъ первымъ. Такимъ образомъ произошло заблужденіе о бышіи Боговъ.

Кл. Не понимаю.

Аѳ. Кажешся, любезный, сіи люди почти во всѣ не знаютъ, что есть душа, и какую она имѣетъ силу, а еще меньше знаютъ о прочихъ свойствахъ ея и произхожденіи, что она есть первая; произошла прежде всѣхъ тѣлъ, управляетъ измѣненіями и всѣмъ устройствомъ ихъ. И если шакъ, если душа первѣе тѣла; шо по необходимости и все сродное душѣ произошло прежде всего шого, что отношится къ тѣлу?

Кл. Необходимо такъ.

Аб. Слѣдовательно мнѣніе, стараніе, разумъ; художество и законъ произошли прежде всего грубаго и мягкаго, тяжелаго и легкаго. И первыя великія творенія и дѣянія принадлежатъ художеству; естественныя же вещи и природа (копорую неправильно такъ называемъ) суть послѣднія и управляющія художествомъ и разумомъ.

Кл. Какимъ образомъ?

Аб. Не справедливо называющъ природу первоначальнымъ рожденіемъ. Если будетъ доказано, что не огонь и воздухъ, но душа произошла первая: то правильнѣе будетъ сказать событіемъ противнымъ образомъ, и припомъ сообразнѣе съ природою — что душа старѣе шѣла, а не иначе.

Кл. Весьма справедливо.

Аб. И такъ обратимся опять къ своему предмету.

Кл. Какому?

Аб. Предоспережемся всячески опъ обманчиваго слова, чтобы не разувѣрилъ насъ шариковъ какой нибудь юноша, и попомъ, убѣжавъ, не оставилъ бы насъ въ посмѣяніи. Тогда скажущъ, что мы предпринимали весьма великое, а не успѣли и въ маломъ. Предсхавъше себѣ, будто мы всѣ шрое должны переходить чрезъ весьма быструю рѣку; что я, какъ младшій изъ васъ, и навѣкшій въ великомъ плаваніи, сказалъ бы

вамб, чшо мнѣ прежде одному надлежитъ пуспиться въ опасность, и оставя васъ въ покоѣ, испыташь, можно ли чрезъ нее перейти и вамб спарикамб, или нѣшб. Еслибъ мнѣ показалось сіе возможнымб, погда я позвалъ и перевелъ бы васъ съ помощію своей опытности; но если рѣка не удобопроезжима, шо на мѣня пала бы вся опасность. Вы согласитесь, чшо я поспунилъ бы правильно. И наспоюще слово для васъ почти непоспужимо и превышаетъ всѣ ваши силы. И пакъ, чшобъ оно не повергло васъ въ недоумѣніе, если я спану предлагашь вамб его и вопрошаешь васъ не приготовавшихся къ опвѣшамб, чшобы не оставилъ васъ въ непріятнѣйшемъ и неприличномб для васъ расположеніи духа; кажешся, мнѣ, лучше пакъ сдѣлаешь: между шѣмб какъ вы будете спокойно слушаешь, я спану вопрошаешь самъ себя, и самъ себѣ буду пакже опвѣшсшвоваешь; такимъ образомъ окончу все слово, доколѣ докажешся, чшо душа первѣе шѣла.

Кл. Кажешся не лъзя сдѣлаешь лучше. Дѣлай, какъ сказалъ.

Лѣ. Но если когда нибудь надлежитъ молишь Бога, шо пеперь ешо особенно нужно: надлежитъ со всѣмб усердіемб молишь о помощи Его, чшобы доказашъ, чшо Онъ еспь. Руководсшвуйся нѣкопорымъ швердымъ способомъ убѣжденія, пршступимъ къ дальнѣйшему слову. А шверже всего и безобман-

чивѣ вопрошашъ и опвѣщивовашъ въ доказываніи сей истинны. Теперь вопросишъ кто нибудь : споишъ ли все и не движешся, или напрошивъ? или иное движешся, иное споишъ? Я скажу: иное движешся, иное споишъ. На мѣстѣ ли какомъ споишъ неподвижное и движешся движущееся? Какъ же можешъ быть иначе? и припомъ одно совершаешъ свой путь около одного основанія, другое около многихъ. Ты говоришь, что заемающее силу свою изъ средины, движешся около одного основанія, какъ на примѣрѣ, движешся окружность круговъ на одномъ мѣстѣ стоящихъ. Точно такъ. Мы знаемъ, что въ сей окружности движеніе, вмѣстѣ двигая и большой и меньшій кругъ, равно сообщается и меньшимъ и большимъ кругамъ, и слѣдовательно бываетъ меньше и больше. Сіе движеніе естъ источникъ всего чудеснаго; оно вдругъ даетъ и большимъ и малымъ кругамъ, имъ соопвѣщенную быспроу и медленность, такъ что почти можно почестъ его невѣроятнымъ. Весьма справедливо ты говоришь. Подъ движущимся около многихъ основаній, кажешся, ты разумѣешь то, что, круговращаясь, безпреснанно переходишъ изъ одного мѣста на другое; и припомъ иногда обращаешся около одного центра, иногда чрезъ многіе; всмрѣчаясь съ нимъ неподвижное разбиваешся и окружаешъ его, съ

спремиаимся съ пропивной спороны оно смѣшиваеаься , дѣлаеаься срединю его и сраспаеаься. И я съ епимѣ согласенѣ. Сросеаься умножаеаься , раздѣляющеаься уменьшаеаься , но или пакѣ , что раздѣлившіяся часши удерживаюаьщѣ каждая свою извѣспную силу, или вмѣспнѣ съ силою ша и другая часшь уничпожаюаьщѣ. Рождение всего произходитѣ подобнымѣ образомѣ. И ясно , что начало съ приращеніемѣ переходитѣ во второе соспоаніе, изѣ сего вѣ слѣдующее, и прошедши при соспоанія, получаеаьщѣ чувспво кѣ оощуцаемымѣ предметамѣ. Такимѣ образомѣ измѣняясь, превращаясь, все рождаеаьщѣ и дѣйспвительнѣ сущимѣ бываеаьщѣ, доколѣ оспаеаьщѣ неизмѣняемымѣ. Переходящее вѣ другое свойспво, умираеаьщѣ. Кажешся мы изчислили всѣ движенія почти вѣ оощуспительныхѣ видахѣ, кромѣ двухѣ?

Кл. Какихѣ же?

Лѣ. Именно пѣхѣ, кѣ коимѣ клонитѣся все наше разсужденіе.

Кл. Говори яснѣе.

Лѣ. Не о душѣ ли мы говорили ?

Кл. Да, обѣ ней.

Лѣ. И пакѣ пустьѣ будешѣ одно движеніе, коаорое можеаьщѣ двигааьщѣ все другое, но само себя не двигаеаьщѣ; еще одно движеніе , коаорое всегда можеаьщѣ двигааьщѣ и себя и другіе предѣлшы, посредспвомѣ сро-

щенія, и раздѣленія, возрастанія и уменьшенія, рожденія и разрушенія.

Кл. Пусть будешь шакъ.

Аѳ. Теперь по движеніе, копорое безпрестанно движешъ другіе предметы, и само измѣняешся другими предметами, мы положимъ девятымъ, а по копорое движешъ и себя и другіе предметы, — движеніе, проявляющееся во всѣхъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ обспоятельстввахъ, копорое справедливо называется измѣненіемъ, и пружиною всего, — сіе движеніе назовемъ десятымъ.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Изъ сихъ десяти движеній, копорое мы предпочтительнѣе называемъ сильнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ?

Кл. Несравненно предпочтительнѣе по, копорое само себя двигаетъ, а другія уже за нимъ слѣдуютъ.

Аѳ. Хорошо. Слѣдовательно въ сказанномъ, поелику мы сказали неправильно, надобно сдѣлать одну или двѣ перемѣны.

Кл. Какія?

Аѳ. Десятое движеніе не на своемъ мѣстѣ поставлено.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Какъ первое по произхожденію и по силѣ; и второе за симъ, по, копорое мы несправедливо назвали девятымъ.

Кл. Какъ ешо?

Аѳ. Такъ. Если у насъ однимъ приводишь въ движеніе другое, симъ прешіе и шакъ далѣе; шо должно положишь что нибудь за первую измѣняющую причину. Иначе какимъ образомъ шо, что движешся другимъ, можешъ быть первою причиною движенія? Ешо невозможно. Но если что нибудь и само себя движешъ и передаетъ сіе движеніе другому, а сіе еще другому, и такимъ образомъ приводящся въ движеніе безчисленныя множества предметовъ; шо началомъ сего движенія можешъ ли быть другое что, какъ не перемѣна само себя движущаго?

Кл. Прекрасно; должно согласиться съ ешимъ.

Аѳ. Скажемъ еще одно и опять будемъ ошвѣчать сами себя: въ первый разъ, когда произшедшее въ единое время было еще неподвижно, какъ нѣкоторыя держающъ говоришь, какимъ движеніемъ изъ шѣхъ, о коихъ мы говорили, начало все двигатся?

Кл. Тѣмъ, которое само себя движешъ; ибо опъ другаго безъ предварительной причины не можешъ послѣдовать никакой перемѣны.

Аѳ. Ипакъ сіе начало всѣхъ движеній, первое, которое произошло въ неподвижныхъ и въ движущихся предметахъ, которое само себя движешъ, мы назовемъ первѣйшею и сильнѣйшею причиною всѣхъ пе-

рембнѣ. А впорю шо, копорое измѣняешя другимб, и движешь другіе предметы.

Кл. Ешо испинно.

Аѳ. Теперь еще будемь опвѣщсшвовашь.

Кл. Чшо шакое?

Аѳ. Если мы увидимь сіе движеніе вѣ чемб либо земляномб, или водяномб, или огненномб, вѣ опдѣльномб или вѣ смѣшенномб; шо какб мы назовемь ешо сосшояніе?

Кл. Ты вѣрно спрашиваешь меня, жизнию ли я называю шо, чшо само собою движешься?

Аѳ. Точно.

Кл. Да, я называю ешо жизнию.

Аѳ. Но примѣшивѣ вѣ чемб либо душу, не назовемь ли и ешого шакже жизнию?

Кл. Не иначе.

Аѳ. Вникни еще ради Бога: не во всякой ли вещи мы замѣчаемь при опношенія?

Кл. Какія?

Аѳ. Первое, сущность ея; вшорое, мысль, или поняшіе о ея сущности; шрешье, ея названіе; и о всякомб сущесшвѣ предлежащб два вопроса.

Кл. Какб два?

Аѳ. Иногда предлагаешь напередѣ слово, и опыскиваешь его значеніе. Иногда напередѣ предшавляешь значеніе, и опыскиваешь названіе. Теперь еще скажише. . .

Кл. Чшо шакое?

Аѳ. Названіе, предшавля по сему раздѣленію двѣ спороны, ешъ чешное; значеніе

также число, раздѣленное на двѣ равныя части.

Кл. Истинно.

Аѳ. Я говорю, не къ одному ли мы приходимъ, не одно ли скажемъ, если предложивши мысль, предлагаемъ и названіе, или къ названію прилагаемъ и мысль? И пошому называемъ сіе чепнымъ числомъ, раздѣленнымъ на два: на имя и мысль

Кл. Совершенно справедливо.

Аѳ. Теперь душа есть названіе; какое же значеніе ея? Имѣемъ ли мы другое, кромѣ того, кошорое сказали? То есть движеніе, кошорое можеть само себя двигать?

Кл. Ты говоришь, что значеніе двигается самому собой имѣетъ шуже сущность, какую заключаетъ въ себѣ названіе, душа — названіе, кошорое мы всѣ употребляемъ?

Аѳ. Я говорю епо. И если епо такъ, по еще ли искашь доказательствъ, что душа есть первое рожденіе и движеніе всего, что есть, что было, что будеть, и всего, что прошивно сему? Ибо уже ясно, что она есть причина всякой переменны и всякаго движенія.

Кл. Накихъ болѣе искашь доказательствъ? Весьма удовлетворительно доказано, что душа есть первѣе всего, и начало движенія.

Аѳ. Но движеніе, происходящее въ чемъ нибудь ошъ другаго чего либо, и само себя ни мало не двигающее, — сіе вшорое движе-

ніе, или какимъ бы ни положили его, не еспь ли дѣйствительно измѣненіе бездушнаго шѣла?

Кл. Справедливо.

Аѳ. И такъ правильно, въ собственномъ значеніи и совершенно удовлетворительно мы назвали душу сгарѣе шѣла, а шѣло вшорымъ, находящимся подъ управленіемъ души, коего свойство и природа состоятъ въ шомъ, чшобы бытъ управляемымъ.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Припомнимъ шо, въ чемъ мы прежде согласились, что если душа сгарѣе шѣла, шо и свойства и дѣйствія душевныя сгарѣе и превосходятъ свойства и дѣйствія шѣлесныхъ.

Кл. Совершенно такъ. Я очень помню.

Аѳ. Слѣдовательно душевныя расположенія, нравы, желанія, разсужденія, истинныя мнѣнія, старанія и память прошедшаго произошли прежде долгошы, плоскости и глубины шѣла, равно какъ и душа прежде самаго шѣла?

Кл. Необходимо.

Аѳ. Послѣ сего необходимо также согласиться, что душа естъ причина всего добраго, прекраснаго, равно худаго, постыднаго, справедливаго и несправедливаго и всѣхъ прошивоположностей? Ибо мы положили ее причиною всего.

Кл. Не иначе.

Аѳ. Не необходимо ли также сказать, что душа управляющая и живущая во всемъ движемся, также правитъ и небесами?

Кл. Конечно.

Аѳ. Одна, — или многія?

Мег. Многія; — я за васъ опивчаю.

Аѳ. Но меньше двухъ не лзя положишь: одной благодѣтельной и другой могущей дѣлать все прошивное.

Кл. Очень справедливо ты сказалъ.

Аѳ. Правитъ же душа всѣмъ на небѣ, на земли и на морѣ посредствомъ своихъ движеній, коихъ имена суть: желаніе, прозорливость, стараніе, совѣтъ, мнѣніе, мнѣніе же справедливое или ложное, которое она производитъ, радуясь или огорчаясь, съ смѣлостію или съ робостію, въ ненависти или въ любви; правитъ посредствомъ сродныхъ ей первоначальныхъ движеній, коими возбуждаются впороспепенныя движенія шѣлъ, приводяція все къ возрастанію или къ разрушенію, къ раздѣленію или къ совокупленію; производяція теплоху и холодъ, шягошѣніе и легкость, жесткость и мягкость, бѣлое и черное, сладкое и горькое: всемъ симъ располагаетъ душа; — какъ умъ божеспвенный, какъ Богъ, она все ведетъ къ правильности и къ шастію. Но соединясь съ безуміемъ, она же спроитъ все прошивное сему. Согласимся ли мы въ

ешомъ? Или еще сомнѣваетесь, не другимъ ли образомъ епо бываетъ?

Кл. Никакъ не сомнѣваемся.

Аѳ. Но еша душа, которая владѣетъ небомъ, землею и всѣмъ обращеніемъ, есть ли разумная и добродѣтели исполненная? Или неимѣющая ни шого, ни другаго? Угодно ли вамъ на сіе такъ оповѣчать. . . .

Кл. Какъ?

Аѳ. Если мы скажемъ, что все обращеніе, всѣ пущи неба и шѣлъ небесныхъ имѣютъ одинакое свойство съ движеніемъ, круговращеніемъ и связію ума; по очевидно должно назвать совершеннѣйшею ту душу, которая промышляетъ о всемъ мірѣ и ведетъ его симъ пушемъ.

Кл. Справедливо.

Аѳ. Но если мірѣ идетъ неспройно и съ разумомъ несообразно, по управляетъ имъ злая душа?

Кл. И епо справедливо.

Аѳ. Какое же свойство имѣетъ движеніе разума? На епотъ вопросъ, друзья, прудно оповѣчать правильно. Почему я долженъ самъ сдѣлать сей оповѣщъ.

Кл. Хорошо.

Аѳ. Если мы прямо будемъ смотрѣть на солнце, по полдень обратимъ для себя въ шемную ночь; шакое и оповѣщъ нашъ будетъ, если мы думаемъ, что смершными очами можно видѣть и совершенно познать

верховный умъ. Несравненно безопаснѣе смощрѣть на него въ ошраженіи.

Кл. Какимъ образомъ ?

Аѳ. Если умъ подобенъ движенію; по возмемъ подобіе десяти движеній. Я. вмѣстѣ съ вами приведу ихъ на память и сдѣлаю общими силами отвѣтъ.

Кл. Епо лучше всего.

Аѳ. Ипакъ припомнимъ себѣ, какъ мы положили, что всѣ вещи или движущіяся или пребывающія неподвижны.

Кл. Испинно.

Аѳ. Что одни изъ движущихся пѣтъ двигаются на одномъ мѣстѣ, другія безпрестанно перемѣняющъ его.

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Сіи движенія, безпрестанно въ одномъ вращающіяся, необходимо должны двигаются около чего нибудь средняго, наподобіе круговъ, расходящихся отъ центра; и вошъ самое близкое подобіе обращенію и дѣйствию разума.

Кл. Какимъ образомъ ?

Аѳ. Говоря, что умъ и движеніе, въ самомъ себѣ вращающееся на подобіе центрального обращенія круга, обращающіяся оба по однимъ законамъ, одинакимъ образомъ и въ одномъ, около одного и къ одной цѣли, въ одномъ смыслѣ и порядкѣ, кажешся, мы не худые шворцы прекрасныхъ подобій.

Кл. Очень справедливо.

Аѳ. Но движеніе всегда неровное, не по однимъ законамъ, не въ одномъ, не около одного, не къ одной цѣли спремяющееся, безъ спройности, безъ порядка и безъ всякаго смысла не сродно ли со всякимъ безуміемъ?

Кл. Испинно такъ.

Аѳ. Теперь не трудно сказать утвердительно, что душа всѣмъ управляетъ и слѣдовательно должно согласиться, что и обращеніемъ небесъ управляетъ промышляющая и успрояющая душа, или совершеннѣйшая или напрошивъ.

Кл. Но, почтенный, послѣ того, что уже сказано, нечесливо не сказать, что движетъ небесами или одна душа, украшенная всѣми совершенствами или многія паковыя.

Аѳ. Ты превосходно, Клиній, вникнулъ въ силу словъ; послушай и еще.

Кл. Что еще?

Аѳ. Если душа правитъ всѣмъ, и солнцемъ и луною, и прочими свѣшилами; то не правитъ ли она и порознь — каждымъ изъ нихъ?

Кл. Такъ.

Аѳ. И такъ объ одномъ скажемъ то, что относилось бы и ко всѣмъ свѣшиламъ.

Кл. Чпожь епо одно?

Аѳ. Всякой человекъ видитъ пѣло солнца, а души его никто не видитъ. Равно никто ни видитъ души никакаго живошнаго, ни живушаго ни умершаго. Но есть великая надежда, что сей родъ непоспизимый для чувствъ

телѣсныхъ , удобопоспѣжимъ для ума. Посредствомъ ума и размышленія мы можемъ постигать сей предметъ.

Кл. Какъ ешо?

Аѳ. Если солнцемъ правишь душа, то мы не ошибемся, если скажемъ, что она совершаетъ изъ прехъ что либо одно.

Кл. Что же именно?

Аѳ. Что или она находясь внутри сего свѣщающагося шѣла, опшолъ все устроитъ, равно какъ въ насъ живущая душа дѣйствуетъ въ насъ; или доставляя ему откуда либо извнѣ вещество огненное или воздушное, какъ нѣкошорые ушверждающъ, приражаетъ силою своею шѣло къ шѣлу; или въ шрешьихъ, что она сама безшѣлесная правишь посредствомъ нѣкоей непоспѣжимой, чудесной силы.

Кл. Испинно.

Аѳ. Душа необходимо шолько посредствомъ сихъ дѣйствій всѣмъ управляетъ. И шакую душу, на колесницѣ ли она выводитъ намъ съ солнцемъ свѣтъ, извнѣли, или другимъ какимъ образомъ, — всякой человекъ долженъ почишать Божественною; не правда ли?

Кл. Конечно, если кто не впалъ въ глубочайшее невѣжество.

Аѳ. Что скажемъ мы о всѣхъ свѣшилахъ, о лунѣ, о годахъ, мѣсяцахъ и всѣхъ временахъ, какъ не по же слово, что душа или души — причина всего ешого, украшены всѣми доблестями; что мы назовемъ ихъ божественными,

въ шѣлахъ ли онѣ живущъ, какъ живошныя, и украшающъ все небо, или какъ бы по ни было. И кшо соглашаешся на сіе, пошѣ спашеш ли оприцашъ, чшо все исполнено Божешва?

Кл. Нѣшѣ ни одного, почщенный, шполь безумнаго.

Аѳ. Ишакъ, Мегилъ и Клиній, мы исполнили свое слово, назначивъ прежде условія для шого, кшо не признаешѣ Бога.

Кл. Какія условія мы назначили?

Аѳ. Или научишъ насѣ, чшо мы полагая душу первою причиною всего, ошибаемся въ прочихъ словахъ, которыя за шѣмъ у насѣ сѣдовали; или, если онѣ не можешѣ говорить лучше насѣ, повѣришѣ намѣ, и въ продолженіи жизни своей признавашѣ Боговъ. Разсмошримъ, досташочно ли мы не признающимъ Бога доказали бышіе Его или еще недосташочно.

Кл. Тупѣ больше не ошашешся ничего сказашъ.

Аѳ. Такъ сія рѣчь кончена. Теперь поговоримъ сѣ шѣмъ, кшо признаешѣ Боговъ, но думаешѣ, чшо они не пекушся о дѣлахъ человеческихъ. Доблешный юноша, скажемъ ему, шы признаешѣ Боговъ, пошому чшо нѣшпорое сродштво сѣ божешвенною природою и врожденное чувштво зашавляешѣ шебя почишашъ и признавашѣ ихъ: но успѣхи злыхъ и несправедливыхъ людей

какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, кои хощя не приводятъ ихъ къ прямому щасію, но почишаюся благами во мнѣніи народа, и прославляюся музами и всеобщемою молвою, — сіи успѣхи ведушъ себя къ нечестію. Или ты смущаешься, видя, что злодѣи соспарѣваясь и сыны сыновъ своихъ оставляюшъ въ величайшихъ почестяхъ; слыша или бывши самовидцемъ величайшихъ злодѣяній, ты видишь, что посредствомъ ихъ люди взошли на прешолы и достигли величайшихъ почестей; за все сіе, кажешся, по сродству своему съ Богами ты не хощѣлъ бы порицать ихъ, какъ виновниковъ сего: но водимый нѣкошорымъ безуміемъ, и не желая враждовать противъ нихъ, наконецъ ты ввергся въ новое заблужденіе, что хощя и признаешь ихъ, но думаешь, что они презираюшъ и не пекутся о дѣлахъ человѣческихъ. Дабы сіе мнѣніе не ввергло тебя еще въ большее нечестіе, посмотри, не можемъ ли его изгнать изъ мыслей твоихъ, прибавивъ нѣсколько словъ къ тому, что мы теперь сказали для не признающихъ бышя Боговъ. Ты, же Клиній и Мегилъ, возмие на себя трудъ какъ и прежде — опвѣчать вмѣсто юноши. Если вспрѣшился затрудненіе, то я васъ переведу чрезъ рѣку.

Кл. Справедливо ты говоришь: такъ и дѣлай, а мы по возможности постараемся исполнить по словамъ твоимъ.

Аѳ. Не трудно будешь также показать, что Боги не менее пекутся о малыхъ вещахъ, какъ и о великихъ. Я слышалъ гдѣ — то, и помню нашъ разговоръ, что они какъ совершенные во всѣхъ добродѣтеляхъ, имѣющъ особенное свойство промышлять о всемъ.

Кл. И я ещо очень помню.

Аѳ. Теперь вообще разсмотримъ, за какую добродѣтель мы называемъ ихъ благи. Владѣшь мудросію и разумомъ мы называемъ добродѣтелію, а прошивное порокомъ?

Кл. Точно такъ.

Аѳ. Но добродѣтелью также называемъ мужество а малодушіе порокомъ?

Кл. Справедливо.

Аѳ. И при томъ одно изъ сихъ называемъ прекраснымъ, другое посыднымъ.

Кл. Необходимо.

Аѳ. И если ешь для насъ маловажныя вещи изъ шѣхъ, кои намъ доставляютъ пользу; то для Боговъ мы ничего не можемъ назвать ни высокимъ, ни маловажнымъ.

Кл. И въ епомъ всякой согласишься.

Аѳ. Но нерадѣніе, лѣность и роскошь назовемъ ли мы добродѣтелію души или нѣтъ?

Кл. Какъ ещо можно?

Аѳ. Но прошивнымъ?

Кл. Да.

Аѳ. Слѣдовательно прошивное ешому назовемъ прошивнымъ образомъ.

Кл. Да.

Аѳ. Слѣдовательно нерадивый, лѣнивый, роскошный, кошораго поешъ сравниваетъ съ шрупнемъ, шаковъ и въ нашихъ глазахъ?

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Ишакъ Богу не лзя приписать шакого нрава, кошорый Ему самому ненавишенъ; и никому не позволишельно шакое богохульство.

Кл. Нѣшъ! какъ возможно ?

Аѳ. Говоря о комъ нибудь, кто болѣе другаго долженъ дѣйствовать и оказывать попеченіе, что умъ его занимается только высокими предметами и пренебрегаетъ всѣ маловажные, можемъ ли дѣлать похвалу сію, не впадая въ нелѣпность? Разсмотримъ, не по двумъ ли причинамъ можемъ шакъ дѣйствовать Богъ или человекъ?

Кл. По какимъ же?

Аѳ. Или онъ думаетъ, что пренебрегая маловажные предметы, не производитъ чрезъ сіе никакой перемены въ цѣломъ; или даже ко вреду цѣлаго онъ не радитъ по лѣности и по роскоши. Или нерадѣніе сіе происходитъ отъ чего другаго? Ибо то не есть нерадѣніе, если кто не брегетъ какъ о большихъ, шакъ и о малыхъ предметахъ, потому, что невозможно пещись обо всемъ; въ шакомъ случаѣ и могущественный Богъ и

худой кшо нибудь равно немощны и без-
сильны.

Кл. Какъ можно?

Аѳ. Ипакъ намъ проимъ пусть опвѣш-
ствуюшъ сіи двое, кои оба признаюшъ бы-
тіе Боговъ, но одинъ полагаетъ ихъ удобо-
преклонными, а другой пренебрегающими ма-
ловажныя вещи: во первыхъ вы оба говорите,
что Боги все знаютъ, видятъ и слышатъ,
что опъ нахъ ничшо укрыться не можетъ,
что полько подлежащъ чувствамъ или по-
знанію. Согласны ли въ ешомъ, или нѣшъ?

Кл. Такъ.

Аѳ. И что они все могутъ, что полько
возможно для смершныхъ и бессмертныхъ.

Кл. Какимъ образомъ не согласимся и въ
ешомъ?

Аѳ. И пришомъ всѣ мы пяперо назвали
ихъ преблагими и совершенными.

Кл. Очень.

Аѳ. Но если они паковы, какими мы ихъ
признали, шо должно пакже согласишься,
что они опнюдь ничего не могутъ дѣлать
по лѣноши и по роскоши. Ибо празднось
есть дочь робосши и малодушія. Лѣнось
же дочь праздноши и роскоши.

Кл. Весьма справедливо шы говоришь.

Аѳ. Изъ Боговъ ничшо не предается ни
праздноши ни лѣноши; ибо ни въ комъ
изъ нихъ нѣшъ робосши и малодушія.

Кл. Весьма справедливо.

Аѳ. Если они не радяшъ о маловажныхъ и ничпожныхъ часяхъ въ цѣломъ; шо оспаешя, что они дѣлаютъ се, или зная, что сіи часи не заслуживаютъ никакого спаранія, или въ прошивномъ убѣжденіи?

Кл. Не иначе.

Аѳ. И пакъ не уже ли ты говоришь, почтенный, что они по незнанію, вмѣсто должнаго спаранія, не радяшъ; или хопя и знаютъ, что должно дѣлать, но поступаютъ какъ нерадивѣйшіе изъ людей, кои даже сами видя, что должно дѣлать лучше того, нежели какъ они дѣлаютъ, уступаютъ влеченію удовольствія или горести и ничего не дѣлаютъ?

Кл. Какъ ешо возможно?

Аѳ. Но человекъ пакже причастенъ духовной природѣ, и одинъ изъ всѣхъ живошныхъ пишаешъ къ Божеству шоль глубокое почтеніе.

Кл. Кажется пакъ.

Аѳ. Но Божія спязанія суть всѣ смершныя и живошныя; и Божіи суть всѣ небеса.

Кл. И не инаго кого.

Аѳ. Пусшь скажутъ, что ешо или маловажно или велико для Боговъ; какъ существамъ попечительнѣйшимъ и преблагимъ не свойственно имъ не радѣшь о насъ, о своемъ спязаніи. При шомъ размошримъ и се —

Кл. Что пакое?

Аѳ. Чувства и сила не въ противоположномъ ли отношеніи находящся въ легкости и трудности?

Кл. Какъ ешо?

Аѳ. Видѣшь или слышаешь малое труднѣе, нежели великое: но неси, держаешь и соблюдаешь малое и немногое гораздо легче, нежели великое.

Кл. Нѣтъ сравненія.

Аѳ. Но если врачъ, хочешь и можешь врачевать что нибудь цѣлое и припомъ о великихъ часпяхъ печешься, часпички же и мѣлочи оспавляешь безъ вниманія; шо хорошо ли у него пойдетъ цѣлое?

Кл. Ни коимъ образомъ.

Аѳ. Равно безъ малаго и немногаго ничего не можешь быть великаго и многаго, ни у кормчихъ, ни у полководцевъ, ни у градоправителей, ни у кого другаго. Каменщики говорятъ, что безъ маленькихъ камней не могутъ швердо лежать большіе.

Кл. И какъ возможно?

Аѳ. И какъ не подумаемъ, что Богъ въ чемъ либо хуже смертныхъ художниковъ. Послѣдніе въ работахъ своихъ чѣмъ сами яревосходиѣе, шѣмъ съ большею почтоспкію, съ большимъ совершенствомъ, съ одинакимъ искусствомъ ошдѣлывающъ какъ малое, такъ и великое; а Богъ премудрѣйшій, имѣющій волю и могущество промышляешь, совсѣмъ

не занимаешься вещами малыми, какъ существо праздное и всякихъ прудовъ убѣгающее; Онъ оставляя легкое, обвемлешь только великое.

Кл. Такого мнѣнія о богахъ, почтенный, мы не примемъ. Оно нечестиво и не истинно.

Аѳ. Кажется, мы довольно сказали обвиняющему Боговъ въ безпечности.

Кл. Да.

Аѳ. Убѣждаясь нашими словами, онъ признается въ своей несправедливости. Еще нѣсколько словъ не излишни въ совершенному его убѣжденію.

Кл. Какихъ же нѣсколько словъ, добрый Аѳинянинъ?

Аѳ. Убѣдимъ юношу, что промышляющій о всемъ спроисъ все къ пользѣ и къ совершенству цѣлаго, и каждая частица дѣйствіемъ или спраданиемъ своимъ по возможности спремится къ сей общей цѣли. Есть и правители, раздѣляющіе всякому до самаго малѣйшаго существа сродное ему дѣйствіе и спрадание, которые совершаютъ сіе раздѣленіе съ величайшею точностію: и своя частица, хотя самаго малѣйшая, также всегда усмелена къ цѣлому. Ты конечно не зналъ, что всякое рожденіе происходитъ для цѣлаго, и что блаженнѣйшая сущность, наполняющая жизнь цѣлаго, не для себя существуетъ: но ты для ней. Всякой врачъ и всякой искусный художникъ все спроисъ для цѣлаго, для

пользы общей, дѣлаешь не цѣлое для частей, но части для цѣлаго. Но ты ропщешь, не зная, какимъ образомъ швоя судьба относишься къ общему, и какъ она можетъ бытьъ полезнѣе для себя самаго по законамъ общаго рожденія. Поелику же душа, переходя по въ одно шѣло, по въ другое, и за себя, и за другихъ испытываетъ различныя перемѣны; по властителью судебъ оспашаешь только лучше нравы переселяешь въ лучшее мѣсто, а худшіе, въ худшее, дабы всякая душа по достоинству имѣла приличной себѣ удѣлъ.

Кл. Какимъ образомъ, ты говоришь ?

Аѳ. Я говорю, думая, что управленіе легко для Боговъ. Еслибъ кто въ работѣ своей сообразуясь только съ цѣлымъ, беспрепятственно измѣнялъ всѣ виды, изъ огня дѣлая воду, и производилъ изъ одного многое, а изъ многаго единое, посредствомъ перваго, втораго и третьяго рожденія; погда бы произошли неизчислимыя измѣненія въ цѣломъ устройствѣ. Но Верховный промыслъ управляетъ съ удивительною легкостью.

Кл. Какимъ же образомъ?

Аѳ. Вотъ какъ. Царь нашъ видѣлъ, что всѣ наши поступки зависятъ отъ души, и что въ нихъ находится или великая добродѣтель или порочность; видѣлъ также, что душа и шѣло хотя не вѣчны, какъ

Боги; но не должны уничтожаться; ибо по уничтоженіи шого и другаго и рожденіе жившнихъ было бы не возможно; видѣлъ, что добраша душевная всегда полезна, а злосшь вредна; и видя все сіе, онъ умыслилъ, всякой часпицѣ всемірной души назначишь свое мѣсто, и чрезъ шо легчайшимъ и лучшимъ образомъ содѣлашь навсегда добродѣпель шоржеспвующею, а злосшь побѣжденною. Для сего онъ устроилъ, что всякая душа занимаешъ такое жилище и такое мѣсто, какою она сама бываетъ, и предоставилъ волю каждаго изъ насъ причину своего рожденія, каково бы оно ни было. Какъ кто самъ захочешъ, и каковъ кто въ душѣ своей; въ такомъ мѣстѣ, и такимъ всегда живешъ каждый изъ насъ.

Кл. И достойно.

Аѳ. Ишакъ все измѣняешся, что шолько причасно души, и въ самомъ себѣ заключаешъ причину своего измѣненія. Здѣсь, кажешся, владычеспвующш неизмѣняемая судьба, порядокъ и законъ. Тѣ, которые не много измѣнили свою природу, идушъ въ изгнаніе не далеко отъ мѣста своего рожденія. Несправедливые и далѣе уклонившіеся отъ своей природы, низпадаютъ въ глубину, въ мѣста преисподнія, адомъ и другими спрашными именами называемыя, которые они и въ сей жизни со страхомъ воспоминаюшъ, видяшъ во снѣ, и отъ мученій коихъ, выходя изъ пѣла, не освобождаюшся.

Если душа болѣе измѣнилась въ пороки, нежели въ добродѣтели и укрѣпившись собственнымъ своимъ желаніемъ и сообществомъ, вознеслась къ божественной доблести; то она перемѣняетъ и мѣсто на святое, переселяется въ лучший міръ, между шѣмъ какъ порочные въ другомъ мѣстѣ получаютъ достойную участь. Таковъ судъ безсмертныхъ Боговъ, небожителей, о юноша думающій, что Боги себя оставили. Если душа своя развращена, то она пойдетъ въ общество душъ пресупниѣйшихъ; если она исправилась, то соединится съ душами святыми, и какъ въ жизни, такъ и во всякомъ родѣ смерти будетъ шерифъ и дѣйствовать, какъ не обходимо бываетъ подобнымъ съ подобными. Сего суда Божія ни пы не избѣгнешь, ни впо другой симъ не похвалишься. Боги съ особенною строгостію установили его; опасно подвергнуться ему. Онъ вездѣ слѣдитъ за тобою. Какъ бы пы ни былъ малъ, и хощя бы сокрылся въ глубинѣ земной; какъ бы пы ни былъ высокъ и хощя бы на небо возлетѣлъ: воздашь должное наказаніе и тамъ во адѣ, или даже еслибъ пы переселился въ мрачнѣйшія мѣста. По сему же слову суди и о шѣхъ, кои святопапшествомъ и другими злодѣянiami изъ малыхъ содѣлались великими; кои, какъ пы думалъ, вмѣсто бѣдственной ведутъ жизнь блаженнѣйшую, и въ дѣлахъ копорыхъ какъ въ зеркалѣ, ка-

жешся, шы чипалъ безпечность и нерадѣніе Боговъ. Ты еще не знаешь конца, къ чему ешо все клонишся, и думаешь, дерзновенный юноша, что можно обойшися безъ сего знанія. Но безъ него шы никогда не поймешь назначенія своей жизни; не поймешь, ведетъ ли она тебя къ щасшію, или къ нещасшію. Богъ къ тебѣ будетъ еще милосливъ, если Клиній и весь нашъ совѣтъ успѣемъ убѣдиль тебя, что шы самъ не понимаешь того, что говоришь о Божествѣ. Если мало тебѣ сихъ убѣжденій, то мы скажемъ и прешье слово; внимай, если имѣешь сколько нибудь разума. Что Богъ ешь и печешся о чловѣкѣ, кажешся, не совсѣмъ худо доказано. Но будшо Боги для неправедныхъ удобоумолимы, и принимаюшь дары; сего никакъ допустить не можно; ешо всякимъ образомъ пребуешъ опроверженія.

Кл. Превосходно сказано. Сдѣлаемъ, какъ говоришь,

Ае. Скажи ради самихъ Боговъ, пусть они удобоумолимы; но какимъ образомъ они могушь бышь шаковыми? Кшо они и какаго свойсшва? Необходимо они сущъ правшели, споль совершенно правяще вселенною?

Кл. Такъ.

Ае. Но какимъ правшелямъ они подобны? Гдѣ сія люди, кошорымъ бы можно уподобитьъ всесовершеннѣйшихъ? Возницы ли ешо,

состояющіеся въ быспрошѣ колесницѣ, или мореходцы, управляющіе плаваніемъ кораблей? Подобны ли они вождямъ безчисленныхъ войскъ? Или врачамъ, ошвращающимъ опш пѣла войну болѣзней, или земледѣльцамъ, со спрахомъ ожидающимъ вредной поры для всходу посѣва, или пасшырямъ спады? Ибо мы уже согласились, что вселенная преисполнена всѣхъ благъ, но преисполнена паяже и золъ, числомъ непреодоляющихъ; ошселѣ происходишъ война вѣчная, нескончаемая, пребующая всей божественной бдишельности. Намъ спбораютъ Боги и духи; мы ихъ спяжаніе. Убиваютъ же насъ несправедливость и насильство съ безуміемъ, а спсаяютъ правосудіе и скромность съ мудростію, живущія въ духовныхъ силахъ Божеспва, кои проявляющся нѣсколько и въ насъ. Но живущія на землѣ души чаще увлекаются несправедливымъ корысполобіемъ, какъ живопныя пресмыкающся предѣ спражами своими, псами или пасшырями, или предѣ могущеспвеннѣйшими власшпшелями, убѣждающъ ихъ льспивыми словами и низкими прощеніями, наковы бывающъ прошенія и молпшвы злыхъ,—чтобъ имъ безъ наказанія было позволено дѣлапъ корыспи между людьми. Сіе корысполобіе въ частпныхъ плопскихъ людяхъ еспъ паякая же болѣзнь, какъ во временахъ года зараза, и какъ въ

государствѣхъ и въ народахъ, подѣ другимъ названіемъ, несправедливосшь.

Кл. Совершенно такъ.

Аѳ. Таковы же необходимо слова и пѣхъ, кои говорящъ, что Боги прощающъ несправедливымъ людямъ и злодѣямъ, если кто приносилъ имъ въ жершву часшь ошъ неправдой добычи; все равно, еслибъ волки удѣляли псамъ нѣсколько ошъ хищенія своего, и сіи спражи, укрощенные дарами ихъ, позволилибъ имъ расхищашъ спадо. Не шо же ли говорящъ, называющѣ Боговъ удобоумолимыми къ преспуленіямъ?

Кл. Точно шо же.

Аѳ. И такъ не смѣшно ли уподобляшъ хранишелей — Боговъ кому либо изъ пѣхъ, о коихъ мы шеперь говорили? Или кораблеправиселамъ, кои прельсшясь возліяніями вина и куреніями жершвъ, пошопляющъ и корабль и морепависелей?

Кл. Какъ можно?

Аѳ. Или возницамъ, сосшязующимся въ быспрошъ колесницъ, кои, подкупленные дарами, усшупающъ побѣду другимъ?

Кл. Разисшельное подобіе шы представляешъ въ словахъ сихъ.

Аѳ. Или военачальникамъ, или врачамъ и землѣдѣлцамъ или пасшырямъ или псамъ, волками обольщаемымъ?

Кл. Довольно. Возможно ли ешо?

Аѳ. Но Боги для насъ не величайшіе ли спражи, и спражи всего важнѣйшаго?

Кл. Безъ всякаго сравненія.

Аѳ. И сохраняющихъ совершеннѣйшимъ образомъ вселенную, существва, опличающіяся болѣе всѣхъ неусыпною бдительностію, мы держаемъ спавишь ниже псовъ, и людей, кои за дары, безчестно предлагаемые опъ людей несправедливыхъ, никогда не измѣняють справедливости?

Кл. Какъ можно? Ужасно слышатъ самое слово сіе. — Имѣющій шакое мнѣніе человекъ по справедливости можетъ назваться пресупнѣйшимъ, нечестивѣйшимъ изъ всѣхъ злодѣевъ.

Аѳ. Теперь, кажешся, довольно доказаны при испины, кошорыя мы себѣ предположили, что Боги существующъ, что они пекушся о насъ, и что прошивъ справедливости ничѣмъ не умолимы.

Кл. И мы всѣ съ шобою согласны.

Аѳ. Иное сязано слишкомъ сильно по негодованію къ злымъ людямъ, Наша ревность прошивъ нихъ, добрый Клиній, успремлена на шощъ конецъ, дабы сія заблудшіе, почитая справедливостъ на своей споронѣ, не присвоили себѣ власши въ самыхъ дѣлахъ своихъ показывашъ шо, что они думаютъ о Богахъ. Опселъ наше рвеніе сказашъ сильнѣе. Если мы успѣли убѣдишь нѣкошорыхъ, возненавидѣшь свой образъ мыслей и возлю-

бишь прошивной ему; шо предисловіе наше кь законамь о нечестіи сказано не напрасно.

Кл. Есть надежда; но во всякомь случаѣ сей родъ слова не послужитъ упрекомь для законодателя.

Лв. Послѣ сего предисловія сѣдуетъ, какъ бы исполкователь законовъ, слово предъвляющее всѣмъ нечестивымъ перемѣнишь свои нравы на благочестивые. Непокоряющимся да будетъ сей законъ о нечестіи: Если кто нечестивуетъ словомъ или дѣломъ; шо первый свидѣтель удержи-ваетъ его, представя о семъ правителямъ. Первые власти, узнавшія о семъ дѣлѣ, по законамъ должны опнесишь кь опредѣленному для сего судилищу. Начальство, кошорое, услышавъ, оспавитъ сіе безъ вниманія, само подвергается суду отъ шого, кто пожелаешъ всшупишься за законы; и судилище каждому обвиненному въ нечестіи опредѣляетъ наказаніе. Заключение въ шемницу есть общее для всѣхъ пресшупниковъ. Три шемницы находяшя въ городѣ: одна общая у площади для вѣрности подсуди-мага; одна подлѣ собранія, въ ночи имѣющихъ свои засѣданія, и называется смири-пельною, усовѣшпительною; одна во глубинѣ шраны въ мѣстѣ пущынномъ и ди-комъ, кошорой имя соопвѣшпшвовало бы шпрогости наказанія. Въ нечестіи обвиня-ющя по шремъ причинами, о коихъ мы

прежде говорили. И поелику каждая из сих причин подраздѣляется на двѣ; по изв сего производящ шесть родовъ преступленій, кои пребуяущ разсмотрѣнія и различной степени наказанія. Одни изъ шѣхъ, кои воевѣ не признающъ бышія Боговъ, онѣ природы добросердечны, пишяющъ любовь къ справедливости, ненавидящъ злыхъ, и по ненависти къ несправедливымъ не имѣющъ посползованія къ безчестнымъ дѣламъ, убѣгающъ худыхъ обществъ и привязаны къ добрымъ, правдивымъ;—другіе ко мнѣнію своему, что нѣтъ Бога, присоединяющъ невоздержность въ удовольствіяхъ и огорченіяхъ, сильную память и оспрошу ученія. Тотъ и другой родъ имѣющъ общее заблужденіе, не признаващъ Боговъ. Но одинъ менѣе, другой болѣе дѣйствуещъ ко вреду человѣчества. Одинъ исполненъ богохулія прошивъ всего священнаго, дерзко говорищъ прошивъ Боговъ, жершвоприношеній и клящвъ. Вооружась насмѣшкою, онъ легко сдѣлаещъ шаками же и другихъ, если не будетъ удержанъ наказаніемъ. Другой, хотя имѣетъ пошъ же образъ мыслей, но называется добросердечнымъ; въ самомъ же дѣлѣ характеръ его исполненъ хипросши и коварства, кои производящъ шакое множествво вѣщашелей, и всѣ роды заклинаній, для пользы пирановъ, демагоговъ и полководцовъ;

спремлясь полько къ собшвенному само-
 угодію, они соспавляюшъ оружіе для шакъ
 называемыхъ софисшовъ, коихъ ешь много
 родовъ. Но два особенно заслуживаюшъ
 вниманіе законовъ: родъ насмѣшниковъ, ко-
 цуновъ не одной, не двухъ, но многихъ смер-
 шей доспойный; другой же шребующій увра-
 зуменія и заключенія. Миѣніе, что Боги
 не пекутся, производитъ шакже два
 рода прешупниковъ; равно какъ и то, что
 Боги удобоумолимы къ извиненію прешуп-
 леній. Во всѣхъ шаковыхъ случаяхъ иногда
 люди дѣйствуюшъ по невѣжеству, безъ
 злаго умысла и безъ всякаго худаго распо-
 ложенія; шаковыхъ судія заключаешъ въ
 домъ усовѣщиванія не менѣе, какъ на пять
 лѣтъ. Въ продолженіе сего времени никшо
 изъ гражданъ съ ними ни видишся, кромѣ
 членовъ ночнаго собранія, кои бесѣдуюшъ
 къ увразумленію и ко спасенію души. По
 окончаніи сего времени ихъ заключенія, кшо
 изъ нихъ обратитъ на путь разума, шотъ
 пусть живешъ съ разумными; иначе если онъ
 опяшь впадешъ въ шакое же прешупленіе,
 наказываешся смертію. Но ешь люди буй-
 ные, звѣрскіе, кои не вѣря бытію Боговъ,
 опшвергая ихъ промыслъ или почиая ихъ
 удобопреклонными, въ семъ заблужденіи сво-
 емъ оказываюшъ презрѣніе къ людямъ,
 обольщаюшъ многихъ изъ живущихъ, увѣ-
 ряюшъ, что они души мершвыхъ могушъ

переводишь изъ одного мѣста въ другое, обѣщающъ преклонишь Боговъ жертвами, молишвами и заклинаніями и сею хипростию похищающъ у' проспаковъ, у цѣлыхъ домовъ и городовъ ихъ имѣніе. Обвиненнаго въ семъ преступленіи судъ по закону наказываетъ заключеніемъ въ пуспыннуу шемницу, куда не приближается ни одинъ свободный, и гдѣ принимаетъ онъ отъ рабовъ опредѣленную законоблюстителами пищу. Когда онъ умретъ, то безъ погребенія повергающъ его внѣ предѣловъ опечества; кто изъ свободныхъ похоронитъ его; тотъ подвергается суду за нечестіе. Если онъ оставитъ дѣшей годныхъ для опечества; то опекуны сиротъ имѣющъ попеченіе и объ нихъ съ того времени, какъ отецъ подвергнется наказанію. Для всѣхъ таковыхъ случаевъ попребно положишь общій законъ, копорый бы не позволялъ народу погрѣшати дѣломъ и словомъ въ дѣлахъ божественныхъ, и ограничивалъ бы его безуміе, запрещающъ вводити прошивъ закона свои божества или жертвоприношенія. Для всѣхъ да будетъ одинъ простой законъ: никто да ни созидаетъ храмовъ въ частныхъ домахъ; но кто хочетъ жертвовати, пусть идетъ въ общественные храмы и жертвы свои предастъ жрецамъ или жрицамъ, кои совершаютъ сіе въ чистотѣ и непорочности. Съ его молишвами и другіе могутъ соеди-

нѣшь свои молишвы. Сіе устанавляешся по-тому, чпо не легко воздвигашь храмы и вводѣшь Боговъ; но къ совершенію сего по-прѣбны великой умъ и оспорожнось. Есль обычай у женщинъ, особенно у всѣхъ не-мощныхъ, у людей, подвергнувшихся неща-спію или бѣдности, во время скорби своей шакже и во время какого нибудь неожидан-наго благополучія приносишь жершвы, дѣ-лашь обѣщы, обѣщаешь храмы Богомъ, ду-хамъ, и чадамъ Боговъ. Успрашенные видѣ-ніями, снами, всѣмъ лицамъ, какія полько могушь себѣ припомнишь, немедленно со-оружаюшь жершвенники, храмы; и дѣлые дома, селенія наполняюшь свяшынею, на чисныхъ мѣстахъ и гдѣ бы шо ни случи-лось. Все епо должно подлежашь сему закону. Но чшобъ злочеспивые шайно не заводили въ дѣмахъ своихъ жершвенни-ковъ, надѣясь скрышно умилоспивишь Бо-говъ жершвами и молишвами, и въ сей на-деждѣ, прилагая беззаконіе къ беззаконію, не навлекли бы и на себя проклятія Боговъ и на шѣхъ, кшо имъ позволѣшь дѣлашь сіе; — Богъ не осудишь законодашеля, — полагаешся законъ, не созидашъ въ собшвенныхъ до-махъ храмовъ. Кшожь имѣешь другой храмъ и празднуешь другіе праздники кромѣ об-щеспвенныхъ; если онъ не содѣлалъ другихъ важнѣйшихъ прѣступленій, о шомъ, видѣв-шій, доносишь законоблюспителѣмъ, кои

должны приказать перенести свою святыню въ общесвенные храмы. Непокорящійся сему подвергается наказанію, доколѣ не перенесетъ онъ своей святыни въ общій храмъ. Ктожь обличился въ нечестіи не дѣпскомъ, но какъ злодѣй, если не чистый жершвовалъ Богамъ въ общесвенномъ храмѣ, или создалъ свой, шомъ наказывается смершю. Законоблюшители, разобравъ дѣшскія прешупленія опъ важныхъ, предспавляющъ о сихъ судилищу и на нечестивыхъ перебующъ казни.

РАЗГОВОРЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

о

ЗАКОНАХЪ.

Теперь взаимныя отношенія, сдѣлаки у насъ пребудушъ настоящаго порядка. Есть для сего простое общее правило: да не касаеться никто насильственно до моего имѣнїя и да не пронепѣ ни малѣйшей вещи безъ моего согласїя. И я съ моей стороны также буду поступать съ другими по чистой совѣсти.

Первая изъ сихъ вещей есть сокровище, которое сохраняешъ кто либо или для себя, или для дѣшей своихъ. Если оно не принадлежитъ мнѣ, или родителемъ моимъ; по я не стану просить Боговъ, чшобъ они дали мнѣ найти его; и нашедши его, я никогда себѣ не присвою. Я не послушаюсь, еслибъ даже самые прорицатели совѣщовали мнѣ овладѣть чужимъ залогомъ. Я не сколько обогащусь, овладѣвши имъ, сколько приобрѣшу силы для душевной добродѣтели, и справедливости, если не прощу его. За временную выгоду я приобрѣшу сокровище несравненное лучшее, если въ душѣ своей, предпочитая всякому богатству правоту, буду сохранятьъ ее и въ спяжанїяхъ своихъ. Во многихъ случаяхъ прекрасно говоришь: не прогай того, что не поколебимо; и здѣсь можно сказать тоже. Должно повѣрить и

преданіямъ, что несправедливое пріобрѣтеніе не въ пользу дѣшамъ; но кто не заботясь о дѣшяхъ, и презирая всѣ законы, беретъ то, что положено не имъ и не опціомъ его; беретъ, не спросясь съ положившимъ, вопреки прекраснѣйшему и проспому правилу законодателя непроспаго: не бери, чего не положилъ: что долженъ прешерпѣшь сей презришель справедливости, расхищающій не маловажное, чего онъ самъ не клалъ, но величайшее сокровище? Опъ Боговъ, Богъ самъ знаетъ: но избъ людей кто увидишь сіе, долженъ объявить въ городѣ градоблюстителямъ; на площади приспавамъ, въ другихъ мѣстахъ сельскимъ старосхамъ другихъ и начальникамъ. По объявленіи городъ посылаетъ вопросить въ Дельфы: и что оракулъ изречетъ о сокровищѣ и похищеніи его, то городъ и долженъ совершить, повинувъсь божественнымъ изреченіямъ. Если свободный опкроетъ, то онъ пріобрѣщаетъ похвалу какъ добродѣтельный, а если умолчитъ, то почтеться порочнымъ. Опкрывшій рабъ дѣлается свободнымъ; городъ платитъ за него господину его; а не опкроетъ, то накажется смертію. За симъ слѣдуетъ другой законъ опносительно прочихъ какъ важныхъ, такъ и неважныхъ случаевъ. Если кто умышленно или неумышленно опсавишь чтонибудь свое, то нашедшій не долженъ прогаць ничего; ибо напушный Геній

хранишь сіе, какъ жершву, по закону ему посвященную. Но если кто, вопреки сему возьметъ оставленную вещь и понесетъ въ свой домъ; то, какъ бы ни маловажна она была, если возьметъ ее рабъ, наспигшій его не моложе прирдаши лѣтъ, наказываетъ его многими ударами; если возьметъ свободный; то сверхъ молвы, приличной низкому человеку и нарушителю законовъ, онъ долженъ заплащивъ оставившему за взяшую вещь въ десятеро дороже.

Кто, требуя съ кого нибудь свои деньги, хотя не много прибавитъ; тому сей признается, что онъ нашелъ деньги, но не его; и если имѣніе его по закону записано у правительсва, то онъ зоветъ нашедшаго къ суду; и сей долженъ идти. Открывшій по предъявленію, что спорная вещь его, беретъ ее. Если она принадлежитъ другому отсутствующему; то кто не представитъ вѣрной поруки, въ доставленіи ему его собственннсти, отъ того она по сей невѣрности отбирается. Если спорная вещь не предъявлена у Архонтовъ; то до рѣшенія хранится у прехъ старѣйшихъ изъ нихъ. Если въ закладѣ или въ поручительствѣ находится живописное; то обвиненной по суду долженъ представить Архоншамъ кормъ для онаго. Судъ же долженъ окончить архонты въ теченіи прехъ дней.

Раба своего всякой можетъ возвратитъ и дѣлашь съ нимъ, что законами позволено. Тоже

можешь сдѣлать всякой вѣспо своего ближ-
 няго или друга съ его бѣжавшимъ рабомъ,
 для доставленія его законному господину.
 Опыскивающий свободу находящемуся въ раб-
 ствѣ, долженъ опыскивать ее по закону; пред-
 ставишь за него прехъ доспойныхъ поручи-
 шелей и такимъ образомъ взявъ его отъ госпо-
 дина; иначе никакъ. Кшо будешь отбирать
 раба не сообразно съ симъ постановленіемъ,
 шомъ обвиняешь въ насильствѣ, и обличен-
 ный, платишь обиженному въ двое за предъ-
 явленный убытокъ. Господинъ можешь возвра-
 щать себѣ вольноопущеннаго, если сей не
 оказываеть почтенія опущившему его,
 или оказываеть недовольно. Почтеніе же со-
 споишь въ шомъ, чшомъ опущенный прижды
 въ мѣсяць приходилъ въ домъ къ опущивше-
 му предлагать ему свои слуги согласно съ спра-
 ведливостію и по своимъ силамъ; шакъ же въ
 брачной союзъ вступать онъ долженъ по сог-
 ласію прежняго господина. Опущенный не
 можешь быть богаче господина, кошорому
 принадлежишь весь его излишекъ. Онъ живешь
 въ городѣ не болѣе двадцати лѣтъ; послѣ шого,
 подобно всѣмъ иносшраннымъ, онъ долженъ
 удалиться со всѣмъ своимъ имуществомъ, если
 не испросишь у архоншовъ и опущившаго
 позволенія ошпаться въ городѣ. Еслижь у оп-
 щеннаго или укого либо изъ иносшранцевъ
 имѣніе будешь выше имѣнія шрешьяго класса,
 шо, щишая съ шого дня, какъ сіе ошкроешь, въ

тридцать дней онъ долженъ удалиться со всѣмъ ему принадлежащимъ, и шакому ошъ архоншовъ не должно бышь ни какой ошсрочки. Ишо преслушаетъ сіе, будетъ приведенъ въ судъ и уличенъ, шопъ наказываешся смерщю и его имѣніе дѣлаешся общешвеннымъ. Судъ обв имѣніи производихся по колѣнамъ, если двѣ шяжущіяся спороны не сдѣлаюшся между собою предъ судіями выбранными, домашними. Если ишо воспребуетъ, какъ собшвенность, какое нибудь живошное или чшо либо изб другихъ вещей; шо владѣющій ею долженъ возврашпшь ее или продавцу, или даришелю, за деньги и другимъ какимъ образомъ ее ошдавшему: гражданину и живущему въ городѣ, въ печеніи тридцати дней; а для передачи въ чужія шраны въ печеніи пяти мѣсяцевъ, коихъ серединою должно бышь время солнечнаго повороша съ лѣта на зиму.

То, чшо передаешъ одинъ другому посредшвомъ продажи и покупки, можетъ передавашся шолько шогда, если въ шже время на площади одинъ ошдаешъ, другой получаетъ условленную цѣну; иначе никогда; и съ ошлагательшвомъ платы никогда не должно производшшь ни продажи, ни покупки. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ позволишельно одному съ другимъ мѣняшся вещами, по взаимной довѣренности; но должно знашь, чшо законъ не ручается за сіи сдѣлки. Всѣ займы произво-

дѣлшя дружелюбнымъ образомъ: но если здѣсь и произойдетъ несогласіе; то должно спараться никогда не доводишь его до суда.

Продающій вещь, за копорую онъ долженъ получить не менѣе пятидесяти драхмъ, по необходимости можетъ пребыть въ городѣ десяти дней. Покупающій долженъ знать домъ продавца по причинѣ жалобъ, кои могутъ послѣдовать въ подобныхъ случаяхъ, и для законнаго возвращенія, копорое иногда должно, иногда не должно происходить въ сихъ случаяхъ. Кто продаетъ слугу одержимаго или проказою, или каменною болѣзнію, или недержаніемъ мочи, или такъ называемою священною, падучею болѣзнію, или какимънибудь другимъ скрытымъ, продолжительнымъ и неизлѣчимымъ недугомъ шѣлеснымъ или душевнымъ, но продаетъ лѣкару, или гимнастичку; то между ими нѣтъ никакого возврата; равно нѣтъ его и тогда, если кто продаетъ, напередъ сказавши истину; но если человекъ опытный продаетъ неопытному; то покупающій можетъ возвратишь купленнаго въ печеніи шести мѣсяцовъ, кромѣ падучей болѣзни, въ копорой возвратъ позволенъ въ печеніи цѣлаго года. Свидѣтельствово должно происходить предъ шѣми врачами, кѣихъ изберушь себѣ обѣ шяжущіяся спороны. Виновный плашитъ въ двое противъ той цѣны, за копорую продавъ раба. Если про-

даешъ простой человекъ простому же; по-
хошя бываетъ возворотъ и свидѣтельство;
но виновный долженъ заплашишь одну про-
стую цѣну. Если кто завѣдомо продаешъ
другому убійцу; по куплѣ шаковой нѣшъ воз-
ворошу; а незнавшій сего можешъ возвра-
тишь, какъ скоро узнаешъ, коковъ сей куп-
ленный. Сей судъ производитъ въ присуд-
ствіи пяти младшихъ изъ законоблюсти-
телей. Знавшій продавецъ по осужденіи дол-
женъ освящитъ, очистишь домъ покупа-
ющаго по закону исполкователей священи,
и припомъ заплашишь ему проиную цѣну.

При промѣнѣ денегъ или за деньги, или
за какое либо животное, или за вещь без-
душную всякой, повинующійся законамъ, дол-
женъ отдавать и принимая все безъ лукав-
ства. Дѣлавши предисловіе ко всѣмъ прочимъ
законамъ, сдѣлаемъ его и прошивъ сего по-
рока. Всякой долженъ представлять себѣ
что лукавство, ложь и обманъ законопре-
ступны; и чернь не справедливо думаетъ,
будто позволишельно обманывать въ свое
время, въ нѣкошорыхъ случаяхъ. Помомъ, не
разбирая сего времени, какъ и когда ето
позволишельно, и не подчиняя себя никакимъ
правиламъ, сіи невѣжды весьма много вре-
дятъ и себѣ и другимъ.

Законодателью не позволишельно оспа-
вить сіе безъ вниманія; онъ непремѣнно дол-
женъ назначитъ для сего или пѣснѣйшія или

обширѣйшія границы. Ограничимся пакѣ: лжи, обмана и лукавства, какѣ пороковѣ вопіющихъ къ Богу, нишо изѣ боящихся гнѣва Божія, да не упошребляешѣ ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ. Тотѣ во первыхъ ненависненѣ Богамѣ, кто, клянясь ложною клятвою, оказываешѣ къ нимѣ презрѣніе; а во вторыхъ презрѣніѣ пошѣ, кто лжешѣ предѣ людьми, копорые лучше его. Лучшіе же и опличивѣйшіе муживообще сущѣ добродѣтельные предѣ порочными, старѣйшіе предѣ младшими, слѣдовапельно и родители предѣ дѣтьми, мужи предѣ женами, начальники предѣ подчиненными, коимѣ всѣмѣ надлежитѣ воздавать почтеніе со всякою покорностію, особливо въ государственномѣ устроеніи, о копоромѣ шеперь просшираешѣ наше слово. Всякой, оказывающій какое нибудѣ лукавство на шоржищѣ, лжешѣ и обманываешѣ; клянясь именемѣ Боговѣ, онѣ явно пресупаешѣ законы на дскахѣ изображеные; ибо не имѣшѣ спыда предѣ людьми и не сохраняешѣ почтенія къ Богамѣ. Безѣ сомѣніи лучшее свойство души естѣ не сквернишѣ имени Боговѣ, сколько возможно людямѣ, и всегда ходишѣ предѣ ними во всякой правостѣ и чиспостѣ. Если не послушаюшѣ сего; то вошѣ и законѣ: продающій что нибудѣ на шоржищѣ никогда не долженѣ говоришѣ двухѣ цѣнѣ продаваемой вещи. Но сказавѣ одну цѣну, если не получишѣ еѣ, пущѣ

опложивъ продажу своей вещи до другаго времени, и въ ешоуъ день ни прибавляешъ, ни убавляешъ цѣны ея. Похвала и божба не должны бытъ употребляемы ни въ какой продажѣ. Кто же вопреки сему будешъ божищья; того безопшѣдно можешъ наказашъ всякой гражданинъ, который услышишъ его, не моложе придцати лѣтъ; за пренебреженіе сего всякой подвергается нарѣканію въ измѣнѣ законамъ. Если кто противъ сего успава дерзавшъ обманывашъ поваромъ; по знающій въ немъ различіе, если можешъ доказашъ, пущь обличишъ его предъ архоншамы. Если докажешъ рабъ, или обывашель, по поддѣланный поваръ дѣлаешся его собшвенносною. Если гражданинъ не докажешъ; по какъ презришель божешца онъ объявишся безчешнымъ; если докажешъ; по да принесешъ даръ Богомъ покровищелямъ шоржища. Обличенный же въ обманъ лишаешся своего повара и сверхъ того, смошря по цѣнѣ онаго, за каждую драхму получаешъ по удару ошъ шоржищнаго глашашая, которой при шомѣ всѣмъ объявляешъ вину, за кошорую онъ наказанъ. Къ опшращенію обмановъ и злодѣйствъ въ продажѣ, шорговые приспавы и законоблюшпштели, посовѣповавшисъ съ людьми опышными во всѣхъ частяхъ шорговы, должны написашъ всѣ обязанности шоргующихъ и прибишъ на сполбѣ сіи законы, ясно излагающіе все касающеся до шор-

жища. О городских приспавах уже прежде довольно сказано. Если нужно будетъ что либо прибавить къ городскому уложению; то они вмѣстѣ съ законоблюстителями, написавъ и раздѣливъ на первыя и на вторыя обязанности, прибываютъ къ столбу.

Послѣ обмана въ торговлѣ слѣдуетъ говорить о продающихъ свѣспные припасы. Сказавши объ нихъ свое мнѣніе, попомъ положимъ самый законъ. Торговля по сущности своей бываетъ въ городѣ не ко вреду, но напрошивъ. Не благодѣтельной ли чело-вѣкъ пошъ, яко неравное и несоразмѣрное состояніе имѣній приводитъ въ равное и соразмѣрное? Сіе должны производить у насъ деньги, и сіе по естъ собспвенное назначеніе торговли. Всякой наемникъ, всякой оспранно-пріимецъ и другіе мѣлочныя промышленники, имѣющъ цѣлю, доставляющъ ближнимъ пособие во всѣхъ нуждахъ и производящъ уравнительность въ имѣніяхъ. Почемужъ сіи промыслы кажутся нечеспивыми, низкими; почему они у всѣхъ въ порицаніи, разсмотримъ; и если не все, то по крайней мѣрѣ въ частяхъ исправимъ закономъ. Епо дѣло кажепся немаловажное и потребуецъ вниманія.

Кл. Какимъ образомъ?

Ае. Любезный Клиній! по природѣ, даже между благовоспитанными весьма не много такихъ людей, кои, когда попотребуецъ нужда, или родится какая либо спрасъ, моглибъ

опказываешь себѣ и ограничиваешься малымъ; кои, имѣя способы получишь величайшія выгоды, рѣшились бы опказаться отъ нихъ, предпочитая умѣренное чрезмѣрному. Большая часть людей поступающъ совершенно прошивнымъ образомъ. Они незнающъ мѣръ своимъ нуждамъ, и гдѣ можно приобрѣсть умѣренную выгоду, они не знающъ мѣры своей ненасытной жадности. Вотъ отъ чего пришли въ такую ненависть и порицаніе всѣ шаковые промышленники, шоргаши и содержатели гостинницъ. Еслибъ кто (чего не дай Богъ) заставилъ (смыслно сказать, но скажемъ) вездѣ, благороднѣйшихъ людей хопя на короткое время содержать гостинницы, харчешествовать и производить подобные промыслы: или еслибъ жены ихъ по какой либо крайности были принуждены участвовать въ семъ дѣлѣ: шогдабъ мы увидѣли, какъ все ешо прекрасно и любезно; и еслибъ ешо дѣлалось безъ всякой порчи; по всякая бы женщина уважаема была вмѣсто матери, вмѣсто кормилицы. Теперь сіи барышники, устроивъ вездѣ въ пущынныхъ мѣстахъ, по дальнимъ дорогамъ жилья для постоя, ласково принимающъ подъ кровъ свой всѣхъ находящихся въ нуждѣ; дающъ пихое убѣжище отъ жестокой бури, или прохладу отъ душищельнаго зноя; а попомъ, принявши шакъ дружешвенно, вмѣсто угощенія, какъ плѣнныхъ враговъ оппускающъ изъ

рукъ своихъ за безмѣрной, неправедной, нечиспой выкупъ. Такія злоупотребленія справедливо навлекають ненависть и нарѣканіе на сихъ помощниковъ нуждающимся; и законодашель долженъ отвратишь сіе зло.

Справедливо сказано, что трудно бороться противъ двухъ крайностей, какъ шо бываетъ въ болѣзняхъ и во многихъ другихъ случаяхъ; и шеперь должно бороться съ двумя противоположными врагами, съ бѣдностію и богашствомъ. Одинъ изъ нихъ губишь роскошью душу чловѣческую; другой силою скудости влечешъ ее въ безспыдству. Какое же врачевство противъ сей болѣзни городу разумно управляемому? Во первыхъ по возможности мѣнѣе имѣшь такихъ промышленниковъ; потомъ поручашъ сіе такимъ людямъ, отъ порчи копорыхъ городъ не можешъ получить великаго вреда; въ прешьихъ, для самыхъ занимающихся симъ промысломъ, опирышь способъ, не оставляшь безъ наказанія ихъ безспыдства и нравственнаго униженія.

За сими словами въ доброй часъ положимъ слѣдующій законъ. Изъ Кришьянъ, копорымъ Богъ приведетъ поселишься и бышь воздѣлывашелями пшши шысячь и сорока учаспковъ, нишо ни добровольно, ни противъ воли не долженъ бышь ни промышленникомъ, ни поргашемъ, ни посвящашъ

себя служенію частнымъ людямъ не равнаго сословія, кромѣ опца и машери, первыхъ въ родѣ, и всѣхъ старѣйшихъ людей свободныхъ. Не легко съ точностію опредѣлить благородныя услуги и неблагородныя. Одобреніе или презрѣніе мужей опличнѣйшихъ только могутъ давати симъ услугамъ ихъ цѣну. Кто какимъ либо образомъ будетъ участвовати въ низкихъ промыслахъ; того долженъ спыдиди всякой благомыслящій предъ мужами, коимъ ихъ доблести дають первое мѣсто между гражданами. Кто недоспойнымъ промысломъ безчеститъ свой родъ и домъ, шотъ да воздержитъ отъ сего въ первой разѣ однолѣшнимъ, во второй двулѣшнимъ заключеніемъ, и шакъ далѣе, при всякомъ новомъ обличеніи удвоеннымъ временемъ наказанія.

Второй законъ предоставляетъ поргровку сбѣспными приласами колонистамъ или иноспранцамъ; наконецъ прешій повелѣваетъ, чшобъ сіи люди были честнѣйшіе, или, сколько можно, менѣе худже. Законоблоспители должны помнитъ, что ихъ долгъ, не сполько смотрѣть за шѣми, коимъ ихъ рожденіе и доброе воспитаніе уже не позволяють бытъ порочными и худыми, сколько за шѣми, коимъ самыя ихъ упражненія суть сильное побужденіе къ порокамъ. Споль вредное вліяніе промысла, впрочемъ необходимаго въ городѣ, и другія обспоя-

пельства, здѣсь еще не развишья, перебу-
ють, чшобы законоблюспишели по сно-
шенію съ людьми опышнѣйшими во всякомъ
промышлѣ, шакъ какъ положено уже прежде
о подобной шорговлѣ, разсмопрѣвъ при-
ходы и расходы, опредѣлили умѣренную вы-
году для промышленника; а за соблюденіемъ
ушвержденныхъ цѣнъ должны смошрѣшь
шорговые присшавы, или городовые или
сельскіе. Такимъ образомъ сей промыслъ,
досшавляя каждому пользу, весьма мало мо-
жетъ вредить общей нравшвенности.

Кшо принявъ на себя какое нибудь дѣло,
не исполняетъ сдѣланнаго договора; шощъ,
если не воспрешшвовали ему или законы
или приговоръ, если сей договоръ не сдѣ-
ланъ по принужденію, или если онъ про-
шпвъ собшвенной воли не долженъ былъ
ушшунить неожиданному обшшоятельству,
подвергается суду въ неусшойкѣ, кошорый
происходитъ въ собраніяхъ по колѣнамъ,
если шяжущіеся не примиряшся между со-
бою въ частныхъ судилищахъ.

Всѣ художники сосшоятъ подѣ священ-
нымъ покровишельствомъ Ифеспа и Аѣи-
ны, кошорые усшрояють нашу жизнь худо-
жештвами, равно какъ и шѣ люди, кои со-
дѣйствіемъ и искусствомъ Ареш и Аѣины
досшавляютъ безопаснсть мирнымъ рабо-
шамъ художниковъ, справедливо, какъ за-
щипники, священны симъ божештвамъ. Они

проводящъ жизнь свою въ служеніи ошечесшву и гражданамъ: одни, какъ вожди и сподвижники на войнѣ; другіе, какъ наемные шворцы орудій и совершилители работъ. Тѣмъ и другимъ не прилично лгашъ въ своихъ работахъ; ибо они безчестящъ Божештво, покровишельспвующее ихъ художештвамъ. Если кто изъ художниковъ не совершищъ работы къ положенному сроку, по лѣности, презрѣвъ весь спыдъ и спрахъ къ Богу Жизнедашелю, и въ сѣпношъ своей думая, что Онъ, какъ свой, все прощаешъ ему; пошъ во первыхъ долженъ воздащъ должное Богу; во вторыхъ, какъ законъ повелѣваешъ, заплашищъ обманушому цѣну его, и заказанное сдѣлащъ уже безъ всякой плашы. Опдающему работу, какъ и продающему одинъ законъ повелѣваешъ цѣнищъ вещь не обманчиво, но по простой, насполящей цѣнѣ ея. Художникъ безъ сомнѣнія знаешъ сію цѣну. Въ свободномъ городѣ работающій не долженъ обманывашъ часпныхъ людей своимъ художештвомъ, которое по природѣ ещъ дѣло ясное, чистое и неложное, и пошому обиженный имѣешъ судъ противъ обидѣвшого. Если заказавшій работу художнику не плашищъ должнымъ образомъ, по сдѣланному условію, и оскорбляя Зевеса градодержишеля и Аѣину, учаспницу гражданскаго успройштва, за крапковременную корышъ разрушаешъ общешвен-

ную связь ; шо законъ долженъ вступашься за нарушаемыя права. Кто за работу не плашишь въ условленное время ; шопъ долженъ заплашишь въ двое. Если пройдетъ годъ ; шо, хопя всѣ прочія ссуды денегъ дѣлаются безъ корысти, сей же плашишь по драхмѣ на каждый мѣсяцъ прибавки. Дѣла сего рода судятся по колѣнамъ. Говоря вообще о художникахъ, справедливо упомянуть мимоходомъ и о пѣхъ, кои на войнѣ устроюшь спасеніе опечесхва ; и имъ, какъ и прочимъ, законъ долженъ воздашь достойную почесшь,—награду мужамъ воиншвеннымъ, и не щадить похвалы шому, кто совершитъ добровольное или возложенное на него доблешное дѣло ; равно долженъ порицашъ шого, кто возмешся за какое нибудь важное дѣло и не совершитъ. Закономъ, воздающимъ похвалу доблести, но закономъ болѣе совѣшующимъ, нежели принуждающимъ да будешъ навсегда для народа : почишашъ мужей доблешныхъ, кои мужешвомъ своимъ и военными добродѣтелями спасаюшь опечесшво, но почишашъ ихъ вшорю почесшию ; первая же и величайшая принадлежишь пѣмъ, кои опличаются своимъ уваженіемъ къ предисаніямъ законодательей.

Ишакъ важнѣйшія опношенія гражданъ между собою у насъ почши устроены ; опашья еще сиропы и опека, кошорыя шакже необходимо шребуюшь ушройства и рас-

поряженія. Главнѣйшій предметъ здѣсь есть расположеніе умирающихъ къ завѣщаніямъ и участъ оспяющихъ безъ завѣщанія; я сказалъ необходимо, попому что безъ распоряженія оставишь ихъ невозможно.—Иначе всякой спанешъ дѣйспвовашъ по своему, несогласно съ другими, прошивно законамъ, обычаямъ живущихъ, прошивно собспвенному своему расположенію, копорое онъ имѣлъ до завѣщанія; если мы дадимъ силу просто всякому завѣщанію, копорое сдѣлаешъ кто либо предъ послѣднею минушою жизни, когда человекъ по большей часпи дѣлаешся малодушнымъ и безумнымъ.

Кл. Къ чему же ты сіе говоришь, почтенный?

Ае. Человекъ умирающій дѣлаешъ великія затрудненія законодашелю, и говоришь ему слово спрашное, прискорбное.

Кл. Какое?

Ае. Желая бышь господиномъ всего, онъ съ гнѣвомъ обыкновенно говоришь. . . .

Кл. Чшо же?

Ае. Какая несправедливосшь, о Боги, говоришь онъ, если мнѣ не позволено давашъ свое, кому захочу, и кому нѣшъ, кому больше, кому меньше, смошря по усердію или по холодноспи, копорую ясно всякой доказалъ мнѣ во время моей болѣзни, въ моей староспи, и въ другихъ разныхъ случаяхъ!

Кл. Развѣ онѣ несправедливо такъ говоришь? Какъ тебѣ кажется?

Аѳ. Я нахожу, что прежніе законодатели были слишкомъ снисходительны и законодательствовали не зная и не помышляя о слѣдствіяхъ.

Кл. Какимъ образомъ ты это говоришь?

Аѳ. Они успрашились сихъ словъ, и положили такую законъ: позволено всякому завѣщать собственность, кто какъ захочетъ. Но мы, Кляній, умирающимъ въ нашемъ городѣ сдѣлаемъ опрѣдѣль основательнѣйшій.

Кл. Какой же?

Аѳ. Друзья, мы скажемъ, въ послѣдній день доживаете въ смущеніи и трудно вамъ знать собственныя свои вещи, а наипаче самихъ себя, какъ повелѣваетъ Пифійской оракулъ. Но я, какъ законодатель, полагаю, что и сами вы уже не себѣ принадлежите, равно какъ и ваше имѣніе. Оно принадлежитъ цѣлому вашему поколѣнію настоящему и будущему, а еще болѣе опечесыву, коему принадлежитъ и весь родъ вашъ и все имѣніе. И если такъ, то я не соглашусь, чтобъ васъ, удрученныхъ болѣзнію и спаросію ктонибудь принудилъ ласпію завѣщать противъ всякаго права. Я взираю только на общую пользу опечесыва и вашего поколѣнія, оспая въ споронѣ частныя выгоды каждаго; а вы не гибвайте на насъ, опходя въ шопъ пущь, куда васъ призываетъ общая судьба

человѣческа, и намъ предославше дѣла свои. Мы по возможности будемъ пещись о всѣхъ, и спараясь обѣ однихъ, не забудемъ и другихъ. Сіе да будетъ предисловіемъ, какъ для живыхъ, такъ и для умирающихъ. Вотъ законъ: пишущій завѣщаніе во первыхъ да напишетъ наслѣдникомъ своимъ изъ дѣшей достойнѣйшаго. Если кого изъ нихъ отдастъ другому въ усыновленіе, да напишетъ и сіе. Если у него еще останеся сынъ безъ наслѣдства, котораго по закону можно опослать въ поселяемую страну; такому изъ прочаго имущества онъ можетъ дать все, что захочетъ, кромѣ наслѣдственнаго удѣла, и всего, что къ нему принадлежитъ. Если у него много дѣшей, то кромѣ удѣла отецъ можетъ раздѣлить между ими все остальное. У кого изъ дѣшей есть свой домъ, тому не удѣляютъ ничего изъ имѣнія; равно не удѣляютъ и дочери, у которой есть обрученный женихъ; у которой нѣтъ жениха, ту должно снабдить имуществомъ. Если послѣ завѣщанія предсавишся кому либо изъ сыновъ или дочерей общая доля, то часть завѣщанная останеся другому наслѣднику. Если отецъ не оставитъ послѣ себя дѣшей мужескаго пола; то мужа дочери своей, котораго хочетъ, назначаетъ, какъ сына, наслѣдникомъ. Если умретъ у него сынъ усыновленный или родной, не пришедшій въ совершенной возрастъ; то онъ можетъ усыновить на мѣсто

его другаго съ лучшимъ щастіемъ. Если кто совершенно бездѣшныиъ пишеть завѣщаніе; по онъ можетъ подарить девяшую часть, благопріобрѣтешннаго, кому хочеть; а прочее, передавъ усыновленному, неукоризненно исполнивъ обязанность родителя, какъ къ истинному сыну.

Если дѣши имѣющъ нужду въ опеку, и ошець ихъ, умирая, написалъ свою волю, чпобъ попечителями ихъ были извѣстныиъ ему особы, добровольно на себя принимающія опеку; по выборъ ихъ дѣлаешся по сему завѣщанію. Если кто умреть совершенно безъ завѣщанія или забудеть о выборѣ опекуновъ; по для сего избирающся ближайшіе сродники съ опцовой стороны и съ матерней, два попечителя съ одной стороны и два съ другой, и одинъ изъ друзей умершаго. Сихъ законоблюстителіи опредѣляють къ сиротамъ. Пятнадцать законоблюстителіи по старшинству управляють всею опекою и сиротами, чередуясь между собою шрое на одинъ годъ и шрое на другой, доколь совершился кругъ пятилѣтня; попомъ снова начинають пошъ же порядокъ. Дѣши послѣ опца, хотя бы онъ, умирая, не оставилъ никакого завѣщанія, соспоштъ всегда подѣ общими законами опеки. Кто при нечаянной кончинѣ оставилъ дочерей; пошъ да просишъ законодашело, если сей изв

прехъ обязанностей каждаго опца исполнишь только двѣ, и выдавая дочь его, будешь смощрѣшь только на продолженіе его рода и на цѣлосць удѣла, и по невозможности знаешь волю покойника, не исполнишь прещей, на что опецъ обратился бы свое вниманіе, чтобъ выбрать себѣ сына, а дочери своей жениха изъ гражданъ самаго добродравнаго и образованнаго. Законъ же для сихъ случаевъ таковъ : Если кто безъ завѣщанія оставляетъ дочерей своихъ; по послѣ смерти его братъ ошъ одного опца или ошъ одной мащери беретъ и дочь его и принадлежащій ей удѣлъ. Нѣтъ брата, то беретъ ее братнинъ сынъ, если онъ съ нею одного возраста. Если нѣтъ никого изъ сихъ, то заступаютъ мѣсто сынъ сещры. Четвершой слѣдуетъ дядя, братъ опца, пяшой сынъ его, шестшой сынъ опцовой сещры. Такимъ образомъ, если остаются дочери, родъ долженъ поддерживаться ближайшею роднею, сначала однокровными, потомъ двоюродными, напередъ по линіи мужеской, потомъ женской. Соощвѣщественность же и несоощвѣщественность лѣтъ для брака судія долженъ наблюдать, размощривая нагихъ жениховъ и невѣстъ съ опкрытыми грудями. Если нѣтъ родныхъ ни племянниковъ, ни внучащныхъ; то кого сама невѣста избретъ по взаимному согласію и съ одобреніемъ опекуна, пощъ пустьъ будешь наслѣдникомъ умершаго и же-

нихомъ его дочери. Таковыя недоспапки часпо могушъ встрѣчашъ въ городѣ. Если неприюшная дочь увидишъ опходящаго въ поселеніе юношу и ей будешъ по мысли сдѣлашь его наслѣдникомъ опцовскаго имѣнія; шо онъ, какъ ородшвенникъ, по закону долженъ вступишь въ наслѣдство; а если онъ совсѣмъ внѣ рода, и для гражданъ чужой, шо по выбору опекуна и дочери умершаго онъ имѣешъ право женишь на ней, и вступивъ въ домъ, приняшь имѣніе незавѣщавшаго. Если кто умрешъ совершенно безъ дѣшей мужскаго и женскаго пола, и умрешъ безъ завѣщанія; шо посшупашъ по шому же закону. Мушина и женщина равесники, ближайшіе изъ рода, вступаютъ въ выморочной домъ и обладають удѣломъ; во первыкхъ сесшра, во вторыхъ дочь браша, въ шрепшыхъ дочь сесшры, въ чешвертыхъ сесшра опца, въ пятыхъ дочь браша опцовскаго, въ шештыхъ дочь сесшры опцовской, копорыя выходяшъ за мужъ за ближайшихъ въ родшвѣ по уложенію, какъ прежде сказано. Да не сокроюшя опъ насъ всѣ зашрудненія, копорыя необходимо встрѣчаюшя, если законъ повелѣваетъ наслѣднику умершаго женишья на родшвенникѣ, не разбирая безчисленныхъ препятствій, кои могушъ удерживашъ людей опъ повиновенія сему ушпановленію и не смошря ни на что, еслибъ даже женихъ или невѣсша подвержены бы-

ли увѣчью и болѣзнямъ душевнымъ и шѣлеснымъ. Безъ сомнѣнія всѣ заключаѣтъ, что законодашель несправедливо сдѣлалъ, не обративъ на сіе вниманія. Скажемъ же одно общее предисловіе и для законодашеля и шѣмъ, для коихъ онъ пишетъ, что и ему извинительно, если онъ, спараясь обѣ общемъ благѣ, не могъ опшрапитъ всѣхъ часпныхъ неудобствъ и нещасій, кои со всякимъ случаются; извинительно и имъ, если они иногда справедливо не могутъ исполнить того, что онъ, не знавши, предписываетъ.

Кл. Какимъ образомъ, скажи.

Лѳ. Часпо сынъ богатаго опца добровольно не захочетъ женишься на дочери своего дяди; онъ успремляетъ гордыя мысли свои къ выгуднѣйшему супружесству. Иногда же, видя въ повелѣніи законоподашеля свое крайнее нещасіе, онъ по необходимости принужденъ бываетъ послушаться его, если его принуждающъ вспушитъ въ неровную связь и дающъ, какъ бремя на всю жизнь, больную или слабоумную жену. Обѣ ешомъ у насъ шеперь слово, и вошъ законъ: — если будешъ жалоба на законы о завѣщаніи, о чѣмъ либо другомъ и о бракѣ; если спашутъ говорить, что законодашель — еслибъ самъ бывъ живъ и находился при семъ дѣлѣ, не принуждалъ бы ни женишься, ни выходитьъ за мужъ шакимъ несправедливымъ образомъ: что на сіи жалобы ишо нибудъ изв

ближнихъ или опекунъ скажешъ, что законодатель оставилъ сиротамъ прешейской судъ и пятнадцать законоблюстителей вмѣсто опцовъ, къ которымъ могутъ приходиться для рѣшенія всѣхъ подобныхъ сомнѣній, и мнѣнія коихъ могутъ приниматься за законъ. Кому покажется чрезмѣрною сія власть въ рукахъ законоблюстителей, тотъ можетъ вести недовольныхъ въ судилище избранныхъ и тамъ рѣшить споръ. Неправому опъ законодателя съидъ и поруганіе и великая пеня, если онъ имѣлъ въ мысляхъ одно богатство.

Сироты должны получить, такъ сказать, второе рожденіе. Мы уже говорили о питаніи и ученіи, кои слѣдуютъ послѣ перваго рожденія. Послѣ втораго, дѣтямъ, лишеннымъ родителей, всѣми способами должно облегчить несчастную жалкую участь сиротства ихъ. Во первыхъ вмѣсто родителей законъ даетъ имъ въ своихъ блюстителяхъ опцовъ, не менѣе чадолюбивыхъ, которые ежегодно смѣняются, будучи пецись о нихъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ, и какъ мы совѣтуемъ имъ въ предисловіи о воспитаніи сиротъ. Къ чему же иному клоняся первыя слова мои, что души умершихъ и по смерти имѣютъ нѣкоторую силу — пецись о дѣлахъ человѣческихъ? Продолжительны были бы слова въ доказательство сей истины. Повѣримъ тому, что говорятъ о семъ споль мно-

гя и весьма древнія преданія; повѣримъ и законодателямъ, что епо не должно, если только не почитаемъ ихъ совершенно безумными. И если такъ, то во первыхъ убоимся небесныхъ Боговъ, которые милосердуютъ о безпомощномъ сословіи сиротъ; попомъ почитимъ души ожившихъ, которые сохраняютъ нѣжную любовь къ племени своему, и къ почитающимъ его благопріятели, а къ непочитающимъ враждебны; поспыдимся и живыхъ украшенныхъ сѣдинами спароспи и величайшими почестями; сихъ мужей вездѣ почтенныхъ, гдѣ только Государство благоденствуетъ подѣ справедливыми законами и за любовь къ которымъ дѣши дѣпей живутъ въ щастіи. Они имѣютъ цѣнокъ слухъ и острое зрѣніе къ дѣламъ сиротства, и сколько благорасположены къ справедливымъ, сколько ненавидятъ пришедшихъ сиротства, почитая его важнѣйшимъ и священнѣйшимъ залогомъ. На сіе долженъ обращать опекунъ или Арханцъ весь свой умъ, если имѣетъ хотя малый и по возможности своей благошворитъ сиротамъ въ пропитаніи, въ наученіи, почитая всякое добро, имъ оказанное, добромъ для самого себя и дѣшамъ своимъ. Кто послушается сего увѣщанія до закона, и не причинитъ никакой обиды сиротѣ, шопъ избѣжитъ жестокаго гнѣва законодателя. А непослушный, обижающій сироту, не имѣющаго отца или матери, пла-

пишѣ за всякую обиду въ двое больше, нежели когдаб онѣ обидѣлъ имѣющаго отца и мать; что касается до прочаго законодательства въ отношеніи опекуновъ къ сиротамъ и архоншовъ къ обязанностямъ опекуновъ: еслиб они, воспитывая собственннхъ своихъ дѣтей и въ дѣлахъ общеннаго хозяйства не имѣли предѣ глазами примѣровъ благороднаго воспитанія и нѣкошорыхъ законовъ, къ сему приспособленныхъ; по справедливо было бы уснаноить нѣкошорыя опекунскіе законы, какъ отличные отъ другихъ, назначающіе другой образъ жизни и другія упражненія сиротамъ и несиротамъ. Но у насъ теперь нѣтъ сего различія въ упражненіяхъ сиротства и дѣтей при живыхъ родителеяхъ; хотя еще не привыкли равнять ихъ въ почестяхъ, въ безчестіяхъ и въ попеченіи, кошорое имѣемъ о шѣхъ и о другихъ.

И для сего что сироты пребующъ того, чтобъ законодатель соединилъ съ увѣщаніями спрососъ и угрозы. Вотъ необходимая угроза: Опекунъ, имѣющій въ своемъ попеченіи дѣвочку или мальчика, также законблоспитель, наблюдающій за опекуномъ, должны любить безпомощнаго сироту не менѣ собственнхъ своихъ дѣтей; должны пещись объ имѣніи его не менѣ, какъ и о собственномъ своемъ, и еще болѣ по честности. Вотъ единственнаго законъ, на кошоромъ

ромъ основывающся всѣ дѣла опеки. Еслижъ кто иначе поступаетъ и противъ сего закона; шо Архоншъ взыскиваетъ съ опекуна, а опекунъ неправого Архонша приводитъ въ судилище избранныхъ, и по приговору сего суда подвергаетъ его двойной пенѣ. Если домашніе или кто нибудь изъ гражданъ замѣтятъ нерадѣніе или зловредность опекуна; шо приводятъ его въ шоже судилище, и въ чемъ онъ будетъ обвиненъ, за шо долженъ плащитъ въ чепверо. Одна половина сей пени принадлежитъ дѣлящи, а другая испцу. Равнымъ образомъ если сирота, пришедши въ возрастъ, увидитъ, что опека худо производилась; шо по окончаніи пѣтилъшя онъ имѣетъ право искащъ удовлетворенія. Если опекунъ виновенъ; шо судилище опредѣляетъ ему наказаніе или пеню. Оно же рѣшитъ, если кто изъ Архоншовъ несмотрѣніемъ своимъ нанесъ вредъ сиротѣ; если жъ несмотрѣнію онъ присоединилъ и несправедливости; шо сверхъ пени онъ исключается изъ числа законоблюспителей, и общество градское избираетъ вмѣсто его спранъ и городу другаго законоблюспителя.

Бываютъ раздоры у родителей противъ дѣшей и у дѣшей противъ родителей, раздоры, переходящіе всякую мѣру, въ коихъ и родители думаютъ, что законодатель долженъ бы имъ дать власть, если они хо-

пияшъ, чрезъ глашатая предъ всѣми, оплучишь сына своего ошъ себя и объявишь его не сыномъ своимъ; и дѣши опцовъ своихъ, изможденныхъ болѣзнями и спрасшію хопяшъ обвиняшъ въ сумашествіи. Сіе дѣйспвишело можешъ бышь только между самыми развращенными людьми. Ибо при односторонности зла, на примѣрѣ ежели ошецъ добръ, а сынъ худъ, или напропивъ, вражда не можешъ простирашъся до такой нещасливой крайности. Въ другомъ Государствѣ оплученный сынъ еще не оплучается ошъ опечесхва; но въ шомъ, коему будущъ принадлежашъ сіи законы, сынъ, оплученный ошъ опца, необходимо долженъ переселиться въ другую спрану. Ибо здѣсь число домовъ не можешъ простирашъся выше пяти тысячъ сорока. Почему судебный порядокъ пребуешъ, чшобъ сіе оплученіе происходило не ошъ одного опца, но въ присущствіи всего родсхва; и по закону шакъ надлежишъ посшупашъ въ семъ случаѣ: кому гибельной гнѣвъ въ правѣ или не въ правѣ внушишъ желаніе оплучишь ошъ родсхва своего шого, кого онъ родилъ и воспиталъ; шомъ не просто долженъ дѣлашъ сіе и не вдругъ; но собравъ всѣхъ родспвенниковъ до двоюродныхъ, равно и со стороны машеринской; предъ ними долженъ обвиняшъ его и доказашъ, чшо онъ заслужилъ бышь оплученымъ ошъ рода своего; должно позволишъ

и сыну защищаться, если онъ совсѣмъ не заслужилъ сего наказанія. Если отецъ убѣдитъ и будетъ имѣть на своей сторонѣ болѣе половины голосовъ всѣхъ родственниковъ и другихъ совершеннолѣтнихъ женщинъ и мужчинъ, кромѣ голоса своего, матери, и обвиняемаго; то такимъ только образомъ можешь оплучить отъ себя сына своего, а не иначе. Оплученнаго если кто изъ гражданъ пожелаетъ усыновить, то законъ сему не препятствуетъ. Ибо юные нравы подвержены безпрестаннымъ переменамъ. Но если никто не захочетъ усыновить его; то попечители поселеній принимаютъ его въ свое вѣдомство и даютъ ему все нужное въ новомъ обществѣ. Если кого спароситъ, или болѣзнь, или жестокость нрава и подобные случаи содѣлаютъ безумнымъ, и кромѣ домашнихъ никто не замѣнитъ его безумія, въ которомъ онъ, какъ господинъ распочаешь свое имѣніе; сынъ между тѣмъ не доумѣваетъ и не смѣетъ обвинять его въ сумасшествіи; то вошь законъ ему; во первыхъ придти къ старѣйшимъ изъ законоблукоспителей и объявить о несчастіи отца своего. Они по доспачточному разсмотрѣніи совѣщаются, должно ли обвинить его или нѣтъ. При обвиненіи должны быть свидѣтели и избранные судьи. Обвиненный въ послѣдующее время уже не имѣетъ права располагать ни малѣйшею вещію, но долженъ вести жизнь дѣпскую.

Если мужъ и жена по несходству характеровъ живущъ несогласно; по десять мужей иъ законоблоспешелей и десять женщинъ, имбующихъ смощрбнне за браками, пекутся о шяковыхъ, каиб посредники. Если они могутъ примирить несогласныхъ; по ихъ дбю кончено. Но если не примиримые кипящъ все большею ненавистью; по искапъ для каждаго изъ нихъ новыхъ сожипшелей; и какъ вброишно, сн распри происходятъ отъ неперпблываго нрава; по лучше соединящъ живые характеры съ крошкими. Если ссорящя между собою бездбшныя или маодбшныя супруги, по новое сожипшельство позволишельно и для дбшей. При доспапочномъ числб дбшей для успокоеня спароспи и взаимной помощи разводъ и соединенне шакже позволишельны. Если умрешъ жена, оставя послб себя дбшей мужескаго и женскаго пола; по законб совбщущешъ, но не повелбвашъ воспитывашъ ихъ безъ мачихи. Если она умрешъ бездбшная; по мужъ необходимо долженъ женищся, чшобъ имбщъ доспапочное число дбшей для дома и для опечешва. Если умрешъ мужъ, оставя послб себя довольное число дбшей; по мапъ ихъ должна во вдовствб воспитывашъ ихъ. Но если она слишкомъ молода, чшобы цвбпущя лбша проводить безъ мужа; по родспвенники ея по совбщанн сь женщинами, пекущимися о бранахъ, должны поло-

жишь о семъ обще ихъ мнѣніе. Бездѣшныя же вдовцы и вдовы вспунаюшъ въ супружесво для дѣшей. Достачное число дѣшей по закону опредѣляется дочь и сынъ. Если уже извѣстно, кто родилъ рожденнаго; по суду долженъ рѣшиться, за кѣмъ рожденный долженъ слѣдовать. Дѣтя, прижитое рабынею съ рабомъ, или свободнымъ, или вольноопущеннымъ, безъ исключенія принадлежишь господину ея. Дѣтя, прижитое свободною съ рабомъ, принадлежишь господину раба. Если дѣтя родится отъ господина и рабыни его, или отъ госпожи и раба ея и сдѣлается сіе гласнымъ; по рожденное отъ госпожи брачныя надзирашельницы опсылаюшъ въ чужую спрану съ опцомъ его, а рожденное отъ господина опсылаюшъ законоблюспители съ родильницею.

Забываешь своихъ родилей ни Богъ, ни разумный человекъ никогда никому не совѣщуетъ. Приведемъ себѣ на память предисловіе, сдѣланное о поклоненіи Богомъ; оно также можеть бышь принаровлено къ почтенію и непочтенію своихъ родилей. Всѣ народы издревѣ имѣюшъ двойкой законъ въ разсужденіи Боговъ: однихъ мы чтимъ, какъ ясно видимыхъ; другимъ воздвигаемъ подобія, спашуи, и воздавая почщеніе бездушнымъ, вѣримъ, что за сіе, одушевленные Боги будущъ къ намъ благошворительны и милоспивы. Но у кого въ домѣ

успокоены при масшишой старости оцѣв или машь, дѣдѣ или бабка; попѣв; имѣя сіе сокровище, если знаешь достпойную цѣну ему, долженъ чпипшь его выше всякой спашуи.

Кл. Какая же ешо достпойная цѣна?

Ае. Я скажу, и ешо, друзья, споипшь ва-шего вниманія.

Кл. Говори полько.

Ае. Едипъ, оспавленный, презрѣнный дѣшми, призывалъ на нихъ гнѣвъ небесный; Боги услышали его и всѣ поспы воспѣвающъ ихъ мщѣніе. Раздраженный Аминпоръ проклялъ сына своего Феникса, и Тезей Иполипа. Безчисленные примѣры доказывающъ, что Боги внимающъ молишвамъ родителей прошивъ дѣшей ихъ. Самое правосудіе хошѣло, чпобѣ для дѣшей не было врага ужаснѣе, какъ разгнѣванный родителъ. Но не подумаемъ, что Богъ внимаешь полько молишвамъ раздраженнаго ошца или машери прошивъ дѣшей своихъ: когда успокоенный почтенный родителъ въ радости сердечной просипшь небеснаго благословенія своимъ добрымъ чадамъ; по можно ли думать, что Боги имъ не внимающъ и не воздающъ намъ по ихъ молишвамъ? Тогдабъ они были несправедливые раздѣлители своихъ благъ. А сіе не свойшвенно ихъ провидѣнію.

Кл. Совсѣмъ не свойшвенно.

Аѳ. И такъ представимъ себѣ, какъ мы сей часъ сказали, что для Боговъ нѣтъ священнаго памятникѣ между нами, какъ пресвятыи ошецъ, согбенный спаросію дѣдъ, или почтенная матъ; они принимающъ какъ жершву шѣ почести, кои мы воздаемъ своимъ родителемъ. Иначе не внимали бы молишвамъ ихъ. Какое преимущество имѣющъ живыя шѣла предковъ предъ бездушными изваяніями Боговъ? Тѣ чувствующъ наши услуги, молящся за насъ, и за непочтеніе проклинающъ насъ; сіи не дѣлающъ ни шого, ни другаго; и шпо должнымъ образомъ служищъ своему ошцу, дѣду и всѣмъ спарѣшимъ; шощъ для угожденія Богамъ не имѣетъ нужды ни въ какихъ лучшихъ подобіяхъ.

Кл. Прекрасно сказано.

Аѳ. И такъ всякой благоразумный боится и почищаетъ своихъ родителей, видя изъ многихъ примѣровъ, что молишвы ихъ неоспающся щещны. И если такъ, шо для добродѣтельныхъ есть приобретіе, родители пресвятыи, достигающіе до положеннаго предѣла жизни, — и горькая печаль, родители умирающіе въ юности. Злодѣй долженъ шрепещать предъ ошцомъ своимъ. Всякой, внимая словамъ симъ, да воздаешъ всѣмъ должныя почести родившимъ его; а для кого сіе предисловіе есть шолько пушшой звукъ, для шого справедливо положишъ сей законъ: если шпо въ городѣ не оказы-

ваєшъ своимъ родителемъ должнаго уваженія; если не пакъ опкровененъ съ ними, какъ съ дѣтьми своими, со внуками, какъ съ самимъ собою, и не исполняєшъ ихъ желаній; по обиженный или самъ, или чрезъ кого нибудь долженъ объявить о семъ проимъ спарѣйшимъ изъ законоблюспителєй или проимъ изъ шѣхъ женъ, кои смопряшъ за брачнымъ союзомъ, а сіи наказываюшъ виновныхъ розгами и заключеніемъ въ шемницу мужчинъ до прицаши лѣшъ, а женщинъ до сорока. Если и далѣ сего возраста они не оспавяшъ своего непочшенія къ родителемъ и оскорбляюшъ ихъ; по шаковыхъ должно приводишъ въ судилище спарѣйшихъ, копорые подвергаюшъ виновнаго пенѣ или наказанію, и не почипаюшъ никакого наказания слишкомъ жєспокимъ по его злодѣйшву. Если обиженный не можєшъ самъ жаловашься; по всякой свободной, узнавшій о семъ, долженъ донєспи правительшву, или онъ будєшъ объявленъ безспыднымъ, и желающій можєшъ веспи его къ суду. Если объявитъ рабъ;—по онъ дѣлаєшъ свободнымъ. Если онъ принадлежишъ обижающему или обиженному, по правительшво оппускаєшъ его; если онъ принадлежишъ другому господину; по казна плашишъ за него. Правители пекушъ о томъ, чшобы за доносъ его никшо не мспилъ ему.

Чшо касается до оправы ядомъ; по о смер-

пныхъ случаяхъ уже прежде сказано. Но еще ничего не говорили о вредѣ, если кто умышленно оправляетъ другаго въ пишьѣ, пищѣ или въ мазахъ. Двѣ порчи, существующія въ родѣ человѣческомъ, требующія вниманія: въ одной, о кошорой мы шеперь упомянули, вредѣ дѣлается естественнымъ образомъ опѣ одного шѣла другому; другая порча посредствомъ чародѣйствъ, наговоровъ и шакъ называемыхъ приворотовъ дерзающимъ вредить внушаетъ швердое удословѣреніе, что они ешо могутъ дѣлать и заславляютъ думать другихъ, будшо они болѣе всего спраждущъ опѣ чародѣевъ. Не легко узнать, какимъ образомъ все ешо дѣлается; и еслибъ кто узналъ истину, шрудно убѣдиль въ ней другихъ. Напрасной шрудѣ убѣждать зараженныхъ суевѣрнымъ опасеніемъ другъ къ другу, и когда они увидятъ на дверяхъ или на распушіи или на могилахъ родителей восковыя изображенія, нельзя заславиль ихъ презирашь подобныя вещи: они не имѣютъ о семъ никакого истиннаго понятія. Раздѣливши на двѣ части законъ о чародѣйствѣ, — если кто захочетъ чародѣйствовать какимъ либо образомъ, сперва попросимъ его, посовѣтуемъ, чтообъ онъ не принимался за подобныя дѣла, не смущалъ народа, какъ дѣшей, пуснымъ спрахомъ и не принуждалъ законоподашеля и судію присупать къ излѣченію опѣ сей болѣзни.

Во первыхъ, кто, принимаешся за чародѣйство, въ намѣреніи вредить другимъ, не знаетъ дѣйствія его на шѣло, если онъ не свѣдущъ во врачевномъ искусствѣ; не знаетъ силы заклинанія, если онъ не вѣщуетъ, не гадаешь. Скажемъ сіе слово въ законъ о порчѣ: кто поршитъ другаго безъ смертноснаго вреда ему самому или людямъ его, но во вредъ скошу его или пчеламъ; если врачъ будешь обличенъ въ семъ злодѣйствѣ; то онъ накажешся смертію; если простой человекъ, то судилище подвергаетъ его или наказанію или плашежу. Если кто чарадѣйствами, приворошами или какими нибудь заклинаніями заспавишь подозрѣвашь себя въ порчѣ; вѣщій и гадаешь смертію да накажешся. Если кто, не знающій искусства прорицанія будешь обвиненъ въ порчѣ; то судилище назначаетъ ему или наказаніе или денежную пеню.

Кто наносишь другому вредъ воровствомъ или насильствомъ; шопъ плашишь обиженному болѣе или менѣе, смотри по сдѣланному убытку. Вообще наказаніе продолжается, доколѣ вознаградися убытокъ. Всякой долженъ понести его за свою погрѣшность для исправленія: погрѣшившій по неразумнѣю или по юности увлеченный совѣтами другихъ, наказываешся слабѣе; погрѣшившій по закоснѣлому невѣжеству, по необузданности спраспей, или огорченія,

въ малодушномъ спрахѣ, по жадности, по ненависти или по непримиримому гнѣву, же-спочае наказываешся, не за содѣланное уже зло: ибо содѣланнаго нельзя поправити: но для того, чѣобы онъ самъ возненавидѣлъ порока; чѣобы другіе, видя его, исправлялись, и чѣобы оспановити несчастныя слѣдствія преспуленій. Къ сей только цѣли законы подобно мѣшкѣ спрѣлку должны устремляти спрососъ и соразмѣрность наказаній. И судья, имѣющій власъ опредѣляти за преспуленія или денежную пеню или наказаніе, долженъ содѣйствовать въ семъ случаѣ законодащелю, копорый подобно живописцу, дѣлаетъ только виѣшее очерпаніе сопребывающихъ предметовъ. Сей шрудъ и намъ предлежитъ совершити шеперь по возможности лучшимъ образомъ: должно опредѣлити соопвѣшвенныя наказанія за воровство и насильство, если Боги и сыны Боговъ благословятъ намѣреніе законодащеля.

Сумасшедшій не долженъ показываться въ городѣ. Родственники должны хранили его дома, какъ сами знаютъ, или должны платити денежную пеню: изъ перваго класса сто драмъ, какъ за раба, шакъ и за свободнаго, копорого выпускаютъ; изъ второго класса чепыре пяшыхъ доли мины; изъ шрешьяго шри пяшыхъ доли, а изъ чешвершаго двѣ. Сходятъ съ ума отъ разныхъ

причинѣ: тѣ, о копорыхъ здѣсь говорихся, подвергающся сему опѣ болѣзней; другіе сходящъ сѣ ума опѣ сильного гнѣва. Сіи при малѣйшей враждѣ громогласно изрыгающъ другѣ на друга всѣ ругательства, копорыя никакъ не могутъ бытъ позволишельны въ благоустроенномъ городѣ. Пропивъ всякаго злословія да будетъ сей проспой законъ: никшо никого ругать не долженъ. Если кто не согласенъ въ чемъ нибудь сѣ другимъ; шо пусть научитъ и вразумитъ несогласяющагося и прочихъ присущствующихъ, воздерживаясь опѣ всякаго злословія. Ибо чшо бываетъ изъ пого, когда разгнѣванные клянущъ другѣ друга, и укоризненными названіями обличающъ въ себѣ женственнѣй нравъ? Опѣ словъ, опѣ бездѣлицы, въ самомъ дѣлѣ поселяется между ими ненависть и неримиримая вражда. Сказавши слово, угождая самому неблагодарному господину — гнѣву своему, мы пишаемъ его всякою злобою; душа наша, сколько нибудь укрощенная воспишаніемъ, опять обращается въ дикое звѣрство; мы живемъ въ ожесточеніи и пожинаемъ горькія плоды своего гнѣва. Въ такихъ случаяхъ намъ обыкновенно случается говорить на своего пропивника чшо нибудь смѣшное. Такая привычка рѣдко кого не совращала сѣ пуши благонравія и не погубляла ума его. Почему никшо никому не долженъ говорить подоб-

наго ни въ храмѣ, при всенародныхъ жертвоприношеніяхъ, ни на игрищахъ, ни на поржищѣ, ни въ судѣ, ни въ другомъ какомъ либо собраніи. Начальникъ каждаго изъ сихъ мѣстъ наказываетъ непослушныхъ; сверхъ того они лишаются права искашь награды, какъ не пекущіеся о законахъ и не исполняющіе повелѣній законодателя. Если и въ другомъ мѣстѣ начинщикъ спора, или защищающій чтонибудь не воздержался отъ оскорбительныхъ словъ; по сшарѣйшій, кошорой при семъ случится, долженъ вспупись за законъ, силою разогнать во гнѣвѣ зложелательствующихъ другъ другу; или онъ подвергается опредѣленной пенѣ. Замѣшимъ при семъ, что въ ссорѣ невозможно удержаться, чшобъ не сказать оспраго, насмѣшливаго слова. Насмѣшка оскорбительна, если сопряжена съ гнѣвомъ. Но допустимъ ли мы шалантъ комиковъ,—говоришь на другихъ смѣшное, если они безъ гнѣва пожелають вывестишь на сцену гражданъ? Или должно раздѣлишь шушку отъ нешушки, и въ шушкѣ позволишь сказать о комъ либо смѣшное, безъ гнѣва; а съ намѣреніемъ во гнѣвѣ никогда никому не позволишь? Пропускашь сего въ законодательствѣ не должно. Скажемъ же, кому позволишь сие и кому нѣтъ. Сочинителю комедій или сапирѣ или спихошвореній не позволяешся ни въ словѣ, ни въ подобіи вывестишь

на сцену кого либо изъ гражданъ, ни въ гнѣвѣ, ни безъ гнѣва; не послушнаго наградоположники изгоняющъ въ шопѣ же день изъспраны своей или плащящъ при мины въ храмъ Бога, въ честь кошораго совершающся игры. Тѣ же, кои, какъ прежде сказано, имѣющъ власъ подвергашъ другихъ насмѣшкѣ, должны дѣлать сіе безъ гнѣва, въ шушкѣ, а не съ намѣреніемъ вредить другому. Разсмотрѣніе сихъ сочиненій поручается главному попечителю воспитанія юношества; и что онъ одобришъ, то сочинитель можетъ предсказать народу, а чего не одобришъ,—того ни самъ онъ не долженъ показывать никому другому, ни сообщать чрезъ слугу или свободнаго; или онъ объявися худымъ человѣкомъ и законопреспупнымъ.

Сожалѣнія достойнъ не голодный, не бѣдный, но человѣкъ разумный, опличный доблестью души или какою нибудь заслугою, кошораго постигнетъ подобное несчасіе. И удивительно было бы, если бы такой человѣкъ, рабъ ли онъ, или свободной, оспался въ забвеніи и пришелъ въ крайнюю нищету въ городѣ, хощя нѣсколько благоуспроенномъ. Почему законодащель безопасно можетъ положить на такихъ сей законъ: Нищихъ да не должно быть въ нашемъ городѣ. Но если кто хочетъ имъ сдѣлаться и безъ пруда поддерживать жизнь свою милосшынею; то съпоржища изгоняющъего присшавы

поржища, избъ города аспиномы, избъ прочей спраны сельскіе смопришели препровождаюшъ его за границу, шакъ чшобъ вся спрана была совершенно свободна опъ сихъ живошныхъ.

Если рабъ или раба причиняшъ вредъ въ чужомъ имѣніи, безъ всякой вины со споронны обиженнаго, но по неопытноспи или по неблагоразумію своему; шо господинъ виновнаго долженъ вознаградишъ за весь убышокъ, или выдашъ сдѣлавашаго вредъ. Но если господинъ покажешъ, чшо обидѣвшій и обиженный согласились между собою въ сей хипроспи, чшобъ опняшъ у него раба; шо сей злоумышленной искъ подвергается суду, и обличившій долженъ получишъ за человекъ двойную цѣну въ сравненіи съ цѣмъ, какъ оцѣнишъ его судъ; а если будешъ осужденъ, шо долженъ вознаградишъ за убышокъ и сверхъ того опдашъ раба. За вредъ, причиненный воламъ, лошадямъ, собакъ и другимъ живошнымъ сосѣда, дѣлаешся шакое же вознагражденіе.

Если кто добровольно не хочешъ ишши во свидѣтели; шо имѣющій нужду въ свидѣтельствѣ долженъ вызвашъ его. Вызванный долженъ опвѣчашъ на судные вопросы; и если знаешъ и хочешъ свидѣтельствовашъ, пущъ свидѣтельствуешъ; а если опзываешся незнаніемъ; шо поклявшисъ премо божеспвами, Зевсомъ, Аполлономъ и Семи-

дою, что онъ ничего не знаетъ, опшпускаешся изъ суда. Призываемый во свидѣшельство, если не приходилъ къ призывающему, подвергаешся суду за вредъ. Если кто приводитъ во свидѣтели самага судящаго; шо сей объявивши свидѣшельство, уже не можешъ дѣлать судебного приговора. Свободная женщина имѣешъ право свидѣшельствовашъ и защищашъ дѣла, если не имѣешъ мужа; а при жизни мужа можешъ только свидѣшельствовашъ. Рабыня, рабъ и дитя могушъ свидѣшельствовашъ и защищашъ только въ дѣлахъ убившва; если ешъ дошповѣрные поручители, что они являшся къ суду, когда свидѣшельство ихъ опкроешся ложнымъ. Объ шяжущіяся стороны если уличашъ другъ друга въ ложныхъ свидѣшельствахъ, судяшся въ семъ до рѣшенія главнаго дѣла, и судопроизводшва сіи, за подписаніемъ обѣихъ споронъ, храняшся у начальшва, для обличенія лжесвидѣшельшва. Кто два раза будешъ опкрышъ во лжесвидѣшельствѣ, шакого законъ уже не зашпавляешъ свидѣшельствовашъ. Кто будешъ обличенъ при раза, шому уже не позволено никакое свидѣшельство; а если послѣ шрехъ разъ шаковой осмѣлишся свидѣшельствовашъ; шо всякой желающей можешъ донести о немъ правительшву, и обвиненный наказываешся смершю. Ежели окажущся ложными шаія свидѣшельшва, копорыя обли-

ченному уже доспали в судъ выграшъ дѣла, и болѣе половины свидѣтелей ложно свидѣтельствовали; по такое рѣшеніе дѣла осмѣется не дѣйствительнымъ; дѣло снова подвергается разсмотрѣнію и пересужденію, правильно ли оно рѣшено или не правильно. Симъ послѣднимъ судомъ оканчивается все судопроизводство.

Многія дѣла, прекрасныя въ человѣческой жизни, подвержены гибельному року, коюрой ихъ поршишь и унижаешь. Не прекрасное ли дѣло въ людяхъ правосудіе? Не оно ли ушверждаетъ между ими шишину и спокойствіе? А если шакъ, по защищаешь невинныхъ не ешь ли благороднѣйшій долгъ каждаго? Но зависливый духъ назвалъ прекраснѣйшимъ именемъ искусство то, что было прежде естественнымъ способомъ суда, — искусство, копорое можешь давать правое и неправое дѣлу, до суда относящемуся. Суешно сіе искусство, и шщепны всѣ слова вишійшвенныя, если плашяшь за нихъ деньгами. Въ нашемъ городѣ сіе искусство, или безискусшвенный навыкъ и упражненіе—совсѣмъ не должны рождашься. Законодатель шребуешь, чтообъ никто не говорилъ прошивнаго правосудію, и чтообъ непослушный удался въ другія спраны съ своимъ хипросплениемъ. Покорнымъ молчаніе, а непокорнымъ сей законъ: ишо обнаруживъ свое намѣреніе совращаешь въ серд-

цахъ судьей силу правосудія къ прошивному, какъ-шо, запушывашъ дѣло пуспымъ многословіемъ и несправедливымъ сужденіемъ; шого желающій можешъ обвиняшъ въ неправосудіи или въ ябѣдничеспѣвѣ. Судѣ избранныхъ судишъ его, спрого разсмашривая, по корысполюбію ли онѣ сдѣлалъ сіе, или по враждѣ; если по враждѣ, шо судѣ запрещаешъ ему въ продолженіи извѣснаго времени судишъ и бышъ спряччимъ; если по корысполюбію, шо иносшранцу велишъ выѣхашъ и никогда не возвращашъся, или грозишъ смершною казнію; граждаина же подвергаешъ смерти за шо, что онѣ корыспъ почиашъ выше всего. Смертію наказываешъ и шощъ, кшо дважды будешъ обвиненѣ въ содѣяніи сего по враждѣ.

РАЗГОВОРЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ О ЗАКОНАХЪ.

Кто дѣлаетъ себя самозванцемъ, посломъ или вѣспникомъ отъ своего города къ другому; или если посланный объявитъ не то, съ чѣмъ онъ былъ посланъ; или пришедшій отъ непріятелей или союзниковъ не искренно изрѣчетъ извѣстіе или исполнилъ посольство: шаковыхъ по закону должно подвергатьъ суду, какъ нечестивыхъ и незаконныхъ нарушителей посольства и приказаній Ермія и Зевеса, и виновныхъ подвергатьъ или денежной пенѣ или наказанію.

Воровство чужаго имѣнія есть подлое дѣло; грабежъ — безстыдное. Изъ сыновъ Зевесовыхъ никто никогда не занимался ни шѣмъ, ни другимъ, ни хитросыю, ни силою. Не будемъ вѣрять слѣпо поетамъ и нѣкошорымъ баснословамъ, заблуждающимъ въ сихъ предметяхъ; не спанемъ думая, будто воровать и дѣлать насильство совсѣмъ не гнушно; будто сами Боги поже дѣлаютъ. Епо не истинно и не правдоподобно. Дѣлающій сіи беззаконія, конечно не есть ни Богъ, ни сынъ Боговъ. Епо лучше можешь знать законодащель, нежели всѣ поетшы.

Кого убѣждаютъ наши слова, пустьъ щасливъ, и во всю жизнь да будетъ щасливъ; а не вѣрящій пустьъ борется съ симъ закономъ: украсишь чпо либо общеспвенное,

малое или великое, всегда одному наказанію подвергается. Ибо крадущій что нибудь малое крадетъ по одинакой склонности, но только по меньшей возможности. Кто беретъ большую часть, ему не принадлежащую, тотъ совершаетъ ту же мѣру злодѣянія. И такъ законъ не полагаетъ меньшаго и большаго наказанія, смотря по количеству украденнаго; но потому только, что одинъ воръ еще можетъ исправиться, а другой не удобоиздѣлимъ. Если кто поймаетъ иностранца или раба въ покражѣ чего нибудь общесвѣннаго: то въ ожиданіи исправленія его судъ долженъ опредѣлить ему или наказаніе или денежную пеню. Гражданинъ же и воспитанный, каково воспитаніе! если будетъ пойманъ въ воровствѣ общесвѣннаго и въ насиліи опеческу своему, какъ неизлѣчимый, накажешся смертію.

Для войска нужны частныя совѣщанія и многіе законы. Главнѣйшій изъ нихъ есть тотъ, чтобъ въ воинствѣ никому никогда не быть безначальнымъ, ни мушкетеру, ни женщину; не приучать себя къ общесвѣнной какой привычкѣ; не дѣлать ничего ни важнаго, ни маловажнаго самому собою по одиначкѣ: но и въ военное и въ мирное время всегда смотря на начальника, во всемъ ему слѣдовать, самыя малѣйшія дѣла исправлять по его распоряженію какъ то вставать, когда прикажутъ, выходить, упражняться въ шпѣ-

лодвиженіяхъ , мьшься , ѳспь , и вспа-
вашь ночью, для спражи и для полученія
приказаній; и въ самыхъ опасносняхъ, безъ
знака опѣ начальника, ни преслѣдовашь, ни
опшсупашь: однимъ словомъ, не знашь и со-
вершенно забышь, что значить дѣлашь что
нибудь опдѣльно опѣ другихъ, но вески
всегда всѣмъ жизнь совокупную и общую.
Нѣтъ ничего и бышь не можешъ лучше, по-
лезнѣе и дѣйспвишельнѣе сего для спасенія
на войнѣ и для приобрѣшенія побѣды. Самые
граждане должны привыкашь къ сему во вре-
мя мира; опѣ самаго дѣспсва должны учить-
ся управляшь другими и бышь подѣ началь-
свомъ у другихъ; а безначаліе должно бышь
изгнано не шолько изъ общества людей, но
и опѣ самыхъ скошовъ имъ подвластныхъ.

Сѣ пою же цѣлю должно совершашь всѣ
пляски, клонящіяся къ умноженію военного
мужества, и упражняшь члены свои во вся-
кой развязности и ловкости, шакже при-
учашься къ воздержанію въ пипьѣ и пицѣ,
къ перенесенію холода и зноя, и знакомишь
сѣ жескимъ одромъ; а болѣе всего не ослаб-
ляшь крѣпости головы и ногъ поспоронними
повязками, оспавляя свой природной покровъ
и упошребленіе природной обуви. Сохране-
ніе сихъ двухъ крайностей имѣешъ великое
вліяніе на здоровье всего шѣла, равно какъ и
несохраненіе ихъ производить прошивное
дѣйспвіе; ибо ноги сущь неушомимые слуги

всего человѣческаго соспава, голова же — верховный начальник : природа заключила въ ней всѣ главныя чувства.

Юноша отъ дѣйства долженъ слышать сію похвалу воинственнѣйшей жизни. Законъ же повелѣваетъ имъ служить или въ рядахъ, или въ отдѣльныхъ опрядахъ. Кто по какому либо малодушію уклонится отъ службы безъ позволенія военачальниковъ; тотъ по окончаніи похода судится отъ военныхъ архоншовъ въ уклоненіи отъ войны. Судитъ же его все войско въ своихъ собраніяхъ, особливо пѣшіе и особливо конные, равно какъ прочія части войска. Пѣшіе преступники приводятся къ пѣшимъ, конные къ коннымъ и всякой къ своимъ сослужащимъ. Обвиненному никогда уже не позволяется быть сподвижникомъ въ дѣлахъ мужества, ни осуждать другаго въ уклоненіи отъ войны, ни быть обвинителемъ ни въ какихъ подобныхъ случаяхъ, и сверхъ того судилище подвергаетъ его или наказанію или денежной пенѣ. По окончаніи суда, надъ уклоняющимися отъ войны, опять пѣ же начальники дѣлаютъ другое собраніе. Желающій получить должную награду въ своемъ опечесствѣ не говоритъ ничего о предвидущихъ войнахъ, не представляетъ ни свидѣтельствъ, ни другихъ дословѣрныхъ доказательствъ, но говоритъ только объ одномъ послѣднемъ походѣ. За побѣду всякому опредѣляется

оливковй вѣнокъ. Сей вѣнокъ написанный въ храмѣ какого либо воинственнаго божества, будещь служишь всякому во всю жизнь его свидѣшествомъ его отличныхъ подвиговъ, первыхъ, вѣпорыхъ шрешьихъ и ш. д. Кшо послѣ сраженія возвратишся въ домъ прежде, нежели приведушъ войско архоншы; шощь обвиняешся въ ошавленіи рядовъ въ шомъ же судилищѣ, гдѣ судишся уклоненіе опъ службы. Обвиненнымъ опредѣляюшя шѣ же наказанія. Но всякой человекъ, обвиняющій другаго, долженъ осперегашся по возможности чшобъ ни произольно, ни прошивъ воли не предшавишь ложнаго свидѣшества. Правосудіе, говоряшъ, ешъ дочь шыда, и говоряшъ истинно. Ложь по свойству своему прошивна и шыду и правосудію. Если въ другихъ случаяхъ надлежишъ судьямъ ошерегашся погрѣшашъ прошивъ истины: по особенно въ сужденіи за ошавленіе оружія во время войны; не различая шого, кшо ошавляешъ оружіе по необходимости, мы подвергнемъ его ненависти, какъ за послѣднее дѣло и невиннаго несправедливо накажемъ. Не легко опредѣлишь сіи необходимые случаи; при всемъ шомъ законъ хощя опчасши долженъ сдѣлашь сіе раздѣленіе. Возмемъ въ примѣръ баснь о Папрокѣ и скажемъ: ешлибъ онъ принесенный въ лагерь безъ оружія, былъ еще живъ, чшо со многими случается, когда Гекпоръ владѣлъ уже первыми

оружіями сына Пелеева, кошорыя, какъ Гомеръ повѣсшвуешъ, подарены были Оешидѣ при бракъвѣ; тогда воѣробкіе изъ Грековъ моглибъ укоряшь Пашрокла въ оставленіи оружія. Сколь часшо перяюшъ его, или низвергаясь съ крушизны, или на морѣ, или при дождѣ, когда заспигнешъкого внезапное, сильное спремленіе воды? Можно предсхавишь безчисленные примѣры къ оправданію сего нещасія, подверженнаго сомнѣнію. Но по возможности надлежитъ опшичать бѣльшее и шруднѣйшіе зло опѣ меньшаго и легчайшаго. Уже самое названіе, даваемое въ укоризну, дѣлаешъ различіе. Не правильно было бы укоряшь вообще за пошерю щиша; но правильно укоряемъ оставляющаго оружіе: ибо не все равно шеряшь оружіе, когда опшимушъ его превосходнѣйшею силою, и бросаешь его произвольно. Сіи два случая совершенно различны. Ипакъ въ законѣ полагаешся: кто окруженный непріятелями, не обрацаешъ прошивъ нихъ своего оружія и не сражаешся, но произвольно оставляешъ его, или повергаешъ, жемая лучше бѣспрошою ногѣ спасши пошпыдну ю жизнь, нежели мужеспвенно вспрѣвшишь доблестную и блаженную смерть: шопѣ за сіе оставленіе оружія подвергаешся суду. Случаи же выше приведенные судья оставляешъ безвниманія. Ибо малодушнаго должно наказыв

вапъ, чпобъ онъ исправился, а несчастнаго наказаніемъ уже не исправишь.

Но какое приличное наказаніе можешь быть человеку, отдающему во власть непріятелей свою защиту. Еслибъ можно было сдѣлать прошивное шому, что нѣкогда Богъ сдѣлалъ съ Ценеюмъ Фессалійцемъ, измѣнивши его изъ женщины въ мужчину; по сіе перерожденіе изъ мужчины въ женщину было бы лучшее, приличнѣйшее наказаніе бросающему свой щипъ. Успановимъ ближайшее къ сему, чпобъ онъ болѣе не подвергалъ опасности своего живошлюбія, но проводилъ бы долгую жизнь въ величайшемъ поношеніи; да будешь прошивъ шаковыхъ сей законъ: кто подвергнешся суду, какъ малодушно оставившій военныя оружія; шого не долженъ упопрелять, какъ воина, ни полководецъ, ни другой кто изъ военныхъ начальниковъ; шого не должно допускать даже въ строй, ни къ чему другому. Иначе блоспшитель нравственности подвергается пѣнъ шого, кто приметъ малодушнаго: изъ перваго класса шакой платишь тысячу драхмъ, изъ второго пять минъ, изъ третьяго три, изъ четвертаго одну; самъ же виновный сверхъ шого, чшо удаляется за малодушіе свое отъ всѣхъ мужественныхъ опасностей, долженъ еще заплатить изъ перваго класса тысячу драхмъ, изъ второго пять минъ, изъ третьяго три, изъ четвертаго одну. Но какое приличное слово мы

скажемъ о помѣ, кпо смопритѣ за нравственностію правителей, избъ копорыхъ одни избираюшся по жребію на годѣ, другіе по выбору на многіе годы? Кпо можешъ бытъ для нихъ доспойнымъ Цензоромъ? Кпо избъ нихъ, изнемогши подѣ бременемъ своего званія и не имѣя силы, соопвѣтспвующей своей власпи, не скажешъ и не сдѣлаешъ чего нибудь несправедливаго? Очень шрудно найши для начальниковъ начальника опличнаго доблестію: при всемъ помѣ должно упошребитѣ всѣ усилія, чшобы обрѣспи сихъ мужей Божеспвенныхъ. Почему же? въ Государшвенномъ успроеніи шакъ какъ въ кораблѣ, или въ живопномъ, еспъ многія связи, кои мы, какъ одну раздѣленную природу, называемъ различными именами; связи вдоль идущія, поперечныя и конечныя; каждая малѣйшая связь можешъ или сохранишъ, или разрушишъ цѣлое членоуспроеніе. Если Цензоры, судіи правителей, лучше сихъ и опличаюшся предѣ ними неукоризненнымъ правосудіемъ; шо весь городѣ и вся шпрана цвѣтешъ и блаженспвуетѣ. Если судѣ надѣ правителями иначе происходишъ; шо по ниспроверженіи правосудія, копорое соединяешъ въ одно шѣло всѣ часпи государшвеннаго правленія, всякая власпъ опдѣляешся опѣ другой, всѣ шпремяшся къ разнымъ цѣлямъ, раздѣляюшъ одинѣ городѣ на многіе, наполняюшъ его возмущеніями, и ведошъ къ неизбѣжной гибели. Для сего Цензоры

должны бытъ люди опличнѣйшіе во всякой доблести. Начало ихъ и выборъ устроимъ такимъ образомъ: Всякой годъ, при поворотѣ солнца съ лѣта на зиму, весь городъ долженъ собираться во храмъ Солнца и Аполлона для избранія и посвященія симъ божествамъ прехъ мужей, кошорыхъ бы не одинъ, но всѣ признали лучшими и не моложе пятидесяти лѣтъ. Изъ предложенныхъ ошдѣлять избранныхъ большинствомъ голосовъ, отбрасывая изъ нихъ по половинѣ, если число ихъ чепное; а если нечепное, по исключивъ одного съ меньшимъ числомъ голосовъ, соспавить равныя половины. При равныхъ голосахъ, если половина превосходитъ пребуемое число, излишекъ убавить, отбросивъ младшихъ по лѣтамъ; попомъ дѣлать выборъ между прочими, доколѣ оспанулся шрое; если у всѣхъ или у двоихъ голоса будущъ равные, по полагаясь на Божію волю и щастіе избирать по жребію, и шроихъ избранныхъ вѣнчать оливковою вѣшью; попомъ воздавъ симъ мужамъ ихъ опличія, возвѣстивъ всюду, что городъ Магnezія, вновь получивши отъ Бога спасеніе, посвящаетъ Солнцу изъ среды своей прехъ мужей и приноситъ первенцовъ своихъ ему и Аполлону по древнему обычаю, какъ жершву покровителя правосудія. Въ первой годъ избрать двѣнадцать Цензоровъ, шпарцевъ до восьмидесятилѣшняго возраста. А въ послѣдующія вре-

мена избирашъ уже ежегодно по при. Сіи судьи, раздѣливъ всѣ власпи на двѣнадцать часпей, должны обличашъ и испытывашъ ихъ всѣми позволишельными способами; во все время суда своего они должны жишъ въ храмѣ Аполлона и Солнца, въ кошоромъ были избраны. Они судяшъ и часпно и въ общихъ совѣщаніяхъ; отдающъ отчешъ государству обо всѣхъ правипеляхъ, выславляя на площади написаніе о каждомъ начальствѣ, если оно, по приговору ихъ, должно подвергнуться наказанію или пѣнѣ. Начальникъ, не признающій справедливымъ суда Цензоровъ, приводишъ ихъ къ избраннымъ судьямъ: и если оправдается, то обвиняетъ самихъ Цензоровъ, если хочетъ; а если будетъ обвиненъ, то онъ по необходимости долженъ умереть, если Цензоры приговорили его къ смерпной казни; а при другихъ приговорахъ, если возможно, долженъ плашишъ въ двое. Должно шакже опредѣлишъ, каковы должны бышъ возмездія симъ мужамъ и какимъ образомъ. При жизни своей они пользуются первыми почестями во всемъ государствѣ и занимаютъ первыя мѣста во всѣхъ собраніяхъ. Тажже при народныхъ жершвоприношеніяхъ, при зрѣлищахъ и при другихъ шоржеспвенныхъ собраніяхъ, общихъ для всѣхъ Еллиновъ, предсѣдашели избираются изъ сихъ мужей; они одни въ городѣ украшаются лавровыми вѣнками; всѣ они

супь жрецы Аполлона и Солнца; и одинъ первой изъ жрецовъ ежегодно избирается первосвященникомъ; имя его означается въ лѣтописяхъ, для показанія, сколько времени сущесшвуешъ городъ. Умершимъ почести высшавленія, выноса и погребенія совершаются совершенно опшлично опъ другихъ гражданъ. Въ одеждахъ бѣлыхъ, безъ слезъ и безъ вопля они сопровождаются. Пяшнадцашъ дѣвв и пяшнадцашъ юношей, предшоа предъ гробомъ его, поюшъ гимнъ въ похвалу жрецамъ, не прерывая хвалебныхъ пѣсней своихъ въ продолженіи цѣлаго дня. Св упренней зарею сшо юношей, упражняющихся въ гимнастическихъ играхъ, несущъ гробъ его въ моги-лѣ, за ними слѣдуюшъ родсшвенники умершаго. Имъ предвидушъ взрослые юноши, въ военномъ одѣяніи, конные съ лошадьми, пѣшіе съ оружіемъ, равно и прочіе. Опроки у гроба поюшъ опечесшвенную пѣснь; за гробомъ шесшвуюшъ дѣвы и жены свободныя уже опъ брачнаго союза; за сими идушъ жрецы и жрицы, какъ при священномъ погребеніи, если не воспрепишъ имъ и здѣсь, какъ и въ прочихъ случаяхъ Пиеійской Оранулъ. Гробъ устроается подъ землю подъ обширнымъ сводомъ изъ многоцѣнныхъ твердыхъ камней, въ нишахъ которыхъ поставляются рядомъ каменные одры. Здѣсь положивъ покойнаго, кругомъ дѣлаюшъ насыпь и обсаживаютъ ее деревьями, оспавляя

середину, щобъ въ послѣдующее время уже не искашь новаго оптверсшя въ распроспра- няющуюся обипель мерпвыхъ. Здѣсь еже- годно совершаюшя соспязанія музыкальнныя, игры коннныя и гимнаспическя. Таія поче- спиподаюшя неукоризненно исправлявшимъ званіе свое. Но если кшо изъ сихъ мужей, гор- дясь своимъ выборомъ, обраружипъ слабосъ челоѳческой природы и по избранія сдѣ- лаешя худымъ: шо законъ повелѣаетъ об- виняшь его всякому, кшо пожелаешъ. Дѣло сіе производипся въ судѣ такимъ образомъ: во первыхъ законоблюспипели соспавляюшъ сіе судилище. Къ нимъ присоединяюшя и шѣ, кои уже совершили свое время, и судѣ избранныхъ. Обвиняющій письменно обѳяв- ляешъ, чшо такой-шо не достоинъ ни опли- чій, ни своего званія. Если обвиняемый бу- дешъ осужденъ; шо онъ лишаешя своей вла- спии, и погребенія, и прочихъ присвоенныхъ ему почестей. Но если обвинипель не будешъ имѣшь пяшой часпипи голосовъ; шо долженъ заплапипъ перваго класса двѣнадцать минъ, вшораго восемь, шрешьяго шесшь, чешвер- шаго двѣ.

Великаго удивленія достоинъ Радамантъ въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Въ его время люди имѣли швердую вѣру въ бышіе боговъ; ибо многіе сами происходили опъ боговъ; шаковъ былъ и самъ Радамантъ, какъ гово- ряшъ. Онъ, кажешя, не полагаешя на судѣ

человѣческой, но предославлялъ судишь богамъ; ошъ чего и дѣла рѣшались при немъ просто и скоро. Во всякомъ сомнѣнн онъ заставлялъ пляжущихся давать кляшву, и примирялъ безъ всякой медленности и уцербѣ. Теперь же, какъ нѣкоторыя изъ людей совѣмъ не вѣряшъ богамъ, другіе думаютъ, что они не пекушя о насъ; а большая и порочнѣйшая часть держишя мнѣнн, что они за малое куреніе еиміама и за льстивыя молитвы содѣйствуюшъ имъ въ грабежахъ, и избавляюшъ ихъ ошъ многихъ великихъ наказаній; шеперь способъ Радаманшова суда былъ бы бесполезенъ для нынѣшняго поколѣнн людей. Мнѣнн о богахъ измѣнилось въ людяхъ; слѣдовательно попребно измѣнишь и самыя законы. Мудрыя законы должны изключишь изъ рѣшенія дѣлъ всѣ кляшвы пляжущихся споронъ. Имѣющій судъ прошивъ другаго долженъ представляшь обвиненія безъ кляшвы. Оправдывающійся, написавъ свои оправданія, подаешъ ихъ Архоншамъ, не приводя во свидѣтели боговъ. При шакомъ многолюдсшвѣ въ городѣ, спрашно вообразишь себѣ, что почти половина изъ шѣхъ, кои шакъ дружелюбно обращаюшя между собою на пиршесшвахъ, въ другихъ бесѣдахъ и въ частныхъ совѣщаніяхъ, суть кляшвопресшупники. И шакъ предложимъ законъ: присягу должны произносишь: судья, когда присшупаешъ къ суду, власти при из-

браніи прочихъ начальствъ, или когда вынимающъ жребій, также судья плясокъ и всей музыки, наградоположники, предсѣдали при гимнастическихъ играхъ и конныхъ ристалищахъ, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ отъ клятвопресупленія не лзя ожидать никакой пользы. А гдѣ оприцающему или утверждающему клятва можетъ принести очевидную пользу; шамъ пляжущіе должны судиться безъ помощи ея; вообще предсѣдате не должны позволять ни божбы для удоспобренія, ни заклинаній собою и родомъ своимъ, ни униженныхъ прошеній, ни слезъ, женщинамъ приличныхъ; но излагать справедливость со всею простишою и ясностію. Если кто начнетъ говорить что либо поспороннее; по судьи наклоняющъ рѣчь опять къ наспоющему дѣлу. Иноспранецъ съ иноспранцемъ могутъ взаимно давать и принимать клятвы, если сами захопятъ. Не сошарѣваясь и не возрастая въ городѣ, они не могутъ соврашить примѣромъ своимъ другихъ. Всякой судъ можетъ рѣшаться такимъ же образомъ, если свободной сдѣлаетъ пресупленіе, не подвергающее его ни ударамъ, ни заключенію, ни смерти.

Торжественные ходы, великолѣпныя празднества, и другіе общенародные обряды, также служенія во время мирныхъ жертвоприношеній и во время военныхъ сборовъ имѣютъ своихъ преступниковъ. Мѣра прошивъ

сихъ преспуленій да будешъ шакова: съ непослушныхъ городъ взыскиваетъ пеню за неисполненіе своихъ обязанностей. Если кто измѣняетъ слову, давши залоги; шо они продаются, и деньги сіи принадлежатъ городу. Если самая пеня значительнѣе выроченныхъ денегъ; шо правительство возложивъ на виновныхъ и 'сію плату, приводитъ ихъ въ судъ и содержитъ, доколѣ они заплачатъ требуемое. Государству, кошорое получаетъ свои доходы только отъ земледѣлія и не производитъ торговли за границую, необходимо надлежитъ сдѣлать постановленіе въ разсужденіи оплучающихся изъ опечесства и въ разсужденіи прѣвзжающихъ иностранцевъ. Законодатель долженъ здѣсь подать свой совѣтъ и распротранить его по возможности посредствомъ убѣжденія. Обыкновенно смѣшеніе разныхъ городовъ смѣшивается и нравы: ибо иностранцы приносятъ съ собою разныя ново-введенія и перемѣны, а сіе наноситъ благоустроеннымъ народамъ величайшій вредъ. Другимъ безъ хорошихъ законовъ, безъ швердыхъ нравовъ нѣтъ ни какой разности смѣшивавшяся съ другими, принимаютъ иностранцевъ, и самимъ переселяются въ другія города, куда кто пожелаешъ, безъ различія и молодой и старой. Съ другой стороны совсѣмъ невозможно не принимать другихъ, и самимъ не путешествовать. Всѣ почтутъ шо грубостію, жестокостію

спію, нарушеніємъ гостепріимства; всѣ budú порицашъ въ насѣ нравы гордые, не миролюбивые; не должно пренебрегашъ мнѣніємъ другихъ, нажемся ли мы имѣ добрыми или нѣшъ. Какъ бы кто ни былъ далекъ отъ добродѣтели, но въ сужденіи своемъ о другихъ онъ не шакъ худъ и безсмысленъ. Самые злые имѣющъ въ себѣ божественный лучъ проищательности и многіе изъ нихъ въ словахъ и во мнѣніи безошибочно опдѣляющъ лучшихъ людей отъ худшихъ. А пошому лучшее правило городамъ не пренебрегашъ доброй славы, но предпочишашъ ее многому другому. Высочайшая справедливоспъ пребуешъ, чшобъ истинно добрый наслаждался доброхвальною жизнію. Совершенный мужъ не долженъ искашъ одного безъ другаго. И поселяемому въ Кришъ городу надлежшъ добродѣтелию приобрѣшашъ у всѣхъ людей знаменишѣйшую и лучшую славу. Есть вѣрная надежда, чшо скоро солнце и прочіе боги узршъ его на ряду съ прочими благоустроенными городами и спранами, если онъ пойдетъ своимъ пушемъ. Въ разсужденіи пушешеспвій въ чужія спраны и принятія иноземцовъ надлежшъ шакъ пошупашъ: во первыхъ моложе сорока лѣшъ никому никуда не позволяешся пушешеспвошашъ; и по не по собшвеннымъ дѣламъ но по общешвеннымъ, какъ по глашашамъ, посламъ или соглашашамъ. Походы воен-

ные не причисляются къ пушешествіямъ. Посольства учреждающія къ Аполлону Пивійскому, къ Зевесу Олимпійскому, въ Немею и на Испмѣ, чшобы учаспвовать въ жерпвоприношеніяхъ и въ играхъ, усшановленныхъ въ честь симъ божесшвамъ. Но должно посылашь по возможности въ большемъ числѣ людей прекраснѣйшихъ, доблеспнѣйшихъ, копорые бы доставили славу городу при священныхъ и мирныхъ собраніяхъ и ручались бы за славу на войнѣ. Возрашась въ соощичамъ, они скажутъ юношамъ, чшо всѣ прочіе города въ гражданскомъ успройствѣ своемъ уопуающъ ихъ опечесшву. Наблюдашелями посылающъ изъ самихъ законоблюспшителей мужи свободные опъ службы. Если кто изъ гражданъ въ досужное время пожелаешъ видѣшь состоаніе другихъ народовъ, то законъ ему не возбраняешъ сего. Государсшво, незнающее ни худыхъ, ни хорошихъ пошановленій другихъ народовъ, удаляющеея опъ всякаго сообщенія съ ними, еще но пвердо и далеко опъ своего совершенсшва. Не прочны и законы, если они принимающъ не шолько не по общему мнѣнію, но и несообразно съ нравами. Вездѣ ешь нѣкопорые люди божесшвенные не многіе, доспойные шого, чшобъ искашь ихъ совѣшовъ; они бывающъ и въ благоуспроенныхъ городахъ и въ неблагоуспроенныхъ. Благонадежнѣйшій, чуждой всякой порчи, жшшель города благоуспроеннаго

долженъ слѣдипь ихъ и на сушѣ и на морѣ, дабы по совѣшу ихъ ушвердипь свои хорошия поспановленія, и исправишь недоспапочныя. Безв сего наблюденія и разысванія, равно какъ и при худыхъ наблюдашеляхъ, благососпоне города не прочно.

Кл. Какимъ же образомъ помочь шому и другому.

Ае. Вонервыхъ нашъ наблюдашель долженъ бышь спарѣе пяшидесяпи лѣшв. Пришомъ онъ долженъ опличапсья, какъ прочими качешвами, шакъ и подвигами военными, дабы внушипь всѣмъ народамъ хорошее мнѣне о законоблюспишеляхъ. За шешъдесяпъ лѣшв поздно пушешеспвовашь. Разсморѣвши все, чшо обращало его вниманіе въ десятилѣшнемъ пушешеспвиі, онъ долженъ явишься въ собраніе, имѣющихъ сморѣне за законами. Сіе собраніе соспоишв изб младшихъ и спарѣйшихъ, и засѣдаешв не опуспишельно каждый день онъ ушра до полудня. Въ немъ учашвуютъ жрецы, почшеные по своимъ шрудамъ, десяти спаршихъ законоблюспишелей и попечишель всего воспитанія, какъ нашоющій, шакъи шѣ, кои уже оспавили сію должностъ. Всякой изб нихъ приводитъ съ собою младшаго онъ придцати до сорока лѣшв, кого самъ избберешв. Бесѣдаи совѣщаніе обывновенно произходяшв о законахъ своего опечешва, если узнаютъ какую либо разноспъ въ нихъ съ законами

чужихъ справъ; шакже о наукахъ, копоры приносятъ пользу въ семъ отношеніи, и разливаютъ новой свѣтъ въ познаніи законовъ, и незнаніе коихъ производило темноту. Сіи науки одобренныя старѣйшими, дѣлаются новымъ предметомъ неусыпнаго спаранія юношества. Если путешественникъ, созвавшій собраніе, недостойно вниманія ихъ: то онъ подвергается общему выговору. Опличившимся изъ нихъ весь городъ оказываеъ уваженіе, и особенное презрѣніе тому, кто возврашится худшимъ. Ишакъ въ сіе собраніе долженъ немедленно прийти путешественникъ, наблюдавшій законы въ другихъ странахъ, и сказаъ, если по слуху заимствовало что нибудь новое въ законоположеніи, въ ученіи и въ воспитаніи, шакже сообщитъ, что самъ выдумалъ; и если онъ возврашится ни лучше ни хуже; то похвалитъ его за доброе расположеніе. Если онъ возврашится несравненно лучше; то и при жизни воздаваъ ему опличную почестъ, и умершему все собраніе ошдаеъ должную похвалу. Если кто въ путешествіи своемъ испортился; то онъ не долженъ бесѣдоваъ ни съ младшими, ни съ старшими подъ личиною мудреца. Онъ можеъ житьъ частнымъ человекомъ, если будеъ покоренъ Архоншамъ; иначе долженъ умереъ, если въ судѣ обвиняеъ его, что онъ вводитъ измѣненія или въ ученіи или въ законахъ. Если

кто достоинъ подвергнуться суду, но архонты не предспавяшъ его; по имъ вмѣсто опличія воздаешя безчестіе. Вопшъ, что шребуешя отъ всякаго пушешествующаго.

Послѣ сего обрашмъ вниманіе на прїѣзжающихъ. Ешъ чешьре рода иносшранцовъ, о копорыхъ говоришъ надлежшъ. Первой родъ ешъ промышленниковъ, копорые обыкновенно проводяшъ лѣшо въ пушешествіяхъ. Подобно перелешнымъ пшицамъ, они безвъсякаго другаго искушва, въ лучшее время года, по морямъ спремашся въ шѣ города, куда привлекаешъ ихъ корышъ. Ихъ должны принимашъ въ города на шоржищахъ, въ пришпаняхъ и въ общенародныхъ зданіяхъ начальники особенно къ сему пришпавленные, копорые принимающъ шакже всѣ предшсорожностш, чшобъ сіи иносшранцы не вводили ничего новаго; сохраняя предъ ними все правосудіе, заимшшвующъ отъ нихъ самое малое, пошько необходимое. Вшорой родъ пушешествуетъ для шого, чшобъ насышпш зрѣніе свое новыми видами и душу вдохновеніями музъ. Для сихъ шраннолюбіе должно ушпроишъ гощинницы при шрамахъ. Жрецы и юноши должны имѣшъ о нихъ попеченіе, и угощашъ ихъ во все время, доколѣ они все увидяшъ и услышашъ, для чего прїѣхали, и опшравяшся безъ вреда себѣ и другимъ. Судьями ихъ должны бышъ жрецы, если вредъ имъ или ими причиненный проспш-

рается до пятидесяти драхмъ. По важнѣйшимъ жалобамъ они находятъ судъ у шоржицныхъ приславовъ. Третій родъ привъжающихъ изъ другой страны по дѣламъ общеспвеннымъ должны принимашъ всенародно, шолько военнопачальники, всадники и шаксіархи. Угощеніемъ его занимается припанея и шопъ, у кого онъ въ домъ ошпановишся. Четвершой родъ самой рѣдкой: если ѣвъ замѣну нашимъ наблюдашелямъ, привдепъ ишо къ намъ изъ чужой страны не моложе пятидесяти лѣтъ и желаешъ видѣпъ въ другихъ городахъ все рѣдкое, прекрасное, или самъ хочешъ что либо показывашъ; пусть онъ идепъ прямо безъ приглашенія къ богатѣйшимъ и къ мудрѣйшимъ людямъ; для мудраго всюду двери ошверсны. Пусть идепъ въ домъ всякаго воспитанія, съ увѣренностію, что онъ по своимъ заслугамъ вездѣ будешъ весьма пріяпнымъ гостемъ. Въ мудрыхъ своихъ бесѣдахъ онъ иное займешъ, иное общицъ, и какъ другъ осыпанный дарами, удалясь, оставишъ по себѣ сожалѣніе. Такимъ образомъ надлежишъ принимашъ всѣхъ привъжающихъ изъ чужой страны и выпровождашъ ихъ, почишая спраннолюбиваго Зевеса, а не душишь своихъ гостей яспвами и куреніями и, какъ шеперь дѣлаюшъ пшпомцы Нила, грубыми привѣшспвіями.

Дающій поручишельство, долженъ давашъ его явно, изложивъ на письмѣ все дѣло не

менше какъ предъ шремя свидѣтелями, если дѣло просширается до тысячи драхмъ; а болѣе тысячи, — предъ пятью. Продающій что либо отъ имени другого, также ручается, что онъ продаетъ честно, и по надлежащей цѣнѣ. Онъ подлежитъ пому же суду, какъ и отдающій. Кто хочетъ обыскивать кого либо, пусть обыскиваетъ раздѣшый или полько въ исподнемъ плащѣ, не подпоясанный, и поклывшись, что онъ ищетъ, надѣясь найти; а пощъ долженъ допустить его до всего замѣченнаго и незамѣченнаго въ домѣ. Кто не позволяетъ обыскивать себя; того, недопускаемый къ обыску, подвергается суду; обвиненный плашилъ въ двое прошивъ оцѣненнаго убышка. Если владѣтель дома опсущивуетъ; по оставшіеся въ домѣ дающъ обыскивать полько незапершыя вещи, а на запершыя обыскивающій кладетъ свою печать, и на пять дней приспавляетъ свой караулъ. Если опсущившіе продолжились долѣ; по онъ, взявъ градскихъ приспавовъ, обыскиваетъ и запершыя вещи, и обыскавши, опять ихъ запираетъ въ присущившіи домашнихъ, при градскихъ приспаввахъ, и кладетъ печати. Срокъ для спорныхъ вещей, далѣ кошораго онъ безспорно оспаются въ рукахъ того, кто ими владѣетъ, шаковъ: въ разсужденіи земли и дома нѣтъ никакого спора; въ разсужденіи же прочаго если кто, владѣя какою либо вещію, показывалъ

ся съ нею въ городѣ, на площади, въ храмахъ, и никогда не скрывалъ ее, между пѣвчъ какъ другой ушверждаетъ, будшо въ сіе же время искалъ ее: шо по прошеспвѣи года съ шого времени, какъ одинъ началъ владѣть ею, а другой искашь, уже не позволяешся опбиграшь сей собспвенности; если кшо пользуется ею не на поржищѣ и не въ городѣ, но въ полѣ, и другой не вспрѣшится съ нимъ въ печеніи сего времени; шо по прошеспвѣи пяти лѣтъ она уже не опбемлешся; если кшо пользуется ею въ городѣ, но шолько дома; шо срокомъ для опысканія назначаюшся два года. Кшо владѣетъ ею въ полѣ и пайно; шо симъ срокомъ будушь десяти лѣтъ. Но если въ чужомъ народѣ кшо опыщешъ свою собспвенность; шо для оппашія ея нѣтъ никакого срока. Кшо насильшвенно воспрепятшпвуешъ другому явшься къ суду, или какъ испцу или какъ свидѣтелю: если удержитъ раба своего или чужаго; шо судъ ошашешся не дѣйшвишельнымъ и нерѣшеннымъ; если удержитъ свободнаго; шо, сверхъ недѣйшвишельности суда, заключаешся на годъ въ шемницу, и подвергаешся лишенію свободы. Если кшо насильшвенно препятшпвуешъ явшься соспязателю своему въ гимнашкѣ, въ музыкѣ или въ другой какой игрѣ: шо желающій доноситъ о семъ наградоположникамъ, и они допускаюшь его къ соспязанію. Но если ешо будешъ уже

поздно; если соперникъ, удержавшій его, уже получилъ побѣду; шо награда ошдаешся удержанному и онъ пишываешся побѣдителемъ, въ какомъ храмѣ самъ пожелаешъ; а удержавшему не позволяюшся за ешо соспязаніе ни жершвоприношенія, ни надписи; и пришомъ подвергаешся суду во вредѣ, будешъ ли онъ побѣжденъ, или побѣдитъ.

Завѣдомо принимающій украденную вещь, несешъ такое же наказаніе, какъ и укравшій. За приѣмъ бѣглеца наказаніе — смерть. Всякой долженъ почишашъ друзьями и врагами своими друзей и врагомъ своего опечешва; шому смершная казнь, кшо самъ собою, безъ общаго согласія заключаешъ миръ или начинаешъ войну. Если одна шолько частъ города для себя одной дѣлаешъ сбкѣмъ нибудь миръ или войну; шо виновныхъ въ семъ прешупленіи военачальники приводяшъ въ судъ; и обвиненный наказываешся смершю. Служащіе опечешву должны служишъ безъ даровъ, не упошребляя никакого предлога, никакого оправданія, будшо опъ добрыхъ можно принимашъ дары, а опъ худыхъ неможно. При семъ образѣ мыслей весьма шрудно воздержашъ опъ лихоимшва; несравнено безопасѣе приняшъ одинъ законъ, ни когда не служишъ для взяпокъ. Непокоряющійся прешпо наказываешся смершю по суду.

Для сбора подашей млогія причины шре-

буютъ во первыхъ имѣшь почвое свѣденіе объ имѣніи каждаго; во вторыхъ, чшобы опѣ каждаго колѣна доносили агрономамъ (начальникамъ сельскаго хозяйства) объ ежегодномъ урожаѣ. Раздѣливши самыя подапи на два рода, государство назначаетъ ежегодно пошѣ или другой по своему разсужденію: или пребуешъ часѣ опѣ всего имѣнія, или опѣ одного годоваго дохода, сверхъ того, чшо вносятся хлѣбомъ для общеспвенныхъ пиршесствъ.

Умѣренный человекъ долженъ приносить богамъ жертвы умѣренныя. Земля, сей домъ нашего пребыванія, есть священный храмъ всѣхъ Боговъ. Ипакъ жертвованъ ею во второй разъ не можно. Золото и серебро въ другихъ городахъ и въ часпности и въ храмахъ есть рпличибѣйшее завидное спяжаніе. Слоновая кость, какъ оспапокъ жизненнаго разрушенія, не есть удобное приношеніе. Желѣзо и мѣдь суть орудія войны; изъ деревъ можно приносить въ общеспвенные храмы вещи здѣланныя изъ одного древа, шакже и опѣ камней; изъ шканей можно приносить неболѣ одномѣсячной робопы одной женщины. Изъ цвѣшовъ Богамъ прпличіе бѣлме, особенно на шканяхъ. Ярпіе цвѣшы суть украшенія воинспвенныя. Лучшіе дары суть шпицы и шпашуи, кои одинъ художникъ можетъ сдѣлать въ одинъ день. Прочіе приношенія должны бытьъ съ симъ сообразны.

При раздѣленіи города на свои часши , сказано уже и о помѣ, что въ немъ и какъ должно происходишь ; положены законы для всѣхъ важнѣйшихъ отношеній; оспасаешся шолько привесши въ дѣйствіе правосудіе. Въ судахъ первые судьи должны бышь избранные , которыхъ избирающъ единогласно испецъ и опѣшчикъ, кои лучше могушь назвашься посредниками. Вторые судьи сушь сельскіе и обласные, раздѣленные по двѣнадцати часшиамъ. При сихъ судьяхъ , шяжущіеся подвергающъ большому наказанію, если они недовольны судомъ первыхъ. Обвиняемый, если будетъ обвиненъ во вшорой разъ, долженъ плащшь пяшую часшь иска. Если кто, жалуясь на сихъ судей, хочеть судишь въ шрешій разъ, то переносишь дѣло въ судъ избранныхъ; обвиненный и здѣсь плащшь половину всего иска. Если обвиняющій, недовольный рѣшеніемъ перваго суда, переходишь во вшорой, и выигрываетъ дѣло; то онъ получаетъ и пяшую часшь иска; а проигравъ, плащшь такую же часшь. Переведя дѣло въ шрешій судъ, недовольные первыми рѣшеніями, обвиняемый, если и здѣсь будетъ обвиненъ, какъ уже сказано, плащшь въ полтора раза больше иска, а обвиняющій половину.

Выборы судовъ, пополненіе ихъ, пошановленіе для каждой власши пошребныхъ служителей, узаконенное для каждаго дѣла

время, подаваніе голосовъ, опсрочка, все прочее опносящееся до судебнаго порядка, первыя и послѣднія рѣшенія, необходимость опвѣщевъ и очныхъ спавовъ, и подобное сему были предметами нашей бесѣды: хорошо и справедливо говоришь о нихъ дважды, трижды. Всѣ маловажные и легкіе случаи, опущенные спарымъ законодашелемъ, должны дошолнишь молодой. Часшныя судилища пшнимъ образомъ могутъ получишь швердое основание; народныя же и общеспвенныя, сообразуясь съ кошорыми, каждая власшь должна исправляшь дѣла свои, во многихъ родахъ получили опв мудрыхъ мужей прочныя послановленія. Опшолъ законодатель должны заимспвовашъ нужное для новаго градоуспроенія; должны соображашъ, исправляшь, повѣряшь опышомъ, и когда опспавяшь все на швердую почву, тогда окончивъ и запечашлѣвъ неразрѣшимою печашію всѣ послановленія, будуще поступашъ по нимъ во все послѣдующее время. Мы уже говорили и еще нѣчто скажемъ о скромности судей, о добромъ ихъ имени, равно какъ и о шѣхъ препяшспвіяхъ, кои въ другихъ государспвахъ подавляютъ все справедливое, доброе и прекрасное, въ познаніи коихъ напередъ долженъ ушвердисься всякой пригошпвляющійся къ званію судьи, всегда имѣя ихъ предъ глазами и научаясь имъ извѣшенія. Главнѣйшія науки для

того, чтобы учащагося содѣлашь лучшимъ, сушь законы; и мудрыя законы всегда могутъ и должны имѣшь сѣ божественное дѣйствіе, или разумъ долженъ сперешъ съ нихъ сѣ великое, чудное названіе; всѣ похвалы и порицанія, кои мы читаемъ въ спихошвореніяхъ, или въ прозѣ; все, что находишь въ книгахъ, или что говоришь въ ежедневныхъ бесѣдахъ, иногда изъ любви къ спору, иногда изъ пусшой словоохотливости, — все сѣ имѣешь свой необманчивый осѣлокъ въ сочиненіяхъ законодателя. Съ ними добрый судья владѣешь прошиводнымъ средствомъ прошивъ всѣхъ словъ, къ исправленію себя и города. Добродѣтельнымъ они подають швердосшь и преспѣаніе въ справедливости, а порочнымъ пригошворяють излѣченіе ошъ невѣжества, ошъ необузданности, ошъ малодушія, и вообще ошъ всякой несправедливости, ежели въ нихъ не слишкомъ закоренѣли худыя мнѣнія: а въ комъ сѣ мнѣнія неизлѣчимы, для шѣхъ изцѣленіемъ служишь смершь. Судьи и начальники ихъ, подвергая зараженныхъ сему справедливому наказанію, какъ уже часшо было повшорено, достойно приобрѣтають похвалу во всемъ городѣ.

Когда годичныя суды полагають конецъ всѣмъ суднымъ дѣламъ; шо еще оспаешся имъ исполнишь сѣ законы: во первыхъ судебная власшь должна опдать выигры-

вшему дѣло всѣ деньги обвиненнаго за исклю-
ченіемъ необходимаго, по прочтеніи глаша-
шаемъ самаго приговора въ присушствіи
судей. При насупленіи перваго мѣсяца изъ
слѣдующаго судебного года, если проси-
пель еще неудовлешворенъ; по начальство
вступаясь за него, принуждаемъ обвинен-
наго къ удовлетворенію. И если недоспаетъ
хотя одной драхмы, онъ не имѣетъ права
судиться ни съ кѣмъ, доколѣ не уплатитъ
сполна всего просипелю; но другіе всѣ между
пѣмъ могутъ призывашъ его къ суду. Если
обвиненный опровергаетъ рѣшеніе судей; по
они приводятъ его въ судилище законоблю-
спипелей; обвиненный въ семъ судѣ, какъ
нарушилъ общеспвеннаго блага и преспу-
пникъ законовъ, наказываемся смертію.

Мужу, подѣ кровомъ законовъ родившему-
ся, воспипанному, производшему дѣшей, во-
спипавшему ихъ, чеспно исполнявшему свои
сношенія, защищавшемуся правосудіемъ про-
шивъ обидѣ, спрогоспію его удерживаемо-
му ошъ оскорбленія другихъ, и соспарѣвше-
муся, по неизбѣжному року, наконецъ предле-
житъ ешеспвенная смершь. Умершему, какъ
мущинѣ, такъ и женщиѣ отдаются послѣд-
нія приличныя почести, и долъ какъ подзем-
нымъ, такъ и выпреннимъ богамъ, по на-
спавленіямъ исполковашелей священи. Клад-
бищемъ ихъ должна бышь спрана не возра-
большываемая; и могилы ихъ ни малы, ни вс-

лики. Хоронишь ихъ шамъ, гдѣ земля можетъ бытъ способна только для сего употребленія, и безъ вреда живущимъ можетъ скрывать въ нѣдрахъ своихъ прахъ усопшихъ. Но шамъ, гдѣ она, какъ мать, всегда готова приносить пищу чадамъ своимъ, ни живой ни мершвой, никакъ не долженъ лишать насъ даровъ ея. Насытъ должна бытъ не выше пакой, какую могутъ сдѣлать пять человѣкъ въ печеніи пяти дней. Надгробные камни паковы, чшобъ вмѣстѣ надпись умершему изъ чепырехъ героическихъ спиховъ. Выносъ долженъ бытъ не поздне шого времени, въ которое можно оплечишь обмершаго опъ дѣйствительнѣе умершаго. Сообразно съ человѣческой природою онъ долженъ совершиться на прешій день. Во всѣхъ случаяхъ надлежитъ вѣрнѣе законодателью, особенно въ томъ, чшо душа совершенно оплчна опъ шѣла. И въ самой жизни дѣйствующее въ каждомъ изъ насъ есть не чшо иное, какъ душа, а шѣло какъ призракъ только сопутствующій намъ; и по смерши своей шѣло справедливо можно назвать призракомъ. Но сущій каждый изъ насъ дѣйствительнѣе бессмертенъ; наша, такъ называемая, душа опходитъ къ другимъ Богамъ воздашь опчель, какъ говоритъ опечешвенный законъ. Добрая душа воздашь опчель дерзновенный, а порочная весьма спрацный. Умершему опъ насъ мало помощи. Живому должны помогать

всѣ ближніе, чпобѣ онѣ жилѣ въ правопѣ и преподобіи, и по смерпи, въшой жизни не причаспенѣ былѣ муки за злыя свои согрѣшенія. По сему не будемѣ въ гореспи распочашѣ дома своего, будшо онѣ не шаковѣ же, какѣ и сія похороняемая масса шѣла. Сопровождаѣ въ могилу любезнѣйшихѣ своихѣ, сына, брата, или друга, вспомнимѣ, чшо они полько переходяшѣ, исполняюшѣ чреду свою. Но будемѣ благоразумны, умѣреннымы жершвуѣ, уже бездушному храму почившимѣ. Законодашель, ненарушѣя приличія, кажешѣся, шакѣ можешѣ назначишѣ умѣренное. Вошѣ законѣ: изѣ высшаго класса упоцрѣбляшѣ на все погребеніе не болѣе пяши минѣ; изѣ вшораго шри, изѣ шрешьяго двѣ. Для чешвершаго довольно одной. Законоблюспишели, имѣѣя и другія многія обязанности и попеченія, не менѣе шого должны пещисѣ о дѣтяхѣ, и о всякомѣ возрастѣ; при кончинѣ всякаго гражданина одинѣ изѣ закоблюспишелей, кошораго изберушѣ домашніе умершаго, дѣлаешѣя распорядишелемѣ; и кѣ похвадѣ его служашѣ приличныѣ и умѣренныѣ почеспи умершему, а неприличныѣ кѣ его безславію. Выносѣ и все прочее совершаешѣся по закону, кѣ кошорому должно прибавишѣ и сіе, чшо плакашѣ по умершему ни запрещашѣ, ни приказывашѣ не прилично. Но запрещашѣся плакашѣ и рыдашѣ внѣ дома, неспи умершаго онякрышо по улицѣ, производишѣ на пуши

вопли и выносите его за городъ до зари. Сіе да будетъ закономъ для всѣхъ; повинующійся ему, свободенъ отъ наказанія; а не повинующійся одному изъ законноблоспешителей отъ всѣхъ подвергается общему наказанію. О прочихъ родахъ погребенія или о недоспойныхъ онаго, какъ шо обь опцеубійцахъ, свяшопашцахъ уже прежде положены законы, и законодательство наше почти приходило къ концу. Но сдѣлайте что нибудь еще не значило положили конецъ всему, и поспрошите еще не значило поселили. Если мы обезпечимъ навсегда сословіе рожденнаго: тогда по справедливости можемъ думать, что сдѣлали все, что сдѣлать надлежало: а безъ ешаго цѣлов еще не совершено.

Кл. Сказано справедливо. Но скажи яснѣе, къ чему епо клонитесь?

Аѳ. Клиній, много хорошаго прежде было сказано. Не просите между прочимъ и названія Паркѣ.

Кл. Какія же?

Аѳ. Лахезисѣ, раздавательница жребіевѣ, первая; Клоѳо, прядущая, вторая; Апроносѣ, непреклонная, третья, кошорая должна утвердить слова наши подобно веществамъ на огнѣ сливающимся и приобретающимъ неразрѣшимую силу; и Государство не только должно приготовить здоровье и швердосць шѣламъ, но

производишь благоуспройство въ душахъ, и особенно доспавишь прочность законамъ. Въ нашихъ законахъ кажешся еще недоспавишь сего, какимъ образомъ они могушь получишь еспешивеннымъ образомъ неразрѣшимую силу.

Кл. Не маловажно сказаешь, какимъ образомъ можно приобрести сие, въ какомъ бы шо ни было дѣлѣ.

Ае. Впрочемъ возможно, какъ мнѣ кажешся.

Кл. И такъ не кончимъ своего слова безъ шого, чшобы не доспавишь сего преимущества своимъ законамъ. Ибо смѣшнобъ было напрасно шрудишься надъ чѣмъ нибудь, не произведя ничего прочнаго.

Мег. Справедливо совѣшуешь; и я на швоей сторонѣ.

Кл. Ешо хорошо. И такъ какимъ же образомъ наше государшвенное успройство и законы могушь получишь свою прочность?

Ае. Мы сказали, чшо въ городѣ должно бышь собраніе, кошорое соспавляюшь деляшера изъ законоблукшпшпелей, всѣ мужи спарѣйшіе и заслугами украшенныи, пакже пушешешивовавшии съ шѣмъ, чшобъ въ чужиыхъ земляхъ ушлышашъ чшо нибудь полезное для законодашельства; кошорые возврашясь въ свое опешешство, были испшпаны первыми, и пошомъ уже допушены въ собраніе. Сверхъ шого всякой можешъ приво-

дипь сюда юношу не моложе придцаши лѣшѣ, но юношу по природному своему расположенію и по воспитанію доспойнаго предсавишься другимъ; и если онѣ и прочими будетѣ одобренѣ, шо принимашѣ его; а если другіе не одобряшѣ его, шо судѣ ихѣ оспаешѣ шайною для всѣхѣ, и особенно для самаго опверженнаго. Мы сказали, что сіе собраніе должно происходить по ушпру, когда всякой свободенѣ какѣ отѣ частныхѣ своихѣ, такѣ и отѣ общеспвенныхѣ дѣлѣ. Сказали сіе въ предвидущемѣ словѣ.

Кл. Точно такѣ.

Ае. Опять возвращусь къ сему еобранію и скажу, что оно, еслибѣ упошребили его для государшва вмѣсто якоря, имѣя въ виду только общеспвенное благососполніе, можешѣ сохранитѣ все драгоценнѣйшее для насѣ.

Кл. Какимѣ образомѣ?

Ае. Говоря сію испину, намѣ еще пошребно время и шершніе.

Кл. Очень хорошо; дѣлай, какѣ думаешѣ.

Ае. Во всякомѣ дѣлѣ ешѣ свой хранишель, такѣ какѣ для живошнаго ешѣ величайшій хранишель — душа и голова.

Кл. Какимѣ ешо образомѣ? скажи.

Ае. Отѣ доблести зависшѣ сохраненіе каждаго живошнаго. — Въ душѣ ешѣ врожденный умѣ: въ головѣ находипся зрѣніе и

слухъ. Вообще же умъ, соединенный съ опличнѣйшими чувстввами, справедливо можешъ назвашься спасеніемъ всякаго.

Кл. Кажешся шакъ.

Аѳ. Кажешся. Но развѣ умъ, соединенный съ чувстввами, не можешъ бышь спасеніемъ для корабля и въ бурю и въ ясную погоду? Кормчій и мореплаватели, подчиня чувствва свои правишельспвующему уму, не сохраняюшъ ли и себя и всего, что на корабль?

Кл. Такъ.

Аѳ. Для сего не нужно многихъ примѣровъ; предсавимъ себѣ военное искусство и врачевство; какую цѣль имѣюшъ и полководцы и всѣ врачи? — Первые не побѣду ли и власть надъ непріятелями, и не возстановленіе ли здоровья ешь цѣль врачевства?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Врачъ незнающій, что такое ешь въ шѣлѣ здоровье, полководецъ незнающій, что побѣда, и люди подобные симъ, могушъ ли приписывашь себѣ смыслъ въ сихъ предметахъ?

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Что же сказашь о государствѣ? незнающій, къ какой цѣли спремился все государственное устроисво, во первыхъ можешъ ли назвашься справедливымъ начальникомъ? Попомъ можешъ ли онъ спасти что, чего и самой цѣли совершенно не поспигаетъ?

Кл. Какимъ образомъ?

Ае. И шакъ, нажешся, чшобъ успроишь поселеніе какой нибудь сшраны, необходимо должно знашь цѣль гражданскаго успроишсва; пошомъ; какимъ образомъ можно доспигнуть сей цѣли; наконецъ какіе законы и какіе люди ведушь къ ней прямо, или криво. Неудивительно, чшо городъ безъ сихъ пособій въ своихъ пошупкахъ дѣйствувешъ безумно, безсмысленно и на удачу.

Кл. Испинно говоришь.

Ае. Теперь можемъ ли мы сказашь, въ какихъ частяхъ города и въ какихъ поштановленіяхъ находишь доспашочная для сего предоспорожность?

Кл. Не совсѣмъ еще ясно, почщенный. Но если должно угадашь, нажешся, слова швои мѣшашъ на собраніе, кошорое должно за сѣдашь ночью.

Ае. Прекрасно ошгадалъ: но ешо собраніе, какъ показываешъ насшоящее слово, должно обладашь всею добродѣшелію, кошорой начало ешь не поколебашъ на разныхъ основаніяхъ; но всегда взирашь на одно, и къ нему успремляшь все, подобно спрѣламъ.

Кл. Совершенно шакъ.

Ае. Теперь мы не будемъ удивляшьсшому, чшо законы вездѣ шакъ неосновашельны; ешо ошъ шого, чшо въ каждомъ городѣ законодашельсшво имѣешъ свою особенную

цѣль. У однихъ справедливосць ограничивается шѣмъ, чшобъ были правители въ городѣ, все равно добрые или злые; у другихъ единственна цѣль есть — обогащашся, подъ итогъ ли рабства или нѣтъ, все равно; у иныхъ всѣ спремленія обращены къ жизни свободной; иные въ законодательствѣ имѣющъ двоякую цѣль, чшобъ бытъ свободными и деспотами другихъ городовъ; почитающіе себя мудрѣйшими предполагающъ себѣ всѣ цѣли вдругъ, и не могущъ сказать, на какую особенную, единую — они должны взирать.

Кл. Ипакъ почтенный, наше прежнее положеніе справедливо. Мы сказали, чшо всѣ законы у насъ усспремлены къ одной цѣли, и еша цѣль, какъ мы согласились, есть добродѣтель.

Аѳ. Такъ.

Кл. Но добродѣтель мы раздѣлили на чешыре.

Аѳ. Точно такъ.

Кл. Умъ есть главный надъ ними. Съ нимъ должны сообразовашся равно и прочія шри добродѣтели.

Аѳ. Ты прилѣжно внимаешь, слушай и оспальное. Мы сказали, чшо умъ кормчаго, врача и полководца усспремленъ къ одному; шеперь мы оспановились на изслѣдованіи ума полишического. Вопросимъ его какъ чешовѣка: шы же какую цѣль имѣешь? — Для

себя что епо одно, ясно изложенное въ умѣ врача? Ты сколько превосходишь другихъ и не можешь сказать? Не можете ли вы, Клиний и Мегилл, вмѣсто его оповѣщать мнѣ, какъ какъ вы изслѣдовали со мною многіе другіе предметы, что епо одно?

Кл. Ни каимъ образомъ, почтенный.

Ае. Но надобно постараться видѣть его въ чемъ нибудь.

Кл. Въ чемъ же на примѣръ?

Ае. Мы сказали, на примѣръ, что есть чепыре вида добродѣтели; и каждая изъ чепырей имѣетъ свое особое названіе.

Кл. Такъ.

Ае. И всѣ они называются однимъ именемъ; мужество называется добродѣтелію, мудрость добродѣтелію, двѣ прочія также добродѣтелію.

Кл. Точно такъ.

Ае. Различны ли онѣ между собою, и опъ того приняли различныя названія, епо не трудно сказать: но должно ли ихъ назвать однимъ именемъ — добродѣтелію, епо не легко опредѣлить.

Кл. Какимъ образомъ ты говоришь?

Ае. Не трудно объяснить то, о чемъ я говорю. Раздѣлимъ между собою вопросы и оповѣщанія.

Кл. Какимъ образомъ?

Ае. Спроси у меня, почему мы, назвавъ одно имя, добродѣтель, опять раздѣляемъ

ее на два вида, по естѣ мужество и мудрость. Я тебѣ скажу причину. Одно бываетъ въ отношеніи къ страху; самыя живопыныя, и нѣжныя дѣши способны имѣть мужество; оно родится въ душѣ, отъ природы, безъ разсужденія. Но мудрою и умною душа безъ разсужденія никогда бытъ не можетъ. Слѣдовательно мужество и мудрость различны между собою.

Кл. Истину говоришь.

Лѳ. Ипакъ ты слышалъ отъ меня, что онѣ различны, и суть двѣ; а ты мнѣ скажи, почему онѣ одно и тоже. Подумай такъ же и скажи, почему чешыре составляютъ одно. А у меня опять, сказавши что онѣ одно, спроси, какимъ образомъ ихъ чешыре. Попомъ разсмотримъ: зная о какой нибудь вещи, что она имѣетъ и названіе и смыслъ названія, опредѣленіе, нужно ли знать только одно имя ея, не зная смысла, опредѣленія? Или имѣющему понятіе о величинѣ и красотѣ такое невѣжество поспыдно?

Кл. Кажется такъ.

Лѳ. Но законодателью, законоблюстителю, пому, кто добродѣтелю своею выше другихъ и получилъ въ ней пальму побѣды, что важнѣ мужества, скромности, мудрости и правосудія, о коихъ мы теперь говорили?

Кл. Безъ сомнѣнія ничто.

Ае. Ипакъ исполковашели, училели, законодашели, хранишели другихъ, перебующему насшавленія, или увразумленія, или долженспвующему воздавать наказаніе за прешупленія, не должны ли показашь, какую силу имбюшъ пороковъ и добродѣшель, и совершенно обьяснишъ ихъ различіе? Или какой нибудь спранспвующій поешъ, или выдающій себя насшавникомъ юношешсва долженъ имбнь преимущешсво предъ людьми первыми во всякой доблешси? Послѣ шого во всякомъ государствѣ, гдѣ нѣшъ спражей довольно сильныхъ словомъ и дѣломъ, гдѣ нѣшъ спражей разумбующихъ добродѣшель, не удивителшно видѣшъ шѣжъ недосшашки, какимъ подвержены всѣ нынѣшнія государсшва.

Кл. Ешпо весьма ешешсвенно.

Ае. Чшожъ и намъ ошашешся дѣлашъ? Какимъ образомъ пригошвишъ спражей, которые бы и словомъ и дѣломъ были выше черни въ добродѣшели? Какимъ образомъ нашъ городъ можешъ уподобитшся головѣ и чувшсвамъ мудрыхъ, и заключаешъ въ себѣ шакую же бодрешвенную спражу?

Кл. Чшожъ и какимъ образомъ мы скажемъ чшо нибудь по сему уподобленію?

Ае. Ясно чшо городъ ешъ какъ бы одно шѣло: благороднѣйшіе юноши находясь на спражѣ, какъ бы съ вышины озирающъ весь городъ со всею быспрошою и проничашель-

ностію души. Сіи спражи передають оцущенія свої пам'яті, и служать спарбйшимъ провозвѣстниками всего, что происходить въ городѣ. Спарбйшіе, уподобляясь уму и одаренные основательнымъ, глубокимъ размышленіемъ, составляютъ совѣтъ и съ помощію единомыслящихъ юношей, пекутся о благосостояніи всего города. Такъ ли надлежитъ поступать или иначе? Всѣ ли равно должны быть принимаемы на сіе дѣло, безъ всякаго вниманія къ воспитанію и просвѣщенію ихъ?

Кл. Епо не возможно.

Аѳ. Такъ должно искать просвѣщенія основательнѣйшаго.

Кл. Кажется такъ

Аѳ. Но просвѣщеніе, о которомъ мы говорили, можешь ли здѣсь принести пользу?

Кл. Безъ всякаго сомнѣнія.

Аѳ. Но мы сказали, что всякой совершенный художникъ и спражъ долженъ имѣть способность не только видѣть многое, но также приводить многое къ единому, знать послѣднее, и къ нему приводить все имъ видимое.

Кл. Правильно.

Аѳ. Естли понятіе о чемъ нибудь полнѣе и опредѣленнѣе того, когда ошъ много-различнаго и неравнаго мы можемъ переходить къ единой идеи?

Кл. Можешь быть.

Аѳ. Не можемъ бышь; но дѣйствительно для людей нѣшв другой яснѣйшей меподы.

Кл. Вѣрю шебѣ, почтенный, и согласенъ св побою. Но будемъ говоришь далѣе.

Аѳ. Наши блюспишели божеспвеннаго градоуспройшва должны почно знашь, во первыхъ, чшо происходишь изъ чешырехъ сіе единое, заключающееся въ мужеспвѣ, скромности, правосудіи и мудрости, чшо правильно мы называемъ добродѣтелию. Не оспавимъ своихъ изысканій не рѣшивши, на чшо должно взирашь, на единое ли, или на цѣлое, или на шо и другое, или на чшо нибудь особенное. Иначе можемъ ли мы бышь сильными въ добродѣтели, если даже не умѣемъ сказышь, многоразлична ли она; чешыре ли ихъ, или она одна? Напередъ убѣдимся въ ешомъ сами, а потомъ постѣраемся ввеспи сіе и въ самомъ городѣ. Или лучше совсѣмъ оспавимъ ешо?

Кл. Никакъ не должно оспавляшь сего; справедливость словъ пвоихъ шакъ очевидна. Но какимъ образомъ приспунишь нв ешому?

Аѳ. Не о шомъ говорише, какъ приспунишь, но напередъ согласимся сами между собою, нужно ли ешо или не нужно?

Кл. Весьма нужно, если возможно.

Аѳ. Чшо мы можемъ предспавишь себѣ подобнаго о прекрасномъ и добромъ? То ли, чшо одно и другое заключаешся во множеспвѣ? Или чшо онѣ одно и шже?

Кл. Кажешся необходимо должно представляшь ихъ какъ одно.

Аѳ. Довольно ли только представляшь, и не умѣшь объяснить сего словами, и даже въ епомѣ нѣтъ никакой нужды?

Кл. Какъ можно? Сіе прилично только рабскому уму.

Аѳ. Не поже ли надлежитъ сказать о всемъ, доспойномъ нашего спаранія, что будущіе блюспиптели законовъ должны видѣть испину; должны умѣть исполковашъ ее словомъ, и доказашъ дѣлами что прекрасное оплично отъ неесшеспивеннаго?

Кл. Безъ сомнѣнія.

Аѳ. Но познаніе Бога не естъ ли одинъ изъ прекраснѣйшихъ предмѣшовъ, о копорыхъ мы доселѣ бесѣдовали. Не надлежитъ ли знашь, сколько возможно человеку, о бышій Его и всемогуществѣ; для проспой черни по крайней мѣрѣ столько, сколько говорятъ объ Немъ законы; но въ законоблюспиптели и не принимають того, ишо не приобрѣлъ себѣ полной вѣры въ существо Его; шакого даже не спавишь въ выборѣ наряду съ людьми доблеспными.

Кл. Справедливо, какъ ты говоришь, аѳинаго и слабago въ семъ познаніи исключашъ изъ круга мужей доблеспныхъ.

Аѳ. Мы уже знаемъ, что два доказательства, кои выше были представлены, ведутъ къ вѣрѣ въ Боговъ?

Кл. Какія.

Аѳ. Первое то, что мы сказали о душѣ, что она есть спарѣ и божественнѣ всѣхъ существъ, коихъ движеніе посредствомъ рожденія произвело маперію. Второе, порядкъ въ обращеніи свѣтила небесныхъ, коими движешъ умъ всѣмъ управляющій. Кто смотритъ на сіе не съ холодностію — и не тупыми очами, тошъ никогда не будетъ безбожникомъ, и со всѣмъ прошивное испытываешъ, нежели чего ждешъ грубая чернь, которая думаетъ, что занимающіеся астрономією и другими почными, необходимыми науками, дѣлающія безбожниками; ибо они видятъ, что все происходитъ по закону необходимости, а не по разумному желанію — сдѣлашь добро.

Кл. Какъ же ешо должно бышь?

Аѳ. Теперь, когда бышіе души уже не опвергаешся, бываешъ совсѣмъ прошивное. Умъ поражаешся многими чудесами; шѣ, кои испытывали ближе порядкъ вещей, не имѣютъ сомнѣнія, чтобы шѣла безъ души и безъ разумнѣя могли двигашся съ столь удивительною почностію. Нѣкоторые даже утверждали, что верховный умъ управляетъ всѣми небесными движеніями. Но съ другой стороны сіи же самые философы, забывая, что душа по свойству своему спарѣ шѣла, и думая, что существованіе ея начинаешся съ шѣломъ, такъ сказашь все измѣнили и сами

впали въ величайшія затрудненія. Всѣ тѣла небесныя, представляющіяся ихъ взорамъ, казались имъ камнями, землею и бездушнымъ вещеспвомъ, кошорому приписывали причину гармоніи вселенной. Вошъ чшо произвело столько безбожія, и опшняло у всѣхъ охолу занимапья сими познаніями. Сіе внушило поешамъ оскорбительныя насмѣшки и зашпавило ихъ сравнивать философовъ со псами, наполняющими воздухъ пущымъ лаемъ. Но насмѣшки сіи неосновательны: и шеперь, какъ я сказалъ, мы видимъ совсѣмъ пропивное.

Кл. Какъ ешо?

Ае. Не можешъ имѣть совершеннаго благоговѣнія къ Богамъ шопъ, кшо не убѣдился напередъ, чшо душа шарфе всѣхъ сущесшвъ, производящихъ по закону рожденія; чшо она безсмертна и управляетъ всѣми тѣлами; и во шпорыхъ, какъ мы часшо говорили, чшо въ планешахъ ешь сила вседвигающая. Кшо не занимался науками, пригопоявляющими къ симъ познаніямъ, и посшигши ихъ тѣсное опношеніе съ музыкою, не шарался ввести гармонію между нравшвенноспію и законами; кшо не можешъ опличать предметовъ, могущихъ имѣть опредѣленіе опъ неопредѣленныхъ; кшо не соединяетъ сихъ познаній съ гражданскими добродѣтелями: шопъ недостоинъ управ-

ляпшъ государствомъ, и способенъ шолько быпшъ исполнишелемъ воли разумнѣйшей.

Нашъ долгъ, Мегилъ и Клиній, разсмотрѣшь, не должно ли присоединишь къ предвѣдущимъ послановленіямъ и ношнаго совѣща, изъ правителей совершенныхъ во всѣхъ познаніяхъ, какъ прилично блюстителемъ законовъ и общаго блага. Или мы сдѣлаемъ иначе?

Кл. Какъ не присоединишь, если шолько ешо въ нашей власши?

Аѳ. Но мы всѣ будемъ стараться обшешомъ; я съ охотою берусь помогать вамъ въ семъ предпріятіи. И можешъ быпшъ по опытности своей и по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ сихъ предметахъ, я найду и другихъ, кои будутъ намъ содѣйствовать.

Кл. Иноземець, непремѣнно должно слѣдовать по сему пути, копорой, кажешся, намъ самъ Богъ показываетъ. Но шеперь надлежитъ открытъ средство, какъ привести все ешо въ исполненіе.

Аѳ. Для сего еще не возможно дать закона, прежде нежели все будетъ устроено. Тогда дадутъ его сами правители, имѣющіе на сіе полную власшь. А шеперь все, что мы можемъ для сего сдѣлать, ешь шолько ученіе и частая бесѣда.

Кл. Какъ? Что ты хочешь сказать чрезъ сіе?

Аѳ. Мы начнемъ съ выбора людей, по своему возрасту, по своимъ познаніямъ, по ха-

ракперу и поведенію способныхъ бышь хранителями гоударства. Чпо касается до наукъ, коимъ они должны учисься,—не легко ни изобрѣсть ихъ, ни сдѣлатья ученикомъ изобрѣшателя. При семъ бесполезно опредѣляшь закономъ время, въ какое должно начать и кончить каждую науку; ибо и занимающіеся не могутъ знать точно сего времени, прежде нежели сдѣлаются искусными въ своемъ предметѣ. Ипакъ какъ сіе не сдѣлается яснѣе, сколько бы мы ни говорили, прервемъ нашъ разговоръ: — сія пемноша прежде времени не можешъ разсѣяшься.

Кл. Если шакъ, цо чпожь, оспаешся намъ дѣлать?

Лв. Друзья мои. Игра еще нерѣшена, цо по словицѣ, и побѣда ни на чьей споронѣ. Но если мы хошимъ имѣть или самое число очковъ или близкое къ нему, цо не будемъ шеряць времени. Я раздѣлю съ вами шрудность и опкрою вамъ мысли свои о воспишаніи и учрежденіи, о коморомъ мы говорили. Опасность дѣйшпвительно велика, и другому я не совѣшываю бы подвергашся ей. Тебѣ же, Клиній, совѣштую сдѣлать опышъ; если ты успѣешь дать Магнесіи хорошей образъ правленія, республиканскій илц монархической; цо ты приобрѣшешь безсмертную славу. И какъ бы ни былъ конецъ швого предпріятія; все ты прославишья шакимъ муже-

спивомъ, котораго послѣ себя ни кто другой неможеть имѣть.

Когда будешь успроенъ сей божественный совѣтъ, друзья мои; по ему мы поручимъ охраненіе государства. Тутъ нѣтъ ни какой трудности, и почти всѣ нынѣшніе законодатели въ этомъ согласны. Тогда мы увидимъ въ исполненіи то, что въ семъ разговорѣ рисовалось намъ, какъ во снѣ, когда мы представляли подобіе соединенія главы и разумѣнія. Члены совѣта согласные, просвѣщенные и пошановленные въ срединѣ государства, какъ умъ и чувствва въ головѣ, сдѣлающія вѣрными блюстителями опечесства, какихъ мы не видали въ печеніи жизни своей.

Мед. Послѣ всего что мы слышали любезный Клиній, надлежитъ или опказаться отъ предположеннаго государства, или не опускать сего иностранца, но напрошивъ заставивъ его всѣми средствами и прозьбами намъ содѣйствовать въ семъ предпріятіи.

Кл. Ты говоришь очень справедливо, Мегилъ; я такъ и сдѣлаю; помоги мнѣ съ своей стороны.

Мед. Я тебѣ помогу.

СПИСОКЪ ОСОБАМЪ,

ВЛАГОВОЛИВШИМЪ ПОДПИСАТЬСЯ НА КНИГУ СЮО.

Экз.

ВЪ М О С К В Ъ.

Его Превосходительство Сергѣй Спепановичъ Ланской	1
Его Сіапельство Графъ Александръ Николаевичъ Панинъ	2
Его Сіапельство Князь Владиміръ Михайловичъ Волконской	1
Его Сіапельство Князь Николай Ивановичъ Трубецкой	1
Ея Сіапельство Княгиня Елисавета Сергѣевна Шаховская	1
Ея Превосходительство Каперина Аполлоновна Рахманова	1
Его Превосходительство Григорій Ивановичъ Фишеръ	1
Его Превосходительство Николай Антоновичъ Хлюспинъ	1
Его Высокородіе Николай Васильевичъ Ушаковъ	2
Его Высокородіе Михаилъ Казимировичъ Голынской	1
Его Высокородіе Иванъ Николаевичъ Тюпчевъ	1

Его Высокоблагородіе Матвѣй Никифоровичъ Ивановъ	1
Его Благородіе Дмипрій Пепровичъ Ознобишинъ	1
Его Благородіе Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій	6
Его Благородіе Александръ Ивановичъ Кочелевъ	4
Его Благородіе Михаилъ Степановичъ Ширай	1
Его Благородіе Николай Александровичъ Мильгуновъ	1
Его Благородіе Николай Андрѣевичъ Загряжскій	2
Его Благородіе Михаилъ Пепровичъ Погодинъ	1
Его Благородіе Дмипрій Александровичъ Яковлевъ	1
Его Благородіе Владиміръ Александровичъ Яковлевъ	1
.... Раичъ	1

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
21	29	установила	установили
22	10	изобрели	изобрѣли
24	1	во опомѣ;	во о помѣ,
—	30	пораженія;	пораженіа
25	2	вреднаго	вреднаго
68	5	несправедливая	несправедливая
69	3	скою	свою
77	27	шо есть	шо есть,
99	12	низменнымъ	низменнымъ
116	16	дала	дало
126	7	Правительшво:	Правительшво,
147	9	потребно,	потребно
150	23	объяснишь	объяснишь
169	1	пяшны	пяшный
198	28	даспомѣшву	доспомяшву
206	50	его	Его
220	1	ифиларховъ	и Филарховъ
236	23	упустишь	опустишь
243	31	за недо-	за недоспаш-
265	24	дѣйствіе	дѣйствіе
272	21	въкоторыя	въкоторыхъ.
288	29	предъ ними	предъ нимъ
305	29	чшо	чшо
357	26	опчего	отъ чего
344	10	воздержашься	воздержишся
359	9	одниъ	одниъ.
371	21	и шеперь кажешся	и шеперь, кажешся,
392	15	подлежишь	надлежишь
407	25	сдѣлавшій	сдѣлавшій
408	19	захочишь	захочешь
476	23	худже	худые

1380

